

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОЙ ВОЙНѢ

1831 года.

Изъ записокъ покойнаго **Н. Д. НЕЕЛОВА.**

(Изъ журнала «Военный Сборникъ»).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1878.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОЙ ВОЙНѢ

1831 года.

Изъ записокъ покойнаго Н. Д. НЕЕЛОВА.

(Изъ журнала «Военный Сборникъ»).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. А. Полетики. Литейная, д. № 42.

1878.

ОБЗОРЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ.

Театръ войны обнималъ собою почти всю западную полосу Россіи, лежащую по лѣвому берегу западной Двины, по правому Днѣпра и Царство Польское. Западная полоса Россіи составляла театръ военныхъ дѣйствій резервныхъ армій, а Царство Польское—театръ военныхъ дѣйствій дѣйствующей русской арміи. Первый театръ обнималъ губерніи: Минскую, Виленскую, Гродненскую, Волыпскую, Подольскую и Бѣлостокскую область; второй—всѣ воеводства Царства Польскаго, за исключеніемъ Калишскаго.

Западная полоса Россіи раздѣляется на три пространства, имѣющія отличительный и рѣзкій характеръ между собою. Сѣверное, среднее или Полѣсье, и южное. Сѣверное заключаетъ: Бѣлостокскую область, губернію Виленскую и сѣверную часть губерній: Минской и Гродненской; среднее—южную часть губерній Минской и Гродненской и сѣверную часть губерніи Волынской; и южное—южную часть Волынской губерніи и Каме-нецъ-Подольскую губернію.

Сѣверное пространство представляетъ мѣстоположеніе холмистое, волнообразное, имѣеть множество небольшихъ озеръ, покрыто мѣстами незначительными еловыми и сосновыми лѣсами и перерѣзывается одною рѣкою Вилією съ ея притоками, которая впадаетъ близъ Ковно въ Нѣманъ; грунтъ земли глинисто-песчаный или иловатый; производительность довольно бѣдная, и исключая живописныхъ береговъ Виліи, видъ страны довольно угрюмый. Деревни хотя часты, но разселены по нѣсколькимъ двориковъ. Сборъ хлѣба едва удовлетворяетъ мѣстной потребности, а привозъ его изъ плодороднѣйшихъ губерній Россіи или изъ Царства Польскаго, по немнѣжную хорошихъ водяныхъ сообщеній, сопряженъ съ большими затрудненіями; по недостатку хорошихъ луговъ и пажитей, скота

содержится немного и замѣтенъ большой недостатокъ въ лошадяхъ. Коренные жители—жмудь и литовцы, которыхъ языкъ нисколько не сходенъ ни съ русскимъ, ни съ польскимъ, ни даже ни съ однимъ изъ славянскихъ, составляютъ класъ земледѣльцевъ или крестьянъ. Торговый и промышленный класъ образуютъ евреи, населяющіе города и мѣстечки. Дворянство же переселилось изъ Польши и господствующій между ними языкъ польской. Главный городъ въ этомъ пространствѣ Вильно, бывшій нѣкогда столицю Литвы, за нимъ Гродно, Минскъ, Бѣлостокъ и Ковно. Всѣ другіе города населены евреями и похожи не на города, а на мѣстечки. Главные продольные пути, перерѣзывающіе это пространство, пролегаютъ: 1) отъ Риги и Митавы на Таурогенъ; 2) отъ Динабурга чрезъ Вилькомиръ на Ковно и чрезъ Свинціяны на Вильно и оттуда также въ Ковно и 3) отъ Смоленска: чрезъ Минскъ, къ Брестъ-Литовску и отъ Минска на Гродно. Поперечные пути изъ Вильно въ Минскъ, и изъ Вильно чрезъ Гродно, Бѣлостокъ и Брестъ-Литовскъ. Сверхъ того, находится много второстепенныхъ путей и дорогъ, связывающихъ между собою города, мѣстечки и селевія. Нѣтъ сомнѣнія, что самыми важными операціонными путями могутъ служить пути между Динабургомъ и Ковною, Минскомъ и Брестъ-Литовскомъ, какъ части прямыхъ путей, пролегающихъ отъ Петербурга и Москвы въ Варшаву.

Среднее пространство составляетъ самую низменную часть всей западной полосы Россіи. Рѣка Припеть, протекающая съ запада на востокъ и впадающая въ Днѣпръ выше Кіева, образуетъ со своими многими притоками ряды сплошныхъ болотъ, покрытыхъ лѣсами, отчего и самая страна получила названіе Полѣсья. Грунтъ земли иловатый и мѣстами песчаный; производительность самая бѣдная, населеніе очень незначительно, и всѣ города, мѣстечки и селенія разсѣяны по оазисамъ, которые образуютъ собою небольшие песчаные холмы, лежащіе между необозримыми болотами. Видъ страны еще угрюмѣе и еслибы не судоходство въ весеннюю пору по рѣкѣ Припети и ея притокамъ, то, не смотря на малое населеніе этой страны, жители ея нуждались бы въ собственномъ пропитаніи; скота и лошадей содержится еще менѣе. Народонаселеніе состоитъ изъ тѣхъ же литовцевъ, евреевъ и дворянства. Болѣе замѣчательные города, находящіеся на этомъ пространствѣ: Брестъ-Литовскъ, Пинскъ, Мозырь и крѣпость Бобруйскъ, расположенная на рѣкѣ Березинѣ. Главный продольный путь есть тотъ же путь, проходящій отъ Минска къ Брестъ-Литовску и перерѣзывающій лѣса, такъ называемой, Бѣловѣжской пуши, который оканчивается къ сѣверо-западу отъ Полѣсья. Другихъ продольныхъ путей вовсе нѣтъ. Попе-

речные идутъ изъ Минска чрезъ Бобруйскъ или Несвижъ и Слуцкъ на Мовырь и Овручъ; изъ Пружанъ до Пинска и Ковеля и изъ Брестъ-Литовска до Владиміра. Всѣ пути представляютъ почти непрерывныя дефиле и въ весеннее, осеннее время и при сильныхъ дождяхъ непроходимы. Сообщенія между селеніями, или проселочныя дороги рѣдкі, дурны, и для движенія войскъ почти неудобны; безпрестанныя туманы, дожди и сырой воздухъ дѣлаютъ климатъ Полѣсья очень нездоровымъ.

Напротивъ того, совершенно другую картину представляетъ пространство южное. Воздухъ благоуханный, производительность богатая, мѣстоположеніе холмистое, разнообразное, и стоки рѣкъ, впадающихъ съ правой стороны въ Припеть и рѣки сѣверный и южный Бугъ и Днѣстръ, имѣютъ берега крутые, живописные, лѣсъ не тянется огромными полосами, но образуетъ собою небольшія рощи, разсѣяныя по холмамъ и долинамъ, пажити и луга превосходныя, скотъ содержится въ изобиліи. Судходства по рѣкамъ нѣтъ, но это препятствуетъ только сбывать излишнія произведенія земли, и нѣсколько останавливаетъ промышленность. Селенія часты и обширны. Народонаселеніе велико и состоитъ изъ трехъ сословій, туземныхъ жителей, образующихъ собою классъ земледѣльцевъ, которые составляли прежде племя чисто русское, но, мало по малу, отъ подданства въ продолженіи слишкомъ двухъ сотъ лѣтъ Польшѣ, они приняли и языкъ и обычаи польскіе, и стали исповѣдывать католическую религію и частію сдѣлались униатами. Промышленный или торговый классъ составляютъ евреи. Дворянство переселилось изъ Польши. Болѣе замѣчательные города: Каменецъ-Подольскъ, Житомиръ, Овручъ, Новгородъ и Владиміръ-Волинскій. Главныя продольныя пути проходятъ: изъ Кіева чрезъ Житомиръ, Острогъ, Владиміръ и Устилугъ, и изъ Кіева въ Каменецъ-Подольскъ; поперечныхъ путей множество. Сообщенія между городами и селеніями превосходны.

Изъ этого краткаго обзора западной полосы Россіи можно вывести слѣдующія заключенія въ отношеніи войны Россіи съ Царствомъ Польскимъ: 1) такъ какъ дворянство состоитъ большею частію изъ переселенцевъ изъ Польши, и самое народонаселеніе привыкло уже быть въ подданствѣ за Польшею, и сроднилось съ нею и по языку, и по обычаямъ, и по религіи, то Царство Польское могло быть увѣреннымъ, при благопріятномъ для себя оборотѣ войны, въ присоединеніи къ нему всей западной иолосы Россіи, и потому, для воспрепятствованія этого необходимо надобно было въ продолженіе всей войны постоянно занимать эту полосу достаточнымъ числомъ русскихъ войскъ, чтобы сохранить въ ней спокойствіе; 2) что главныя силы русскихъ войскъ съ большею

быстротою и удобностию для наступательныхъ дѣйствій на Варшаву могли быть сосредоточены въ сѣверномъ пространствѣ, но что устройство основанія дѣйствій арміи на этомъ пространствѣ должно было представлять большія затрудненія по бѣдности страны и по недостатку средствъ для своа въ опредѣленные пункты запасовъ; 3) что при наступательномъ дѣйствіи со стороны поляковъ, имъ было бы выгоднѣе, напротивъ того, двинуть свою армію въ Полѣсье, утвердиться въ немъ и открыть дѣйствія къ сѣверу противъ сосредоточивающихся главныхъ силъ русской арміи и на югъ, противъ войскъ, которыя должны были слѣдовать къ границамъ Царства Польскаго изъ южныхъ губерній, и что Полѣсье, по своей мѣстности, представляло возможность удерживаться съ меньшими силами противъ превосходнѣйшихъ, и 4) что при возстаніи Литвы, Волыни и Подолии, шайки инсургентовъ могли удобно образовываться въ лѣсахъ Полѣсья, и, укрываясь отъ преслѣдованія превосходныхъ силъ, дѣйствовать постоянно наступательно на тылъ русской арміи, вошедшей въ Царство Польское, разорять устроенное ею основаніе дѣйствій, разбивать русскія войска, охраняющія основаніе, по частямъ, грозить на сѣверъ Гроднѣ, Бѣлостоку, Минску и даже Вильнѣ, а на югъ — Житомиру и даже Кіеву.

Царство Польское образуетъ собою почти правильный четырехугольникъ, въ центрѣ котораго находится Варшава, за исключеніемъ Августовскаго воеводства, которое протягивается узкою полоскою къ сѣверу. Царство Польское содержитъ въ себѣ 2,200 квадратныхъ географическихъ миль и до 4.000,000 жителей. Рѣка Висла, одна изъ самыхъ важныхъ рѣкъ въ Царствѣ Польскомъ, протекая съ юга на сѣверо-западъ, разрѣзываетъ его почти на двѣ равныя части, сѣверо-восточную и юго-западную. Висла широка и судоходна во всякое время года по всему своему теченію, начиная отъ города Кракова. Самые замѣчательные ея притоки съ правой стороны: рѣка Вепржа, впадающая верстахъ во ста выше Варшавы, и сѣверный Бугъ, составляющій отъ Устилуга почти до Нура границу Царства Польскаго съ Россією, впадаетъ у Модлина въ тридцати верстахъ ниже Варшавы и разрѣзываетъ отъ Нура сѣверо-восточную часть Царства Польскаго на двѣ части: сѣверную и южную. Главный его притокъ Наревъ, имѣющій свое начало въ Бѣловѣжской пушчѣ, направляется на западъ и потомъ, поворотивъ подъ угломъ на югъ, соединяется у Сіероцка въ тридцати верстахъ отъ Модлина съ Бугомъ; второстепенный притокъ рѣчка Вкра, впадающая также съ правой стороны близъ самаго Модлина. Замѣчательные притоки Вислы съ лѣвой стороны: рѣка Пилица и Баура; первая впадаетъ верстахъ въ пятидесяти выше Варшавы, вторая — верстахъ въ пятидесяти

ниже Варшавы. Рѣка Бугъ и Наревъ отъ Нура и Ломвы судоходны и въ лѣтнее время. Вепржа и Пилица судоходны только въ весеннее время и то для небольшихъ судовъ, а Вкра и Баура вовсе несудоходны. Сверхъ того, болѣе значительныя рѣки изъ находящихся въ Царствѣ Польскомъ: Нѣманъ, составляющая отъ Гродно границу Царства Польскаго, и Прасна, протекающая въ Калишскомъ воеводствѣ.

Климатъ Царства Польскаго умѣренный; грунтъ земли или песчаный, или глинистый. Воеводство Плоцкое въ особенности отличается вязкимъ глинистымъ грунтомъ, растворяющимся при малѣйшихъ дождяхъ. Мѣстоположеніе болѣе ровное, и лишь изрѣдка волнистое; берега рѣкъ круты и живописны. Южная часть вообще живописнѣе сѣверной. Лѣсовъ множество и въ особенности въ воеводствахъ Сѣдлецкомъ и Люблинскомъ. Лѣсъ большею частію хвойный и преимущественно сосновый. Болота находятся мѣстами и не имѣютъ значительнаго протяженія. Не смотря на довольно дурной грунтъ, поля обработаны хорошо, луговъ достаточно, хлѣбъ собирается въ изобиліи и скота содержится много. Селенія часты, но не велики; число помѣщичьихъ мызь очень значительно. Крестьяне въ довольно хорошемъ состояніи. Помѣщики же имѣютъ огромные запасы хлѣба. Главный промыселъ страны составляетъ земледѣліе и овцеводство; торговля остается за евреями. Города красиво выстроены и самыя мѣстечки болѣе чисты и опрятны, нежели въ западныхъ губерніяхъ. Варшава, столица Царства и главный городъ Мазовецкаго воеводства, лежитъ на высокомъ крутомъ лѣвомъ берегу Вислы, имѣетъ 130,000 жителей, прекрасныя и богатыя зданія, окружена предмѣстьями, загородными садами и дачами; противъ Варшавы на правомъ берегу Вислы лежитъ предмостное укрѣпленіе съ форштадтами, называемое Прагою. Изъ городовъ болѣе другихъ замѣчательны, города: Плоцкъ, лежащій на крутомъ правомъ берегу Вислы, верстахъ во 100 отъ Варшавы, Калишъ, Люблинъ, Ломжа, Остроленка, Пултускъ и Ловичъ. Крѣпостей во всемъ Царствѣ Польскомъ находилось только двѣ: Модлинъ и Замосць. Модлинъ лежитъ при сліяніи Буга съ Вислою, цитадель и главная крѣпость расположена на правомъ крутомъ берегу Вислы; цитадель соединена мостами съ предмостными укрѣпленіями, устроенными на лѣвомъ берегу Вислы и на правомъ — выше впаденія Буга. Цитадель построена бастионнымъ фронтомъ и имѣетъ каменную одежду; самая крѣпость также съ бастионами и рavelинами, но каменной одежды не имѣетъ; предмостное укрѣпленіе на лѣвомъ берегу Вислы образуетъ контръ-гардъ, на правомъ — редантъ съ редюитомъ.

Замосць находится въ юго-восточной части Люблинскаго воеводства, окруженъ лѣсами и болотами; самая крѣпость не велика и не сильна, но

болота дѣлають правильную осаду почти невозможною. Шоссе въ 1831 году были проложены: 1) изъ Ковно черезъ Ломжу, Остроленку и Зегржѣ на Варшаву; 2) изъ Брестъ-Литовска чрезъ Сѣдлецъ на Варшаву, и 3) изъ Варшавы чрезъ Сохачево и Ловичъ на Калашъ и чрезъ Радомъ и Кѣльце на Краковъ. Постоянные мосты чрезъ большія рѣки находились: чрезъ Вислу въ Варшавѣ и въ Модлинѣ, чрезъ Наревъ въ Ломжѣ и Остроленкѣ, чрезъ Бугъ въ Зегржѣ и чрезъ Бзуру въ Сохачевѣ. Сверхъ того, Царство Польское перерѣзано по всѣмъ направленіямъ сѣтью большихъ и проселочныхъ дорогъ; всѣ эти дороги въ сухое время года прекрасны, но во время весенней и осенней распутицы, и во время сильныхъ дождей покрываются густымъ слоемъ самой вязкой грязи.

Армія, желающая оборонять Царство Польское со стороны Россіи, если она не заняла прежде Полѣсья, можетъ имѣть слѣдующія оборонительныя линіи:

1) По теченію верхняго Буга отъ Устилуга до Нура и по верхнему теченію Нарева до Ломжи; оборона сѣверной части Августовскаго воеводства невозможна, иначе пришлось бы лѣвое крыло арміи растянуть на значительное разстояніе и при движеніи непріятеля отъ Гродно на Райгородъ, или отъ Бѣлостока на Ломжу оно подверглось бы совершенному отрѣзыванію. Но оставя и Августовское воеводство, эта оборонительная линія невыгодна, войска, занимающія ее, будутъ слишкомъ растянуты и раздѣлены между собою Бугомъ, такъ что при рѣшительномъ и быстромъ наступленіи непріятеля на одно какое либо крыло арміи, если оно будетъ отѣснено или опрокинуто, другое можетъ подвергнуться дѣйствию на тылъ или отрѣзыванію.

2) Отъ Ломжи по нижнему теченію Нарева, по нижнему теченію Буга отъ впаденія въ него Нарева и по Вислѣ до границы Галиціи. Эта линія одна изъ самыхъ сильнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ, не смотря на то, что, обороняясь на ней, предоставляется непріятелю значительное пространство Царства Польскаго. Рѣки, ее образующія, въ бродъ уже ни въ какое время года непроходимы и наведеніе черезъ нихъ мостовъ сопряжено съ большими затрудненіями. Правый берегъ Нарева, начиная нѣсколько ниже Остроленки, почти постоянно командуетъ надъ лѣвымъ, равно и лѣвый берегъ Вислы надъ правымъ отъ Завихвостова почти до Модлина. При занятіи этой линіи, части обороняющейся арміи никогда не могутъ подвергнуться отрѣзыванію; подвозъ продовольственныхъ запасовъ не будетъ представлять ни малѣйшаго затрудненія. Владѣя Модлиномъ, Варшавою и Сіероцкомъ, обороняющаяся армія можетъ на всѣхъ путяхъ предупредить непріятеля. Варшава, какъ столица и городъ, занимающій центръ государства, безъ сомнѣнія, составитъ глав-

ный предмет дѣйствія наступающей непріятельской арміи. Если непріятель будетъ наступать на сѣверную оконечность линіи, то его можно удерживать на Наревѣ и дѣйствовать въ то же время чрезъ Сіероцкъ къ тылу его; если онъ перейдетъ, не смотря на это, на правый берегъ Нарева, то Варшаву совершенно прикроетъ Модлинъ, котораго превосходное стратегическое положеніе дастъ возможность дѣйствовать на обоихъ берегахъ Вислы и Буга, а тактическія выгоды дѣлаютъ оборону его необыкновенно сильною. Если непріятель направитъ главныя свои силы на правый флангъ оборонительной линіи, то это, во-первыхъ, заставитъ его переводить войска, собранныя въ сѣверномъ пространствѣ западной полосы Россіи, фланговымъ маршемъ, и дастъ обороняющемуся возможность предпринять наступательное дѣйствіе по брестъ-литовскому шоссе и разбивать ихъ по частямъ; во-вторыхъ, онъ долженъ будетъ брать Замосць или оставить значительную часть войска для его блокированія; въ-третьихъ, если онъ, вступивъ въ Люблинское воеводство, обратится снова на сѣверъ, чтобы сблизиться съ главнымъ своимъ основаніемъ дѣйствій, то его можно будетъ встрѣтить на рѣкѣ Вепржѣ, и, въ-четвертыхъ, если онъ двинется прямо къ верхней Вислѣ, то, удерживая его одною частью войскъ на переправѣ чрезъ Вислу, съ другою открыть дѣйствія въ тылу его, на транспорты и самое основаніе, что можетъ и совершенно отвлечь его отъ переправы. Если же, наконецъ, непріятель будетъ наступать съ фронта, то его можно удерживать первоначально на рѣкѣ Ливецъ, имѣющей хорошія оборонительныя позиціи, потомъ въ лѣсныхъ дефилеяхъ, черезъ которыя проходятъ шоссе и старая варшавская дорога; потомъ, или дать передъ Прагою сраженіе, или отступить въ Варшаву, и тогда непріятель, не имѣя возможности взять Варшаву съ праваго берега Вислы, долженъ будетъ снова отступить отъ Праги и прибѣгнуть къ маневрированію, чтобы переправиться черезъ Вислу выше или ниже Варшавы. И потому, при занятіи этой оборонительной линіи, для сохраненія за собою наступательной силы, всего будетъ выгоднѣе оставить часть войскъ для обороны праваго берега Нарева, а главныя силы расположить на лѣвомъ берегу Буга за рѣчкою Ливецъ. Это дастъ возможность задержать непріятеля съ фронта, дѣйствовать черезъ Бугъ на его тылъ, если онъ направится къ Остроленкѣ, и предупреждать его вездѣ, если онъ вздумаетъ обходить правое крыло. Если позиція на Ливецѣ будетъ форсирована наступающимъ, или обороняющійся самъ долженъ будетъ оставить ее по какимъ либо причинамъ, онъ тогда отступитъ къ Прагѣ, и для того, чтобы удержать за собою вполнѣ наступательную силу, не переводитъ еще войска на лѣвый берегъ Вислы, но старается удержи.

гаться въ треугольникѣ, образуемомъ: Варшавою, Модлиномъ и Сіероцкомъ. Наполеонъ говорилъ, что кто владѣтъ этими тремя пунктами, тотъ владѣтъ всѣмъ Царствомъ Польскимъ. И дѣйствительно, если бы сильно укрѣпить Сіероцкъ и построить также полевые укрѣпленія, заграждающія проходъ чрезъ лѣсныя дефиле, ведущія отъ Сѣдлеца и Лива къ Прагѣ, расположенную здѣсь армію трудно было бы атаковать и со стороны Сѣдлеца, и еще труднѣе со стороны Пултуска, тогда какъ она можетъ останавливать всѣ покушенія непріятели переправиться чрезъ верхнюю и нижнюю Вислу, дѣйствуя ему во флангъ и тылъ. Если же непріятель овладѣтъ Сіероцкомъ, подступить къ Прагѣ и займетъ правый берегъ Нарева, тогда уже оборонительною линіею будетъ Висла.

3) Висла представляетъ также прекрасную оборонительную линію; наступающая армія можетъ только предпринять чрезъ нее переправу, выше Варшавы и ниже Модлина. Переправа ниже Модлина сопряжена будетъ еще съ большими затрудненіями и наступающій имѣетъ возможность совершить ее только въ двухъ случаяхъ: 1) пожертвовавъ па время своими сообщеніями, потому что войска, находящіяся въ Модлинѣ, откроютъ дѣйствія въ тылъ наступающей арміи, двигающейся къ нижней Вислѣ, и 2) овладѣвъ самымъ Модлиномъ. Но первое можно исполнить только въ такомъ случаѣ, когда Пруссія будетъ находиться въ дружественномъ отношеніи къ наступающей арміи и позволить ей учредить въ своихъ владѣніяхъ временное основаніе дѣйствій; второе требуетъ бѣльшихъ усилій и потерь, и не обѣщаетъ еще вѣрнаго успѣха.

4) Если непріятель, не смотря на всѣ препятствія, противопоставляемыя ему обороняющимся, успѣетъ совершить переправу чрезъ верхнюю или нижнюю Вислу, тогда оборонительными линіями могутъ служить при переправѣ чрезъ верхнюю Вислу—рѣка Пилица, чрезъ нижнюю—рѣка Бзура. Рѣка Пилица довольно широка и представляетъ по лѣвому берегу хорошія оборонительныя позиціи. Рѣка Бзура съ притокомъ ея, болотистою рѣчкою Равкою, представляетъ еще лучшія оборонительныя позиціи; обойти эту линію можно только на Раву, двигаясь при этомъ чрезъ лѣса и болота по дурнымъ и едва проходимымъ дорогамъ, что дастъ обороняющемуся возможность разбивать наступающія войска по частямъ при совершаемомъ ими фланговомъ движеніи.

5) Если будетъ форсирована которая-либо изъ этихъ оборонительныхъ линій, обороняющемуся уже остается защищаться въ самой Варшавѣ и Модлинѣ; но и тогда еще, владѣя этими двумя пунктами, онъ можетъ продолжать обороняться съ успѣхомъ, не ограничиваясь одною

обороною, но безпрестанно переходя съ одного берега Вислы на другой, нападать на отдѣльныя части непріятельской арміи; при этомъ, на сторонѣ обороняющагося будетъ та важная выгода, что наступающая армія будетъ если не вполне отрѣзана, то значительно отдалена отъ основанія своего дѣйствія, и еслибы обороняющійся успѣлъ образовать на этотъ случай значительное число инсургентовъ въ Калишскомъ воеводствѣ и открыть дѣйствія въ тылу наступающаго, а между тѣмъ, удерживалъ его передъ Варшавою, то, не смотря на всѣ предшествовавшіе его успѣхи, армія могла бы быть поставлена въ крайнее положеніе и даже прибѣгнула бы къ отступленію, которое еслибы не повело къ совершенному уничтоженію, то ослабило бы ее и разстроило на столько, что она не скоро бы была въ состояніи предпринять снова наступательныя дѣйствія. Но если, напротивъ, наступающій успѣетъ овладѣть Варшавою и Модлиномъ, — война можетъ считаться вполне оконченною. Обороняющаяся армія, потерявъ опору, немедленно подвергнется разбитію по частямъ.

Армія, предпринимая наступательныя дѣйствія противъ Царства Польскаго, если непріятель не успѣлъ предупредить сборъ ее войскъ въ западной полосѣ Россіи, движеніемъ своимъ въ Полѣсье, должна стараться открыть свои дѣйствія зимою, когда всѣ рѣки, служащія оборонительными линіями непріятелю, покрыты льдомъ и не представляютъ почти никакого препятствія; въ противномъ случаѣ, дѣйствія становаются сложнѣе и успѣхъ затруднителнѣе.

Армія для вступленія въ Царство Польское можетъ принять направленіе троякое: 1) отъ Гродно и Бѣлостока на Ломжу и Анджеево; 2) отъ Брянска и Брестъ-Литовска на Венгровъ и Сѣдецъ, и 3) отъ Влодавы на Раджинъ и отъ Устилуга на Люблинъ. Первое направленіе войскъ хотя предоставляет во власть наступающаго тотчасъ же все Августовское воеводство, но невыгодно тѣмъ, что заключаетъ наступающую армію между такими двумя рѣками, каковы Бугъ и Наревъ; второе ведетъ наступающаго по самому прямому пути къ Варшавѣ, но, представляя на каждомъ шагу дефиле и оборонительныя позиціи, даетъ возможность непріятелю упорно сопротивляться; третье направленіе могло бы быть самымъ выгоднымъ: оно доставило бы средство совершить съ болѣшимъ удобствомъ и быстротою переправу черезъ верхнюю Вислу и начать по лѣвому берегу наступленіе къ Варшавѣ, составляющей главный предметъ дѣйствій; но выборъ операціонной линіи не столько зависитъ въ этомъ случаѣ отъ воли полководца, сколько отъ другихъ обстоятельствъ, имѣющихъ на этотъ выборъ непосредственное вліяніе, а именно: отъ основанія дѣйствій и отъ возможности сосредоточить на извѣстные

пункты большее число войск. Нѣтъ сомнѣнія, что основаніе дѣйствій съ бѣльшею бы выгодною могло быть устроено въ Волинской и Подольской губерніяхъ, нежели въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской и Бѣлостокской области,—первыя, богатыя хлѣбными запасами и лошадьми, и граничащія съ самыми хлѣбородными русскими губерніями, могли бы доставить возможность въ самое короткое время собрать запасы и свезти ихъ въ назначенные пункты, тогда какъ, напротивъ, въ сѣверномъ пространствѣ, бѣдномъ хлѣбомъ и лошадьми, и отдаленномъ на значительное разстояніе отъ хлѣбородныхъ губерній, устроеніе основанія дѣйствій должно было быть сопряжено съ величайшими затрудненіями. Но большая часть пѣхотныхъ корпусовъ расположена на постоянныхъ квартирахъ въ средней полосѣ Россіи, тогда какъ на югѣ Россіи находится одна резервная кавалерія, и сборъ арміи къ границамъ Царства Польскаго, исполняемый съ быстротою, можетъ быть произведенъ: пѣхотныхъ войскъ—въ сѣверное пространство западной полосы и резервной кавалеріи—въ южное пространство. Переводить войска изъ сѣвернаго пространства въ южное значило бы терять время въ бесполезномъ передвиженіи и дать средство непріятелю, перейдя въ наступательное положеніе, разбивать войска, совершающія фланговое движеніе, по частямъ. А потому, основаніе дѣйствій должно обнимать собою всю западную полосу Россіи, и операціонная линія должна была быть двойная, причемъ необходимо для связи войскъ, направляющихся съ сѣвера и съ юга, двинуть часть войскъ и отъ Брестъ-Литовска; но, во всякомъ случаѣ, требуется при этомъ отъ наступающаго быстрота въ дѣйствіяхъ и рѣшительность, иначе обороняющійся, пользуясь центральнымъ своимъ расположеніемъ въ отношеніи раздѣленныхъ силъ противника, можетъ нанести ему пораженіе по частямъ.

Если, такимъ образомъ, главные силы двинутся отъ Гродно и Бѣлостока на Ломжу и Анджеево, то имъ нѣтъ надобности форсировать переправу черезъ Наревъ, иначе онѣ отдѣлятся слишкомъ далеко отъ войскъ, направляющихся отъ Влодавы и Устилуга, дадутъ непріятелю возможность открыть дѣйствія въ свой тылъ и будутъ встрѣчены непріателемъ между Модлиномъ и Сіероцкомъ; поэтому для наступающаго всего выгоднѣе будетъ обратиться на Вышковъ или Брокъ и совершить тамъ переправу на лѣвый берегъ Буга; если непріятель не послѣшитъ отступить при этомъ съ Ливеца, онъ будетъ отрѣзанъ, а если отступить, то надобно будетъ соединиться, или, по крайней мѣрѣ, приблизить къ себѣ войска, дѣйствующія отъ Влодавы и Устилуга, заставить непріятеля принять бой, не допустивъ его до Варшавы, разбить его, штурмовать Прагу и заставить сдаться Варшаву. Но если Варшава будетъ

продолжать упорствовать, и если при этомъ Висла не будетъ покрыта льдомъ, то взятіе Варшавы съ праваго берега невозможно, и война можетъ быть продолжительною. Наступающему надобно будетъ занять Прагу и, расположивъ близъ нея сильный корпусъ войскъ, который не могъ бы быть разбитъ при вылазкѣ изъ Варшавы, прибѣгнуть къ маневрированію и стараться совершить переправу черезъ верхнюю Вислу, форсировать оборонительную лѣвію на Пилицѣ и наступать на Варшаву съ юго-западной стороны, гдѣ она не прикрыта никакими естественными препятствіями, вступить въ бой съ непріятельскою арміею, если она выйдетъ на встрѣчу, разбить ее, или штурмовать Варшаву, если армія станетъ защищаться въ самомъ городѣ, занять Варшаву, войти въ прямую связь съ корпусомъ, стоящимъ у Праги и возстановить свои прямые сообщенія, и тогда скорое окончаніе войны несомнѣнно; останется только овладѣть Модлиномъ.

Если же, напротивъ того, обороняющійся успѣетъ воспрепятствовать переправѣ чрезъ верхнюю Вислу, производимъ съ фронта, или, что еще хуже, разбитіемъ войскъ, оставленныхъ подъ Прагою для охраненія прямыхъ сообщеній, оттянетъ наступающаго на брестъ-литовское шоссе, и отниметъ всякаго покушенія для переправы чрезъ верхнюю Вислу, то окончаніе войны не только еще болѣе замедлится, но и успѣхъ ее для наступающаго останется сомнительнымъ. Ему надобно будетъ повторить или опять то же наступленіе къ Прагѣ, чтобы стараться разбить непріятельскую армію, не допустивъ ее до Варшавы, или начать снова маневрированіе, перемѣнить операционную линію, искать содѣйствія Пруссіи, перейти опять на правый берегъ Буга, форсировать переправу черезъ Наревъ и предпринять движеніе для совершенія переправы черезъ нижнюю Вислу въ Плоцкѣ и даже ниже Плоцка. Ясно, что такой сложный маневръ весьма трудно привести въ исполненіе; обороняющійся или опять можетъ предупредить переправу черезъ Вислу, дѣйствуя съ фронта, или, дѣйствуя на тылъ, отрѣзывая сообщенія съ Россіею и разбивая всѣ части войскъ, оставленныя для прикрытія восточныхъ воеводствъ Царства Польскаго. Но положимъ, что, не смотря на всѣ эти препятствія, армія успѣла бы совершить переправу черезъ нижнюю Вислу и устроила бы временное свое основаніе дѣйствій въ Пруссіи, то и тогда успѣхъ ея былъ бы еще подверженъ сомнѣнію; ей надобно бы было или форсировать оборонительную линію на Баурѣ, или предпринимать обходъ на Раву, и то и другое представляло бы большое затрудненіе и должно было быть сопряжено не только съ значительными потерями, но и съ опасностію,

въ особенности, если бы обороняющійся нашелъ при этомъ средства дѣйствовать частію войскъ изъ Калишскаго воеводства на тылъ наступающей арміи. Но если бы была форсирована и Бзура, тогда наступающая армія приобретаетъ снова большой перевѣсъ надъ обороняющимся, ей останется быстро подступить къ Варшавѣ и овладѣть ею штурмомъ; чего бы не стоилъ этотъ штурмъ, но онъ необходимъ, чтобы не дать возможности обороняющемуся перейти къ какимъ либо новымъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Если Варшава взята, и со взятіемъ ея непріятельская армія еще не уничтожена и война неокончена, первое вниманіе наступающаго должно быть обращено на овладѣніе Модлинымъ; осада его или штурмъ могутъ быть произведены только съ праваго берега Вислы, со стороны главной крѣпости, и во всякомъ случаѣ опять должны быть сопряжены съ значительными потерями, и потому, если нѣтъ надобности спѣшить окончаніемъ войны, и нельзя предполагать, чтобы она снова могла разгорѣться, выгоднѣе ограничиться блокированіемъ, чтобы принудить гарнизонъ сдаться отъ голода. Блокированіе Модлина трудно, но не невозможно. Со взятіемъ Модлина, война можетъ считаться совершенно оконченною, наступающему останется только неумолимо преслѣдовать остатки непріятельской арміи и наносить имъ пораженіе.

I.

Приготовление къ походу и походъ до границы.

Новгородъ.—Корпусный штабъ грендерскаго корпуса.—Холера.—Разставленіе карантинной линіи.—Повѣдка въ Петербургъ.—Слухи о возмущеніи въ Польшѣ.—Представленіе Клейнмихелю.—Возвращеніе въ Новгородъ и выступленіе въ походъ.—Пековъ.—Графъ Шадурскій.—Динабургъ; балъ въ Динабургѣ.—Свенціаны.—Вильно; балъ въ Вильнѣ.—Пустая тревога.—Баронъ Зальца.—Генералъ Полуэктовъ и его штабъ.—Повѣдка въ Гродно.—Главная квартира.—Нейдгартъ.—Толь.—Дибичъ.—Пребываніе въ Гроднѣ.—Бѣлостокъ.—Розенъ.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.—Прибытіе въ Бѣлостокъ главной квартиры и выступленіе за границу.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1829 года меня прикомандировали къ части генеральнаго штаба грендерскаго корпуса и я пріѣхалъ въ Новгородъ. Занятія по службѣ, въ продолженіи зимы, ограничивались черченіемъ плановъ съ 11 часовъ утра до 2 пополудни или дежурствомъ у корпуснаго командира князя Шаховскаго, вмѣсто его адъютантовъ, бывшихъ въ то время въ отпуску. Проведя все свое младенчество и первые годы юности въ деревнѣ, потомъ, при поступленіи на службу, скитаясь по курнымъ избамъ въ старорусскомъ поселеніи, или просиживая по цѣлымъ днямъ въ конерской школѣ за книгою, я въ первый разъ увидѣлъ себя въ городскомъ обществѣ и отдался всѣмъ удовольствіямъ съ полною къ нимъ любовію; старался со всѣми знакомиться, вездѣ быть, и не пропускалъ ни одного бала, ни одного вечера.

Грендерскимъ корпусомъ командовалъ генералъ отъ инфантеріи князь Иванъ Леонтьевичъ Шаховской. Онъ пользовался довѣренностью Государя, общимъ уваженіемъ и любовію своихъ подчиненныхъ. Довольно строгій и взыскательный по службѣ, онъ являлся добрымъ и ласковымъ хозяиномъ у себя дома. Всегда былъ привѣтливъ, внимателенъ; самыя замѣчанія его имѣли болѣе видъ наставленія, совѣта, нежели выговора. Никогда, даже самый выговоръ, не заключалъ въ себѣ ничего оскорбительнаго. Князь не ограждался недоступностію, всякій могъ съ нимъ говорить просто, прямо и откровенно. Любилъ онъ похлопотать, но никогда эти хлопоты не были утомительны для его подчиненныхъ. Онъ цѣнилъ усердіе по службѣ, знаніе дѣла, но цѣнилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, благородный и прямой характеръ, воспитаніе и образованность; старался узнавать каждаго изъ окружающихъ себя самъ, не довѣрялъ много рекомендаціямъ, и умѣлъ каждому отдавать должную справедливость и каждаго держать такъ, какъ онъ того заслуживалъ. Онъ любилъ, чтобы

молодежь собиралась повеселиться у него и былъ доволенъ, если встрѣчалъ насъ въ домахъ хорошихъ своихъ знакомыхъ. Онъ не только интересовался знать, кто какъ и гдѣ проводить время, но какія имѣеть средства для жизни, гдѣ живетъ, и изъ кого состоятъ его родные, словомъ, входилъ во всѣ частныя мелочи и давалъ при этомъ добрые совѣты.

Начальникъ штаба, генераль-маіоръ Владиміръ Осиповичъ Гурко 2-й показывалъ необыкновенное уваженіе къ князю, но, какъ намъ тогда казалось, управлялъ всѣми дѣлами довольно самостоятельно. Держалъ себя гордо, рѣдко награждалъ своею улыбкою или привѣтствіемъ, всегда размѣренъ, всегда строгъ, онъ не былъ при этомъ недоступнымъ, и тотъ, кто имѣлъ уже случай приобрести его вниманіе и расположеніе, пользовался его полною довѣренностью и любовью.

Подполковникъ баронъ Зедделеръ, оберъ-квартирмейстеръ корпуса, былъ человекъ умный, съ прекраснымъ свѣтскимъ и военнымъ образованіемъ, отличался любезными манерами, умѣлъ привязать къ себѣ подчиненныхъ.

Дежурный штабъ-офицеръ, подполковникъ Родіоновъ, былъ человекъ сухой, холодный, довольно исполнительный по службѣ и соразмѣряющій свое обхожденіе съ расположеніемъ въ то время къ тому лицу вышшимъ начальникомъ.

Адъютанты князя, Золотухинъ и Толстой, были добрые ребята, свѣтскіе люди и хорошіе товарищи. Адъютантъ Гурко, подпоручикъ Дайнезе, человекъ и умный, и образованный, зналъ восточные языки, но былъ хитеръ и искателенъ. Старшіе адъютанты, маіоръ Граббе и штабсъ-капитанъ Сунцовъ, подобны были начальнику своему, Родіонову.

Офицеры генеральнаго штаба состояли изъ: штабсъ-капитана Цеймерна, педанта, но человекъ добраго, поручиковъ: Брунова и Розенберга и подпоручика Бенгенстрале. Всѣ они были и добрые товарищи, и хорошіе офицеры; но Розенбергъ превосходилъ ихъ и умомъ, и образованіемъ, и высокимъ благородствомъ своего характера. Прикомандированные къ генеральному штабу были: поручики: Брадке и Печковскій, подпоручики: Петровскій и я.

Лѣто 1830 года я провелъ на сѣмгѣ Вяжицкой слободы, въ восьми верстахъ отъ Новгорода, въ завѣдываніи работами, производившимися въ округѣ полка императора Франца I, и потомъ въ завѣдываніи частью работъ по устройству постоянного лагеря при Княземъ-Дворѣ, которому только что тогда положено было основаніе. По окончаніи лагернаго сбора я былъ произведенъ въ подпоручики и возвратился опять въ Новгородъ. Вскорѣ появленіе холеры заставило учредить карантинныя

линии. Генералъ Гурко, взявъ съ собою Розенберга и Брадке, сдѣлалъ осмотръ мѣстности и учредилъ линію отъ Крестцовъ до нижняго Волхова. По возвращеніи Гурко, отправился Зедделеръ для учрежденія такой же линіи отъ Пскова до устья Шалони, и взялъ Печковского и меня. Мнѣ досталось снять берега Шалони и разставить 3-ю бригаду 3-й гренадерской дивизіи. Не будучи вовсе знакомъ съ глазомѣрною съемкою, я не надѣялся исполнить своего порученія, но подробныя наставленія, данныя Зедделеромъ, пояснили мнѣ дѣло и работою моею остались вполне довольны. По пріѣздѣ въ Новгородъ, мы застали тамъ начальника штаба военныхъ поселеній, генераль-адъютанта Клейнмихеля, присланнаго, по Высочайшему повелѣнію, для общаго расположенія линій, ограждающихъ военное поселеніе. Клейнмихель, разсмотрѣвъ планы и отчеты, представленные генераломъ Гурко, и сравнивъ ихъ съ планами и отчетами полковника Зедделера, отдалъ предпочтеніе послѣднимъ и попросилъ Зедделера, собственно для него, отмѣтить карандашемъ, въ чемъ именно состояли недостатки распоряженій генерала Гурко. Зедделеръ, увлекшись мелочнымъ самолюбіемъ и не взвѣсивъ могущаго произойти отъ этого неудовольствія, принялся дѣлать отмѣтки, не слыхалъ, какъ пріѣхалъ Гурко, и уже замѣтилъ его только тогда, когда Гурко, введенный нарочно Клейнмихелемъ въ кабинетъ, остановился передъ нимъ съ изумленіемъ. Оскорбленный Гурко сдѣлался съ этой минуты врагомъ Зедделера, и это обстоятельство, повидимому ничтожное, оказало впослѣдствіи весьма неблагоприятное вліяніе на первоначальное дѣйствіе гренадерскаго корпуса въ польской кампаніи.

Вскорѣ начали носиться сначала темныя и неопредѣленные слухи о близкой войнѣ съ Франціею, но потомъ эти слухи мало по малу получили болѣе и болѣе вѣроятія. Бельгія рѣшилась отдѣлиться отъ Голландіи, Франція приняла сторону Бельгіи и объявила войну Голландіи, отказывавшейся признать независимость Бельгіи. Россія, какъ по крайней мѣрѣ писали въ то время въ журналахъ и говорили, намѣревалась, по родственнымъ отношеніямъ царствующихъ домовъ, принять сторону Голландіи. Говорили, что русская армія выступитъ въ походъ въ Германію и составитъ изъ корпусовъ: гренадерскаго, 1-го пѣхотнаго, литовскаго и польскаго; что польскій корпусъ будетъ составлять авангардъ, и что для этого онъ уже совершенно приготовленъ къ походу, войска его снабжены всѣми военными запасами въ большомъ изобилии. Полковникъ Зедделеръ, говоря съ нами о разныхъ распоряженіяхъ правительства, находилъ, что хотя польскія войска и хороши, но на нихъ нельзя было много намъ надѣяться, и что правительство приняло совершенно ошибочное правило переводить всѣхъ поляковъ, служившихъ

въ русскихъ войскахъ, въ войска польскія и литовскія. «Два корпуса сформировать изъ однихъ поляковъ, всегда враждебныхъ къ намъ, это значить давать средства Царству Польскому для возстанія, точить на самихъ себя ножи; припомните господа, прибавляя онъ, что это къ добру не поведетъ.»

Слухи о походѣ въ Германію подтверждались; князь Шаховской, когда мы пришли поздравить его съ праздникомъ, шутя совѣтовалъ намъ чинить карандаши и запастись бумагою, прибавя, что скоро, можетъ быть, будетъ работа болѣе серьезная. На другой день были получены изъ гланого штаба подробныя карты Сѣверной Германіи, при предписаніи генералъ-квартирмейстера къ барону Зедделеру, чтобы офицеры генеральнаго штаба старались ознакомиться заблаговременно по картамъ со свойствами главныхъ продольныхъ путей, и черезъ нѣсколько дней получено княземъ Высочайшее повелѣніе, чтобы гг. полковые командиры приготовили къ сдачѣ поселенные и резервные баталіоны командирамъ поселенныхъ баталіоновъ и озаботились бы скорѣйшею постройкою по слѣдующимъ срокамъ одежды и амуниціи для дѣйствующихъ баталіоновъ, приняли бы отъ артилеріи полное количество боевыхъ патроновъ и привели въ порядокъ обозы, для того, чтобы, съ полученіемъ перваго повелѣнія, имѣть возможность сдать въ нѣсколько дней поселенные и резервные баталіоны и выступить въ походъ по назначенію. Мы были въ восторгѣ: идти въ походъ въ Германію, снова война и война съ французами—сколько блестящихъ надеждъ роилось въ душѣ у каждаго! сколько распросовъ у старыхъ офицеровъ, дѣлавшихъ наполеоновскія кампаніи, какою особенною занимательностью дышали тогда ихъ рассказы и какъ много говорили они юному воображенію! Новгородское общество еще болѣе оживилось; военныхъ принимали еще съ большимъ радушіемъ, предвидя съ ними скорую разлуку, и мы проводили время, какъ нельзя пріятнѣе. Въ концѣ ноября мнѣ вздумалось съѣздить въ Петербургъ, чтобы познакомиться съ дядей, жившимъ въ Царскомъ Селѣ, взглянуть на сѣверную столицу и сдѣлать себѣ обмундированіе. Мнѣ дали 28-дневный отпускъ, и я отправился съ поручикомъ Лебле, полковымъ адъютантомъ императора Франца полка. Изъ Ижоры, чтобы избѣгнуть карантина, мы должны были поворотить вправо на Колпино и въѣзжать въ Шлиссельбургскую заставу. День былъ ясный, солнечный; ряды безконечныхъ и роскошныхъ дачъ, Невскій проспектъ со своими громадными зданіями и толпою гуляющихъ, все это произвело на меня самое пріятное впечатлѣніе. Петербургъ казался мнѣ чѣмъ-то волшебнымъ.

Мы остановились близъ углаго дома у Казаискаго собора, гдѣ

жили мои двоюродные братья; квартира ихъ была въ четвертомъ этажѣ, довольно тѣсная, и варобно было взбираться по узкой и грязной лѣстницѣ. Дома я засталъ только старшаго брата; былъ уже вечеръ, мы напились чаю, вышли на Невскій проспектъ и зашли въ кондитерскую Амбіеля. Первая газета, которая попалась мнѣ въ руки, была «Сѣверная Пчела», и первое извѣстіе, которое я прочелъ, было описаніе возмущенія въ Варшавѣ. Я показалъ эту статью брату.

— Да, это уже извѣстно, сказалъ онъ.

— Государь былъ нынче въ разводѣ, началъ одинъ человекъ въ черпомъ щеголеватомъ фракѣ, подсаживаясь ко мнѣ, рассказывалъ самъ объ этомъ возмущеніи и объявилъ гвардіи походъ.

Я было хотѣлъ его распросить, но братъ толкнулъ меня ногою, мы встали и вышли изъ кондитерской.

— Что это вы говорите о такихъ вещахъ въ публичномъ мѣстѣ, замѣтилъ братъ, можетъ быть, это шпионъ.

На другой день я отправился въ штабъ военныхъ поселеній; генераль-маіоръ Насакинъ, оберъ-квартирмейстеръ военныхъ поселеній, принялъ меня тотчасъ же и приказалъ поспѣшить явиться къ Клейнмихелю. Въ приемной Петра Андреевича ожидали его выхода человекъ десять офицеровъ и нѣсколько чиновниковъ. Вышелъ Клейнмихель и подошелъ прямо ко мнѣ.

— А! здравствуйте! зачѣмъ вы здѣсь?

— Въ отпуску на 28 дней.

— Нельзя, любезный Нееловъ. Вашъ корпусъ выступаетъ на дняхъ въ походъ, вы должны находиться при полку, отпуски запрещены.

— Я состою при штабѣ, какъ извѣстно вашему превосходительству.

— Тѣмъ болѣе, тамъ теперь много работы и вы необходимы.

— Но мнѣ крайняя нужда.

— Извольте, на двѣ недѣли.

Потомъ онъ обратился къ другимъ офицерамъ, и тѣ, которые приѣхали на два и на три мѣсяца въ отпускъ, получили разрѣшеніе пробыть не болѣе пяти дней, не смотря на всѣ ихъ просьбы.

Черезъ два дня приѣхалъ въ Петербургъ Зедделеръ, и я узналъ отъ него, что прикомандированные офицеры будутъ назначены помощниками дивизионныхъ квартирмейстеровъ, что на мѣсто штабсъ-капитана Цеймерпа, который останется въ поселеніи, будетъ назначенъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ капитанъ баронъ Зальца, а я буду состоять при немъ его помощникомъ. Успокоенный съ этой стороны, я поѣхалъ въ Царское Село, пробылъ тамъ дней восемь и возвратился въ Новгородъ.

Это было въ первыхъ числахъ декабря. Многіе полки уже выступили въ походъ. Корпусный штабъ долженъ былъ выѣхать черезъ недѣлю.

Въ Новгородѣ встрѣтили меня довольно неприятными новостями: Гурко рѣшилъ оставить меня въ Новгородѣ при штабѣ поселенныхъ войскъ. Всѣмъ офицерамъ генеральнаго штаба и прикомандированнымъ были уже розданы изъ суммъ корпуснаго штаба на подъемъ деньги. Я рѣшился во что бы то ни стало все это передѣлать и непремѣнно идти въ походъ, если не со штабомъ, то просить возвращенія въ полкъ и отправиться съ полкомъ. Гурко, противъ обыкновенія, принялъ меня довольно сухо и замѣтилъ съ улыбкою, что въ Новгородѣ оставаться покойнѣе и что заслужить вниманіе Зедделера не значить еще быть достойнымъ вниманія. Меня это оскорбило, и я, не зная, что отвѣчать на подобное замѣчаніе, просилъ только его содѣйствія о назначеніи меня въ дѣйствующія войска, и если я не могу оставаться при штабѣ, отправить меня въ подлѣ.

Гурко съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и отвѣчалъ мнѣ нѣсколько мягче, но холодно и отрывисто, что я болѣе принесу пользы, оставаясь при штабѣ поселенныхъ войскъ, нежели даже сдѣлавъ кампанію, какъ фронтовой офицеръ, и что въ штабѣ нѣтъ уже теперь денегъ для выдачи мнѣ вспомоствованія, необходимаго для похода.

Я замѣтилъ, что хотя я и не имѣю денегъ, но согласенъ обойтись безъ всякаго вспомоствованія, и прошу объ одномъ, чтобы мнѣ позволили находиться при дѣйствующихъ войскахъ.

— Это уже кончено, возразилъ Гурко, вы останетесь въ Новгородѣ; князь рѣшилъ и донесено начальнику военныхъ поселеній, графу Толстому.

— Позвольте мнѣ просить князя?

— Какъ хотите, но это не поможетъ, замѣтилъ Гурко, скрываясь за дверь.

Я не зналъ, что дѣлать; всѣ приготавливались къ походу, закупали вещи; одни жалѣли меня, другіе, и въ томъ числѣ Печковскій, подшучивали надъ моимъ положеніемъ. Я, однако же, занялъ у адъютанта Быковскаго 100 рублей, потому что поѣздка въ Петербургъ и обмундировка сдѣлали меня совершенно безъ денегъ, и также тайкомъ и по-немногу готовился. Зедделеръ былъ еще въ Петербургѣ и на него возлагалъ я главную свою надежду. Но время между тѣмъ терять было нельзя; сряду два утра я ходилъ къ князю, ожидая его въ пріемной, но все было безплодно. Князь, думая, что я пришелъ съ Гурко, или привыкнувъ видѣть меня у себя за адъютанта, проходилъ мимо, не обращая на меня вниманія; Гурко также проходилъ мимо, не докладывая

обо мнѣ и не говоря со мною ни слова. На третій день я пошелъ къ князю вечеромъ; онъ и вечеромъ работалъ въ кабинетѣ съ Гурко, но въ приемной готовили чай; вскорѣ вошла въ приемную княгиня съ семействомъ; княгиня встрѣтила меня ласково, пригласила за чайный столикъ, и черезъ минуту вошли князь съ Гурко. Ни тотъ, ни другой не удивились, найдя меня за чайнымъ столомъ, потому что я очень часто бывалъ у князя за-просто. Князь спросилъ у меня, почему я давно у него не обѣдаю, и завялся опять разсужденіемъ о дѣлахъ съ Гурко; я не могъ выбрать ни минуты, чтобы заговорить съ нимъ; наконецъ, онъ всталъ и пошелъ къ кабинету; но я уже вскочилъ, догналъ его и объяснилъ свою просьбу.

— Да, братецъ, жалко, что ты съ нами нейдешь... Владиміръ Осиповичъ, а вѣдь можно бы, почему-жь? онъ молодой человекъ...

— Вы подписали, ваше сіятельство, донесеніе графу.

— Написать другое, что я пашелъ нужнымъ...

— И суммъ нѣтъ въ корпусномъ штабѣ, а безъ денегъ собраться трудно. Я докладывалъ вашему сіятельству, что начальникъ 3-й грендерской дивизіи доноситъ, началъ Гурко, желая замаять этотъ разговоръ.

— Да, да, пойдите же въ кабинетъ, прочтите его донесеніе. Что братецъ, Нееловъ, дѣлать нечего, прибавилъ князь, обращаясь ко мнѣ изъ дверей, радъ бы, да нѣтъ денегъ, а на нѣтъ и суда нѣтъ, и скрылся.

Безпокоить его вновь я не смѣлъ и рѣшился ожидать Зедделера. Зедделеръ пріѣхалъ только за два дня до выступленія штаба. Время, проведенное въ ожиданіи рѣшенія своей участи, было для меня самымъ мучительнымъ. Лишь только Зедделеръ вышелъ изъ саней, я былъ уже у него.

— Людвигъ Ивановичъ! Вы мнѣ дали слово, но меня оставляютъ здѣсь.

— Не тревожьтесь, любезнѣйшій! Вы пойдете съ нами. Зайдите ко мнѣ черезъ два часа.

Я явился черезъ два часа.

— Можете вы идти въ походъ безъ вспомошествованія на подъемъ? спросилъ Зедделеръ.

— Могу.

— Если такъ, хорошо! Вы идете, князь согласенъ. Собирайтесь.

На другой день потребовали меня къ Гурко.

— Ну, любезный, началъ онъ, если вы уже охотитесь идти въ походъ, такъ сослужите же намъ службу, отправляйтесь завтра квартир-

геромъ для занятія квартиръ на станціяхъ корпусному штабу, а по городамъ — квартиръ для меня и для князя.

— Миѣ выдадутъ прогоны, подорожную?

— Нѣтъ, вѣдь вы знаете, что всѣ суммы розданы.

— Но это не вспомошествованіе.

— Знаю, но и прогоны вытребованы только на то число офицеровъ, какое было предназначено прежде.

— Позвольте хоть открытый листъ, иначе я не достану нигдѣ лошадей и за деньги.

— И этого не могу, почтеннѣйшій. Губернаторъ жалуется и безъ того, что много беремъ подводъ, надобно вамъ нанимать по вольной цѣнѣ.

Я не могъ ничего сказать болѣе, такъ было миѣ досадно, и, не раздумывая долго, пошелъ самъ къ губернатору. Губернаторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Демферъ. Я нашелъ его въ губернскомъ правленіи, объяснилъ ему, что ѣду квартиргеромъ корпуснаго штаба, что миѣ необходимъ открытый листъ на пару лошадей; но такъ какъ Владиміръ Осиповичъ совѣстится просить еще открытыхъ листовъ, то я рѣшился просить его самъ лично. Демферъ позвонилъ въ колокольчикъ, вошелъ чиновникъ, и онъ приказалъ ему тотчасъ же выдать миѣ открытый листъ, прибавя: «Я этотъ листъ не поставлю въ счетъ взятыхъ штабомъ подводъ, а вы продиктуйте сами чиновнику, что нужно прописать, чтобы вамъ нигдѣ не было ни малѣйшей задержки».

Вечеромъ я пошелъ откланяться къ Гурко.

— Ну, почтеннѣйшій! какъ же вы ѣдете?

— Съ открытымъ листомъ, я выпросилъ его у губернатора, и этотъ листъ не будетъ поставленъ въ счетъ подводъ, взятыхъ штабомъ.

— И прекрасно! желаю вамъ счастливаго пути; въ Псковѣ увидимся.

Возвратясь на квартиру, я нашелъ у себя одного изъ родственниковъ, Александра Петровича Савурскаго. Онъ принялъ поселенную роту, чтобы имѣть болѣе удобства для жизни, и какъ человекъ семейный, отказывался отъ честолюбивыхъ замысловъ. Мы любили другъ друга искренно; это былъ человекъ и съ умомъ, и съ душою; съ грустію онъ прощался со мною, думая, что я можетъ быть уже не возвращусь болѣе; наше свиданіе дѣйствительно было послѣднее, но я остался живъ, а онъ сдѣлался жертвою бунта поселянъ.

Вечеромъ я обѣхалъ нѣкоторыхъ добрыхъ знакомыхъ, простился съ ними, а на утро перекрестился, сѣлъ въ сани, и съ какимъ-то радостнымъ чувствомъ выѣхалъ въ Псковскую заставу.

Съ штабомъ ѣхалъ только дежурный штабъ-офицеръ и адъютанты

по дежурству; всё другіе отправились прямо въ Псковъ. Съ подполковникомъ Родіоновымъ я сошелся вѣсколко ближе, онъ разсыпался въ похвалахъ мнѣ, и позволилъ, росписатьъ квартиры по ставціямъ, со станціи Боровичъ отправиться также прямо въ Псковъ. Въ Псковѣ я остановился въ гостиницѣ Вельса; туда же вскорѣ пріѣхали и мои товарищи по штабу. По улицамъ безпрестанно звенѣли колокольчики; Псковъ казался и оживленнымъ, и многолюднымъ. Офицеры генеральнаго штаба, назначенные состоять при главной квартирѣ, неслись изъ Петербурга въ Динабургъ, и останавливаясь, большею частью, только въ гостиницѣ Вельса, знакомились съ нами, говорили о предстоящей кампаніи, и всё были одушевлены самыми занимательными мечтами. Въ Псковѣ квартиры для князя, Гурко и всего штаба были уже отведены по распоряженію начальника 3-й гренадерской дивизіи, генералъ-лейтенанта Набокова, и мнѣ оставалось только осмотрѣть ихъ. Квартира полковнику Зедделеру назначена была въ домѣ у губернскаго предводителя дворянства, Яхонтова. Это мнѣ доставило случай съ нимъ познакомиться, и я нашелъ въ немъ человѣка и добраго, и привѣтливаго. 22-го декабря вечеромъ пріѣхалъ въ Псковъ главнокомандующій графъ Дибичъ и, пробывъ въ городѣ часа два, отправился въ Динабургъ. Толпы народа тѣснились на улицѣ передъ его квартирой, и каждый нетерпѣливо желалъ взглянуть на забалканскаго героя, который спѣшилъ на новое поле брани, чтобы увѣнчать себя новыми лаврами. Всѣ имѣли полную вѣру въ его высокія военныя дарованія, и псковитяне, припоминая, что онъ находился въ 1812 году у Витгенштейна, разсказывали другъ другу, что онъ уже и тогда былъ однимъ изъ первыхъ совѣтниковъ Витгенштейна, и что Псковъ обязанъ и ему своимъ спасеніемъ отъ грознаго нашествія французовъ. Что же, видѣли графа? спросилъ я у расходившейся по его отъѣздѣ толпы. «Видѣли, какъ же! Неуклюжій, да маленькій, а голова должно быть».

23-го числа были уже въ Псковѣ князь и Гурко; Гурко встрѣтилъ меня ласковѣе и просилъ 24-го же снова отправиться впередъ. Обывательскія лошади попались мнѣ предурныя, и я выѣхалъ изъ Пскова въ 11 часовъ утра, поспѣлъ въ Островъ только въ 12 часовъ ночи, утомленный и измержшій. Въ Островѣ я едва отыскалъ себѣ квартиру. Мой хозяинъ, купецъ, весьма былъ недоволенъ постоемъ, въ особенности на Рождество, и желая отъ меня избавиться, показалъ мнѣ комнату не топлennую. Какъ мнѣ ни досадна была подобная негостепріимность, но, не видя возможности отыскивать въ такое позднее время новую квартиру, началъ ложиться спать въ холодной комнатѣ, не сказавъ хозяину ни малѣйшаго упрека за его невниманіе. Это казалось его растрогало,

онъ предложилъ мнѣ комнату потеплѣе, а на другой день былъ до того обязательенъ, что далъ лучшую свою комнату и угощалъ меня, чѣмъ только могъ.

Витебская губернія представила для меня картину новую и грустную. Мѣстоположеніе было болѣе волнообразно; между холмами, довольно высокими, частію покрытыми лѣсомъ, виднѣлись обширныя озера; снѣгъ застилалъ поверхность земли самымъ тонкимъ слоемъ; и изъ подъ него высывались огромныя каменья, которыми были устѣяны всѣ поля. Деревни были болѣе бѣдныя и часто состояли изъ дымныхъ лачужекъ съ небольшими двориками. Крестьяне, съ увядлыми и грустными лицами, некрасивые наружностью, прикрытые одними лохмотьями, показывали ясно всю бѣдность этой страны и тяготившую ихъ нищету. Мѣстечки и города были многолюднѣ нашихъ великороссійскихъ городовъ; но вообще отличались нечистотою. Большая часть жителей состояла изъ евреевъ, которые, въ своемъ длинномъ нарядѣ, съ ермолками на головахъ и босикомъ, толкались по улицамъ и суетились, какъ будто заняты какими-то важными хлопотами. Въ городѣ Люценѣ сходились на дневку два полка. Городокъ этотъ бѣдный, нечистый, и потому я былъ въ большемъ затрудненіи отыскать сколько нибудь годныя квартиры для князя и Гурко. Исправникъ предложилъ мнѣ отправиться за шесть верстъ на мызу графа Шадурскаго, увѣряя, что у графа великолѣпный дворецъ, и онъ не откажется принять у себя князя и корпусный штабъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ служить губернскимъ предводителемъ. Я согласился, оставилъ человека въ Люценѣ, и уже вечеромъ поѣхалъ вмѣстѣ съ исправникомъ къ графу Шадурскому. Великолѣпный домъ былъ ярко освѣщенъ, гремѣла музыка, въ окнахъ мелькали танцующія пары, у графа былъ балъ. Исправникъ, вмѣсто того, чтобы идти со мной прямо къ графу, провелъ меня по узенькой и грязной лѣстницѣ въ какую-то контору, и пошелъ доложить графу, оставивъ меня въ конторѣ, какъ будто бы для того, чтобы быть свидѣтелемъ участи бѣдныхъ крестьянъ, принадлежащихъ польскимъ магнатамъ. Графъ пировалъ и веселился, а его прикащикъ отнималъ у нищихъ почти людей послѣдній рубль, пытая ихъ розгами и побоями. Черезъ полчаса возвратился исправникъ и попросилъ меня слѣдовать за собою; мы прошли нѣсколько темныхъ коридоровъ и вступили въ освѣщенныя залы; исправникъ хотѣлъ меня взять подъ руку, чтобы представить графу, но я отказался отъ этой излишней учтивости и пошелъ опять за нимъ. Миновавъ обширныя залы, мы вошли въ большую гостиную, наполненную ломберными столами, за которыми сидѣли играющіе. Въ сторонѣ отъ гостиной была бильярдная и тамъ раздавались удары

кіями, катанье шаровъ и смѣхъ. Мы остановились передъ однимъ изъ столовъ и исправникъ, съ подобострастными и униженными ужимками, показалъ мнѣ на графа Шадурскаго. Это былъ человекъ небольшого роста, съ сѣрыми и тусклыми глазами, худенькій, съ незначительною наружностью и съ надменною миною. При моемъ приближеніи, графъ было привсталъ, но потомъ опять опустился, не пригласивъ меня сѣсть на близъ стоящее незанятое кресло, и, выслушавъ мою просьбу развѣяно, продолжалъ играть.

— Хорошо, сказалъ онъ, обратясь къ исправнику, когда я кончилъ, покажите господину офицеру для его корпуснаго командира и штаба комнаты внизу, тѣ самыя, о которыхъ я вамъ говорилъ.

Съ этимъ словомъ онъ кивнулъ мнѣ небрежно головою и я опять пошелъ за исправникомъ, вполнѣ раздосадованный подобнымъ приѣмомъ.

Мы снова спустились по узкой лѣстницѣ внизъ и долго шли по темнымъ и довольно холоднымъ коридорамъ, освѣщеннымъ только одною свѣчею, которую несъ въ рукахъ исправникъ. Наконецъ, исправникъ отворилъ дверь и ввелъ меня въ двѣ сырыя со сводами комнаты. Мебели въ нихъ не было никакой, исключая кровати, покрытой соломой, и стола изъ простаго дерева.

— Какъ! спросилъ я, — это для корпуснаго командира и всего штаба?

— Да-съ, такъ угодно графу.

— Это безсовѣстно.

— Воля графа-съ — я здѣсь ничего.

— Прекрасно! скажите графу, что я занимаю эти комнаты и буду ожидать здѣсь князя, пусть онъ увидитъ какъ русскихъ генераловъ привимаютъ польскіе магнаты, которые сами занимаютъ мѣста предводителей. Это покажетъ образъ мыслей и духъ здѣшняго дворянства, и, вѣроятно, не останется неизвѣстнымъ Государю.

Исправникъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Какъ же, спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, вы здѣсь останетесь ночевать?

— Да, если вы меня завезли сюда; со мной ничего нѣтъ, теперь одиннадцатый часъ, я усталъ, и лягу здѣсь.

— А какъ же свѣча?

— Развѣ графъ не можетъ пожертвовать и свѣчей?

Исправникъ смѣшался и вышелъ. Я легъ на постелѣ, завернувшись въ шинель и проклиналъ графа.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ снова исправникъ.

— Графъ, сказалъ онъ, просить васъ на верхъ, чтобы перегово- рить . . . .

— Скажите ванему графу, отвѣчалъ я отрывисто, что послѣ его грубаго приема я къ нему не пойду и увѣрите его, что я буду здѣсь непремѣнно ожидать князя.

Исправникъ хотѣлъ меня убѣждать исполнить безпрекословно волю графа, но я ему отвѣтилъ довольно рѣзко; онъ болѣе не настаивалъ, и вышелъ. Явился ко мнѣ, однако же, съ тою же просьбою, ка- валергардскаго полка штабсъ-ротмистръ, но уже предложилъ ее учтиво, въ чемъ-то извиняя графа.

— Скажите, сдѣлайте одолженіе, ротмистръ, возразилъ я ему, вы, вѣроятно, точно также оскорбились бы тѣмъ приемомъ, который былъ мнѣ сдѣланъ графомъ и не пошли бы на моемъ мѣстѣ къ нему; зачѣмъ же совѣтуете идти мнѣ? Я не знаю графа, но думаю, что кто позволяетъ себѣ дѣлать подобныя невѣжливости, тотъ не можетъ имѣть никакого образованія, а кто удѣляетъ изъ великолѣпныхъ своихъ палатъ сырые подвалы, для помѣщенія такихъ заслуженныхъ генераловъ, какъ князь Шаховской, который долженъ пользоваться уваженіемъ всѣхъ русскихъ, тотъ не русскій въ душѣ, и я вижу въ графѣ не соотечественника, но одного изъ числа тѣхъ непріятелей, противъ которыхъ направляется русская армія.

— Это мой родной братъ, замѣтилъ штабсъ-ротмистръ.

— Тѣмъ хуже для васъ, какъ офицера русской гвардіи.

— Простите ему великодушно; это произошло отъ недоразумѣнія.

— Недоразумѣнія быть не могло, возразилъ я; скажите лучше, отъ пренебреженія къ званію генерала, или отъ невниманія къ сло- вамъ русскаго офицера.

— Увѣрю васъ, нѣтъ.

— Я считаю себя оскорбленнымъ графомъ, и не пойду къ нему.

Штабсъ-ротмистръ скрылся, и вскорѣ явился въ сопровожденіи са- маго хозяина дома и исправника; послѣдній выступалъ за графомъ, какъ-то робко дрожа, какъ осиновый листъ.

— Что то есть? началъ графъ, обращаясь къ исправнику. Вы, су- дарь, безтолковы! отвесьте подвалы! развѣ я это приказалъ вамъ сдѣлать?

Исправникъ молчалъ и низко кланялся; я видѣлъ, что это все была комедія, но заранѣе былъ доволенъ ея развязкою.

— Ради Бога, простите меня, сказалъ графъ, подавая мнѣ руку; виновать, крайне виновать, но вините не столько меня, сколько на- шего исправника, это не для васъ комнаты. Вы расположитесь на верху въ моемъ кабинетѣ, а для князя и его штаба весь мой бель-этажъ къ

услугамъ. Это недоразумѣніе, вѣрьте же мнѣ, недоразумѣніе, и потому не помните зла и согласитесь быть моимъ гостемъ на сегодняшнемъ балѣ.

Упрямиться далѣе было бы смѣшно; цѣль моя была достигнута: графъ пришелъ извиниться самъ, и всѣ могли надѣяться получить прекрасное помѣщеніе. Онъ взялъ меня ласково за руку, мы вошли въ танцевальныя залы; онъ представилъ меня нѣкоторымъ почетнымъ дамамъ, ловко, любезно извиняя, что я въ походной формѣ, и я, не смотря на усталость, танцовалъ до трехъ часовъ утра. Балъ былъ самый оживленный. Это была первая моя встрѣча съ польскимъ обществомъ. Дамы, дѣвушки казались мнѣ граціозными и любезными; мужчины нѣсколько надменными. Я былъ въ какомъ-то совершенно новомъ для меня мірѣ: незнакомыя вовсе лица, совершенно иной порядокъ бала, общая непритворная веселость, безконечныя танцы и польскій языкъ, какъ то странно звучащій въ ушахъ, все это казалось мнѣ какимъ-то чуднымъ волшебнымъ сномъ. Разговоръ дамъ и дѣвушекъ я понималъ хорошо, самъ же объяснялся частію по французски, частію коверкая русской языкъ на манеръ польскаго; изъ этого выходила странная смѣсь; меня, однако же, также кажется понимали, нисколько не смѣялись, и ловкія папки съ перваго же вечера начали мнѣ давать уроки въ польскомъ языкѣ. Отужинавъ и переночевавъ у графа, я уѣхалъ отъ него на другой день по утру, разставшись совершенно дружески. Я уже не осматривалъ назначаемыхъ помѣщеній: графъ увѣрялъ, что всѣ будутъ ими довольны. И въ самомъ дѣлѣ, какъ я послѣ узналъ, князь и Гурко проѣхали изъ Пскова прямо въ Динабургъ, но штабъ пировалъ у графа два дня, угощеніямъ не было конца; онъ сдѣлалъ новый балъ и говорилъ обо мнѣ съ необычайною похвалою. А я разсказалъ товарищамъ первый его приѣмъ и мы вмѣстѣ посмѣялись.

Подъѣзжая къ Динабургу и открывъ издали крестъ высокаго его костела, я долго искалъ глазами крѣпости и увидѣлъ ее уже тогда, когда проѣхалъ старый форштатъ и въѣхалъ въ самыя крѣпостныя ворота, гласилъ совершенно прикрываетъ ея стѣны. Динабургъ небольшой, но довольно хорошо обстроенный городокъ; въ крѣпости зданія каменные,

большею частію казенныя; два форштата: старый и новый, первый на двѣ, а второй на три версты отъ крѣпости, имѣютъ чистыя правильныя улицы и красивые деревянные домики. Въ Динабургѣ мнѣ не было надобности осматривать квартиры: онѣ были уже назначены комендантомъ въ казенныхъ зданіяхъ.

31-го декабря, на другой день моего приѣзда, мы отправились въ динабургское собраніе. Зала состояла изъ длинной комнаты, обнесенной по стѣнамъ высокими скамейками, на которыя надобно взбираться по

тремъ ступенькамъ; полъ не былъ устланъ паркетомъ, и для того, чтобы избѣжать пыли, лакеи, по нѣскольکو разъ въ вечеръ, приносили мокрыя простыни, опускали ихъ на полъ, держа за четыре конца и собирали такимъ образомъ пыль. Посѣтителей было много, въ томъ числѣ князь, весь его штабъ и офицеры проходящихъ полковъ. Новый годъ мы встрѣтили въ собраніи. На другой день сдѣлалъ для насъ обѣдъ добрый старичекъ комендантъ генераль-маіоръ Гельвицъ. Въ Динабургѣ мы получили отъ главнокомандующаго новые маршруты, по которымъ движеніе корпуса было нѣскольکو ускорено, дивки назначены черезъ три и четыре дня.

Черезъ станцію отъ Динабурга въѣхалъ я въ губернію Виленскую. Мѣстоположеніе становилось болѣе пріятнымъ, крестьяне казались довольнѣе и не было явныхъ признаковъ той грустной нищеты, которая поразила меня при въѣздѣ въ губернію Витебскую.

Въ Свенціянахъ мнѣ отвели квартиру у еврея, холодную и нечистую, со сквернымъ запахомъ, неразлучнымъ съ жилищемъ евреевъ; вечеромъ, когда подали огонь, я увидѣлъ черезъ улицу въ небольшомъ домикѣ освѣщенную хорошенькую комнату и узнавъ, что тамъ живетъ уѣздный лѣсничій, пошелъ съ нимъ знакомиться, чтобы просидѣть у него вечеръ и не оставаться это время у евреевъ. Онъ привіялъ меня радушно, напоилъ чаемъ и предложилъ купить у него для похода подъ верхъ лошадь. Не зная никакого толку въ лошадяхъ, я положился на его слова, заплатилъ ему сто сорокъ рублей ассигнаціями, не видя лошади, и, оставивъ въ Свенціянахъ челоуѣка, чтобы довести лошадь до Вильны, отправился на другой день въ Вильну и пріѣхалъ туда вередъ вечеромъ 5-го января.

Вильно показала мнѣ прекраснымъ, большимъ и многолюднымъ городомъ. И въ самомъ дѣлѣ, высокія горы, ее окружающія, извивающаяся въ крутыхъ берегахъ Вилейка, дѣлали окрестную мѣстность очень разнообразною. Нѣкоторыя отдѣльныя зданія, занимавшія часть горъ и стройныя пирамидальныя тополи, представившіеся въ первый разъ моимъ глазамъ, придавали много живописности городу. Дома камешные, довольно большіе, красивые, съ множествомъ вывѣсокъ, безпрестанно развѣзжающіе экипажи, напоминали мнѣ нѣскольکو Петербургъ. Вильно казалась мнѣ даже многолюднѣе, а узкія улицы, увеличивавшія въ глазахъ размѣры домовъ, скрывали разницу, существующую въ зданіяхъ двухъ этихъ городовъ. Князь, Гурко и офицеры генеральнаго штаба, обогнавъ штабъ на походѣ, были уже въ Вильно. Въѣхавъ въ большой городъ, я думалъ быть въ большомъ затрудненіи, какимъ образомъ отыскать себѣ квартиру, и узнать, кто гдѣ остановился; но мои опасенія продолжались

недолго. Лишь только я въѣхалъ, какъ къ моимъ саямъ подошелъ еврей и снялъ почтительно ермолку.

— Да позволить панъ узнать фамилію? сказалъ онъ.

— На что тебѣ?

— А може я пану буду пригоденъ. Я факторъ.

Я зналъ уже по рассказамъ, что факторы, которыми изобилуетъ Литва и Польша, народъ преполозный: они все знаютъ, все отыщутъ, служатъ какъ нельзя усерднѣе и довольствуются самою малою платою.

— Нееловъ, отвѣчалъ я ему.

— Панъ при штабѣ.

— Да.

— Угодно пану проводить его на квартиру?

— Куда?

— Пану показана квартира съ Розенбергомъ, Бруновымъ и другими, но если панъ позволить себя проводить, то не бралъ бы уже другого фактора.

Я не мало удивился его свѣдѣніямъ, далъ ему слово имѣть его факторомъ, попросилъ сѣсть на козлы, и онъ привелъ меня на большую улицу къ высокому каменному дому, гдѣ въ четвертомъ этажѣ я нашелъ всѣхъ товарищей и еще одного офицера генеральнаго штаба, поручика Шредера, который былъ назначенъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ 3-й гренадерской дивизіи. Квартира наша состояла изъ трехъ небольшихъ комнатъ, довольно хорошихъ. Въ Вильно мы прожили съ недѣлю и проводили время очень пріятно. Утромъ работали часа по два у Гурко или у Зедделера, потомъ расходились со своими факторами, для того, чтобы осмотрѣть городъ или купить кой-какія вещи; обѣдать собирались въ лучшую ресторацію Милера, играли на биліардѣ, а вечеромъ или отправлялись въ театръ, или въ кандитерскую. Въ Шредерѣ я нашелъ и образованнаго офицера, и хорошаго товарища. Бранке назначенъ былъ адъютантомъ къ князю. Петровскій, управлявшій письменными дѣлами по части генеральнаго штаба и пользовавшійся особенною довѣренностію Зедделера, былъ уже въ меньшей милости. Въ Вильно мы узнали, что Государь разрѣшилъ выдать на вспомошествованіе офицерамъ полугодовое жалованье, фронтовымъ асигнаціями, а тѣмъ, которые обязаны имѣть верховыхъ лошадей, серебромъ; но, по странному повелѣнію главнокомандующаго, офицеры, прикомандированные къ генеральному штабу, хотя должны были дѣлать кампанію верхомъ, получили вспомошествованіе на равнѣ съ фронтовыми. Какъ ни досадно было подобное повелѣніе, но я исполнѣ былъ доволенъ и 250 р. асигн., которые могъ получить въ скоромъ времени. Я купилъ себѣ гусарское

сѣдло, но о вьюкахъ не могъ и думать, потому что едва доставало денегъ на всѣдневные расходы, такъ что я и теперь не могу понять, какъ я, имѣя при выѣздѣ изъ Новгорода 150 р. ассигн. и получивъ въ Динабургѣ третное жалованье, могъ купить лошадь и сѣдло, и доѣхать до Вильно, не отказывая себѣ даже въ удовольствіяхъ. Лошадь мою нашли всѣ крѣпкою и здоровою, но смѣялись, что я на 140 рублевой лошади хочу сдѣлать всю кампанію. Однакожь, оказалось, что моя сѣрелькая лошадка перещеголяла лошадей тысячныхъ и прекрасно отслужила мнѣ всю войну.

Въ Вильно генераль-губернаторомъ былъ генераль-адъютантъ Храповицкій, командовавшій незадолго передъ тѣмъ 3-ю гренадерскою дивизіею. По случаю прибытія штаба гренадерскаго корнуса въ Вильно, онъ приказалъ дать балъ въ залѣ собранія, находящагося въ обширныхъ комнатахъ рестораціи Милера. Говорили, что поляки хотѣли отказать отъ этого бала, но имъ велѣно было пріѣхать — правда ли это — не знаю. Зала была великолѣпная, большой оркестръ музыки помѣщался на хорахъ. Изъ лавровыхъ, померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ была устроена круглая алея; въ срединѣ сидѣли дамы и кругъ предназначался для танцевъ; самая алея для прогулки отдыхающихъ, а за алеєю, по угламъ залы, стояли ломберные столы. Посѣтителей было уже до 500 человекъ, но балъ не открывался, музыка молчала, потому что не пріѣзжалъ еще Храповицкій, который, какъ казалось, ожидалъ съ своей стороны князя. Полуэктовъ, генераль-лейтенантъ и начальникъ 2-й гренадерской дивизіи, давно уже любезничавшій съ дамами, и соскучившійся ожиданіемъ, приказалъ музыкѣ играть и открылъ балъ польскимъ. Вскорѣ явился Храповицкій; Полуэктовъ встрѣтилъ его и объявилъ, что онъ уже распорядился. Храповицкій не севсѣмъ былъ доволенъ, но, сохраняя вѣжливость, ему оставалось только благодарить Полуэктова и извиниться, что онъ самъ опоздалъ. Замѣтивъ потомъ вошедшаго князя въ сопровожденіи Гурко, Полуэктовъ въ нѣсколько шаговъ очутился передъ княземъ, схватилъ его за руку, и какъ князь ни отпѣкивался, ни пытался назадъ съ большею неловкостію, Полуэктовъ уже увлекалъ его по залѣ, ввелъ въ кругъ и представилъ почетнѣйшимъ дамамъ виленскаго общества. Отдѣлавшись отъ Полуэктова и его представлений, князь посидѣлъ скрыться въ алею и прохаживался скромно, уступая первую роль Полуэктову. Балъ былъ изящный, но не вполнѣ оживленный и непродолжительный; по отъѣздѣ князя и Храповицкаго, всѣ сидѣли тотчасъ же развѣхаться.

Ни князь, ни Храповицкій, не довѣрили расположенію виленскихъ

жителей, подозрѣвали какіе-то заговоры, давали наставленіе карауламъ быть осторожнѣе и приказывали намъ имѣть всѣ свои вещи уложенными и при первой тревогѣ являться въ домъ генераль-губернатора. Эти опасенія день ото дня усиливались, и разъ, когда мы собрались по утру въ кандитерскую, прибѣжалъ туда топографъ и подаль записку отъ Зедделера. «Господа, писалъ онъ, будьте готовы, уложите вещи, прикажите осѣдлатъ лошадей и при первомъ ударѣ въ барабаны, спѣшите въ домъ генерала Храповицкаго». Мы бросились на квартиру, приготовились; по улицамъ была какая-то суета, верховые скакали впередъ и назадъ, народъ проходилъ толпами, экипажи неслись быстрѣе. «Что мы будемъ дѣлать, если вспыхнетъ возмущеніе? говорили мы, намъ трудно будетъ добраться до дома Храповицкаго, насъ могутъ захватить въ самой квартирѣ». Мы осматривали всѣ выходы изъ дому и часа три пробыли въ самомъ неприятномъ ожиданіи. Вдругъ раздался стукъ барабана; народъ на улицахъ зашумѣлъ, мы опростетью бросились съ лѣстницы, сѣли верхами, выѣхали за ворота и увидѣли спокойно вступающей въ Вильно одинъ изъ гренадерскихъ полковъ. Со смѣхомъ возвратились мы назадъ, а черезъ полчаса узнали, что вся тревога произошла отъ того, что Храповицкій открылъ у жителей заготовленное оружіе; отправлена была команда забрать его, и оказалось, что все это оружіе состояло: изъ двухъ плохихъ ружей, четырехъ пистолетовъ и двухъ старыхъ сабель. Это оружіе съ триумфомъ принесли къ Храповицкому, и по слѣдствію нашли, что хозяинъ оружія владѣеть имъ уже около десяти лѣтъ и удержалъ его у себя потому, что, будучи больнымъ, не имѣлъ случая читать повелѣнія генераль-губернатора сдать все оружіе въ арсеналъ.

Изъ Вильно 2-я гренадерская дивизія должна была отдѣлиться отъ 1-й и 3-й дивизій, направляемыхъ на Ковно, и слѣдовать въ Гродно, гдѣ находилась главная квартира фельдмаршала; поэтому должность моя квартиргера корпуснаго штаба, съ пріѣздомъ въ Вильно, окончилась; корпусный штабъ оставался при 1-й и 3-й дивизіяхъ, а я, какъ назначенный помощникомъ дивизионнаго квартирмейстера 2-й гренадерской дивизіи, поступилъ въ штабъ дивизионный. Въ Вильно пріѣхалъ и капитанъ баронъ Зальца; онъ служилъ прежде при департаментѣ военныхъ поселеній, находился и на сѣмкахъ, былъ человекъ образованный, умный, привѣтливый, вполне способный, но незнакомый еще вовсе со службою при войскахъ, до крайности лѣнливый и избалованный спокойною петербургскою жизнью. Я заѣхалъ къ нему въ гостиницу; съ первой же минуты познакомился съ нимъ довольно близко, и мы согласились отправиться до Гродно вмѣстѣ. Съ барономъ Зальца

ѣхалъ изъ Петербурга генеральнаго штаба поручикъ Гассингъ, только что переведенный изъ корпуса путей сообщеній, добрый малый и прекрасный товарищъ. Отъ Зальца я поѣхалъ явиться къ Полуэктову, который былъ непосредственнымъ моимъ начальникомъ, потому что я считался въ одномя изъ полковъ его дивизіи. Я слышалъ, что онъ обходится со своимъ штабомъ очень фамиліарно, но никакъ не ожидалъ, чтобы эта фамиліарность могла простираться до такой степени. Въ кабинетѣ его сидѣли въ халатахъ: адъютантъ гвардіи штатсъ-капитанъ Полтарацкій и гевальдигеръ Овцынъ, дивизионный докторъ Кустовъ и подпоручикъ одного со мною полка, товарищъ по школѣ, князь Шаховской, паходящійся на постоянныхъ ординарцахъ у Полуэктова; каждый изъ нихъ говорилъ громко, не обращая никакого вниманія на генерала, который слушалъ сидя за столомъ докладъ и ввязывался порою также въ ихъ разговоръ. Самъ онъ былъ въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ и безъ галстука, а докладывавшій ему старшій адъютантъ, поручикъ Карповъ, хотя въ галстукѣ, но въ халатѣ.

Я явился къ генералу.

— Здорово, золотой мой, садись.

Я сѣлъ.

— Что, золотой, къ намъ? Очень радъ! Нечего братецъ дѣлать въ этомъ корпусномъ штабѣ. Мы живемъ по просту, все вмѣстѣ и работаемъ, и веселимся. Унижаться не унижаемся, да и чваниться не любимъ. Прошу, любезный, если хочешь съ нами быть въ ладахъ, не отдѣляться отъ другихъ. Съ кѣмъ ты поѣдешь до Гродно?

— Я хотѣлъ просить позволенія отправиться впередъ съ барономъ Зальца.

— Съ Богомъ! Господь тебя благословить! Ступай! Да, Зальца, братецъ, намѣренъ поѣхать изъ Гродно въ отпускъ на полторы недѣли, чтобъ взять у своего брата для похода лошадей, такъ ты у меня, смотри, распорядись получше! узнай, какъ полки должны вступать въ Гродно, съ церемоніей, или безъ церемоніи? Куда дивизія направится изъ Гродно? Будетъ ли главнокомандующій ее смотрѣть? и обо всемъ этомъ вышли мнѣ на послѣднюю станцію передъ Гродной записочку. Да не забудь, золотой мой, посмотреть и мнѣ квартирку, много одолжишь.—Прощай же! Дай я тебя перекрещу и поцѣлую.

На разставаньи Зедделеръ сдѣлалъ, для всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба и прикомандированныхъ обѣдъ въ рестораціи Милера: обѣдъ былъ веселый и пріятный. Послѣ обѣда мы отправились все вмѣстѣ смотрѣть весьма замѣчательнаго ученаго пуделя, который складывалъ задаваемые ему слова и дѣлалъ сложеніе и вычитаніе. Когда мы

возвратились на квартиру и начали объ этомъ разсказывать деньщику Брунова, который былъ такъ глупъ, что не умѣлъ сосчитать до двадцати, онъ пришелъ въ такое бѣшенство, что рѣшился непременно убить пуделя, и чтобы онъ не исполнилъ своего намѣренія, надобно было за нимъ присматривать.

Въ Вильно Зедделеръ написалъ для офицеровъ генеральнаго штаба гренадерскаго корпуса и прикомандированныхъ подробную инструкцію ихъ обязанностей во время войны. Эта инструкція была до того хороша, что я могу сказать утвердительно, что она познакомила меня вполне съ своею новою обязанностію и я не встрѣчалъ затрудненія ни въ занятіи позицій, ни въ расположеніи войскъ, ни въ выставленіи аванпостовъ, ни въ рекогносцировкахъ. Все въ ней было и коротко, и ясно. 12-го января передъ вечеромъ, Зальца, Гассингъ и я выѣхали изъ Вильно. При выѣздѣ намъ повстрѣчались похороны. Это, кажется, должно бы было произвести на насъ непріятное впечатлѣніе, но мы приняли за добрый знакъ. Станціи за три до Гродно, догнавъ насъ генераль-маіоръ Насакинъ, назначенный также состоять при дѣйствующей арміи. На станціи не было лошадей; чтобы удовлетворить всѣхъ насъ, недоставало пары. Насакинъ предложилъ Зальца помѣститься съ нимъ въ каретѣ, а я сѣлъ съ Гассингомъ и это было для меня тѣмъ болѣе пріятно, что у меня очень мало оставалось денегъ, а у Зальца занимать на первый разъ не хотѣлось.

Въ Гродно мы пріѣхали передъ вечеромъ. Гродно мнѣ показался и маленькимъ, и дурнымъ городкомъ послѣ Вильно. Главкомандующій и весь его штабъ занимали одноэтажный, довольно обширный дворецъ, или домъ съ двумя флигелями, построенный выступами, образующими впереди дома большой дворъ. Мы остановились противъ этого двора черезъ улицу, передъ двухъ-этажнымъ домомъ, довольно грязнымъ; здѣсь квартировалъ генеральнаго штаба полковникъ Галяминъ, у котораго Зальца хотѣлъ расположиться, обѣщаясь отрекомендовать и меня. Когда мы вошли въ комнаты, похожія больше на сарай, незнакомая еще картина представилась моимъ глазамъ. Вьюки, чемоданы, сѣдлы, платья были разбросаны въ страшномъ безпорядкѣ, не только близъ стѣнъ, но и посреди комнаты. И между всѣмъ этимъ, стояли въ такомъ же безпорядкѣ столы, табуретки, стулья. Деньщики толпились въ дверяхъ; человекъ до двадцати офицеровъ генеральнаго штаба, кто въ сюртукѣ, кто въ архалукѣ, или въ халатѣ, ходили, курили трубки, сидѣли за столами, писали, или лежали на чемоданахъ; говоръ, шумъ, смѣхъ, суетившіеся съ бумагами писаря и топографы, пріѣзжающіе безпрестанно съ аванпостовъ гусарскіе офицеры съ донесеніями и

ва приказаніями, увеличивали еще болѣе царствующій безпорядокъ. Первая сцена, которая меня поразила, это была сцена 20-ти-лѣтняго генеральнаго штаба поручика Кобякова съ гусарскимъ маіоромъ, сѣдымъ, лѣтъ 50-ти; послѣдній стоялъ передъ Кобяковымъ съ почительностію и вытянувшись — «Вѣчные безпорядки!» говорилъ Кобяковъ, съ тономъ строгаго выговора. «Если еще это повторится, вы будете маіоръ подъ арестомъ! Я доложу начальнику главнаго штаба, и тогда не пеняйте. Извольте сейчасъ ѣхать, завтра по-утру я буду снова осматривать ваши аванпосты. Прощайте!».

Маіоръ молча выслушалъ, учтиво поклонился и вышелъ.

Зальца многіе приняли съ восторгомъ; онъ откомендовалъ Гассинга и меня Галямину, и другимъ офицерамъ. Галяминъ, повидимому, игралъ здѣсь роль хозяина и былъ душею этого дисгармоническаго общества; онъ обошелся со мной ласково; болѣе другихъ мнѣ понравились: штабсъ-капитанъ Жеребцовъ и поручикъ Ширковъ. Пили чай и шампанское, играли въ карты, говорили и работали; въ 12 часовъ улеглись спать, какъ попало; а на другой день баронъ Зальцъ явился къ Нейдгарту и Толю. Онъ выпросился въ отпускъ и уѣхалъ, сказавъ мнѣ, что на время его отсутствія я буду занимать его должность и что мнѣ надобно также завтра представиться Нейдгарту, Толю и главнокомандующему. Часть конвертовъ отъ князя была имъ отдана, другая часть, которая должна была быть лично представлена главнокомандующему, осталась у меня. Въ чемъ заключались эти бумаги — не знаю; но князь при отъѣздѣ нашемъ изъ Вильно объяснилъ намъ многія свои распоряженія на словахъ, съ тѣмъ, чтобы мы могли ихъ передать главнокомандующему, если ему будетъ угодно знать нѣкоторыя подробности.

По утру я отправился во дворецъ въ комнаты, занимаемыя генераль-квартирмейстеромъ Нейдгартомъ. Минуть черезъ десять онъ вошелъ въ пріемную. Это былъ человѣкъ небольшого роста, сутуловатый, бѣлокурый, съ небольшою лысиною на головѣ, въ очкахъ, съ умнымъ и озабоченнымъ видомъ, въ генераль-адъютантскомъ сюртукѣ.

Я явился ему. Онъ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ.

— Вы при 2-й гренадерской дивизіи помощникомъ Зальца?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Полковникъ Зедделеръ доноситъ мнѣ, что онъ назначилъ состоять при генеральномъ штабѣ четырехъ офицеровъ, извѣстныхъ ему своими способностями, въ томъ числѣ и васъ. Очень радъ съ вами познакомиться; но полковникъ забылъ, что офицеры могутъ быть только прикомандированы къ генеральному штабу, съ разрѣшенія шефа, то есть,

главнокомандующаго, и онъ долженъ бы былъ просить объ этомъ меня; но, впрочемъ, я увижу. Поидемте къ начальнику главнаго штаба.

Пройдя черезъ нѣсколько комнатъ, мы вошли въ пріемную графа Толя; тамъ ожидали его выхода нѣсколько генераловъ и офицеровъ. Нейдгартъ оставилъ меня въ пріемной, прошелъ въ кабинетъ, и черезъ минуту вышелъ съ графомъ Толемъ.

Графъ Толь былъ средняго роста, полный, румяный, съ гордою осанкою, съ умнымъ и глубокимъ выраженіемъ во взорѣ и съ надменно-ласковою улыбкою на губахъ. Онъ обошелъ посѣтителей, говоря съ каждымъ отрывисто и коротко. Очередь дошла до меня. Нейдгартъ представилъ ему меня. Толь кивнулъ головою. «Хорошо! сказалъ онъ, посмотримъ, мы рады хорошимъ офицерамъ. Главное—быть усерднымъ; стараться понимать свое дѣло и хранить скромность. Офицеру генеральнаго штаба довѣряются многіе секреты, и потому молчаніе и молчаніе, звать все про себя. Да я думаю, Александръ Ивановичъ, что онъ будетъ хорошъ», прибавилъ онъ, обратясь къ Нейдгарту и уходя отъ меня.

Я замѣтилъ Нейдгарту, что имѣю донесенія, которыя приказано княземъ отдать лично главнокомандующему. Нейдгартъ сказалъ Толю.

— Пусть онъ и передастъ ихъ лично! отвѣтилъ Толь отрывисто; черезъ полчаса главнокомандующій принимаетъ.

Я прошелъ черезъ дворъ въ пріемную главнокомандующаго. Представлялось немного. Подождавъ съ часъ, я увидѣлъ въ дверяхъ небольшую фигуру, въ сюртукѣ генеральнаго штаба, съ орденомъ св. Александра ва шеѣ, и никакъ бы не принялъ ее за главнокомандующаго, если бы за нею не шелъ въ почтительномъ отдаленіи Толь. Итакъ, это былъ забалканскій герой графъ Дибичъ, маленькій, на коротенькихъ ножкахъ, сутуловатый, нестройный, съ огромною головою, съ всклокоченными волосами, живой, проворный, вертлявый, глаза бѣгали у него, какъ у кошки; но, всматриваясь въ его лицо внимательнѣе, пока онъ обходилъ другихъ, я замѣтилъ въ его взорѣ и важность, и глубокомыслие, и проницательность.

— Гренадерскаго корпуса подпоручикъ Нееловъ, сказалъ Толь, когда Дибичъ приблизился ко мнѣ.

Я поклонился, и Дибичъ, сдѣлавъ отъ меня шагъ назадъ, также поклонился.

— Имѣть донесеніе отъ князя Шаховскаго къ вашему сіятельству, прибавилъ Толь.

Я молча подаль конверты. Дибичъ взялъ у меня ихъ изъ рукъ и передалъ адъютанту; потомъ, обойдя остальныхъ посѣтителей, вышелъ на средину и остановился передо мною.

— Когда вы изъ Вильно? спросилъ онъ, подходя ко мнѣ скорыми шагами и потомъ опять отодвигаясь назадъ.

— Третьяго дня, ваше сіятельство.

— Что тамъ спокойно? спросилъ онъ, повторяя тотъ же маневръ.

— Покойно, ваше сіятельство.

— Когда князь выѣзжаетъ въ Ковно?

— Сегодняшій день.

— Да, котораго вы полка? я не могу рассмотретьъ вашихъ эполетъ.

— Киевскаго гренадерскаго, ваше сіятельство.

— А! прибавилъ онъ, откланиваясь и уходя.

Вечеромъ, не желая стѣснять собою Галямина, я отыскалъ себѣ небольшую квартиру, и мы съ Гассингомъ остановились вмѣстѣ.

На другой день я пошелъ къ Нейдгарту, чтобы узнать отъ него, какъ должны вступать въ Гродно полки 2-й гренадерской дивизіи и куда они отправятся изъ Гродно. Нейдгартъ принялъ меня ласково и приказалъ взять описаніе порядка вступленія полковъ и маршруты дальнѣйшаго слѣдованія дивизіи къ Бѣлостоку у капитана Иванова. Это былъ капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба, начальникъ 2-го отдѣленія. Онъ принялъ меня грубо и отвѣчалъ, что не имѣетъ времени со мною заняться. Я подождалъ съ часъ и обратился къ нему съ новою просьбою, объясняя, что полки уже начинаютъ вступать послѣ завтра, что эти свѣдѣнія необходимы и что я нынче же долженъ ихъ отправить къ дивизионному начальнику.

— Оставьте меня! возразилъ онъ съ тою же грубостью.

Не видя возможности чего нибудь отъ него добиться, я подошелъ къ Галямину. Галяминъ приказалъ отыскать всѣ нужныя свѣдѣнія и снять съ нихъ копіи; но такъ какъ снятыя копіи должны были быть скрѣплены Ивановымъ, то я опять былъ принужденъ обратиться къ нему.

— Я же вамъ сказалъ, не докучайте мнѣ.

— Подите къ генераль-квартирмейстеру, замѣтилъ Галяминъ, онъ самъ ихъ подпишетъ, когда Ивановъ упрямится.

Не предполагая, что я этимъ поступкомъ сдѣлаю себѣ Иванова врагомъ, и вполнѣдствіи очень опаснымъ, я пошелъ къ Нейдгарту; онъ подписалъ всѣ копіи и я отправилъ ихъ на предпоследнюю станцію къ генералу Полуэктову.

По вступленіи въ Гродно Киевскаго гренадерскаго полка, я получилъ отъ казначея выданное на вспомошествованіе полугодичное жалованье, купилъ за 50 руб. асигн. лошадь для вьюка, вьючное сѣдло и другой чемоданъ, который вмѣстѣ со старымъ чемоданомъ долженъ былъ замѣнить вьюки.

Къ Бѣлостоку сосредоточивался весь 1-й пѣхотный корпусъ; тамъ уже находился гвардейскій отрядъ Цесаревича и тамъ же былъ собранъ и литовскій корпусъ. Заботясь о томъ, какъ должны будутъ размѣститься около Бѣлостока полки 2-й гренадерской дивизіи, я пошелъ къ Нейдгарту, чтобы попросить у него позволенія отправиться въ Бѣлостокъ заблаговременно.

— Хорошо! сказалъ Нейдгартъ, это необходимо. Благодарю васъ, что вы догадались. Вы знаете, что квартиры должны быть самыя тѣсныя, районъ очень небольшой, потому что это на нѣсколько дней. Покажите же мнѣ, какимъ образомъ вы думаете расположить полки, прибавилъ онъ, развертывая передо мною карту окрестностей Бѣлостока.

— Думаю, отвѣчалъ я, что 1-й пѣхотный и литовскій корпуса займутъ квартиры ближе къ границамъ, а гренадеры и гвардейскій отрядъ, какъ войска болѣе резервныя, должны расположиться за ними.

— Именно такъ, тѣмъ болѣе, что ваша дивизія и поступаетъ въ отрядъ Цесаревича; но какимъ образомъ вы ее расположите?

— Карабинеры впереди, гренадеры назади, и я показалъ ему на картѣ примѣрный районъ, который должна будетъ занять дивизія и районы полковъ.

— Совершенно такъ-съ, прекрасно-съ. Галаминъ, прикажите заготовить полковнику Вальховскому предписаніе, чтобы онъ оказалъ Неелову съ своей стороны все нужное содѣйствіе. Когда вы ѣдете?

— Завтра поутру.

— Подождите же; можетъ быть, главнокомандующему угодно будетъ дать какія либо порученія въ Бѣлостокъ.

Нейдгартъ вышелъ, а черезъ нѣсколько минутъ потребовали меня къ главнокомандующему и провели въ его кабинетъ.

Дибичъ сѣлъ за большимъ столомъ на диванѣ; на столѣ лежали кипы бумагъ, а передъ нимъ маршруты гренадерскаго корпуса. Толь и Нейдгартъ стояли въ сторонѣ близъ другаго стола, на которомъ была разложена карта западныхъ губерній Россіи.

— Подите сюда, къ столу! сказалъ главнокомандующій. Князь Шаховской сдѣлалъ перемѣны въ маршрутахъ корпуса?

— Точно такъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ я.

— На какомъ основаніи?

Я обратился къ Нейдгарту, попросилъ у него позволенія взять карту, разложилъ ее передъ главнокомандующимъ и началъ объяснять ему всѣ перемѣны. Дибичъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ.

— А какъ же путевое продовольствіе. Это произойдетъ безпорядокъ! Губерніи на военномъ положеніи, онѣ должны наряжать подводы

для подвоза хлѣба на границу, расчетъ мною сдѣланъ. Какимъ же образомъ обременять ихъ еще? и кто далъ разрѣшеніе?

— Новые пути, отвѣчалъ я, въ близкомъ разстояніи отъ прежнихъ, и избраны съ тою цѣлью, чтобы, не утомляя войска форсированными маршами, сблизить ихъ съ предписанною вашимъ сіятельствомъ скоростью, по параллельнымъ путямъ къ границамъ одновременно.

— Понимаю, но продовольствіе?

— Это частное распоряженіе, ваше сіятельство. Полковые командиры берутъ на себя перевозку провіанта изъ заготовленныхъ магазиновъ на новыя станціи.

— Ваши полковые командиры должно быть и богаты, и усердны; впрочемъ, съ хорошо устроеннымъ обозомъ это и не трудно: Гренадеры во всемъ молоды.

— А въ дѣлѣ еще лучше себя покажутъ, замѣтилъ съ улыбкою Толь.

— Дай Богъ! прервалъ Дибичъ.—Да неужели у васъ, въ самомъ дѣлѣ, во всемъ корпусѣ до Вильно оставлено 50 человекъ больныхъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Но, можетъ быть, много слабыхъ везутся при полкахъ?

— Князь этого не позволяетъ; строго наблюдается, чтобы заболѣвающихъ не держать при полку, и число слабыхъ простиралось только до 90 человекъ при выѣздѣ моемъ изъ Вильно.

— Съ такимъ войскомъ много можно сдѣлать, замѣтилъ Дибичъ, закрывая карту.—А вы что такое? прибавилъ онъ скоро.

Я не понялъ его вопроса и смотрѣлъ, не отвѣчая ни слова.

— То есть, главнокомандующій желаетъ знать, началъ Толь, вы за адъютанта у князя, или....

— Да, да, перебилъ скоро Дибичъ.

— Я прикомандированъ княземъ къ генеральному штабу, но частнымъ образомъ, потому что прикомандировать официально безъ разрѣшенія вашего сіятельства князь не могъ.

— О! если это зависитъ отъ моего разрѣшенія, прервалъ Дибичъ, я радъ имѣть такихъ офицеровъ въ генеральномъ штабѣ. Александръ Ивановичъ, прибавилъ онъ, обратясь къ Нейдгарту, faites ça.

— Полковникъ Зедделеръ просить о прикомандированіи еще трехъ офицеровъ.

— И тѣхъ прикомандируйте. Полковникъ Зедделеръ умѣетъ выбирать, а намъ офицеры нужны. А такъ какъ вы, прибавилъ Дибичъ, обратясь ко мнѣ, умѣете хорошо передавать порученія, то отвезите отъ меня бумаги къ Цесаревичу и скажите ему, что я не отвѣчаю теперь

на его вопросы и не пишу о своих распоряженіяхъ потому, что 23-го января буду въ Бѣлостоку самъ и Его Высочество лично отъ меня узнаеть всѣ мои распоряженія.

— Бумаги получите отъ дежурнаго генерала, прибавилъ Толь.

— До Бѣлостока, пробормоталъ Дибичъ, кланаяся.

И признаюсь, я вышелъ отъ него вполнѣ очарованный его ласкою. Дивиться же тому, что въ гренадерскомъ корпусѣ мало было большихъ, я съ свей стороны не могъ, потому что солдаты ненавидѣли жизни въ Новгородскомъ поселеніи и рвались на войну только для того, чтобы не быть тамъ; многіе даже перемогались, боясь за болѣзнію быть отравленными назадъ въ поселеніе.

20-го января я пріѣхалъ въ Бѣлостокъ; мнѣ отвели небольшую комнату у одного чиновника, который со всею семьею долженъ былъ перебраться за ширмы. Время замѣтно стало теплѣе. Бѣлостокъ маленькій, но очень красивый городокъ; нѣкоторыя улицы усажены были двойными рядами пирамидальныхъ тополей. Великій Князь и его штабъ стояли во дворцѣ, который, вмѣстѣ съ его флигелями и пристройками, составляетъ прекрасное и обширное зданіе.

Оберъ-квартирмейстеромъ литовскаго корпуса былъ полковникъ Ренофанцъ, но его хотѣли удалить, и потому Нейдгартъ адресовалъ меня къ Вальховскому, который уже, по распоряженію корпуснаго командира, занималъ его должность. Я пришелъ въ штабъ, отдалъ Вальховскому предписаніе Нейдгарта, онъ обошелся со мною ласково, предложилъ составить квартирное росписаніе вмѣстѣ съ его офицерами и, выйдя отъ меня на минуту, попросилъ войти къ генералу. Генералъ былъ въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и съ бѣлымъ по воротнику кантомъ, безъ эпюлетъ.

— Вы гренадерскаго корпуса? Неужели вашъ корпусъ близко? началъ генералъ.

— 2-я гренадерская дивизія въ слѣдованіи отъ Гродно къ Бѣлостоку, а 1-я и 3-я на пути отъ Вильно къ Ковно.

— Когда вы выступили?

— Въ началѣ декабря, ваше превосходительство.

— Это удивительно! Вы на крыльяхъ летите. Если будете представляться Цесаревичу, прибавилъ генералъ, поклонясь мнѣ, онъ принимаетъ черезъ часъ.

— Кто это? спросилъ я у Вальховскаго, когда мы вышли въ другую комнату.

— Корпусный командиръ, генералъ-адъютантъ баронъ Розень.

Черезъ четверть часа я пошелъ въ пріемную Цесаревича; у него никого еще не было.

— Вамъ угодно явиться Его Высочеству? спросилъ у меня очень вѣжливо адъютантъ.

— Точно такъ, и передать Его Высочеству порученіе главнокомандующаго.

— А! вы изъ Гродно! замѣтилъ адъютантъ, уходя отъ меня во внутреннія комнаты, а черезъ минуту вышелъ и Его Высочество.

Онъ былъ въ сюртукѣ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, безъ эпюлетъ, съ Георгіемъ 2-й степени на шеѣ; сюртукъ его былъ разстегнутъ. Нависшія брови придавали его лицу суровость, но она нѣсколько смягчалась пріятливою улыбкою.

Онъ подошелъ ко мнѣ молча; я передалъ ему порученіе главнокомандующаго; конверты взялъ у меня адъютантъ, по сдѣланному Его Высочествомъ знаку глазами.

— Вы при главной квартирѣ? спросилъ онъ.

— Прикомандированъ къ главному штабу и состою при 2-й грендерской дивизіи.

— Гдѣ вашъ корпусъ?

Я повторилъ то же, что сказалъ Розену.

— Это невозможно! перервалъ Цесаревичъ съ живостью.

— Смѣю увѣрить Ваше Высочество.

— Какъ въ мѣсяцъ пройти такое разстояніе! Сколько же у васъ осталось больныхъ на дорогѣ?

— До Вильны 50 человѣкъ.

— Въ полку?

— Въ цѣломъ корпусѣ.

— А слабыхъ сколько везутъ за полками?

— До Вильны 90.

— Это просто невозможно! или ваши гренадеры удивительное войско; да, впрочемъ, гренадеры всегда были истинными гренадерами. Зачѣмъ же отдѣлена отъ корпуса ваша дивизія?

— Не умѣю доложить, но она должна поступить въ отрядъ Вашего Высочества.

— А! ко мнѣ, очень радъ! Мнѣ не въ первый разъ знакомиться въ бою съ гренадерами; да только, прибавилъ онъ, задумавшись, не думаю, чтобы намъ пришлось имѣть какое либо дѣло, и не знаю, зачѣмъ собираютъ такъ много войскъ! Стоитъ развернуть русскія знамена, загремѣтъ нашимъ барабанамъ, и Польша снова покорна. Число

мятежниковъ невелико и никогда не сравнится съ числомъ приверженцевъ.

Цесаревичъ на минуту замолчалъ.

Въ это время вошелъ Розень и еще какой-то генераль въ мундирѣ генеральнаго штаба.

— Слышали, господа! Гренадерскій корпусъ прошелъ уже Вильно, а 2-я гренадерская дивизія на пути отъ Гродно къ Бѣлостоку.

— Да, слышалъ, Ваше Высочество, замѣтилъ Розень.

— Это неимовѣрная быстрота, прибавилъ другой генераль.

— И если бы господинъ офицеръ привезъ мнѣ не официальные известія, сказалъ снова Цесаревичъ, я бы просто не повѣрилъ. 2-я гренадерская дивизія поступаетъ въ команду ко мнѣ, прибавилъ онъ, обратясь къ незнакомому генералу, и потому рекомендую вамъ господина офицера, онъ по вашей части.

Генераль подаль мнѣ дружески руку. Это былъ генераль-квартирмейстеръ Его Высочества генераль-маіоръ Данненбургъ.

— Ваша фамилія? спросилъ Цесаревичъ.

— Нееловъ.

— Очень радъ съ вами познакомиться. Прошу, пока будете въ Бѣлостокѣ, обѣдать каждый день у меня, въ сюртукѣ, за-просто. Въ Бѣлостокѣ вы лучше моего обѣда не достанете, я увѣренъ.

— А ко мнѣ ужинать, прибавилъ Розень.

— Кто командуетъ 2-ю гренадерскою дивизіей? спросилъ еще Цесаревичъ.

— Генераль-лейтенантъ Полуэктовъ.

— Помню. Борисъ... Борисъ...

— Владиміровичъ, прибавилъ я.

— Такъ.

— Онъ былъ у меня баталіоннымъ командиромъ, прибавилъ Розень.

— Да, да, въ Преображенскомъ полку. Я обѣдаю въ четыре часа.

Царевичъ поклонился и я вышелъ.

Въ чертежной я нашелъ многихъ офицеровъ генеральнаго штаба съ малиновыми выпушками на мундирахъ и сюртукахъ. Они встрѣтили меня ласково, осыпали распросами, съ готовностію принялись помогать мнѣ и дислокація дивизіи составлена была менѣе нежели въ два часа. Болѣе другихъ мнѣ понравились своею любезною ласкою гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитаны: Ливень и Слевицкій (1). Часу въ

(1) Онъ умеръ полковникомъ, въ Парижѣ, и за отличіе въ польской кампаніи тѣло его перевезено въ Прагу и погребено въ особомъ фортѣ, которому дано названіе форта Слевицкаго.

третьемъ пришли въ чертежную Данненбергъ и Вальховскій. Данненбергъ спрашивалъ у меня также о гренадерскомъ корпусѣ, замѣтивъ, что онъ вѣрно знаетъ моего отца или дядю, который живетъ въ Царскомъ Селѣ, и показывалъ мнѣ дружеское расположеніе.

Обѣдало у Цесаревича человекъ 20; обѣдъ былъ хорошій, но не роскошный. Цесаревичъ много говорилъ, шутилъ и все были веселы безъ малѣйшаго принужденія. Здѣсь я увидѣлъ новое замѣчательное лицо, графа Куруту, начальника штаба Цесаревича. Когда Екатерина II мечтала отнять у турокъ Константинополь, возстановить греческую имперію и назначить царемъ Греціи Константина Павловича, которому и самое имя Константина дано было съ тою мыслию, чтобы подтвердить слова существующаго между греками предсказанія, что Константину суждено основать новую греческую имперію, еще тогда этотъ Курута, грекъ родомъ, небольшимъ мальчикомъ, какъ дядька, товарищъ и учитель греческаго языка былъ приставленъ къ Цесаревичу Екатериною. Надежды ея не сбылись, но Его Высочество, съ тѣхъ поръ уже никогда не разставался съ Курутою. Курута, какъ грекъ, былъ хитеръ, ловокъ, умѣлъ снискать полную довѣренность Его Высочества, но не былъ никогда государственнымъ человекомъ и не славился своимъ обширнымъ умомъ. Не смотря на это, привязанность, питаемая къ нему Цесаревичемъ, возвысила его на степень полного генерала, андреевскаго кавалера и доставила ему титулъ графа. Я уже встрѣтилъ Куруту слабымъ и дряхлымъ старикомъ безъ всякой энергіи. Онъ былъ небольшого роста, довольно полный, съ морщиноватымъ лицомъ, безъ выраженія въ тусклыхъ глазахъ, такъ что фізіономія его очень мало говорила въ его пользу. Къ дѣламъ онъ былъ довольно равнодушенъ и многія приказанія Его Высочества исполнялись уже мимо его; онъ былъ начальникъ штаба болѣе по паружности. Изъ адъютантовъ Его Высочества, мнѣ понравились Монроэ и Грессеръ. Штабъ Цесаревича вообще былъ составленъ изъ людей образованныхъ, вѣжливыхъ и обязательныхъ.

Я обѣдалъ у Цесаревича дня три до пріѣзда въ Бѣлостокъ главной квартиры и дивизіоннаго нашего штаба; потомъ, множество работы и большое число посѣтителей у Цесаревича мѣшали мнѣ долѣе пользоваться его лестнымъ приглашеніемъ. Нѣсколько разъ мнѣ случилось слышать отъ него и потомъ его твердыя убѣжденія, что войны не будетъ, и что напрасно собираютъ такъ много войска. Раза два онъ обращался и ко мнѣ съ вопросами о гренадерскомъ корпусѣ и о состояніи, въ которомъ находятся повгородскія поселенія, и всегда казался привѣтливымъ и ласковымъ. Я не скрывалъ отъ Его Высочества того, что въ поселеніи недовольны ни крестьяне, ни вой-

ска, что поселянъ тяготитъ форменность, и что, не смотря на разработку войсками полей, крестьяне очень обѣднѣли, какъ отъ поселеній огромными деревнями на мѣстности, вовсе неудобной для хлѣбопашества, такъ и отъ того, что у нихъ отнята большая часть рукъ отъ земледѣлія, сформированіемъ изъ всѣхъ взрослыхъ парней, отъ 18 до 25 лѣтъ, резервныхъ баталіоновъ. Войска же обременены тяжелыми работами и изнурены недостаткомъ хорошаго приварка. Цесаревичъ соглашался, и, обращаясь къ Курутѣ или къ Розену, говорилъ, что заведеніе поселеній въ Россіи рановременно, но что самая главная ошибка состояла въ томъ, что для первоначальныхъ поселеній избрана Новгородская губернія, населенная закоренѣлыми раскольниками, и представляющая, по топографическимъ свойствамъ края, самыя большія затрудненія для приведенія въ цвѣтущее состояніе земледѣлія. «Образчикъ выбранъ самый дурной, прибавлялъ онъ, военныя поселенія не понравятся русскимъ и не примутся въ Россіи». Жалѣлъ также Цесаревичъ, что на гренадерскій корпусъ, всегда отличный въ бояхъ, и оживленный самымъ воинственнымъ духомъ, выпалъ жребій образовать первыя поселенныя войска. «Правда, замѣчалъ онъ при этомъ, ни съ какимъ войскомъ нельзя было бы достигнуть до такихъ скорыхъ результатовъ, какъ съ гренадерами, и ничто бы не придадо столько блеску и славы военнымъ поселеніямъ, какъ приведеніе Новгородской губерніи, покрытой непроходимыми лѣсами и болотами, въ цвѣтущее состояніе. Сверхъ того, Новгородская губернія такъ близка отъ Петербурга, и мысль занять и обработать ее чрезъ военныя поселенія не могла не увлечь покойнаго брата. Для исполненія этой цѣли нуженъ былъ человѣкъ съ характеромъ твердымъ,azoleю непреклонною и необыкновенно дѣятельный, и потому немудрено, что выборъ палъ на графа Аракчеева. Но остается при этомъ только жалѣть, что Аракчеевъ не понималъ мысли брата и сдѣлался не благодѣтелемъ, а бичомъ края, и явилъ себя болѣе царедворцемъ и временщикомъ, нежели человѣкомъ государственнымъ. Такъ, прибавилъ онъ, снова вздохнувъ, часто получаютъ превратный смыслъ всѣ благія начинанія человѣческія».

Пріѣхалъ баронъ Зальца и остановился со мною; онъ досталъ для себя и для меня семитопографическія карты Царства Польскаго, и чрезъ Зальца, у котораго въ главной квартирѣ были всѣ друзья и пріятели, я узнавалъ всѣ новости. По вечерамъ собирались иногда у насъ офицеры генеральнаго штаба и мы проводили время не скучно. Разъ зашелъ къ намъ подпоручикъ Кюбяковъ и просилъ меня, чтобы я удѣлилъ часть квартиръ близъ м. Соколки, назначенныхъ для гренадеръ, на пути отъ Гродно къ Бѣлостоку, гусарамъ 1-й дивизіи, которая должна

была проходить черезъ это же мѣстечко. Я составилъ вмѣстѣ съ нимъ выписку деревень, которыя могли быть уступлены гусарамъ, а чтобы гренадеры не вступили въ споръ съ гусарами, подписалъ эту выписку. До Соколки 36 верстъ, но Кюбьяковъ, вмѣсто того, чтобы отправиться туда тотчасъ же, просидѣлъ у меня до часу пополудни, пѣлъ, игралъ на гитарѣ, балагурилъ, а въ часъ потащился на обывательской подводѣ. На другой день вечеромъ онъ вбѣжалъ ко мнѣ со смѣхомъ: «Что? спросилъ я». — «Потѣха, отвѣчалъ онъ, я дотацился въ Соколку только въ восемь часовъ утра, дорогой меня опрокинули, я потерялъ вашу записку и, прїѣхавъ въ Соколку, началъ размѣщать гусаровъ на угадъ, по памяти; но квартиры были уже заняты гренадерами Кіевскаго полка, произошелъ, разумѣется, шумъ; желая разобрать это дѣло, я вышелъ на улицу и повстрѣчался съ полковымъ командиромъ Кіевскаго полка, который шелъ въ шинели; онъ встрѣтилъ меня упрекомъ и выговоромъ за произведенные беспорядки; я взбѣсился, и, увлекшись, наговорилъ ему дерзостей.

— Милостивый государь! сказалъ онъ, я буду на васъ жаловаться Александру Ивановичу Нейдгарту.

— Милостивый государь! возразилъ я, прежде нежели вы успѣете пожаловаться Александру Ивановичу, я пожалуюсь на васъ Мандерштерну и вы будете подъ арестомъ.

Я разумѣлъ отряднаго своего начальника, генерала Мандерштерна.

— Ха! ха! прервалъ меня полковникъ, да я Мандерштернъ-то и есть, а вы меня сочли за какого нибудь маіора, младшаго штабъ-офицера.

— Когда такъ, извините!

Я догадался, что это былъ братъ генерала Мандерштерна, моего отряднаго начальника.

— Видите! видите! молодой человекъ, вотъ какъ ошибаются. Да я отъ души извиняю. Вы, я вижу, прекрасный человекъ. Пойдемте-ка, выпьемъ шампанскаго, да съ общаго согласія и раздѣлимъ квартиры.

Я обрадовался такому обороту дѣла, наговорилъ ему комплиментовъ; мы прекрасно пообѣдали, пили шампанское, и гусары мои размѣщены, какъ нельзя лучше (1).

Мы съ Зальцемъ присоединились къ общей артели, устроенной Поливановымъ въ дивизионномъ штабѣ. Поливановъ сдѣлалъ всѣ необходимыя для похода закупки.

24-го января всѣ войска сблизились къ Бѣлостоку на самыя тѣсныя квартиры, и 25-го января мы выступили къ границѣ Царства

(1) Кюбьяковъ былъ офицеръ съ прекрасными способностями; онъ, къ сожалѣнію, убитъ въ польской кампаніи.

Польскаго. Дивизія шла уже на военномъ положеніи, всё полки вмѣстѣ, но артилеріи при дивизіи еще не было; артилерія 2-й гренадерской дивизіи направилась изъ Вильно съ 1-ю и 3-ю дивизіями на Ковно. Дивизионный штабъ ѣхалъ впереди верхами. Движеніе дивизіи, въ довольно ясный солнечный день, тянувшейся широкою лентою и извивающеюся между волнистою, открытою и живописною мѣстностью, представляло прекрасную картину.

II.

Силы обѣихъ армій. — Планы кампаніи. — Переходъ войскъ черезъ границу. — Переѣзна направленія главныхъ силъ русской арміи. — Переправа черезъ Бугъ при мѣстечкѣ Нуръ. — Первая реквизиція. — Движеніе къ Сѣдледу. — Положеніе отряда генераль-адъютанта барона Гейсмара. — Совѣтъ въ корчмѣ. — Графъ Толь принимаетъ начальство надъ отрядомъ Цесаревича. — Взятіе Калушина 5-го февраля и дѣла подъ Яновымъ, Якубовымъ и Добре. — Движеніе къ Минску. — Ваврское сраженіе 7-го февраля. — Расположеніе войскъ въ Гроховскомъ полѣ противъ Варшавы. Гроховское сраженіе 13-го февраля и новые двухнедѣльные биваки подъ Гроховомъ.

Дѣйствующая армія, порученная генераль-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому, должна была состоять изъ корпусовъ: Гвардейскаго, Гренадерскаго, 1-го, 2 и 6-го пѣхотныхъ, 3-го и 5-го резервныхъ кавалерійскихъ, отряда Цесаревича и 10 казачьихъ полковъ. Гвардейскій корпусъ находился подъ начальствомъ Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича и заключалъ въ себѣ двѣ пѣхотныя и три кавалерійскія дивизіи: кирасирскую, легкую и 1-ю уланскую. Гренадерскій находился подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи князя Шаховскаго и состоялъ изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій. 1-й и 2-й пѣхотные корпуса подъ начальствомъ генераловъ-отъ-кавалеріи графовъ Палена 1-го и Палена 2-го, состояли каждый изъ трехъ пѣхотныхъ и одной гусарской дивизій. 6-й пѣхотный, или Литовскій, подъ начальствомъ генераль-адъютанта барона Розена—изъ двухъ пѣхотныхъ и одной уланской дивизій. 3-й резервный кавалерійскій подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи графа Витта изъ двухъ дивизій: кирасирской и уланской; 5-й резервный кавалерійскій—подъ начальствомъ генераль-лейтенанта барона Крейца, изъ двухъ дивизій: драгунской и конно-егерской. Отрядъ Цесаревича—изъ двухъ полковъ пѣхотныхъ и

кавалерійскихъ. Казачьи полки, подъ командою походнаго атамана генераль-маіора Власова. Гвардейская пѣхотная дивизія состояла изъ четырехъ полковъ—трехъ пѣхотныхъ и одного егерскаго, при двухъ батареяхъ. Пѣхотная дивизія отряда Цесаревича, за исключеніемъ одного Гвардейскаго польскаго полка, оставшагося въ Варшавѣ, изъ пяти полковъ: гвардейскаго пѣхотнаго, гвардейскаго егерскаго, двухъ гренадерскихъ и одного карабинернаго, при трехъ батареяхъ. Прочія пѣхотныя дивизіи—изъ шести полковъ, четырехъ пѣхотныхъ и двухъ егерскихъ, при трехъ батареяхъ. Всѣ вообще кавалерійскія дивизіи—изъ четырехъ полковъ и двухъ батарей, за исключеніемъ дивизіи въ отрядѣ Цесаревича, изъ которой одинъ польскій полкъ остался въ Варшавѣ, и потому въ ней находилось три полка, при двухъ батареяхъ. Какъ гвардейскіе, такъ и армейскіе пѣхотные полки имѣли по два баталіона дѣйствующихъ и по одному резервному; сверхъ того, при каждомъ пѣхотномъ корпусѣ находилось по одному саперному баталіону. Гвардейскіе кавалерійскіе полки имѣли по шести дѣйствующихъ и по одному резервному эскадрону; армейскіе кавалерійскіе полки также по шести дѣйствующихъ и по одному резервному; каждый полкъ имѣлъ по одному запасному эскадрону, и при гвардейскомъ и 1-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусахъ находилось по одному конно-піонерному эскадрону. Въ каждой изъ батарей было по 12-ти орудій: 8 дѣйствующихъ и 4 резервныхъ. Резервные баталіоны и эскадроны Гвардейскаго, Гренадерскаго, 1-го и 2-го пѣхотныхъ и 3 го и 5 го резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ оставлены въ постоянномъ расположеніи полковъ, равно какъ и резервныя орудія Гвардейскаго, Гренадерскаго и 2-го пѣхотнаго корпусовъ. И потому въ распоряженіи фельдмаршала Дибича было: 180 баталіоновъ, 246 эскадроновъ, 380 орудій пѣшей и 232 конной артилеріи и 10 казачьихъ полковъ, т. е. около 190,000 при 612 орудіяхъ. Но изъ этого числа Гвардейскій и 2-й пѣхотный корпуса находились еще въ слѣдованіи, резервные баталіоны и эскадроны Литовскаго корпуса и отряда Цесаревича расположены по границамъ Царства Польскаго, для прикрытія основанія дѣйствій арміи, учрежденнаго въ Литовскихъ губерніяхъ. 6-й егерскій полкъ оставленъ въ Минскѣ; 1-я бригада 3 й гренадерской дивизіи въ Вильнѣ; 6-й карабинерный полкъ въ Бѣлостокѣ, и изъ резервной артилеріи 1-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ и отряда Цесаревича образованъ запасный артилерійскій паркъ, долженствующій остаться въ Бѣлостокѣ и состоящій изъ 96 орудій. Слѣдовательно, въ первый моментъ дѣйствія, подъ рѣкою у Дибича находилось около 100 баталіоновъ, до 150 эскадроновъ и до 350 орудій, или до 90,000 пѣхоты, до 30,000 кавалеріи, при 350 орудіяхъ.

Силы эти для вступленія въ Царство Польское раздѣлены были на три главныя части: правое крыло, лѣвое крыло и главныя силы, составляющія центръ. Въ главныхъ силахъ находились корпуса Палена 1-го, Розена, графа Витта и отрядъ Цесаревича, образующій съ присоединеніемъ къ нему 2-й гренадерской и 3-й пѣхотной дивизій резервъ арміи. Палень съ двумя бригадами 1-й дивизіи, 2-ю дивизією и 16-ю эскадронами гусаровъ, долженъ былъ направиться двумя колоннами чрезъ Тыкочинъ и Желтки на Ломжу и Замбовъ. Розень съ пятью бригадами пѣхоты и гренадерами Цесаревича, составляющими три полка, находящіеся подъ командою генерала Муравьева и дивизією улановъ, двумя колоннами чрезъ Суражъ и Толчево на Чижево и Островъ; графъ Витте со своимъ корпусомъ и одною пѣхотною бригадою Литовскаго корпуса, на Цѣхановець и Граны къ Нуру и Венерову, и Цесаревичъ съ резервомъ, на Суражъ и Высоко-Мазовецкъ. Правое крыло, подъ начальствомъ князя Шаховскаго, направлялось черезъ Ковну на Марианполь, Кальвари и Августово и раздѣлено было на три эшелона: въ первомъ слѣдовали три полка 3-й гренадерской дивизіи и четыре эскадрона гусаровъ корпуса Палена, во второмъ—3-я бригада 1-й гренадерской дивизіи, и въ третьемъ—1-я и 2-я бригады 1-й гренадерской дивизіи. Для связи праваго крыла съ главными силами составленъ промежуточный отрядъ, подъ командою генерала Мандерштерна, изъ 1-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи и двухъ эскадроновъ гусаровъ, который долженъ былъ слѣдовать чрезъ Домброву къ Райграду. Лѣвое крыло, подъ начальствомъ барона Крэйца, раздѣлено на двѣ колонны: правая, образующая летучій отрядъ, состояла изъ конно-егерской дивизіи, подъ командою генераль-адъютанта барона Гейсмара, и должна была направиться чрезъ Влодаву, Раджинъ и Луковъ. Лѣвая—изъ драгунской дивизіи чрезъ Устилугъ и Красноставъ къ Люблину. Для связи лѣваго крыла съ главными силами, отдѣлено отъ корпуса графа Витта два эскадрона, подъ начальствомъ полковника Анрепа, который долженъ былъ слѣдовать чрезъ Брестъ-Литовскъ на Менджержице и Съдлецъ. Казачьи полки распределены по всѣмъ колоннамъ. Правое крыло перешло границу 24-го января—всѣ остальные войска 26-го января. Въ правомъ крылѣ было до 20,000, при 58 орудіяхъ, а въ лѣвомъ—за 10,000, при 48 орудіяхъ.

Планъ Дибича состоялъ въ томъ, чтобы одновременно занять всю восточную часть Царства Польскаго и лишить тѣмъ поляковъ при самомъ, такъ сказать, началѣ войны, половины ихъ средствъ для сформированія войскъ, прервать ихъ сообщенія съ Литвою, воспользоваться морозами, которые дѣлали свободными всѣ переходы чрезъ рѣки, перейти съ главными силами чрезъ Бугъ въ Вышковъ, отрѣзать польскую армію отъ

Варшавы или разбить ее и занять Варшаву. Планъ этотъ основывался, сверхъ того, на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) западныя губерніи довольно бѣдныя, объявленныя передъ тѣмъ не болѣе какъ за мѣсяцъ на военномъ положеніи, могли только успѣть собрать и свезти незначительное количество продовольствія; слѣдовательно, собирать войска къ одному какому либо пункту, значило бы терять время въ бесполезныхъ передвиженіяхъ, тогда какъ быстрота дѣйствій была необходимою, какъ для успѣха кампаніи, такъ и потому, что при малѣйшемъ замедленіи кампаніи и удержаніи такого огромнаго числа войскъ, какое находилось въ русской арміи, на границахъ, могло бы заставить ихъ скоро нуждаться въ продовольствіи; 2) Цесаревичъ твердо его обнадеживалъ, что онъ не встрѣтитъ упорнаго сопротивленія, и что стоитъ только русскимъ войскамъ двинуться со всѣхъ сторонъ, и Царство Польское покорно, и 3) Дибичъ считалъ и однѣхъ главныхъ силъ своей арміи слишкомъ достаточными для того, чтобы совершенно разбить и уничтожить Польскую армію, если она осмѣлится вступить въ рѣшительное сраженіе.

Мы находили этотъ планъ превосходнымъ, вполне соображеннымъ со всѣми обстоятельствами, во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ узнавали Забалканскаго героя, смѣлаго и предприимчиваго, и заблаговременно радовались нашимъ успѣхамъ. Многие даже полагали, что направление въ Польшу такого значительнаго числа войскъ имѣетъ цѣлю не только возстановленіе спокойствія въ одной Польшѣ, которая не замедлитъ покориться, но походъ въ Голандію, для выполнения первоначальнаго намѣренія Государя Императора.

Разсматривая же теперь этотъ планъ, нельзя не соглашаться, что онъ имѣлъ многіе недостатки: 1) Дибичъ вмѣсто того, чтобы оставить одну пѣхотную дивизію въ полномъ ея составѣ, для занятія Минска, Вильны и Бѣлостока, съ самаго начала сталъ дробить цѣлыя части войскъ и нарушать полноту ихъ состава, и это впоследствии повело къ тому, что ни одинъ начальникъ не имѣлъ у себя въ командѣ тѣхъ войскъ, которыми онъ начальствовалъ въ мирное время, и съ которыми онъ уже вполне ознакомился, но отряды были образовываемы изъ командъ совершенно разнородныхъ; 2) для охраненія основанія дѣйствій, оставлены резервные баталіоны и эскадроны Литовскаго корпуса и отряда Цесаревича. Эти войска, составленныя изъ жителей литовскихъ губерній, при малѣйшемъ волненіи въ Литвѣ, не могли быть надежною стражею общаго спокойствія въ литовскихъ губерніяхъ и хорошимъ прикрытіемъ основанія дѣйствій, и ихъ съ болѣею бы выгодною можно было употребить въ дѣйствующей арміи, оставивъ взамѣнъ, для прикрытія границъ, другую дивизію 1-го пѣхотнаго или гренадерскаго кор-

пусовъ; 3) войска для вступленія въ Царство Польское раздѣлены на три части, на множество колоннъ и, сверхъ того, сформировано нѣсколько промежуточныхъ отрядовъ; каждая колонна и отрядъ составлены изъ разнородныхъ частей, что вело за собою раздробленіе войскъ, пользуясь которымъ Хлопицкій могъ бы, находясь въ центральномъ расположеніи противъ раздѣленныхъ силъ противника, начать наступательныя дѣйствія, по примѣру Фридриха II въ семилѣтней войнѣ, или Наполеона въ 1814 году, и разбить армію Дибича по частямъ; 4) если можно сколько нибудь оправдать подобное раздробленіе силъ Дибича желаніемъ занять всю восточную часть Царства Польскаго и увѣренностью, что онъ не встрѣтитъ упорнаго сопротивленія, то едва ли можно оправдать за направленіе двухъ гренадерскихъ дивизій на Ковну; это значительно отдаляло ихъ отъ главныхъ силъ, ослабляло армію совершенно напрасно 20,000 и было въ послѣдствіи одною изъ главныхъ причинъ нерѣшительности Гроховскаго сраженія и замедленія кампаніи на такое продолжительное время, тогда какъ если бы правое крыло перешло границу вмѣсто Ковны въ Гродну, куда оно могло поспѣть также къ 26-му января, армія находилась бы въ болѣе совокупности; Августовское воеводство, выдающееся къ сѣверу клипомъ, было бы одинаково занято и всѣ дѣйствія Дибича могли бы имѣть характеръ болѣе рѣшительный; и 5) стоило начаться оттепели нѣсколькими днями ранѣе и сдѣлать непроходимымъ Бугъ, и армія Дибича, достигнувъ Ломжи, Замброва и Чижева, увидѣла бы себя отрѣзанною отъ лѣваго крыла и кавалеріи Витта; была бы лишена большей части своей кавалеріи, ослаблена до 80,000 и заключена между Наревомъ и Бугомъ, и не имѣла бы возможности, до вскрытія рѣкъ и очищенія ихъ отъ льда, предпринять никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Польскія войска во время выступленія Цесаревича изъ Варшавы состояли изъ двухъ гвардейскихъ полковъ—одного пѣхотнаго и одного кавалерійскаго, двухъ дивизій пѣхоты и двухъ дивизій кавалеріи. Организация этихъ войскъ была совершенно одинакова съ войсками русскими, и потому они заключали: 28 баталіоновъ, 38 эскадроновъ и 106 орудій, или 25,000 пѣхоты и болѣе 6,000 кавалеріи, что съ артилеріею составляло всего до 35,000 человекъ. Съ первымъ учрежденіемъ революціоннаго правленія и съ избраніемъ Хлопицкаго диктаторомъ, призваны на службу старые солдаты, объявлены наборы, пѣхотные полки приведены въ четырехбаталіонный составъ, кавалерійскіе—въ шестиэскадронный; изъ Модлина взяты прусскія орудія, оставшіяся тамъ съ 1806 года, и трехфунтовыя пушки, присланныя туда послѣ покоренія Варны. Войска раздѣлились на четыре пѣхотныя дивизіи и дивъ

кавалерійскія; пѣхота поручена князю Радзивилу—названному генерали-симусомъ; 1-я пѣхотная дивизія ввѣрена Круковецкому, 2-я—Зимирскому, 3-я—Скрженецкому и 4-я—Шембеку; 1-я кавалерійская дивизія—генералу Клицкому и 2-я—Томицкому. Четвертые баталіоны отдѣлены отъ полковъ и образовали собсю, частію гарнизоны Модлина, Праги и Замосца, а частію небольшіе отряды для прикрытія верхней Вислы, подъ начальствомъ Дверницкаго и Серавскаго; сверхъ того, устроена варшавская національная гвардія. Число всѣхъ войскъ должно было возрасти до 80,000; но при открытіи кампаніи число регулярныхъ дѣйствующихъ войскъ простиралось до 40,000 пѣхоты и 10,000 кавалеріи, т. е. 50,000, при 142 орудіяхъ. Начальникомъ главнаго штаба избранъ Мразиспій, а генераль-квартирмейстеромъ Прондзинскій.

Въ собранномъ Хлопицкомъ военномъ совѣтѣ мнѣнія на счетъ первоначальнаго плана дѣйствій раздѣлились: одни совѣтовали сосредоточить главныя силы между Ломжею, Замбровымъ и Снядовымъ, и удерживать русскую армію при самомъ ея переходѣ черезъ границу; другіе предлагали открыть немедленно же дѣйствія по брестъ-литовскому шоссе, перейти границу въ Гранахъ и Брестѣ, раздѣлить съ главной арміей корпуса Витта и Крейца, занять Полѣсье, взволновать Литву, и, пользуясь тѣмъ временемъ, пока 6-й корпусъ и отрядъ Цесаревича не успѣли еще подкрѣпиться 1-мъ корпусомъ, нанести имъ отдѣльное пораженіе, и наконецъ, третьи хотѣли дѣйствій оборонительныхъ, считая, что они скорѣе могутъ повести къ успѣхамъ, а именно: удерживаніе русскихъ войскъ вблизи отъ Варшавы, потомъ принятіе генеральнаго сраженія и защищеніе въ самой Варшавѣ, которую жители клялись сдѣлать второю Сарагосою. Хлопицкій, съ своей стороны, находилъ: 1) сосредоточеніе силъ между Ломжею, Замбровымъ и Снядовымъ не только бесполезнымъ, но даже опаснымъ, какъ по невозможности удерживать русскія войска при переходѣ черезъ границу, такъ и потому, что въ случаѣ разбитія Польской арміи она могла бы подвергнуться совершенному истребленію, прежде нежели успѣла бы достигнуть до Варшавы; 2) движеніе по брестъ-литовскому шоссе и занятіе Полѣсья считалъ предпріятіемъ черезъ-чуръ смѣлымъ и неосновательнымъ, какъ потому, что, оставляя слишкомъ рановременно Варшаву, польская армія лишилась бы возможности усилить себя новыми наборами и сформировать и устроить новыя войска, такъ и потому, что при малѣйшей неудачѣ польской арміи въ Литвѣ, Дибичъ, сосредоточивающій свои силы къ Бѣлостоку, могъ бы двинуться чрезъ Брокъ или Вышковъ въ тылъ польской арміи, отрѣзать ее отъ Варшавы и нанести ей совершенное пораженіе, заключивъ ее въ Полѣсьѣ, и полагалъ выгоднѣйшимъ дѣйствовать оборонительно.

На основаніи его мнѣній, предположено дѣйствовать оборонительно. Но и въ формѣ оборонительнаго дѣйствія мнѣнія опять раздѣлились. Радзивиль совѣтовалъ раздѣлить армію на двѣ части: одну направить къ Пултуску, другую — къ Калущину. Прондзинскій, принимая слова Наполеона за авторитетъ, что «кто владѣетъ Варшавою, Модлиномъ и Сіероцкомъ, тотъ владѣетъ всѣмъ Царствомъ Польскимъ», предлагалъ держать главныя силы между этими тремя пунктами; но такъ какъ Сіероцкъ не имѣетъ укрѣпленій, то устроить лагерь при Модлинѣ, доказывая, что если при этомъ будутъ усилены укрѣпленія Праги и приведена въ оборонительное положеніе Варшава, то непріятель не рѣшится двинуться къ Варшавѣ и оставить у себя на флангѣ сильную армію, но обратится противъ нея; причемъ Польская армія получитъ ту выгоду, что приметъ сраженіе на мѣстности, заранѣе приготовленной къ оборонѣ, и въ случаѣ неудачи, отступить въ Модлинъ и потомъ будетъ обороняться въ самой Варшавѣ. Генеральнаго штаба подполковникъ Хржановскій подалъ голосъ, чтобы главныя силы сосредоточить на лѣвомъ берегу рѣки Ливецъ, доказывая, что Польская армія однимъ уже этимъ движеніемъ разрѣзываетъ русскія войска, отдѣляетъ перешедшія границу на югѣ отъ перешедшихъ границу на сѣверѣ, сохраняетъ связь съ Литвою, можетъ остановить переправу русской арміи чрезъ Бугъ между Каменчикомъ и Сіероцкомъ, а въ случаѣ переправы, совершенной выше, принять сраженіе на рѣкѣ Ливцѣ, представляющей превосходныя позиціи. Хлопицкій не принялъ ни одного изъ этихъ мнѣній, рѣшился держаться ближе къ Варшавѣ, принять генеральное сраженіе на Гроховскомъ полѣ, и, въ случаѣ неудачи, обороняться въ самой Варшавѣ. И потому предположено: дивизію Круговецкаго направить къ Яблонѣ и Сіероцку, для прикрытія пути отъ Остроленки, и приданную къ этой дивизіи бригаду конныхъ егерей, въ видѣ авангарда, выслать къ Рожанамъ. Дивизіи Зимирскаго и бригадѣ улановъ занять Калущинъ, Минскъ, Шеницу и выслать по одному полку къ Венгрову и Сѣдлецу. Дивизіи Скрженецкаго занять Добре и Станиславовъ, а дивизіи Шембека съ остальною кавалеріею и резервною артилеріею составить общій резервъ и расположиться въ Окуневѣ, гдѣ должна была находиться и главная квартира. 26-го января во время перехода русскихъ войскъ черезъ границу, всѣ польскія войска были на назначенныхъ имъ мѣстахъ, и въ Окуневѣ пріѣхалъ Хлопицкій.

Разсматривая всѣ эти мнѣнія и сравнивая ихъ съ планомъ Хлопицкаго, нельзя не замѣтить, что Хлопицкій сдѣлалъ большую ошибку, перейдя прямо къ системѣ оборонительной войны, тогда какъ, дѣйствуя наступательно, онъ могъ бы извлечь несравненно большія выгоды изъ

своего положенія. Предложеніе двинуться въ концѣ декабря къ Бресту, утвердиться въ Полтѣсѣ, взволновать Литву, разбить войска Розена и Цесаревича до прибытія корпуса Палена 1-го, и потомъ обратиться противъ корпусовъ Витта и Крейца, правда, предположеніе смѣлое, но исполнѣ блестящее, и если поляки рѣшились уже приняться за оружіе, то одни подобныя дѣйствія могли повести ихъ къ вѣрнымъ успѣхамъ. И если бы при этомъ Хлопицкій и не достигнулъ бы нѣкоторыхъ цѣлей, то, конечно, замедлилъ бы надолго открытіе кампаніи со стороны русскихъ, отдалилъ бы войну отъ владѣній Царства Польскаго и не лишился бы, но напротивъ болѣе приобрѣлъ бы средствъ для усиленія своей арміи. Но для исполненія этого предпріятія надобно было имѣть болѣе рѣшительный характеръ и обладать большими военными дарованіями, нежели какія были у Хлопицкаго. Изъ послѣдующихъ мнѣній, мнѣніе Хржановскаго болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія: оно доставляло возможность отрѣзать лѣвое крыло отъ главныхъ силъ русской арміи, нанести ей отдѣльное пораженіе и задержать Дибича на Бугѣ. Но Хлопицкій не согласился и съ этимъ, и Дибичъ на этотъ разъ безнаказанно раздробилъ свои силы и направился къ Варшавѣ по нѣсколькимъ путямъ концентрически. Словомъ, со стороны Дибича это были маневры австрійцевъ, безирестанно ими повторяемые, и если бы находился противъ него не только Фридрихъ II, или Наполеонъ, но даже Сарженецкій, Дибичу бы дорого пришлось поплатиться. Изъ этого видно, что польская война, началась, такъ сказать, ошибками съ обѣихъ сторонъ, которыя впоследствии со стороны Дибича не одинъ разъ повторялись и были главною причиною огромныхъ потерь и продолжительности кампаніи.

Послѣдствія тотчасъ же показали ясно невыгоду подобнаго направленія русской арміи; съ самаго перехода черезъ границу наступили оттепели, дороги начали портиться, и Дибичъ, опасаясь, чтобы при продолженіи оттепели не сдѣлалась невозможною переправа черезъ Бугъ, черезъ три перехода измѣнилъ направленіе главныхъ силъ своей арміи, поворотивъ лѣво, чтобы скорѣе переправиться на лѣвый берегъ Буга, а именно: Литовскій корпусъ долженъ былъ переправиться въ Брокѣ, а отрядъ Цесаревича и 1-й пѣхотный корпусъ — въ Нурѣ. 3-я пѣхотная дивизія присоединилась при этомъ къ корпусу Палена, а отрядъ Мандерштерна долженъ былъ идти на Остроленку и оставить авангардъ князя Шаховскаго, который получилъ повелѣніе слѣдовать чрезъ Остроленку на Пултускъ и Сіероцкъ. Дибичъ этимъ движеніемъ облегчилъ себѣ переходъ чрезъ Бугъ, сблизился съ лѣвымъ крыломъ, но уже являлся съ главными силами противъ фронта польской арміи и долженъ

былъ наступать къ Варшавѣ по такому пути, гдѣ на каждомъ шагу представлялись для непріятеля оборонительныя позиціи. Но главная здѣсь невыгода оказалась въ направленіи, данномъ правому крылу; оно осталось отброшеннымъ на далекое разстояніе, безъ всякой связи съ главными силами, и армія, такъ сказать, при самомъ первомъ моментѣ лишена была содѣйствія 20,000.

2-я гренадерская дивизія перешла границу въ Суражѣ. Зальца и я слѣзли съ лошадей и перешли границу пѣшкомъ.

— Что-то ожидаетъ насъ? сказалъ Зальца.

— Не знаю, отвѣчалъ я, но меня не томить дурное предчувствіе.

— Я бы хотѣлъ, если останусь живъ, сказалъ Зальца, быть переведеннымъ въ гвардейскій генеральный штабъ и получить Анну на шею.

— А я, замѣтилъ я ему, быть переведеннымъ въ генеральный штабъ, получить Анну 3-й степени и не быть раненымъ, потому что тяжелая рана хуже смерти.

До 31-го января мы имѣли одну дневку и были уже въ 15-ти верстахъ отъ Нура. Полки, сдѣлавъ переходъ, располагались на тѣсныхъ квартирахъ въ 6 или 8 деревняхъ; на случай тревоги назначались сборные пункты въ тылу дивизіи, а для дальнѣйшаго слѣдованія, сборные пункты выбирались впереди. Полки сходились туда къ назначенному часу; на половинѣ пути дѣлали приваль, и потомъ, приближаясь къ ночлегу, расходились въ стороны, по путямъ, указываемымъ баталіонными адъютантами, которые съѣзжались каждый вечеръ ко мнѣ и получали самыя подробныя наставленія и даже наскоро набросанныя карточки. Зальца предоставлялъ мнѣ дѣлать всѣ эти распоряженія, и не столько по своей дѣлности, сколько по довѣренности, которою я у него пользовался. Переходы наши были довольно пріятные: Цесаревичъ со своимъ штабомъ ѣхалъ большею частію вмѣстѣ съ нами, впереди 2-й гренадерской дивизіи, также верхомъ; часто вступалъ въ разговоры, шутилъ, смѣялся, но никогда, однако же, разговоръ его не касался до предстоящихъ дѣйствій; иногда онъ только интересовался узнавать отъ Зальца, или отъ меня, хорошо ли полки размѣщаются по квартирамъ и радушно ли жители встрѣчаютъ русскихъ; мы не замѣчали нерасположенія жителей, потому что войска сохраняли большой порядокъ, и Цесаревичъ, казалось, былъ доволенъ нашими отвѣтами. Отъ 2-й гренадерской дивизіи на ординарцахъ у Цесаревича былъ Екатеринославскаго полка подпоручикъ Чернышевъ; онъ часто смѣшилъ Цесаревича рассказами, но порою и досадовалъ его своею игрою на фисъ-гармоникѣ; при этой игрѣ лошадь Цесаревича была задомъ, и онъ нѣ-

сколько разъ бывало говаривалъ: «Чернышевъ! опять! я говорилъ тебѣ; вотъ увидишь, прикажу отнять у тебя эту глупую фисъ-гармонику; а если, братецъ», прибавлялъ онъ, уже шутя, «у тебя такая страсть къ музыкѣ, то отъѣзжай саженъ на сто въ сторону и наигрывай себѣ сколько хочешь». Чернышевъ иногда повиновался, отъѣзжалъ въ поле и дѣлая лансады на своемъ конѣ, наигрывалъ и заставлялъ Цесаревича хохотать отъ души. Вторая гренадерская рота Екатеринославскаго полка составлена была изъ самыхъ рослыхъ людей цѣлой дивизіи, отличающихся огромными черными бакенбардами и усами. Цесаревичъ не разъ любовался на эту роту, и Полуэктовъ каждый день приводилъ къ нему двухъ фланговыхъ гренадеровъ; Цесаревичъ приказывалъ ихъ кормить своимъ обѣдомъ и отпускать имъ по бутылкѣ шампанскаго, но они жалѣли, что это была не простая водка.

Бригадными командирами во 2-й гренадерской дивизіи были: генералъ-майоры: въ 1-й—Чеодаевъ, во 2-й—Бушенъ и въ 3-й—Фрейгангъ. Дивизионная квартира останавливалась съ полкомъ принца Павла Мекленбургскаго, потому что командиръ полка, полковникъ Циммерманъ, былъ съ нами въ артелѣ. Полуэктовъ, постоянно ласковый, нелюбимъ былъ своими адъютантами; они не позволяли ему даже останавливаться съ нами на одной квартирѣ, когда ему этого хотѣлось и провожали его словами: «у васъ есть своя квартира, ваше превосходительство, и лучше нашей; зачѣмъ же стѣснять насъ». Правда, нельзя было отчасти и не отказывать ему, потому что онъ, помѣщаясь сначала скромно, черезъ нѣсколько минутъ овладѣвалъ всю комнатою или хатою, приглашая расположиться здѣсь же генерала Фрейганга и оставлялъ по нѣсколько часовъ приходящихъ къ нему по службѣ офицеровъ, говорилъ безъ умолку, никому не давалъ отдыхать, а иногда, удерживая приходящихъ обѣдать, поглощалъ съ ними весь нашъ обѣдъ и оставлялъ насъ голодными. На привалахъ и ночлегахъ, находившіеся при каждомъ изъ насъ казаки доставали фуражъ очень исправно; провизію можно было закупать, и мы не имѣли ни въ чемъ недостатка. Каждый день намъ казалось, что мы встрѣтимъ непріятеля, предполагали уже видѣть на высотахъ его аванпосты и за горами двигающуюся войска, но вынимали зрительныя трубы и разочаровывались.

30-го января, вечеромъ, когда мы расположились на ночлегъ и Зальца съ Полторацкимъ отправились въ главную квартиру, получена была диспозиція, «чтобы войска на слѣдующій день шли со всѣми военными предосторожностями, ружья были бы заряжены и боевые патроны въ готовности, чтобы при встрѣчѣ съ непріятелемъ не быть приведен-

ными въ замѣшательство отъ нечаянности». Я принесъ къ генералу Полуэктову диспозицію и прочелъ ее.

— Сходи, братецъ, за картой, да пошли попросить ко мнѣ Петра Ивановича Фрейганга; я сдѣлаю свои распоряженія.

— Въ диспозиціи объясненъ порядокъ слѣдованія войскъ, замѣтилъ я, а въ остальномъ, вѣроятно, самъ Цесаревичъ пріѣдетъ распорядиться.

— Вотъ тебѣ! А я то что?

Я пришелъ снова съ картою и по приказанію Полуэктова разложилъ ее на столѣ передъ его кроватью, на которой онъ лежалъ уже раздѣвшись.

— Что, что такое, Борисъ Владиміровичъ? спросилъ почти вбѣжавъ генералъ Фрейгангъ.

— Ну, Петръ Ивановичъ, сказалъ своимъ обыкновеннымъ басомъ, съ важною разстановкою, Полуэктовъ. Готовься! У насъ завтра генеральное сраженіе.

— Какъ! что?

— Да такъ, непріятель со своей арміей намѣренъ намъ преградить переправу черезъ Бугъ, и авангардъ его переброшенъ уже на эту сторону.

— Какъ же, а я слышалъ, что наши разъѣзды были въ Нурѣ.

— Вздоръ! какъ туда зайти нашимъ разъѣздамъ, когда тамъ непріятельскій авангардъ; вотъ диспозиція—посмотри.

— Помилуйте, Борисъ Владиміровичъ, да въ диспозиціи этого ничего нѣтъ, замѣтилъ я.

— Э! братецъ, что ты знаешь! Вѣдь ты еще не бывалъ въ кампаніи.

— Какъ же, ваше превосходительство, перебилъ Фрейгангъ, а мои карабинеры въ 8-ми верстахъ отъ Нура и на квартирахъ? На нихъ могутъ напасть врасплохъ; позвольте же мнѣ поспѣшить распорядиться, я ихъ соберу; какія теперь квартиры!

— Да, да, Петръ Ивановичъ, поспѣши!

— Для чего же тревожить войска до времени, замѣтилъ я, обращаясь къ Фрейгангу; за это можетъ достаться, когда узнаютъ.

— Толкуйте, батюшка! нѣтъ, тутъ зѣвать нечего; прощайте, Борисъ Владиміровичъ.

— Прощай! Господь тебя благословитъ, золотой мой, увидимся ли еще, переживемъ ли завтрашній денекъ, Богъ вѣсть!

— Ну, попореть же теперь Петръ Ивановичъ горячку, замѣтилъ Полуэктовъ смѣясь, когда Фрейгангъ поспѣшно вышелъ.

— И встревожить напрасно войска.

— Нѣтъ, братецъ, полковые командиры догадаются, что это шутка.

— Какія угодно вашему превосходительству отдать приказанія; пора разослать диспозицію.

— Гдѣ Нуръ?

Я показалъ на картѣ.

— А дорога къ Нуру?

— Вотъ она.

— Такъ хорошо же, ступай спать.

— А приказанія?

— Ну, разумѣется, послать диспозицію бригаднымъ командирамъ, какъ слѣдуетъ.

— Только?

— Да, да, а тамъ я что нибудь придумаю, проговорилъ Полуэктовъ, почти засыпая.

На другой день, 31-го января, мы двинулись къ Нуру. Генералъ Фрейгангъ дѣйствительно собралъ свои полки и съ 2-хъ часовъ утра держалъ ихъ подъ ружьемъ.

— Видите, Борисъ Владиміровичъ, сказалъ съ досадою Зальца, вотъ ваши шутки!

— Чтожь съ нимъ дѣлать, братецъ. Вѣдь могъ же онъ видѣть изъ диспозиціи, что я посмѣялся.

И въ самомъ дѣлѣ, Фрейгангъ былъ въ твердомъ убѣжденіи, что въ Нурѣ непріятельскій авангардъ, и тогда только разувѣрился въ этомъ, когда, вступя въ Нуръ, онъ нашелъ тамъ всю главную квартиру и весь штабъ Цесаревича.

Когда мы въ Андреево имѣли дневку, 1-й пѣхотный корпусъ, поворотивъ влѣво и сдѣлавъ форсированный маршъ, слѣдовалъ уже впереди насъ. Придя въ Нуръ, мы увидѣли, что полки 1-го корпуса, спускаясь съ довольно крутаго берега, тянулись по льду черезъ Бугъ на лѣвый берегъ; идти густыми колоннами было запрещено, потому что нельзя было надѣяться на прочность льда и по сторонамъ дороги образовались уже сильныя полыньи. Сверхъ того, для безопасности слѣдованія артилеріи ледъ былъ засланъ соломою. Намъ должно было дожидаться; гренадеры составили ружья, а мы расположились нѣсколько въ сторонѣ отъ переправы, на высокомъ крутомъ правомъ берегу, чтобы позавтракать. Къ намъ присоединились адъютанты Цесаревича и начальникъ его артилеріи, генералъ-маіоръ Герштенцвейгъ. Герштенцвейгъ держалъ себя съ нами совершеннымъ товарищемъ, и умный и словоохотливый, онъ былъ часто душою нашей бесѣды.

— Вотъ, господа, говорилъ онъ, мы заключаемъ теперь братскій союзъ на бивакахъ, скрѣпимъ его въ бою, и тогда надобно, чтобы какія бы ни были перемѣны съ каждымъ изъ насъ въ жизни, мы должны встрѣчаться всегда товарищами.

Около часу по полудни гренадеры переправились черезъ Бугъ, и согласно съ полученнымъ повелѣніемъ, пройдя версты четыре до первой ближайшей деревни, расположены были въ резервномъ боевомъ порядкѣ на бивакахъ, гдѣ приказано имъ разложить огни и варить кашу.

Черезъ четверть часа казакъ подалъ Зальца запечатанный пакетъ. Это была новая диспозиція отъ Нейдгарта, въ которой предписывалось тотчасъ же выступить съ бивака и, пройдя впередъ восемь верстъ, расположить полки дивизіи по прежнему въ нѣсколькихъ деревняхъ. Слѣдовательно, съ трудомъ добытыя солома и дрова остались бесполезными. Мы выступили часовъ въ 6 вечера и уже позднюю ночью прибыли на квартиры. Дорога пролегла чрезъ густой сосновый боръ, пересѣченный другими дорогами. Ночь была темная, и потому мы съ Зальцемъ безпрестанно боялись сбиться съ настоящей дороги.

По диспозиціи на слѣдующій день, 6-му корпусу, переправившемуся чрезъ Бугъ въ Брокахъ, приказано войти въ связь съ 1-мъ корпусомъ и составивъ, такъ сказать, основаніе главныхъ силъ, наступать на Ливецъ, ниже Венгрова; 1-му корпусу слѣдовать на Венгрово, а отряду Цесаревича и корпусу Витта по дорогѣ на Соколовъ. Главнокомандующій, кажется, ожидалъ, что Хлопицкій сосредоточитъ всѣ свои силы на лѣвомъ берегу Ливца и приметъ сраженіе; но этого не случилось. Хлопицкій, введенный въ заблужденіе первымъ направленіемъ Дибича, перевелъ было главную свою квартиру въ Яблону, Шембека подвинулъ къ Сіероцку, Круковецкаго—къ Пултуску, а авангарду Круковецкаго приказалъ даже направиться къ Остроленкѣ, но, увѣрившись скоро въ своей ошибкѣ, возвратилъ всѣ войска на прежнія мѣста, самъ опять пріѣхалъ въ Окуневъ, и не отступалъ отъ своего плана дать сраженіе только подъ самою Варшавою. Поэтому авангардъ 1-го корпуса, подъ начальствомъ Сакена, занялъ Венгровъ и, выставивъ шесть орудій противъ двухъ польскихъ орудій и баталіона пѣхоты, оборонявшихъ переправу, принудилъ, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, отступить этотъ отрядъ и перешелъ на лѣвый берегъ; такимъ же образомъ перешелъ и авангардъ 6-го корпуса, подъ начальствомъ Влодека, близъ Старовица. Гренадерскіе полки Муравьева направлены къ Каменчику; 6-й корпусъ расположился въ Корыницахъ, авангардъ Влодека выдвинуть къ Пневнику; 1-й корпусъ между Венгровымъ и Ливомъ, авангардъ Сакена впереди

м. Ливъ, по дорогѣ къ Калущину. Графъ Виттъ въ Соколовѣ и отрядъ Цесаревича между Стердынемъ и Соколовымъ.

Итакъ, когда главныя силы русской арміи находились около Лива и Венгрова, правое крыло арміи, подъ начальствомъ князя Шаховскаго, вступало еще только въ Августово; лѣвое крыло: Гейсмаръ былъ на пути отъ Лукова къ Розѣ, а Крейцъ отъ Пяски къ Люблину. Дибича обмануло его ожиданіе. Поляки не приняли сраженія на рѣкѣ Ливецѣ, и онъ далъ повелѣніе на 2-е февраля: 1-му и 6-му корпусамъ оставаться на дневкѣ, Витту перейти къ Мокобадамъ, а отряду Цесаревича къ Осухожебры. Дневка 1-му и 6-му корпусамъ сдѣлана была какъ для того, чтобы дать войскамъ, утомленнымъ форсированными маршами, отдыхъ, такъ и для того, чтобы дать возможность присоединиться обозамъ, резервной артилеріи и транспортамъ, слѣдовавшимъ за армію. Переправа черезъ Бугъ по льду, по причинѣ сильной оттепели 1-го февраля, сдѣлалась уже невозможною и потому 2-го февраля приступлено было къ прорубанію льда и наведенію понтоннаго моста; но работа шла довольно медленно. 1-й и 6-й корпуса оставались на мѣстѣ и только одинъ резервъ подвигался къ Сѣдлецу. Это была первая неудача, встрѣченная Дибичемъ; быстрота движенія арміи прекратилась, и главнокомандующій, опасаясь, чтобы, въ случаѣ замедленія движенія транспортовъ и переправы ихъ, войска не остались безъ продовольствія, приказалъ сохранять находящійся въ ранцахъ пятидневный запасъ сухарей и продовольствовать войска правильнымъ сборомъ запасовъ, т. е. реквизиціей. Для этого, при расположеніи на тѣсныхъ квартирахъ во время переходовъ, назначался для каждой дивизіи особый районъ, который дивизионныя квартирмейстеры обязаны были раздѣлять между полками поровну.

Это была первая реквизиція, вынужденная необходимостью, которая имѣла весьма вредное вліяніе на ходъ самой кампаніи. Войска, сохранявшія до того времени строгій порядокъ, не возбуждали негодованія жителей, и жители смотрѣли на русскихъ солдатъ не такъ какъ на непріятелей; но со введеніемъ реквизиціи ихъ мнѣніе скоро измѣнилось.

Нечаянная оттепель выставлена была главнымъ препятствіемъ, встрѣченнымъ главнокомандующимъ въ исполненіи своихъ преднамѣреній; но, кажется, причины препятствій надобно искать глубже. Западныя губерніи, объявленныя съ небольшимъ за мѣсяцъ на военномъ положеніи, и бѣдныя лошадьми, не могли снаряжать большихъ транспортовъ, необходимыхъ какъ для своза запасовъ въ пограничныя пункты, такъ и для постепеннаго ихъ доставленія за армію, двигающуюся съ быстротою; и не отъ оттепели, затруднившей переправу черезъ Бугъ, началъ оказываться

недостатокъ въ продовольствіи, но отъ малыхъ подвозовъ. Притомъ, главные магазины находились въ Бѣлостокѣ и Гроднѣ, и измѣненіе въ направленіи арміи отдалило ихъ на значительное разстояніе. И потому, реквизиція была слѣдствіемъ недостатка въ хорошо обдуманномъ и прочно устроенномъ основаніи дѣйствій. И если Дибичъ можетъ подвергнуться нѣкоторому осужденію за первое, то второе, т. е. прочное устроеніе, отъ него не зависѣло. Обстоятельства требовали и немедленнаго открытія дѣйствій, и быстроты движеній, а при этихъ условіяхъ трудно было заботиться объ устроеніи прочнаго основанія. Дибичъ, какъ кажется, надѣялся помочь этому недостатку деньгами, закупая продовольствіе въ самомъ Царствѣ Польскомъ, богатомъ хлѣбными запасами; но денегъ, не смотря на нетерпѣливое его ожиданіе, не высылали къ нему изъ Петербурга, и окружающіе его часто слышали, какъ онъ говорилъ съ особенною досадою: «безъ денегъ воевать нельзя; что я могу сдѣлать безъ денегъ».

По диспозиціи 3-го февраля, наша дивизія должна была пройти Сѣдлецъ и, слѣдуя по шоссе, расположиться верстахъ въ 6-ти за городомъ, также по деревнямъ. Ночью со 2-го на 3-е, мы слышали вправо довольно сильную канонаду, и на другой день узнали, что Скржевецкій сдѣлалъ ночное нападеніе на авангардъ Влодека при Пневникѣ, привелъ въ тревогу весь 6-й корпусъ и, забравъ до 60-ти человекъ плѣнныхъ, отошелъ снова къ Добре. Въ эту же ночь, въ авангардѣ Сакена шаркнулись лошади, оторвались отъ коновязей и нѣсколько лошадей пропало. Сѣдлецъ былъ уже занятъ наканунѣ отрядомъ Анрепа; находившійся тамъ дивизионъ польскихъ улановъ отступилъ по направленію къ Калушину. Мы вступили въ Сѣдлецъ 3-го, рано поутру.

Сѣдлецъ чистенькій и хорошенькій городокъ, построенный на ровной, открытой мѣстности, но немногочисленный. Намъ хотѣлось остаться въ городѣ отобѣдать, но такъ какъ Цесаревичъ былъ уже въ Сѣдлецѣ и занялъ большую корчму при самомъ выѣздѣ изъ города, на той улицѣ, по которой должна была проходить дивизія, то мы не смѣли отлучиться отъ своихъ мѣстъ, и весь штабъ ѣхалъ впереди дивизіи. При выходѣ изъ Сѣдльца, мы увидѣли по шоссе густую пыль и вскорѣ передъ нами явились верхами генераль-адъютантъ баронъ Гейсмаръ, обвязанный по шюртуку красной шалью, и генераль Насакинъ, его начальникъ штаба.

— Куда вы идете? спросилъ живо Гейсмаръ, остановивъ на всемъ скаку свою лошадь передъ Полуэктовымъ.

— Впередъ, и стану на квартирахъ за Сѣдлцомъ.

— Куда впередъ! какія квартиры! Я генераль Гейсмаръ, начальникъ летучаго отряда, или лѣваго крыла.

— Знаю.

— Я разбитъ, я отступаю; здѣсь на носу непріятель.

— Если вы разбиты, замѣтилъ важно и хладнокровно Полуэктовъ, то я еще не разбитъ, если вы отступаете, то изъ этого не слѣдуетъ, что и мнѣ должно отступить съ цѣлою дивизіею гренадеръ; а когда непріятель точно на носу, какъ вы говорите, то на квартирахъ я не стану. Расположите полки, прибавилъ онъ, обращаясь къ Зальца и ко мнѣ, на позиціи впереди города, а я спрошу приказанія Его Высочества.

— А Его Высочество здѣсь, перебилъ Гейсмаръ.

— Здѣсь, налѣво, въ корчмѣ—поѣдьте къ нему.

— Ваше превосходительство! позвольте и мнѣ съ вами, спросилъ Зальца, а дивизію расположить Нееловъ; можетъ быть нужно будетъ тотчасъ же отдать приказанія.

— Хорошо, поѣдемъ.

Всѣ поворотили къ корчмѣ, занимаемой Цесаревичемъ; дивизія продолжала идти, а я поскакалъ впередъ по шоссе за городъ, чтобы выбрать позицію. Здѣсь я встрѣтилъ отрядъ Гейсмара, отступающій въ совершенномъ безпорядкѣ: изнуренныя лошади, покрытыя пылью и пѣною, усталыя лица солдатъ, изъ которыхъ многія были окровавлены и едва держались на лошадяхъ, артилерійскія лошади безъ орудій; нѣсколько экипажей, нагруженныхъ ранеными и убитыми, и все это составляло нестройную толпу, впереди которой на полныхъ рысяхъ ѣхалъ съдой генераль-маіоръ Пашковъ.

— Откуда вы? спросилъ онъ меня.

— Изъ 2-й гренадерской дивизіи.

— Гдѣ она?

— Вотъ голова колонны выходитъ изъ города, а за нею слѣдуетъ и гвардейскій отрядъ Цесаревича.

— Гдѣ генераль Гейсмаръ?

— Поѣхалъ къ Его Высочеству.

— Слава Богу! такъ стало быть, мы можемъ остановиться. Стой! скомандовалъ онъ; слѣпшиться и отдыхать! Здѣсь гренадеры.

Долго задумываться надъ выборомъ позиціи было нѣкогда, тѣмъ болѣе, что, по увѣренію Пашкова, непріятель былъ недалеко. Мѣстность передъ городомъ была открытая, ровная и спускалась лишь самою легкою покатостію къ небольшому ручью Мухавцу, протекающему впереди. Я взялъ жалонеровъ, построилъ ихъ въ резервный порядокъ по обѣимъ сторонамъ шоссе и дивизія вскорѣ заняла свое мѣсто. Отрядъ Гейсмара располагался за гренадерами и состоялъ изъ двухъ полковъ Виртембергскаго и Переяславскаго конно-егерскихъ; другіе два полка,

отступали, какъ говорили, по другой дорогѣ и вовсе не потерпѣли поражения. Долго еще тянулись отсталые кавалеристы на раненыхъ лошадяхъ; командиръ одного изъ полковъ, полковникъ Новосильцевъ, лежалъ въ коляскѣ мертвый, проколотый насквозь въ грудь пикою. Картина была самая непріятная: стонъ раненыхъ, отчаяніе отряда, все это было и грустно и тяжело. Сойдя съ лошади, я вступилъ въ разговоръ съ генераль-маіоромъ Пашковымъ.

— Я дѣлалъ всѣ наполеоновскія кампаніи, говорилъ онъ, бывалъ въ самыхъ жестокихъ сраженіяхъ и всегда дивился храбрости русскихъ, но подобнаго случая никогда не видывалъ; лучше бы не пережить его!... Слезы текли ручьями изъ его глазъ при этихъ словахъ, и эти слезы генерала, посѣдѣваго въ бояхъ, краснорѣчивѣе всѣхъ словъ говорили о происшедшемъ.

Каждый изъ офицеровъ подходилъ, рассказывалъ о частностяхъ сраженія, оправдывался за себя, но всѣ сознавались, что дѣло было неудачно. Одинъ только фейерверкеръ, спасшій, какъ говорили, четыре орудія своею находчивостью, посреди этихъ смущенныхъ лицъ, расхаживалъ съ какимъ-то торжествующимъ видомъ.

Я послѣ имѣлъ случай снимать это поле сраженія; изъ рассказовъ вывелъ было довольно ложное заключеніе объ этомъ дѣлѣ; но теперь, разобравъ и сравнивъ всѣ обстоятельства и слухи, убѣдился, что дѣло генерала Гейсмара состояло въ слѣдующемъ: генераль Гейсмаръ съ дивизіею конныхъ егерей, составляя правую колонну лѣваго крыла арміи и получивъ повелѣніе прикрывать собою лѣвый флангъ главныхъ силъ, продолжалъ свое слѣдованіе изъ Лукова на Розу и Серочинъ къ Латовичу, въ томъ предположеніи, что главные силы также двигаются на Добре и Калушинъ, и никакъ не подозрѣвая, что движеніе главныхъ силъ на время пріостановлено, и что онъ вдается уже въ расположеніе непріятеля. Можетъ быть, въ этой увѣренности, Гейсмаръ успѣлъ бы достигнуть не только Латовича, но даже и Шеницы, и тогда бы былъ отрѣзанъ войсками Зимирскаго, еслибы одно обстоятельство не ускорило развязку и не объяснило ему настоящее положеніе дѣла. Четвертые баталіоны и резервные эскадроны польскихъ войскъ, образовавшіе собою десятитысячный резервъ, заключавшій въ себѣ отряды, назначенные дѣйствовать на верхней Вислѣ, были расположены на лѣвомъ берегу Вислы у Горы и состояли подъ начальствомъ генерала Клицкаго. Клицкій, получивъ повелѣніе, по возможности, препятствовать наступленію лѣваго крыла русской арміи и стараться раздѣлить Гейсмара съ Крейцемъ, выслалъ шеститысячный отрядъ Дверницъ

наго изъ 16-ти эскадроновъ, 3-хъ баталіоновъ при 6-ти орудіяхъ, на правый берегъ.

Дверницкій перешелъ Вислу по льду въ Мнишево у устья Палицы, двинулся на Зелехово, но, узнавъ тамъ о слѣдованіи Гейсмара на Серочинъ, направился на Сточекъ, чтобы преградить ему путь отступленія и вступить съ нимъ въ бой. Гейсмаръ, съ своей стороны, достигнувъ Серочина и получивъ извѣстіе отъ плѣннаго, что Дверницкій находится съ незначительнымъ числомъ войскъ въ Сточекѣ, рѣшился обратиться назадъ и разбить его. Для этого, оставивъ 2-ю бригаду: Арзамасскій и Тираспольскій полки, въ Серочинѣ и расположивъ ихъ тамъ въ боевомъ порядкѣ, Гейсмаръ двинулся къ Сточку двумя колоннами: въ правой генералъ Пашковъ съ Переяславскимъ полкомъ и 6-ю орудіями по прямому пути отъ Серочина; самъ онъ, въ лѣвой, съ Виртембергскимъ полкомъ и 6-ю же орудіями—на Точиску. Дверницкій, замѣтивъ движеніе Гейсмара двумя колоннами съ высотъ Сточека, расположилъ свои войска, переведенныя на правый берегъ ручья противъ дефиле, изъ которыхъ должны были дебушировать войска Гейсмара, слѣдующимъ образомъ: артилерію на высотахъ для обстрѣливанія дорогъ, пѣхоту въ кареяхъ у подошвы высотъ, шесть эскадроновъ улановъ противъ колонны Пашкова, восемь эскадроновъ конныхъ егерей противъ колонны Гейсмара и два эскадрона въ резервѣ. Гейсмаръ надѣялся легко разбить Дверницкаго, какъ потому, что считалъ его отрядъ менѣе значительнымъ, такъ и потому, что Дверницкій, принимая бой на мѣстности вовсе неудобной для дѣйствія кавалеріи и имѣя въ тылу ручей, чрезъ который можно было проходить по одной только греблѣ при Сточекѣ, въ случаѣ отступленія своего, подвергнулся бы истребленію до послѣдняго человѣка. Но случилось противное. Пашковъ приблизился первый, и послѣ непродолжительной канонады съ обѣихъ сторонъ, Переяславскій полкъ пущенъ въ атаку; но при встрѣчѣ этой атаки уланами, вспомошествовыми огнемъ пѣхоты, переяславцы столпились, обратились назадъ, и никакія усилія Пашкова не могли остановить ихъ; два орудія достались въ руки непріятеля, а съ остальными четырьмя орудіями фейерверкеръ рѣшился проѣхать по льду, покрывавшему болото; къ счастью, ледъ сдержалъ, онъ пробрался между кустами, вѣхалъ въ интервалъ отступающихъ и спасъ эти орудія. Опрокинувъ Пашкова, Дверницкій обратился противъ Гейсмара. Виртембергскій полкъ также былъ пущенъ въ атаку, но отбитъ и отступилъ, бросивъ свою артилерію, и еще шесть орудій достались въ руки непріятеля. Потеря простиралась у Гейсмара до 300 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными, со стороны Дверницкаго до 100 человѣкъ; потери Гейсмара

были бы еще значительнѣе, если бы Дверницкій могъ преслѣдовать отступавшихъ; но онъ, опасаясь двигаться къ Серочину, гдѣ находилась еще свѣжая бригада, и довольный своими успѣхами, направился къ Вислѣ, перешелъ ее по льду и присоединился къ Клицкому.

Извѣстіе объ этой побѣдѣ произвело большую радость въ Варшавѣ, и приобрѣтеніе восьми орудій для поляковъ, нуждавшихся въ артилеріи, было приобрѣтеніемъ дѣйствительно важнымъ. Гейсмаръ, вмѣсто того, чтобы, подкрѣпившись свѣжею бригадою, направиться вновь противъ Дверницкаго и стараться новымъ боемъ возвратитъ потерянное, до того былъ разстроенъ этою неудачею, что немедленно же началъ отступать къ Сѣдлецу, боясь, чтобы войска Зимирскаго, находившіяся у него на флангѣ, не отрѣзали ему отступления. Свѣжая бригада отступила по другой дорогѣ..... Причины этой неудачи надобно искать въ томъ, что конныхъ егерей только передъ самою войною вооружили пиками, наконецники были доставлены изъ комисаріата; но выдѣлкою древокъ должны были озаботиться сами полковые командиры на походѣ; по недостатку средствъ и времени, древки сдѣланы были кое-какъ и солдаты вовсе не обучены владѣть пиками. Получивъ приказаніе атаковать, они пустились смѣло; но, не надѣясь на новое свое оружіе, начали бросать пики и вынимать сабли; это произвело сначала остановку въ атакѣ, потомъ замѣшательство и, наконецъ, было главною причиною неудачи.

Черезъ часъ пріѣхалъ на биваки Полуэктовъ.

— Что новаго? спросилъ я его.

— А вотъ узнаешь, подожди, сказалъ онъ слѣзая съ лошади. Цесаревичъ хотѣлъ непременно отступить за Сѣдлецъ, увѣряя, что тамъ прекрасная позиція; Курута сказалъ «по мнѣ пожалуй»; согласились и мы, но Данненбергъ всталъ и объявилъ рѣшительно, что отступать не должно, что поляки займутъ Сѣдлецъ и намъ придется платить за него кровью, и что Его Высочество не имѣетъ права отступать, потому что это можетъ быть несогласно съ видами главнокомандующаго. Цесаревичъ принялъ мнѣніе Данненберга, послали дать знать въ главную квартиру, а до того будемъ стоять здѣсь.

При этомъ Полуэктовъ разсказалъ весьма замѣчательный анекдотъ съ казакомъ, и этотъ анекдотъ подтвердили другіе. Въ совѣтѣ у Цесаревича разговоръ былъ сначала на французскомъ языкѣ, и потомъ какъ-то незамѣтно перешелъ на русскій. Казаки, державшіе шинели, стояли у дверей въ той же корчмѣ. Генераль Гейсмаръ, разсказывая Его Высочеству о своемъ дѣлѣ и желая нѣсколько уменьшить неудачи,

прибавилъ: конечно, я потерѣлъ поражение, но за то и непріятель до такой степени напугаѣся, что безъ оглядки побѣжалъ къ Варшавѣ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, это неправда, прервалъ казакъ Гейсмара.

— Какъ неправда! молчи! сказалъ Гейсмаръ.

— Я не смѣю молчать при Великому Князѣ, сказалъ казакъ. Отъ чего же бы полки были такъ разстроены.

Гейсмаръ хотѣлъ еще его остановить, но Цесаревичъ подозвалъ казака и онъ объяснилъ ему все дѣло съ подробностію.

— Ты будешь теперь состоять при мнѣ, сказалъ Цесаревичъ.

— Нѣтъ, Ваше Высочество, возразилъ казакъ, я началъ съ генераломъ кампанію, позвольте же съ нимъ и кончить.

— Генералъ Гейсмаръ не будетъ тебѣ благодаренъ за эти извѣстія.

— Никакъ нѣтъ-съ, генералъ благородный человекъ.

Всѣ были довольны казакомъ, Цесаревичъ приказалъ ему дать нѣсколько червонцевъ, а Гейсмаръ послѣ Гроховскаго сраженія наградилъ его Георгіевскимъ крестомъ и не разставался съ нимъ во всю кампанію.

Скоро пріѣхалъ и Зальца.

— Поѣдемте! сказалъ онъ мнѣ, Великій Князь приказалъ сдѣлать небольшую рекогносцировку, чтобы открыть, гдѣ непріятель. Ливенъ уже поѣхалъ по дорогѣ на Скуржевъ.

Зальца отправился прямо по шоссе, а я на д. Игане и далѣе. Проѣхавъ перелѣсокъ, я замѣтилъ близъ д. Домбровоу густую пыль и вскорѣ могъ различить строющіяся тамъ войска; хотѣлъ высматривать далѣе, но высланные непріателемъ разъѣзды стали приближаться къ опушкѣ; я послѣшилъ назадъ и съѣхался на шоссе съ Зальцомъ.

— Что вы замѣтили? спросилъ я его.

— Шоссе занято ведетами, проѣхать далеко нельзя, но кажется не видать нигдѣ большихъ массъ.

Я рассказалъ ему свои наблюденія. При вѣздѣ въ Сѣдлецъ попался намъ и Ливенъ; онъ также встрѣтилъ непріятельскіе разъѣзды и мы вмѣстѣ вошли къ Цесаревичу. Но лишь только объяснили ему наши открытія, какъ отворились двери и явился въ корчмѣ графъ Толь.

— Здравствуйте, Ваше Высочество, сказалъ онъ, сдѣлавъ легкій поклонъ. Что это, генералъ Гейсмаръ! . . . . .

. . . . . Потерять восемь орудій! Это значитъ первый блинъ комомъ. Васъ, сударь, не жалко, да жалко то, что первая неудача можетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на духъ нашихъ войскъ и ободрить по-

ляковъ. Я еще съ Вами поговорю. Гдѣ непріятель? прибавилъ онъ, обратясь къ намъ.

Ливень и Зальца объяснили ему наши поѣздки и замѣчанія.

— Есть съ вами карандаши и бумага? сказалъ Толь.

— Есть, ваше сіятельство.

— Ваше Высочество, позвольте имъ занять край стола? Пишите! «По волѣ главнокомандующаго, отрядъ Его Императорскаго Высочества Го сударя Цесаревича и корпусъ графа Витта поступаютъ подъ команду начальника главнаго штаба графа Толя; войска выступаютъ завтра въ шесть часовъ по направленію къ Калущину въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди слѣдуетъ генераль Пилларъ съ уланскою бригадою, за нимъ 2-я гренадерская дивизія, за ней кирасиры; гвардія Его Высочества остается пока подъ Сѣдлецомъ; генералу Гейсмару будутъ отданы особыя приказанія. При генералѣ Пилларѣ находится генеральнаго штаба капитанъ Траскинъ, при 2-й гренадерской дивизіи Зальца, а если приказано будетъ раздѣлиться 2-й гренадерской дивизіи на двѣ колонны, то при правой находится Нееловъ». Ступайте и распорядитесь! Остальныя приказанія получите на походѣ.

Гейсмара, какъ говорили, графъ Толь послалъ снова къ Серочину, гдѣ, по его увѣренію, оставался еще Дверницкой, чтобы разбитіемъ Дверницкаго поправить предшествовавшую неудачу. Переяславскій полкъ порученъ полковнику Анрепу, чтобы возстановить въ этомъ полку упавшій духъ. Словомъ, 2-е февраля ознаменовалось неудачами, а 3-го февраля Дибичъ разбиралъ дѣйствія Влодека и Сакена, а Толь— Гейсмара.

Впередъ выдвинута тотчасъ же бригада Пиллара, но это, однакоже, не избавляло насъ отъ выставленія аванпостовъ; мнѣ пришлось много поѣздить верхомъ, чтобы разставить цѣпь, и я возвратился утомленный. Ночь, проведенная подъ Сѣдлецомъ, была первою ночью, проведенною нами на бивакахъ. Вотъ, говорили мы между собою, мы жаловались, что назначены въ резервъ, но случилось иначе, мы попали въ авангардъ и почти первые повстрѣчались съ непріателемъ.

На другой день дивизія выступила еще до свѣту: нѣсколько верховыхъ обогнали нашъ штабъ.

— Кто это? спросилъ одинъ изъ нихъ громкимъ голосомъ, и по голосу я узналъ Толя.

— Я, отвѣчалъ Полуэктовъ.

— Кто?

— Я.

— Кто я? говорите фамилію.

— Полуэктовъ.

— Ну, такъ, генералъ, и извольте отвѣчать, когда васъ спрашиваютъ, сказалъ онъ, поспокаявъ далѣе.

Начало скоро свѣтать, мы шли и ожидали на каждомъ шагу встрѣтить непріятеля; но, пройдя около 14-ти верстъ, когда мы приблизились къ д. Поляки, выѣхалъ намъ на встрѣчу графъ Толь.

— Здѣсь остановить дивизію впредь до моего приказанія, сказалъ онъ, обращаясь къ Зальца, и расположить полки такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было и удержать на этой позиціи непріятеля.

Ко 2-й гренадерской дивизіи, по неприбытіи ея артилеріи, прикомандировано было изъ Сѣдлеца 12 конныхъ гвардейскихъ орудій. Мы съ Зальцемъ расположили два орудія для обстрѣливанія шоссе, два орудія для обстрѣливанія другой дороги, отдѣляющейся влѣво, восемь оставили въ резервѣ; размѣстили полки въ боевомъ порядкѣ, сообразно съ мѣстностію вытянули цѣпь аванпостовъ. Дивизионный штабъ расположился въ деревнѣ—это была первая боевая позиція, гдѣ артилерія стояла съ заряженными орудіями и зажженными фитилями; цѣхота съ ружьями, хотя составленными въ козлы, но готовая при малѣйшей тревогѣ стать подъ ружье и выслать застрѣльщиковъ. Эта позиція казалась намъ чѣмъ-то грознымъ. Съ радостью мы посматривали другъ на друга, думая, вотъ, наконецъ, настанетъ и бой. А Зальца и я гордились передъ штабомъ искуснымъ расположеніемъ войскъ на позиціи, обдумывали, соображали всѣ мелочи, какъ войска должны будутъ дѣйствовать и давали наставленія полковымъ командирамъ. Одинъ только полковникъ Циммерманъ былъ не въ духѣ, и говорилъ, что его томить дурное предчувствіе.

Уланы Пиллара выдвинуты къ Ягодне, кирасиры остались при Ополе, а гвардія Цесаревича при Сѣдлецѣ; войска, такимъ образомъ, были расположены эшелонами. Мы не понимали, почему въ этотъ же день Толь не повелъ насъ далѣе; но онъ въ этотъ день хотѣлъ только выдвинуть свои войска на одну высоту съ 6-мъ и 1-мъ корпусами, которые оставались на тѣхъ же мѣстахъ въ ожиданіи окончанія устройства переправы черезъ Бугъ и прибытія транспортовъ. Скрженецкій по прежнему стоялъ у Добре, Зимирской—у Калушина и для связи войскъ Скрженецкаго и Зимирскаго высланъ небольшой отрядъ къ Зимноводы.

5-го февраля должно было окончиться почти трехдневное бездѣйствіе главныхъ силъ русской арміи, и она должна была снова начать рѣшительное наступленіе. Войсками праваго крыла главныхъ силъ начальствовалъ самъ Дибичъ, войсками лѣваго—Толь. Ровень долженъ былъ направиться на Добре и Станиславовъ, Палень 1-й—по до-

рогъ отъ и. Ливъ къ Калушину, а Толь—по шоссе, также къ Калушину. Въ отрядѣ Толя четыре гренадерскихъ полка получили приказаніе принять вправо, выдти полями на дорогу изъ Сухи въ Калушинъ къ Тржебучѣ и составить правую колонну. Уланамъ Пиллара, кирасирамъ и гвардіи Цесаревича—образовать среднюю колонну и слѣдовать по шоссе, а генералу Фрейгангу съ двумя карабинерными полками двинуться влѣво отъ шоссе и, пройдя лѣсами, выдти къ Ендржеву въ тылъ войскамъ Зимирскаго, занимавшимъ Калушинъ. Выступили мы довольно рано; Зальца, основываясь на приказаніи графа Толя, данномъ въ Сѣдлецѣ, отправилъ было меня съ гренадерами, а самъ поѣхалъ къ Фрейгангу; но вскорѣ возвратился къ гренадерамъ, потому что карабинеры присоединились къ отряду Гейсмара, у котораго находился генераль-маіоръ Насакинъ. Какимъ образомъ явился здѣсь Гейсмаръ? не знаю; но вѣроятно направленіе его на Серочинъ не состоялось, потому ли, что уже вся армія предприняла наступательное движеніе, или потому, что убѣдились, что Дверницкаго въ Серочинѣ уже давно нѣтъ. Гренадеры въ боевомъ порядкѣ дошли до Тржебуча, но здѣсь мы должны были свернуть ихъ въ густую колонну, чтобы пройти черезъ селеніе и лѣсъ, находящійся за селеніемъ. Панъ, встрѣтившій насъ передъ Тржебучею, кланялся униженно Полуэктову, рассказывалъ, что поляки стоятъ въ Калушинѣ и намѣрены тамъ принять бой и заключилъ свои рассказы желаніемъ намъ полной побѣды надъ поляками. Онъ до того показался намъ жалокъ и презрителенъ, что мы не хотѣли даже поддерживать съ нимъ разговоръ. Вступивъ въ лѣсное дефиле, мы съ Зальцемъ сообразили, какъ скорѣе развернуть войска, отдали нужныя приказанія полковымъ командирамъ и вызвали на всякій случай впередъ застрѣльщиковъ. Мы были твердо убѣждены, что непріятель преградить намъ выходъ изъ дефиле; но этого не было. Войска проходили лѣсъ безпрепятственно. Когда лѣсъ сталъ становиться рѣже, Екатеринославскій и Киевскій полки начали принимать постепенно вправо отъ дороги, Мекленбургскій и Виртембергскій влѣво; артилерія шла по самой дорогѣ. Екатеринославскій и Мекленбургскій полки должны были составить первую линію, Киевскій и Виртембергскій—резервъ, а на случай нужды и вторую линію.

При выходѣ изъ дефиле, передъ нами открылось м. Калушинъ, находящееся на ровной мѣстности не болѣе какъ въ верстѣ; за нимъ высились горы, покрытыя лѣсомъ. Въ самомъ мѣстечкѣ замѣтно было движеніе войскъ, а на горахъ передъ лѣсомъ стояли довольно значительныя массы, стройно, спокойно, въ ожиданіи нашего приближенія. Солнце, выплывшее изъ-за тучъ, освѣтило горы, и оружіе польскихъ

войскъ заблестѣло отъ лучей его. Картина была прекрасная! Съ минутой мы съ Зальцемъ стояли и смотрѣли на непріятельскія войска, и никакое непріятное чувство не закрадывалось въ душу; напротивъ, на сердцѣ было что-то радостное. Между тѣмъ, наши полки выходили, занимали мѣста и восемь орудій вѣзжали въ интервалъ между полками первой линіи; изъ Калушина не дѣлали по насъ ни одного выстрѣла, и это ясно доказывало, что валъ мѣстечка былъ занятъ одною пѣхотою безъ артилеріи; влѣво показывалась на шоссе колонна, и справа, совершенно неожиданно для насъ, появилась голова колонны 1-го пѣхотнаго корпуса; словомъ, по всему было видно, что если бы непріятель вздумалъ удерживаться въ Калушинѣ, то онъ могъ бы быть обхваченъ со всѣхъ сторонъ. И потому, генералъ Зимирскій предположилъ постепенно отступать и отдѣлилъ отъ себя одинъ баталіонъ и четыре эскадрона съ двумя орудіями, которые должны были по оставленіи Калушина двигаться на Янубово и сохранять связь съ Скрженецкимъ. Въ это время слѣва отъ нашей дивизіи показался графъ Толь съ адъютантами.

— Прекрасно! сказалъ онъ, съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ, прекрасно! Я думалъ, что средняя колонна выйдетъ прежде, но вы не шли, а летѣли; войска строятся въ порядкѣ и безъ суматохи. Гдѣ у васъ какіе полки? спросилъ онъ, обратясь къ Зальца.

Зальца разсказалъ ему.

— Когда станете занимать Калушинъ, полки праваго крыла пусть идутъ вправо по улицѣ и очищаютъ Калушинъ, а полки лѣваго крыла прямо; остальные приказанія получите на походѣ. Теперь же живо! Нееловъ!... возьмите четыре орудія, скачите съ ними къ заставѣ, поставьте ихъ на картечный выстрѣлъ и открывайте огонь. Вы, Зальца, прикрывайте его цѣпью стрѣлковъ, а я прикажу полкамъ наступать вслѣдъ за вами. Начинайте!

Я быстро подскакалъ къ батарее.

— Четыре орудія съ праваго фланга, за мной! и мы помчались. Стой! открывайте картечный огонь!

Раздался выстрѣлъ, другой, третій, цѣпь приблизилась, изъ-за вала мѣстечка закипѣлъ ружейный огонь, цѣпь отвѣчала тѣмъ же, а назади раздались барабаны и первая линія колоннами къ атакѣ, склонивъ ружья на руку, мѣрными шагами подвигалась впередъ. Минутъ черезъ десять огонь на валу сталъ слабѣе; непріятель началъ отступать и наша цѣпь взобралась на валъ.

— Впередъ же, сказалъ я артилерійскому офицеру, мы будемъ и тамъ прикрыты цѣпью.

Орудія взяли на передки, мы вскочили въ заставу, снова снялись съ передковъ, сдѣлали еще нѣсколько выстрѣловъ по отступающимъ непріятельскимъ колоннамъ и черезъ четверть часа все мѣстечко уже было занято. Непріятель, оставивъ Калушинъ, пристроивался къ войскамъ, стоящимъ передъ лѣсомъ, на высотахъ за рѣчку; лѣсъ перерѣзывался шоссе, ведущимъ изъ Калушина къ Варшавѣ, и скоро стало замѣтно, что непріятельскія войска начинаютъ стягиваться къ шоссе. Сначала мы не понимали причины такого быстрого оставленія сильной позиціи; но направленіе Гейсмара и Фрейганга скоро объяснило намъ дѣло.

— Какъ же, братецъ, сказалъ Полуэктовъ, когда мы прошли Калушинъ, Екатеринославскій и Кіевскій полки отдѣлились; намъ надобно ихъ присоединить.

— Вѣроятно, это нужно, замѣтилъ я; графъ Толь сказалъ, что мы всё приказанія будемъ получать на походѣ.

— Нельзя, любезный! поѣзжай скорѣе, спроси! Онъ могъ позабыть.

— Этого быть не можетъ.

— Ну, да поѣзжай же, тебѣ говорятъ, перебилъ съ досадою Полуэктовъ.

И я съ досадою поскакалъ въ Калушинъ. Выскакавъ на площадь, я увидѣлъ стоящихъ посреди площади верхами Цесаревича и Толя. У кого спросить? Толь командуетъ отрядомъ, но Цесаревичъ нашъ начальникъ непосредственный, старѣе Толя и братъ Государя, но долго раздумывать было, однако же, некогда; я ударилъ коня своего нагайкой, быстро подлетѣлъ къ нимъ, остановился, и, смотря на обоихъ, спросилъ ни къ кому не относясь особенно.

— Второй гренадерской дивизіи при атакѣ м. Калушина приказано было раздѣлаться на двѣ колонны: правая направлена по улицѣ, ведущей на Станиславовъ, лѣвая по улицѣ, ведущей на Минскъ. Мѣстечко Калушинъ взято; нужно ли теперь соединиться обѣимъ колоннамъ вмѣстѣ и слѣдовать по одной какой либо дорогѣ, или идти по тѣмъ же направленіямъ не соединяясь.

— Идти по тѣмъ же направленіямъ, не соединяясь, сказалъ Толь утвердительною голосомъ.

Возвратясь къ Полуэктову, я нашелъ, что полки уже начали спускаться по пологой покатоности къ рѣчкѣ; застрѣльщики, такъ какъ мостъ былъ разобранъ, перебирались черезъ рѣчку въ бродъ. Непріятельская артилерія открыла огонь, и ядра, и гранаты, со свистомъ и шипѣніемъ проносясь надъ нашими головами, невольно заставляли каждаго изъ

насъ, какъ новичковъ, преклонять предъ ними головы. Каждый былъ увѣренъ, что наклоняясь онъ не спасетъ себя отъ ядра или картечи, но, тѣмъ не менѣе, надобно получить большую привычку, чтобы не наклоняться. Всѣ наши дѣйствія въ этотъ день походили болѣе на искусный и пріятный маневръ, нежели на сраженіе; раненыхъ во всей дивизіи было 12 человекъ солдатъ и одинъ офицеръ, которому здѣсь же графъ Толь надѣлъ орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Но дѣло еще не кончилось; польскія войска хотя отступили, но часть ихъ занимала еще высоты передъ лѣсомъ; артилерія также продолжала дѣйствовать.

— Поставьте и нашу батарею на эту возвышенность; вотъ впереди мѣстечка, сказалъ Зальца, и будемъ имъ отвѣчать.

Я поставилъ восемь орудій; но лишь только орудія хотѣли открыть огонь, какъ передъ самой батареей явился Цесаревичъ.

— Ваше Высочество! сказалъ я почтительно, подѣхавъ къ нему, вы изволите стоять передъ орудіями, батарея должна открыть огонь.

— А! спасибо! проговорилъ онъ, отвѣзжая въ сторону.

Онъ мнѣ показался чрезвычайно грустнымъ и мрачнымъ.

Орудія нашей батареи не успѣли еще сдѣлать и по два выстрѣла, какъ непріятельская артилерія снялась съ позиціи и всѣ остальные польскія войска начали отступать. Мы смѣлѣе двинулись впередъ; перейдя рѣчку, взшли на высоты и, предшествуемые цѣпью стрѣлковъ, вступили въ лѣсъ; для того же, чтобы менѣе терпѣть отъ двухъ непріятельскихъ орудій при постоянномъ отступленіи обстрѣливающихся шоссе, приказали полкамъ принять направо и налево и двигаться по довольно рѣдкому сосновому бору. Наша артилерія слѣдовала за войсками, не имѣя возможности, поднимаясь въ гору, отвѣчать на выстрѣлы польской артилеріи. Ядра и гранаты взрывали по шоссе песокъ и дробили каменя. Мы пробирались также по лѣсу; но Поливановъ, замѣтивъ, что Цесаревичъ ѣдетъ задумчиво прямо по шоссе, доложилъ ему, что онъ подвергаетъ себя напрасной опасности. Цесаревичъ поблагодарилъ Поливанова, отвѣхалъ въ сторону, и найдя въ лѣсу раненыхъ поляковъ, вступилъ съ ними въ разговоръ, хвалилъ ихъ храбрость, спрашивалъ, вспоминаютъ ли они о немъ, приказалъ подать имъ помощь.

Перестрѣлка въ цѣпи застрѣльщиковъ становилась слабѣе, непріятель отступалъ быстро. Выйдя на обширную поляну, гдѣ находились ендржеевскія корчмы, Полуэктовъ далъ приказаніе дивизіи остановиться и отдыхать; ни Цесаревича, ни Толя съ нами не было.

— Помилуйте! сказали мы въ одинъ голосъ, намъ приказано идти впередъ и преслѣдовать, мы не имѣемъ права остановиться.

— Исполняйте мои приказанія, строго замѣтилъ Полуэктовъ.

Мы замолчали; полки сворачивали съ дороги и остановились; хвостъ непріятельской колонны скрывался за лѣсъ; а Полуэктовъ отправился въ корчму и приказалъ варить себѣ картофель. Черезъ полчаса показались слѣва карabinеры и отрядъ Гейсмара началъ выходить на шоссе.

— Ваше превосходительство! сказалъ опять Зальца Полуэктову, мы должны идти впереди Гейсмара, но если мы будемъ еще стоять, его отрядъ загородитъ намъ дорогу и очутится впереди.

— Не ваше дѣло, отвѣчалъ серьезно Полуэктовъ.

Зальца снова замолчалъ, и отрядъ Гейсмара потянулся впередъ.

Скоро раздался за лѣсомъ пушечные выстрѣлы, потомъ ружейный огонь; по всему было замѣтно, что непріятель остановился при д. Яновой и намѣренъ былъ тамъ удерживаться. Огонь становился сильнѣе и сильнѣе, но напрасно мы истощали всѣ наши убѣжденія, чтобы склонить Полуэктова идти на помощь Гейсмару; онъ или молчалъ и ѣлъ картофель, или смѣялся надъ нами, говоря, что мы новички, горячимся, и что онъ лучше насъ понимаетъ дѣло. Полтарацкаго, котораго Полуэктовъ болѣе другихъ слушался, не было. Онъ принялъ на себя командованіе цѣпью стрѣлковъ Кіевского и Екатеринославскаго полковъ.

Черезъ полчаса прискакалъ отъ Гейсмара адъютантъ съ просьбою, чтобы Полуэктовъ послѣдшилъ къ нему на помощь, что онъ встрѣтилъ превосходнаго въ силахъ непріятеля и можетъ быть опрокинуть. Снова начались убѣжденія, къ намъ присоединились полковые командиры Обрадовичъ и Циммерманъ; но Полуэктовъ не слушалъ, хотя и отправилъ адъютанта съ обѣщаніемъ, что «сейчасъ будетъ», а намъ отвѣчалъ, что генераль Гейсмаръ моложе его по службѣ, и онъ ни за что не поступитъ къ нему въ команду. Видя, что всѣ опять замолчали, я вскочилъ съ сундука, на которомъ сидѣлъ, и подошелъ къ Полуэктову.

— Вы, ваше превосходительство, Богъ знаетъ что дѣлаете! Вы за это будете отвѣчать, сказалъ я съ живостію.

— Вы то что? перебилъ меня съ досадою Зальца; если Борисъ Владиміровичъ не послушался уже насъ, такъ неужели вы думаете, что вы лучше убѣдите.

— Молодежь! замѣтилъ Полуэктовъ смѣясь.

Еще черезъ полчаса пріѣхалъ отъ Гейсмара другой адъютантъ, и Полуэктовъ, сказавъ ему «сейчасъ», не отдавалъ опять никакого приказанія.

Мы вышли из корчмы, оставив там одного Полуэктова и составили свой советъ.

— Да двинемся мы сами безъ его приказанія, сказали полковые командиры.

— И прекрасно! подхватили мы.

Войска стали въ ружье и начали выходить на дорогу.

— Что это? Дивизія стой! на прежнія мѣста! закричалъ Полуэктовъ, выходя изъ корчмы. Дѣйствовать противъ моего приказанія? Господа полковые командиры, я васъ разстрѣляю.

Послѣ этихъ словъ надобно было остановиться, а огонь за лѣсомъ не умолкалъ. Вскорѣ увидѣвъ влѣво на высотѣ нѣсколько верховыхъ и догадавшись, что это былъ графъ Паленъ, мы съ Зальцемъ сѣли на лошадей и поскакали къ нему, чтобы объяснить ему все дѣло и оправдать, разумѣется, себя.

— Хорошъ вашъ генераль! сказалъ Паленъ серьезно, выслушавъ насъ; Гейсмару бы не удержаться, если бы, по счастью, я не догадался направить влѣво часть своей пѣхоты, которая пойдетъ непріятелю во флангъ и онъ отступить.

Черезъ минуту показался и Полуэктовъ верхомъ; замѣтно было, что онъ догадался о нашемъ намѣреніи, и хотѣлъ также себя оправдать въ глазахъ Палена.

— Вотъ молодежь, ваше сіятельство, горячится, говорить...

— Знаю, знаю, сказалъ сухо, но съ улыбкою Паленъ. Теперь не надо, оставайтесь и варите кашу, я распорядился.

— Видите, что я вамъ говорилъ, замѣтилъ Полуэктовъ.

Съ наступленіемъ темноты, огонь началъ умолкать, мы возвратились въ корчму и получили извѣстіе отъ генерала Фрейганга, что дѣло было упорное, что адъютанту его Манжосу оторвало руку въ плечѣ, потери значительныя, но что когда онъ взялъ во флангъ непріятеля со своими карабинерами, непріятель оставилъ позицію и отступилъ къ Минску. Вслѣдъ затѣмъ, прислано повелѣніе Толю, завтра съ разсвѣтомъ продолжать движеніе къ Минску и приказъ, въ которомъ онъ благодарилъ гренадеръ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ за ихъ дѣйствія, говорилъ, что онъ засвидѣтельствуетъ о храбрости войскъ передъ главнокомандующимъ и приказывалъ сдѣлать представленіе, не забывая и офицеровъ по квартирмейстерской части, бывшихъ ему ревностными помощниками. Мы оживились, говорили, что, вѣроятно, Дибичемъ поручено командованіе войсками Толю, въ дѣлѣ подъ Калушинымъ, для того, чтобы онъ могъ получить титулъ графа калушинскаго. Полуэк-

товъ забылъ всё размовки, тотчасъ же началъ писать представленіе и представилъ Зальца къ Аннѣ 2-й, а меня къ Аннѣ 3-й степени.

Въ то время какъ карабинеры дѣйствовали подѣ Яновымъ, генералъ Чеодаевъ съ Екатеринославскимъ и Кіевскимъ полками, поддержанный генераломъ Сакеномъ съ уланскою бригадою и казачьимъ полкомъ, имѣлъ небольшое дѣло подѣ Якубовымъ и выбилъ непріятеля изъ этого селенія, и 5-го же февраля Литовскій корпусъ имѣлъ значительное дѣло при Добре. Селеніе Добре окружено было со стороны наступленія русскихъ густымъ лѣсомъ и прикрыто рѣчкою. Скрженецкій расположилъ часть своихъ войскъ при Добре и выставилъ для обстрѣливанія лѣснаго дефила артилерію. Дибичъ, присутствовавшій самъ при шестомъ корпусѣ, направилъ войска Розена къ Добре тремя колоннами, и, не смотря на упорное сопротивленіе польскихъ войскъ, колонны прошли черезъ лѣсъ тремя путями, вышли къ Добре и овладѣли съ боя селеніемъ, принудивъ Скрженецкаго отступить. Скрженецкій имѣлъ въ этомъ дѣлѣ четыре баталіона и одинъ Уланскій полкъ, Розенъ шесть баталіоновъ и также Уланскій полкъ; прочія ихъ войска не могли принимать участія въ дѣлѣ, по тѣснотѣ пространства. Всѣ эти дѣла стоили намъ около 750 человекъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ; но главная потеря была при Добре—около 600 человекъ. Поляки, какъ полагаютъ, потеряли около того же числа; но на всѣхъ пунктахъ были отгѣснены и всѣ эти дѣйствія 5-го февраля возвысили нравственную силу русскихъ войскъ, утѣшили и ободрили главнокомандующаго. Мы только и думали о томъ, какъ бы скорѣе подступить къ Варшавѣ, и всѣ распоряженія главнокомандующаго, казалось, согласовались съ нашимъ общимъ желаніемъ.

Четыре баталіона и одинъ Уланскій полкъ Литовскаго корпуса оставлены подѣ начальствомъ генерала Пенхержевскаго для прикрытія Нура, Венгрова и Сѣдлеца, какъ самыхъ важныхъ пунктовъ, находящихся въ тылу арміи, чрезъ которые проходили главные пути къ основанію дѣйствій; всѣ же прочія войска должны были продолжать наступленіе. А именно: Литовскій корпусъ на Станиславовъ, авангардъ его, подѣ начальствомъ Влодека, долженъ былъ дойти до Окунева, гренадеры Муравьева образовали собою резервъ корпуса. Отряды Чеодаева и Сакена имѣли назначеніе продолжать движеніе на Цыганку. 1-й корпусъ на Минскъ до Дембевелки, авангардъ его до Миросны, 2-я гренадерская дивизія до Стоядле, гвардія Цесаревича до Минска и кирасиры до Калущина; въ Минскѣ должна была находиться и главная квартира.

Все это заставляло насъ предвидѣть близость генеральнаго сраженія, и надѣясь, что это сраженіе будетъ заключеніемъ кампаніи, мы жалѣли, что 1-й и 3-й гренадерскимъ дивизіямъ не удастся быть въ дѣлѣ и

смѣялись отъ души надъ гвардейскимъ корпусомъ, который, по слухамъ, только что выступилъ еще изъ Петербурга.

Скрженецкій послѣ дѣла при Добре притянулъ къ себѣ отрядъ изъ Зимновода и отступилъ къ Станиславу, Зимирскій отступилъ къ Стоядле. Прондзинскій предлагалъ Хлопицкому, оставивъ Зимирскаго для охраненія шоссе, ударить со всѣми силами на Розена, опрокинуть его, разбить и зайти во флангъ главнымъ силамъ русской арміи. Хлопицкій, напротивъ того, не хотѣлъ вступать въ рѣшительный бой прежде Грохова и послалъ на подкрѣпленіе Скрженецкаго дивизію Шембека, на подкрѣпленіе Зимирскаго—часть кавалеріи, притянулъ къ себѣ Круковецкаго и переѣхалъ самъ въ Пустельникъ. Подобныя дѣйствія Хлопицкаго заставили поляковъ подозрѣвать въ послѣдствіи Хлопицкаго въ измѣнѣ; и странно, эти слухи носились тогда и у насъ; говорили, что Хлопицкій для того только и принялъ диктаторство, чтобы, давъ нѣсколько частныхъ сшибокъ и потомъ сраженіе въ виду самой Варшавы, увѣрить поляковъ въ невозможности сопротивленія русскимъ и заставить ихъ добровольно просить покорности у Императора Николая.

Въ ночь на 6-е февраля суждено было Переяславскому и Виртембергскому конно-егерскимъ полкамъ испытать новую неудачу. Они остановились при д. Ендржеевой; у нихъ шарахнулись лошади, оторвались отъ коновязей, разбѣжались и $\frac{1}{3}$ конныхъ егерей остались пѣшими. 6 го февраля, съ ранняго утра, 1-й корпусъ двинулся впередъ, занялъ Минскъ, оставленный непріателемъ, имѣлъ небольшое дѣло при Стоядле съ арьергардомъ Зимирскаго, и захвативъ два орудія, дошелъ до Дембевелки, но авангардъ его не могъ достигнуть Милосны, потому что Зимирскій остановился при Яновскѣ. Чодоаевъ и Сакенъ дошли до Цыганки, выбили оттуда небольшой отрядъ, и онъ, не успѣвъ присоединиться къ Зимирскому, прошелъ лѣсами на Станиславовъ и соединился съ Скрженецкимъ. Войска Розена, утомленные дѣломъ при Добре, начали наступленіе около полудня. Скрженецкій, постепенно отступая, держался на каждомъ шагу въ лѣсныхъ дефилеяхъ и остановился на одной высотѣ съ Зимирскимъ при Окуневѣ.

Зальца и я поѣхали вслѣдъ за первымъ корпусомъ, чтобы занять биваки для дивизіи при д. Стоядле, и, проѣзжая чрезъ Минскъ, увидѣли близъ одного большаго дома расхаживающаго по двору главнокомандующаго. Замѣтивъ насъ, онъ махнулъ намъ рукою, мы слѣзли съ лошадей, отдали ихъ казакамъ и подошли къ нему. На дворѣ стояли два польскія орудія.

— Я васъ позвалъ взглянуть, сказалъ Дибичъ, на нервы наши трофеи. Гейсмаръ потерялъ восемь орудій, два возвращено, шесть

осталось за поляками; еще день, другой, и они за эти шесть орудій поплатятся всею своею артиллеріей. Это слѣдствіе вчерашней вашей побѣды; гренадеры дѣйствовали славно! скажите имъ отъ меня спасибо! прощайте!

Занявъ позицію при д. Стоядле и расположивъ дивизію, мы отыскали небольшой фольварокъ и помѣстились тамъ съ дивизионною квартирою. Дивизія сначала останавливалась въ Яновѣ, чтобы пропустить войска 1-го корпуса, затѣмъ, въ Минскѣ, и потому, не смотря на небольшой переходъ, полки прибыли въ Стоядле уже передъ вечеромъ, и только расположились, какъ наступила ночь, довольно темная. Полуэктовъ и весь штабъ, собравшись въ хорошенькой комнатѣ на фольваркѣ, растопили каминъ, отыскали мальчика, который чистымъ и стройнымъ голосомъ напѣвалъ: «нашъ Хлопицкій воякъ смѣлый» и собирались пить чай. А я, не раздѣваясь и не отдыхая, долженъ былъ отправиться въ м. Минскъ за диспозиціей. Со мной было человекъ четыре казаковъ, потому что старшій адъютантъ Карповъ просилъ меня сдать трехъ плѣнныхъ, захваченныхъ при Стоядле. Проѣзжая черезъ лѣсокъ, отдѣляющій Стоядле отъ Минска, вдругъ раздался выстрѣлъ, пуля просвистѣла мимо, потомъ другой и третій; казаки бросились въ кусты и, къ счастью, успѣли напасть на засаду, состоящую изъ пяти кракусовъ. Кракусами мы вообще называли дурно вооруженную милицію. Кракусы тотчасъ же сдались, число плѣнныхъ увеличилось до восьми, и я, приѣхавъ въ Минскъ, долженъ былъ хлопотать съ ними часа полтора, пока успѣлъ сдать ихъ офицеру, назначенному дежурнымъ генераломъ. Отдѣлавшись отъ него, я пошелъ къ Нейдарту. Нейдартъ сидѣлъ въ узенькой, маленькой комнатѣ, похожей больше на коридоръ и что-то читалъ.

— Поздно, любезный Нееловъ, я уже роздалъ приказаніе.

Я объяснилъ ему дѣло.

— Когда такъ, вамъ некогда переписывать диспозицію, она длинна, но скажите капитану Иванову, чтобы онъ далъ вамъ готовую изъ запасныхъ экземпляровъ. А какъ вы думаете, что я читаю.

— Не знаю.

— Смѣшно сказать, генераль-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи, въ то время, когда армія такъ быстро двигается, читаетъ романъ. Что ваши гренадеры?

— Нетерпѣливо желаютъ новаго боя, и не хотятъ перемѣнять рубашекъ до Варшавы.

— Славное войско! удивительный духъ.

— Какъ прикажете имъ сказать, когда будемъ въ Варшавѣ? спросилъ я, полушутя.

— Скажите, любезный, дня через три непременно.

— Радостная вѣсть!

— До свиданія. Графъ Толь вами очень доволенъ, и это дѣлаетъ вамъ большую честь, прибавилъ онъ, поклонясь.

Мѣстечко Минскъ хотя невелико, но ночью я едва могъ отыскать квартиру Иванова. Комната, имъ занимаемая, была обширна, но нечиста и безъ пола; онъ ложился уже спать.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ грубо.

Я передалъ ему приказаніе Нейдгарта.

— Да, конечно, здѣсь нѣтъ такихъ офицеровъ генеральнаго штаба, которые бы служили для васъ писарями. Отъ чего вы опаздываете?

Я разсказалъ ему причину.

— У меня нѣтъ готовой для васъ диспозиціи.

— Если такъ, позвольте, я спишу самъ.

— Ну, да, вы будете сидѣть здѣсь со свѣчей, не дадите мнѣ спать цѣлую ночь, а мнѣ завтра вставать до свѣту.

— Но это необходимо.

— Не дамъ я вамъ переписывать.

— Позвольте хотя прочесть, я выпишу только то, что относится до нашей дивизіи.

— Прочитать можете, но писать я вамъ рѣшительно не дамъ.

Сказавъ это, онъ бросилъ на столъ передо мною исписанный листъ бумаги. Главный смыслъ диспозиціи на 7-е февраля заключался въ томъ, что 6-й и 1-й корпуса наступаютъ по прежнимъ путямъ и авангарды ихъ, подъ начальствомъ Влодека и Лопухина, прибываютъ къ Выгодѣ. Сакенъ соединяется съ войсками 1-го корпуса, Чеодаевъ продолжаетъ слѣдованіе до Скроды. 2-я гренадерская дивизія останавливается у Милосны, гвардейскій отрядъ у Дембелки и кирасиры у Минска. Гейсмару, со 2-ю своею бригадою, приказано направиться къ Карчеву и стараться переправиться по льду, на лѣвый берегъ, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля и облегчить успѣхъ арміи въ предстоящемъ генеральномъ сраженіи.

Я хотѣлъ взять перо, чтобы выписать.

— Вамъ же говорить, возразилъ Ивановъ, что я хочу спать и выписывать нѣкогда.

Видя, что дальнѣйшія просьбы будутъ бесполезны, я понадѣялся на свою память и возвратился на фольварокъ.

— Что? спросилъ Полуэктовъ, какая диспозиція?

Я разсказалъ ему диспозицію и исторію съ Ивановымъ.

— Эхъ, братецъ, помилуй! какъ же безъ диспозиціи, гдѣ же все упомянуть.

Зальца также досадовалъ; но я досадовалъ болѣе, и на Иванова, и на несправедливые себѣ упреки; тогда какъ они отдыхали и давно уже легли спать, а я все хлопоталъ и возвратился совершенно измученный.

7-го февраля, лишь только стали мы выступать, какъ начали раздаваться пушечные выстрѣлы въ авангардѣ графа Палена и выстрѣлы становились чаще. Не доходя д. Дембевельки вышла справа намъ на перерѣзъ бригада 1-го пѣхотнаго корпуса, подъ командою генералъ-маіора Неелова. Здѣсь возникъ вопросъ, надобно ли намъ остановиться и пропустить ее мимо себя, или нѣтъ. Этотъ вопросъ я разрѣшилъ тѣмъ, что весь 1-й корпусъ долженъ слѣдовать впереди насъ. Полуэктовъ досадовалъ, что мы, вѣроятно, рано выступили, и тѣмъ бы все и кончилось, если бы не встрѣтился тотчасъ же другой вопросъ, должны ли мы также пропустить и обозы 1-го корпуса, или всемъ обозамъ назначено слѣдовать за войсками? этого я рѣшительно не помнилъ, но, соображая смыслъ диспозиціи, доказывалъ, что обозы должны слѣдовать за гвардейскимъ отрядомъ. Генералъ Нееловъ также не имѣлъ при себѣ диспозиціи, не помнилъ ее, но утверждалъ въ противномъ. Пока мы разсуждали и спорили, войска столпились, обозы начали загромаждать дорогу, какъ вдругъ показался фаэтонъ съ Дибичемъ и Толемъ. Нейдгартъ и весь штабъ ѣхали назади верхами.

— Стой! закричалъ Дибичъ. Это что за безпорядки! Дивизионнаго квартирмейстера!...

— Барона Зальца? закричалъ Толь.

— Неелова! закричалъ Нейдгартъ.

Я былъ какъ нарочно въ нѣсколькихъ шагахъ, и потому первый предсталъ передъ Дибичемъ, готовясь не только къ выговору, но и ожидая Богъ знаетъ чего.

— Къ счастью моему, въ эту минуту прискакалъ изъ авангарда Палена генеральнаго штаба поручикъ Миллеръ.

— Ваше сіятельство! сказалъ онъ Дибичу, графъ Паленъ приказалъ вамъ доложить, что непріятель начинаетъ останавливаться въ Милоснѣ, готовится тамъ держаться упорно, войска его подкрѣпляются новыми силами, и потому графъ Паленъ....

— Сейчасъ ѣду самъ, вскричалъ Дибичъ, прочь съ дороги! раздайся! и ускакалъ, сопровождаемый своею свитою.

Я вздохнулъ свободнѣе; Зальца скоро отыскалъ у одного офицера главной квартиры диспозицію, мы увѣрились, что обозы 1-го корпуса

должны идти вмѣстѣ съ нашими за гвардейскимъ отрядомъ, и потому все приведено было въ порядокъ и мы продолжали слѣдовать далѣе. Громъ орудій становился сильнѣе, слышна была даже ружейная перестрѣлка, и все это громкимъ эхомъ отзывалось по сосновому бору.

Зальца поѣхалъ посмотрѣть, что дѣлается впереди.

— Насъ обходятъ! вдругъ вскричалъ Полуэктовъ, когда эхо отъ переката орудій отдалось влѣво.

— Ваше превосходительство! надобно принять мѣры, прервалъ Фрейганъ.

— Помилуйте, откуда обходятъ? это эхо! замѣтилъ я.

— Какое эхо! что ты толкуешь, я не знаю, что эхо и что выстрѣлъ.

— Покажите карту? сказалъ Фрейганъ.

Я подалъ ему карту.

— Ну, такъ и есть, Борисъ Владиміровичъ, посмотрите! вотъ слѣва дорожка, насъ атакуютъ, а мы что будемъ дѣлать съ походною колоною. Ваше превосходительство! прикажите вызвать застрѣльщиковъ?

— Да, вызывай, да скорѣе; а ты, Нееловъ, подай мнѣ сейчасъ въ голову колонны артилерію.

— Противъ кого вы хотите дѣйствовать ваше превосходительство? впереди насъ первый корпусъ.

— Я вамъ приказываю.

— Ваше превосходительство, возразилъ я, если застрѣльщики откроютъ огонь, принявъ отсталыхъ людей 1-го корпуса, рассыпавшихся по лѣсу, за непріятелей, произойдетъ суматоха. Артилерія должна прикрываться войсками и идти въ интервалахъ полковъ, какъ же выдвигать ее впередъ; это значитъ, если бы насъ обошли въ самомъ дѣлѣ, она была бы захвачена первая, безъ выстрѣла съ ея стороны.

— Я вамъ приказываю, повторилъ опять Полуэктовъ, слышите.

Нечего дѣлать, надобно было повиноваться. Восемь орудій выѣхали впередъ, застрѣльщики рассыпались, я объѣзжалъ цѣпь, приказывалъ не стрѣлять, убѣждая, что непріятеля нѣтъ, что передъ нами 1-й корпусъ; но, признаюсь, не былъ покоенъ, опасаясь, что Нейдгартъ или Толь, возвращаясь назадъ, замѣтятъ безпорядокъ нашего движенія и потребуютъ меня снова къ объясненію.

По приближеніи къ Милоснѣ, когда мы уже шли совершенно за хвостомъ 1-го пѣхотнаго корпуса и Полуэктовъ убѣдился, что съ фланга не предстоитъ никакой опасности, и что это отзывается дѣйствительно эхо, артилерію снова вдвинули въ интервалы полковъ и созвали застрѣльщиковъ. Встрѣтившій насъ Зальца сказалъ, что дѣло подѣ Ми-

лосной было жаркое, потери съ обѣихъ сторонъ значительныя, но Милосна занята и Паленъ продолжаетъ преслѣдовать непріятеля далѣе. Онъ также объявилъ Полуэктову приказаніе Толя, никакъ не отставать отъ хвоста 1-го корпуса и идти за Милосну самыми густыми колоннами, не растягиваясь. Въ Милоснѣ должны были присоединиться къ дивизіи полки Чесодаева. Милосна лежитъ въ долину, окруженной горами, покрытыми лѣсомъ, и состоитъ изъ большой деревни, въ которой было нѣсколько каменныхъ, двухъ-этажныхъ домовъ.

Спускаясь съ горы по шоссе, мы могли видѣть какъ всю Милосну, такъ и шоссе, пролегающее по прямому направлею за Милосною; это шоссе тянулось въ гору и разрѣзывало густой сосновый боръ; по немъ двигались непрерывною цѣпью войска Палена. Вступая въ Милосну, мы нашли тамъ множество убитыхъ, валявшихся на дорогѣ, и раненыхъ, которые съ жалобнымъ стономъ зывали о помощи; но это былъ еще слабый очеркъ той страшной картины, которая вскорѣ представилась нашимъ глазамъ. Раскатъ грома орудій и перекаты ружейной перестрѣлки не умолкали ни на минуту; все сливалось въ какой-то страшный гулъ, потрясающій окрестности. Паленъ преслѣдовалъ; непріятель держался на каждомъ шагу, его артилерія, медленно отступая, постоянно обстрѣливала шоссе, и будучи постоянно расположена на мѣстности, командующей надъ мѣстностью, гдѣ помѣщалась русская артилерія, поднимавшаяся въ гору, производила ужасныя опустошенія въ колоннахъ Палена. Это дефиле тянулось на семь верстъ, и сосновый боръ, его образующій, былъ такъ частъ, что только разсыпанная пѣхота могла сквозь него пробираться. По мѣрѣ движенія Палена впередъ, начали вступать въ дефиле и мы. Трупы валялись на каждомъ шагу; раненые попадались намъ на встрѣчу цѣлыми сотнями; офицеры, солдаты, русскіе, поляки, все было вмѣстѣ, кто былъ безъ руки, кто безъ ноги и, не имѣя возможности идти, ползъ; тамъ ѣхали цѣлыя фуры, нагруженные ранеными; они лежали другъ на другѣ кучами въ совершенномъ безпорядкѣ, у кого раненая рука или нога, выпавъ изъ фуры, билась о край фуры или колеса, кто бился просто головою, и все это печальное шествіе, тянувшееся непрерывно, проводило за собою ручьи крови. Стоны, крики отчаянія, заглушаемые громомъ сраженія, раздирали сердце и наполняли душу какимъ-то тяжелымъ, непріятнымъ чувствомъ. Нѣсколько разъ мы повторяли другъ другу: «сохрани Воже быть еще въ резервѣ, въ авангардѣ идешь смѣло, видишь передъ собою одни устѣхи, радостныя и оживленныя лица, а вся грустная и печальная сторона сраженія остается назади; напротивъ того, въ резервѣ видишь передъ собою все ужасы смерти, страданія, превышающія всякое опи-

саніе, и поневолѣ западаетъ на сердце страхъ и теряется мужество». Мы сознавались, что храбрость, одушевлявшая насъ подъ Калушинимъ, начинала пропадать. Мы стали даже разувѣряться въ искусныхъ соображеніяхъ Дибича; «братъ лбомъ», говорили мы, это немудрено; но почему не сдѣлать было какого либо обхода, чтобы заставить непріятеля отступить безъ упорнаго сопротивленія. Мы досадовали, почему Литовскій корпусъ не былъ направленъ быстрѣе, чтобы выдти во флангъ непріятелю, и не догадывались, что Литовскій корпусъ, проходя такимъ же дефиле, встрѣтилъ тѣ же препятствія; громъ орудій Литовскаго корпуса достигалъ до насъ мало и казался также не болѣе какъ эхомъ выстрѣловъ, раздававшихся впереди. Два пути вели къ Варшавѣ и по обоимъ путямъ наступали войска Дибича; разбрасывать же свои силы, отдаляя ихъ на значительное разстояніе отъ первыхъ путей, значило бы дать непріятелю возможность при выходѣ изъ дефиле, разумѣется, разновременно, разбивать насъ по частямъ. Одинъ Гренадерскій корпусъ, если бы онъ могъ прибыть ранѣе, направляясь чрезъ Сіероцкъ, былъ бы въ состояніи облегчить наше дебушированіе, но его не было и главнокомандующій долженъ былъ бросить на этотъ разъ всѣ маневры въ сторону. Однимъ словомъ, это былъ такой случай, гдѣ выигрышь боя зависѣлъ отъ одной храбрости войскъ, и гдѣ полководецъ не долженъ былъ задумываться съ потерю тысячей достигнуть предположенной цѣли. Но странно, что и при этомъ грустномъ чувствѣ, овладѣвшемъ нами, стоило прискакать кому нибуду изъ авангарда и сказать пріятную вѣсть, мы снова оживлялись, и снова были готовы летѣть на бой, забывая грустную картину, намъ представлявшуюся. Между тѣмъ, Полуэктовъ, незамѣтно умѣряя шагъ своей лошади, оттягивалъ отъ хвоста 1-го корпуса, такъ что между первымъ корпусомъ и нами образовался значительный промежутокъ, и этотъ промежутокъ сталъ еще болѣе увеличиваться, когда корпусъ Палена, пройдя дефиле, началъ развертываться на открытой мѣстности; но напрасно мы убѣждали Полуэктова ускорить маршъ, онъ не слушалъ, отвѣчая, что войска надобно приводить въ бой не утомленные, но свѣжія, и напрасно прискакивали адъютанты, одинъ отъ главнокомандующаго и два отъ Толя, чтобы вторая гренадерская дивизія ускорила маршъ, что первому корпусу нужно подкрѣпленіе, — Полуэктовъ не слушалъ приказаній, и, умѣряя еще больше шагъ своей лошади, командовалъ, чтобы гренадеры шли тише и не торопились. Здѣсь Полуэктовъ не внималъ и убѣжденіямъ Фрейганга, и мы рѣшили, что онъ нарочно медлитъ, чтобы опоздать въ дѣло. И въ самомъ дѣлѣ, когда мы стали выходить изъ лѣса и нашимъ глазамъ предстало обширное поле и вдали на горѣ красую-

щаяся Варшава, время приближалось уже къ вечеру, сраженіе подъ Вавромъ кончилось, огонь умякълъ, и войска начали располагаться на бивакахъ. Но и при выходѣ изъ дефиле не переставало попадаться такое же множество раненыхъ и мимо насъ провезли на лафетѣ начальника артилеріи въ арміи, генераль-адъютанта Сухозанета, у котораго оторвало ногу.

Сраженіе подъ Вавромъ началось около полудня; по занятіи съ боя авангардомъ Палена Миросны, Зимпрскій, постепенно удерживая своимъ аріергардомъ натискъ Лопухина, отступилъ къ Вавру и рѣшился здѣсь остановиться и принять бой. До 40 орудій были построены въ одну батарею передъ Вавромъ, чтобы препятствовать дебушированію Палена; направо отъ батареи выстроились три баталіона, примыкая правымъ крыломъ къ болоту; лѣво отъ батареи шесть баталіоновъ; остальные баталіоны и кавалерія заняли вторую линію; вскорѣ, сверхъ того, прислана была на помощь Зимирскому дивизіа Шембека, которая, отступая впереди Скрженецкаго, вышла къ Выгодамъ. Лопухинъ, выйдя изъ дефиле, атаковалъ непріятеля первымъ и вторымъ Егерскими полками, поддержанными кавалеріей; но полки эти не въ силахъ были сбить непріятеля съ позиціи, и въ свою очередь, осыпавые картечнымъ огнемъ и атакованные, были опрокинуты обратно въ лѣсъ и второй Егерскій полкъ почти уничтоженъ. Но вскорѣ подвинулась вся пѣхота Палена, появился Толь, Лопухина поддержали, войска начали развертываться вправо и влѣво, выставлены также батареи; полки двинулись въ атаку, и бой закипѣлъ. Между тѣмъ, Литовскій корпусъ, тѣсня Скрженецкаго, занялъ Окуневъ и двинулся далѣе по лѣсному дефиле; Скрженецкій успѣшилъ пристроиться къ лѣвому флангу Зимирскаго, расположилъ свои войска въ двѣ линіи и выставилъ также сильную батарею передъ Выгодами, чтобы препятствовать дебушированію Розена; Хлопицкій послѣшилъ тогда самъ на поле сраженія, придвинулъ Круковецкаго и весь свой резервъ и обратилъ главное вниманіе на то, чтобы, ударивъ въ промежутокъ между шестымъ и седьмымъ корпусами, разорвать между ними связь и, взявъ во флангъ Палена, опрокинуть его къ болоту. Но Толь, замѣтивъ это намѣреніе, приказалъ Сухозанету и потомъ Нейдгарту поставить на правомъ флангѣ на буграхъ батарею. Атака Хлопицкаго была отбита; Хлопицкій выдвинулъ тогда вправо кавалерію, Толь выдвинулъ также на лѣвый флангъ Сакена съ бригадою улановъ и Пашкова съ бригадою конныхъ егерей; атаки Сакена и Пашкова были вполнѣ удачны и Дибичъ, пріѣхавшій въ это время на поле сраженія, былъ свидѣтелемъ атаки Пашкова и примирился съ конными егерями. Хлопицкій досадовалъ на неуспѣхъ, Дибичъ былъ доволенъ

но не понималъ, почему нѣтъ до сего времени Розена, и такъ какъ Скрженецкій держался послѣ Окунева неупорно и отступилъ заблаговременно, то съ правой стороны не слышно было ни одного выстрѣла, и это приводило Дибича въ большое недоумѣніе. Но Розенъ не оставался ни на минуту, и причиною его замедленія была дальность пути; съ Окунева для дебушированія онъ раздѣлилъ свои войска на двѣ колонны: въ правой двинулъ авангардъ Влодека и гренадеръ Муравьева по пути на Кавендзинъ, въ лѣвой, главныя свои силы на Выгоды. Около двухъ часовъ пополудни Владекъ и Муравьевъ начали выходить къ Ковендзину. Хлопицкій противопоставилъ имъ часть войскъ Круковецкаго и въ Кавендзинѣ загорѣлся бой. Хлопицкій, опасаясь быть взятымъ съ лѣваго фланга и опрокинутымъ къ болоту, началъ помышлять объ отступленіи и, оставивъ вторую линію Шембека удерживаться, отвелъ третью линію Зимирскаго къ Гославу. Дибичъ утѣшился, услышавъ выстрѣлы со стороны Розена, но снова впалъ въ недоумѣніе, почему Розенъ принялъ такъ далеко вправо; около 3-хъ часовъ показались, однакоже, и главныя силы Розена; войска его штурмовали Домбровску Гору и непріятель началъ отступать по всей линіи. Дибичъ готовъ былъ продолжать успѣхи, не смущаемый уже опасеніями быть разорваннымъ съ Розеномъ; но въ четвертомъ часу стало темнѣть, и Дибичъ, для удержанія войскъ въ порядкѣ, приказалъ прекратить бой. Польская армія отступила къ Малому Грохову, примкнула правымъ крыломъ къ болоту, протянула лѣвое по направленію къ Кавендзину; главныя ея силы находились въ Маломъ Гроховѣ и передъ Гроховымъ выстроена огромная батарея. Авангардъ Палена занялъ Гославъ, корпусъ его расположился у Вавра; 6-й корпусъ занялъ авангардомъ Выгоду, притянулъ изъ Кавендзина правую колонну, расположился въ опушкѣ сосноваго бора вправо отъ 1-го корпуса и цѣль аванпостовъ его протянулась въ первое время по гроховскому лѣсу, находящемуся между Кавендзиномъ и Гроховымъ. 2-я гренадерская дивизія стала за 1-мъ корпусомъ влѣво отъ шоссе, отрядъ Цесаревича за гренадерами, а кирасиры пришли въ Милосну. Потери со стороны русскихъ въ этотъ день стирались до 4,000 убитыми, ранеными и ялѣнными; со стороны поляковъ почти столько же. Главное, въ дѣлѣ участвовалъ Паленъ противъ Зимирскаго и Шембека; силы были почти равныя; но перевѣсъ въ моральномъ отношеніи оставался на сторонѣ русскихъ.

Когда гремѣло это сраженіе, всѣ башни, терасы, балконы, костелы и крыши въ Варшавѣ были заняты зрителями; всѣ томились ожиданіемъ и попеременно то оживлялись радостною вѣстью, то тревожились

извѣстіями печальными; женщины молились въ костелахъ съ колѣно-преклоненіемъ, а сенаторы и депутаты помышляли уже о томъ, какъ встрѣтить русскихъ.

Биваки нашей дивизіи были расположены на небольшой полянѣ между кустами влѣво отъ шоссе, гдѣ претерпѣлъ поражение 2-й егерскій полкъ; говорили, правда ли, не знаю, что будто командиръ этого полка былъ человѣкъ неопытный и, вступая въ сраженіе, не приказалъ даже солдатамъ зарядить ружья, надѣясь еще это успѣть; какъ вдругъ при выходѣ изъ дефиле ему приказано было строиться и идти впередъ. Онъ двинулся, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, увидѣлъ передъ собою неприятельскую батарею и, вмѣсто того, чтобы броситься на нее съ холоднымъ оружіемъ, приказалъ остановиться и заряжать ружья; батарея открыла картечный огонь, и въ нѣсколько минутъ полкъ былъ почти истребленъ; одинъ баталіонъ лежалъ въ томъ самомъ порядкѣ, какъ стоялъ колонною, даже офицеры лежали при своихъ взводахъ. Говорили также, что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ артилеріи картечью налетѣла на нихъ кавалерія, и они до того потерялись, что и не помышляли о сопротивленіи, и только изъ двухъ баталіоновъ успѣло спастись не болѣе 300 человѣкъ; потеряно знамя и три штабъ-офицера. Гренадеры, чтобы очистить себѣ мѣсто для биваковъ, должны были стаскивать трупы въ кучи. Лишь только что мы начали располагаться на бивакахъ, какъ вдругъ сдѣлалась опять тревога на правомъ флангѣ; всѣ стали въ ружье, но тревога вышла фальшивая и произошла отъ того, что солдаты Литовскаго корпуса, желая нагрѣть себѣ скорѣе воду, бросили подъ котелъ найденную гранату; гранату разорвало и положило нѣсколько человѣкъ на мѣстѣ. Черезъ полчаса пріѣхалъ къ намъ на биваки Дибичъ, слѣзъ съ лошади и сѣлъ на барабанъ; мы окружили его, а Толь и вся главная квартира проѣхали въ Милосну. Дибичъ былъ необыкновенно веселъ, говорилъ, шутилъ съ гренадерами. «Это дефиле», сказалъ онъ Полуэктову, «лежало у меня на душѣ, но, слава Богу! мы его взяли; теперь преграды нѣтъ, а въ чистомъ полѣ развѣдаться немудрено. Правда, потери велики, но что дѣлать, я думалъ, что Литовскій корпусъ встрѣтитъ менѣе препятствій и, заходя въ тылъ, заставитъ поляковъ поспѣшнѣе оставить это дефиле. Не знаю, прибавилъ онъ, что я скажу о себѣ въ этотъ день въ своихъ запискахъ, которыя имѣю привычку постоянно вести. Я поступилъ какъ храбрый офицеръ, но не такъ какъ главнокомандующій, который долженъ сохранять свою жизнь. Польскіе стрѣлки отхватили у насъ по оплошности прикрытія четыре орудія; увидѣвъ это, я взялъ вблизи стоящій эска-

дронь, бросился и возвратил орудія, но этого главнокомандующему простить нельзя». Поговоривъ еще съ гренадерами, Дибичъ уѣхалъ, а мы начали пить чай, но были неприятно прерваны; собаки, которыхъ Богъ знаетъ откуда появляются послѣ сраженія, начали терзать лежащій неподалеку отъ насъ трупъ; но въ этомъ трупѣ оказалась еще жизнь и онъ страшно застоналъ. Мы отняли его у собакъ, но не могли уже ничего ѣсть; такое неприятное впечатлѣніе произвело на насъ чело-вѣческое мясо, раздираемое собаками.

Съ наступленіемъ ночи, я, какъ ни устала моя лошадь, долженъ былъ отправиться въ главную квартиру за диспозиціей и адъютантъ Карповъ попросилъ зайти къ дежурному генералу и взять у него лозунгъ и отзывъ. Невесело было проѣзжать по тому же сосновому бору, ночью, когда онъ оглашался стономъ валяющихся раненыхъ, которыхъ не успѣли еще собрать; мѣстами видѣлись огоньки, разложенные тѣми ранеными, которые хотѣли какъ нибудь себя согрѣть и въ силахъ были это сдѣлать. Признаюсь, я даже опасался и мародеровъ, скакалъ, сколько у лошади доставало силъ, и не замѣтилъ, что потерялъ дорогою одинъ эполетъ и ножны съ полусабли. Когда я вошелъ къ Нейдгарту, онъ принялъ меня ласково, попросилъ зайти за диспозиціею черезъ часъ, и, говоря со мною, наложилъ на плечо руку; я почувствовалъ тогда, что у меня нѣтъ эполета.

— Ахъ, извините, ваше превосходительство! сказалъ я, смѣшавшись.

— Ничего, ничего, здѣсь нужно дѣло, а не форма.

Проходя черезъ дворъ, я увидѣлъ разставленные тамъ и сямъ са-мовары и кругомъ ихъ всю главную квартиру.

— Хотите чаю? закричалъ Галяминъ.

— Сейчасъ, только схожу къ дежурному генералу.

— Такъ мы васъ ждемъ, поскорѣе.

— Что вы? спросилъ Обручевъ.

— Лозунгъ и отзывъ для 2-й гренадерской дивизіи.

— Я послалъ. А вы возьмите сейчасъ вотъ этотъ конвертъ, весьма нужный, отъ главнокомандующаго къ графу Палену, и отдайте ему сами въ руки, да только скорѣе! если слить, разбудите; онъ недалеко отъ вашей дивизіи; да попросите росписку, во сколько часовъ вы доставите и пришлите ее ко мнѣ съ казакомъ.

— Я прикомандированъ къ генеральному штабу.

— Что жъ изъ этого?

— Я пріѣхалъ за диспозиціей и Александръ Ивановичъ Нейдгартъ приказалъ мнѣ черезъ часъ явиться.

— Я скажу Александру Ивановичу, а диспозицію отправлю.

— У меня измучена лошадь и я скоро доѣхать не могу.

— Извольте ѣхать, сударь; посмотрю, какъ вы осмѣлитесь нескоро доставить.

Жаловаться Нейдгарту, пожалуй, еще самъ останешься виноватымъ, и потому надобно было исполнить приказаніе. Я поѣхалъ, лошадь моя едва уже шла. Едва я отыскалъ Палена и ночью боялся безпрестанно наѣхать на непріятельскіе аванпосты. Паленъ былъ въ Ваврской ворчмѣ.

Корчма представляла обширную нечистую горницу безъ пола. Въ переднемъ углу на кровати, покрытой соломой, сидѣлъ поджавъ ноги, въ своей коротенькой походной шинелькѣ, надѣтой въ рукава, графъ Паленъ; на колѣняхъ у него стояла деревянная чашка съ неочищеннымъ картофелемъ, около него на кровати горѣла сальная свѣчка въ глиняномъ подсвѣчникѣ; близъ кровати, опершись на ея задокъ, стоялъ князь Горчаковъ, его начальникъ штаба, и вмѣстѣ съ Паленомъ очищали себѣ картофель и ѣли его съ большимъ аппетитомъ. На лавкахъ, окружающихъ стѣны корчмы, сидѣли офицеры генеральнаго штаба, адъютанты и офицеры, находящіеся на постоянныхъ ординарцахъ, и, опрокинувъ назадъ головы, спали крѣпкимъ сномъ. У дверей на небольшомъ столѣ горѣла другая свѣча; за столомъ сидѣлъ дежурный штабъ-офицеръ и зѣвалъ надъ бумагами. Я подалъ графу конвертъ, прибавя «отъ главнокомандующаго, весьма нужное». Графъ Паленъ молча распечаталъ, прочелъ, показалъ бумагу Горчакову, не выпуская изъ своихъ рукъ, прочелъ про себя, и Горчаковъ, и Паленъ поклонились мнѣ, давая знакъ, что я кончилъ свое порученіе. Я отошелъ къ дежурному штабъ-офицеру, взялъ у него записку о времени полученія конверта, отправилъ ее въ Милосну, а самъ возвратился на бивакъ, завернулся въ шинель, и легъ, близъ огня, потому что ночь была прехолодная и я чувствовалъ необыкновенную усталость. Сонъ мой продолжался, однакоже, недолго; громкій голосъ Полуэктова и общій шумъ разбудили меня, я вскочилъ и увидѣлъ, что дивизія строится.

— Что это? спросилъ я.

— Насъ обходятъ! сказалъ Полуэктовъ.

— Откуда?

— Слѣва.

— Тамъ по картѣ непроходимыя болота.

— Вреть твоя, братецъ, карта. А ты поѣзжай сейчасъ въ главную квартиру и спроси у графа Толя, что онъ прикажетъ намъ дѣлать.

— Рѣшительно не могу ваше превосходительство и не начѣмъ: я усталъ, и лошадь съ мѣста не трогается; я уже ѣздилъ и въ главную квартиру и оттуда къ графу Палену, цѣлый день былъ верхомъ и сдѣлалъ около 60 верстъ.

— Ну, Поливановъ, съѣзди хоть ты и спроси, золотой мой, приказаніе; Нееловъ въ самомъ дѣлѣ измучился.

— Да зачѣмъ я поѣду? Что я скажу ваше превосходительство, замѣтилъ Поливановъ.

— Скажи, братецъ, что насъ обходитъ непріятельская кавалерія.

— Помилуйте ваше превосходительство, съ чего вы взяли? сказалъ Зальца.

— Съ чего я взялъ! развѣ ты не слышишь влѣво ржаніе лошадей и конскій топоть.

— Конскаго топота не слышу, а лошади ржатъ гусарской дивизіи Лопухина, которая впереди насъ.

— Разказывай, братецъ,—поѣзжай Поливановъ.

Поливановъ поѣхалъ.

— Слышишь Петръ Ивановичъ! сказалъ Полуэктовъ, обратясь къ Фрейгангу.

— Да, да, ваше превосходительство, кажется точно...

— Такъ прикажи же стать твоимъ войскамъ въ ружье, вы, Михайло Ивановичъ, прибавилъ онъ, обратясь къ Чеодаеву, сдѣлайте тоже, и выстройте баталіонныя каре отъ кавалеріи; а вы, Зальца и Нееловъ, расположите мнѣ эти каре въ шахматномъ порядкѣ, чтобъ они могли взаимно другъ друга обстрѣливать.

Фрейгангъ засуетился; Чеодаевъ также пошелъ дѣлать распоряженія; Бушена не было, онъ остался комендантомъ въ какомъ-то мѣстечкѣ и 2-ю бригадою командовалъ полковникъ Циммерманъ.

— Ваше превосходительство! сказалъ Зальца рѣшительно, если бы непріятель и въ самомъ дѣлѣ обошелъ насъ, то, встрѣчая его ночью, такимъ образомъ, каре будутъ скорѣе стрѣлять по своимъ.

— Извольте исполнять мои приказанія, возразилъ Полуэктовъ еще рѣшительнѣе.

— Это изъ рукъ вонъ, сказалъ Зальца, довольно громко.

— Неужели мы въ самомъ дѣлѣ будемъ такъ строиться? спросилъ я у Зальца.

— Нечего дѣлать, будемъ исполнять.

Войска построились, и около трехъ часовъ стояли подъ ружьемъ, но непріятель не показывался, а Полуэктовъ расхаживалъ по шоссе и говорилъ съ Фрейгангомъ. Возвратился Поливановъ.

— Ну, что? спросили мы въ одинъ голосъ.

— Разумѣется ничего; Толь смѣется.

— Какъ! что! расскажи! возразилъ Полуэктовъ.

— Толь спалъ, я приказалъ его разбудить.

— И прекрасно!

— Меня ввели въ его спальню, подали свѣчу; генераль Полуэктовъ, сказалъ я, приказалъ доложить вашему сіятельству, что гренадеръ слѣва обходитъ непріятельская кавалерія.

— Пусть обходитъ, сказалъ онъ, разсмѣявшись, поклонился мнѣ и задулъ свѣчу.

— Только?

— Только.

— Прикажете же войскамъ составить ружья и ложиться спать, кажется и въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ.

Диспозиція на слѣдующій день заключалась въ самыхъ короткихъ словахъ: «войска остаются на своихъ мѣстахъ.» По этому, мы предположили, что фельдмаршалъ или намѣренъ дать отдыхъ войскамъ, чтобы оправиться послѣ понесенныхъ потерь, или выждать присоединенія гренадерскаго корпуса, и послѣднее мнѣніе оказалось справедливымъ. Не разъ, однакоже, говорили мы о томъ, что промедленіе можетъ усилить польскія войска, и что кажется лучше было бы, не мѣшая, снова атаковать, пользуясь предшествовавшими успѣхами, и, такъ сказать, не давая полякамъ отдыха, поколебать въ конецъ нравственную силу ихъ арміи и заставить сдаться. Обстоятельства казались вполне этому благоприятствовали. Передъ боевыми нашими линіями, которыя составляли корпуса Розена и Палена, представлялась мѣстность ровная и покрытая только частію селеніемъ Гроховымъ и Гроховскимъ лѣсомъ, простирающимся узкою полоскою отъ Грохова къ Кавендзину. На этой-то мѣстности, примыкая правымъ флангомъ къ болоту, покрытому кустарникомъ, была расположена вся армія Хлопицкаго, прикрывая, такимъ образомъ, Прагу и имѣя у себя въ тылу Вислу съ однимъ мостомъ. Висла хотя еще была покрыта льдомъ, но трудно уже было надѣяться на прочность этого льда, въ особенности при сильномъ столпленіи войскъ. И потому польская армія, защищающая Варшаву, находилась въ самомъ невыгодномъ для нея положеніи, и, будучи опрокинута, могла подвергнуться совершенному истребленію. Поляки также ожидали нападенія на другой день, но, не видя другаго средства защитить Варшаву, готовились, съ отчаяннымъ мужествомъ, или выдержать натискъ и отстоять независимость, или пасть со славою, въ виду своей столицы. Но Ди-

бичь судилъ другимъ образомъ: онъ хотѣлъ вступить въ бой не иначе, какъ имѣя на своей сторонѣ всѣ условія несомнѣннаго успѣха. Войска оставались на тѣхъ же мѣстахъ пять дней по 13-е февраля, и всѣ пять дней продолжалась почти непрерывная канонада; мимо насъ провозили безпре-
станно подбитые лафеты и орудія, и замѣняли ихъ новыми изъ резерва; порою завязывался огонь въ цѣпи аванпостовъ, преимущественно на нашемъ правомъ крылѣ; но ничего рѣшительнаго ни съ той, ни съ другой стороны не было. Здѣсь трудно себѣ объяснить въ послѣдствіи одно весьма важное обстоятельство. По приказанію ли главнокомандующаго, или по собственному распоряженію Розена, для того можетъ быть, чтобы избѣ-
жать безпрестанно возобновляющейся перестрѣлки въ аванпостахъ, Ли-
товскій корпусъ на другой день нашего прибытія подъ Гроховъ, ото-
двинулъ нѣсколько назадъ свои аванпосты и очистилъ гроховскій лѣсъ. Это было важною ошибкою, за которую намъ пришлось дорого по-
платиться.

Въ польскую армію прибылъ въ это время генералъ Уминскій, ко-
торый былъ замѣшанъ въ заговорѣ въ 1825 и 1826 годахъ, содер-
жался въ Глогау, но какъ-то оттуда ускользнулъ, услышавъ о воз-
станіи Польши, и получилъ въ командованіе кавалерійскую дивизію
Вейсенгофа. Пондзинскій предлагалъ Хлопицкому, пользуясь бездѣй-
ствіемъ Дибича до прибытія гренадеровъ князя Шаховскаго, усилить лѣвое
крыло польской арміи, двинуться отъ Кавендзина къ Домбровой горѣ,
атаковать во флангъ Розена, отбросить его на корпусъ Палена, и,
угрожая зайти въ тылъ русской арміи, принудить ее къ отступленію,
или притѣснить къ болоту и нанести ей поражение. Хлопицкій нахо-
дилъ этотъ планъ слишкомъ смѣлымъ, говорилъ, что вмѣсто того,
чтобы имъ отрѣзать отступленіе русской арміи, Дибичъ двинетъ 1-й кор-
пусъ впередъ, Паленъ опрокинетъ ослабленный ихъ правый флангъ и
отрѣжетъ ихъ скорѣе отъ Варшавы, и оставался при дѣйствіи оборо-
нительномъ. Дибичъ, съ своей стороны, понималъ сдѣланную ошибку, давъ
направленіе князю Шаховскому на Ковно, тяготился выжиданіемъ, но,
не рѣшаясь вступать въ бой до прибытія гренадеровъ, обратилъ главное
вниманіе на скорѣйшее ихъ присоединеніе. Князь Шаховской 5-го февраля
прибылъ съ первымъ эшелономъ только въ Ломжу и соединился съ отря-
домъ генерала Мандерштерна, который долженъ былъ составить его
авангардъ; единственною связью его съ главной арміей служилъ одинъ
казачій полкъ, высланный Дибичемъ еще изъ Венгрова на правый бе-
регъ Буга. Генералъ фонъ-Фрикенъ, съ полкомъ графа Аракчеева, оставленъ
въ Августовѣ, для сохраненія спокойствія въ этомъ воеводствѣ. Ди-

бичь 6-го февраля отправилъ адъютанта своего, ротмистра Муханова, съ 50-ю казаками на правый берегъ Буга съ приказаніемъ къ князю Шаховскому слѣдовать форсированными маршами, уничтожить заготовленные поляками магазины въ Остроленкѣ, Рожанахъ и Пултускѣ, и прибыть къ 11-му февраля непременно въ Сіероцкѣ. Мухановъ на-шелъ 8-го февраля князя въ Остроленкѣ; магазинъ тамъ былъ уже сожженъ самими поляками и мостъ черезъ Наревъ разломанъ. Мандерштернъ поспѣшилъ поправить мостъ и Шаховской двинулся далѣе. Опасаясь, что гренадеры могутъ быть остановлены на переправѣ черезъ Бугъ, Дибичъ, послѣ сраженія при Ваврѣ, 8-го февраля, отрядилъ генерала Саена съ уланскою бригадою и однимъ баталіономъ пѣхоты, чрезъ Марки къ Зегржу, чтобы овладѣть тамъ мостомъ; но при Зегржѣ устроены были съ обоихъ береговъ предмостныя укрѣпленія, занятыя уже частію пѣхоты, присланной изъ Модлинскаго гарнизона. Саенъ вы-ждалъ приближенія Мандерштерна, чтобы одновременно произвести съ нимъ атаку съ обоихъ береговъ. Прибывъ къ Зегржу, князь былъ въ большомъ затрудненіи, какимъ образомъ переправить свою артилерію, которой у него, съ батареями 2-й гренадерской артилерійской бригады, было 56 орудій. Но Мандерштернъ, слѣдовавшій впереди, перешелъ по льду, напалъ на предмостныя укрѣпленія съ тыла и отгѣснилъ нахо-дившіяся тамъ войска. Переправа сдѣлалась свободною. Въ это время прибылъ къ князю адъютантъ главнокомандующаго, гвардейскаго гене-ральнаго штаба штабсъ-капитанъ Львовъ, съ приказаніемъ, чтобы князь во что бы то ни стало переправился съ артилеріей, или безъ артилеріи, и въ первомъ случаѣ, если переправится съ артилеріей, слѣдовалъ бы по ирямому пути къ Варшавѣ на соединеніе съ арміей, во вто-ромъ случаѣ, если переправится безъ артилеріи, оставилъ бы часть войска для прикрытія артилеріи и слѣдовалъ уже на Радзиминъ и Окуневъ на соединеніе съ арміей. Хлопицкій, когда князь Шаховской приблизился къ Зегржу, выслалъ съ своей стороны по направленію къ Зегржу генерала Янковскаго съ бригадою кавалеріи и баталіономъ пѣ-хоты, чтобы предпринять что нибудь противъ Саена или князя Шахов-скаго, и вслѣдъ затѣмъ, на подкрѣпленіе Янковскому послалъ Мала-ховскаго съ 6-ю баталіонами пѣхоты. 11-го февраля, вечеромъ, пріѣзжалъ отъ князя Шаховскаго къ Дибичу съ донесеніями изъ Остроленки Печ-ковскій. Дибичъ принялъ его ласково, разцѣловалъ и отправилъ обратно съ приказаніемъ поспѣшить . . . . .

Продовольствіе войскамъ подвозили хотя и не въ значительномъ количествѣ, но, однакоже, войска не нуждались въ сухаряхъ. Что же

касается до насъ, то при арміи было еще весьма немного маркитантовъ и мы платили по рублю серебромъ за фунтъ сахару; бѣлаго хлѣба почти вовсе достать было нельзя, и такъ какъ я не могъ иначе пить чай, какъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, то полковые командиры снабжали меня каждый день двумя или тремя булками, которыя удавалось имъ доставать за дорогую плату у маркитантовъ, или посылая въ Минскъ. Убѣжденные, что скоро вступимъ въ Варшаву, мы легко переносили и холодъ, и всѣ лишенія, и проводили время довольно весело. Бивакъ нашъ, построенный изъ хвороста, былъ обширенъ, застланъ и обвѣшанъ коврами, а столы и стулья замѣняли барабаны. У насъ прожили два дня Галяминъ, Жеребцовъ, Ширковъ и Денъ. Они были посланы съ топографами изъ главной квартиры для рекогносцировки позиціи, занимаемой непріателемъ; но въ отношеніи своего порученія поступили не вполне добросовѣстно, оставаясь сами у насъ и предоставляя дѣлать обзоръ однимъ топографамъ; одинъ только Денъ ѣздилъ изрѣдка наблюдать за топографскою работою. Планъ вышелъ хорошъ, но не сохвѣтъ вѣренъ; топографы знали съемку, но не могли дать себѣ яснаго отчета о мѣстности, занимаемой непріателемъ. Говорили послѣ, что будто бы топографы на-угадъ набросали нѣсколько сильныхъ полевыхъ укрѣпленій между гроховскимъ лѣсомъ и Кавендзиномъ, тогда какъ это были небольшіе брустверы, прикрывающіе батареи и не имѣющіе фланговой обороны; говорили даже, что будто бы этотъ планъ былъ одною изъ главныхъ причинъ, почему главнокомандующій въ гроховскомъ сраженіи устремилъ, преимущественно, свою атаку на самый лѣсъ, а не обошелъ его справа. Но эти слухи мало заслуживаютъ вѣроятія, потому что атака непріателя со стороны Кавендзина была предоставлена главнокомандующимъ войскамъ князя Шаховскаго. Галяминъ предложилъ намъ въ это время носить, вмѣсто клеенчатыхъ шляпъ, фуражки, говоря, что они въ турецкой войнѣ также носили фуражки, а генералы шляпы, и на другой же день всѣ офицеры главной квартиры надѣли фуражки, а послѣ сраженія подъ Гроховымъ и мы послѣдовали ихъ примѣру. Между тѣмъ, по полученіи извѣстія отъ князя Шаховскаго, что онъ переправился со всею артилеріей и оставилъ только баталіонъ пѣхоты для прикрытія моста при Зегржѣ, и послалъ нѣсколько эскадроновъ къ Насіельску для прикрытія съ этой стороны слѣдованія втораго и третьяго эшелоновъ, Дибичъ далъ князю повелѣніе двинуться къ Бялолѣннѣ, выжидать тамъ его повелѣнія и приступилъ къ составленію плана для генеральнаго сраженія на 14-е февраля. Главный смыслъ диспозиціи заключался въ слѣдующемъ: графъ Виттъ съ 3-мъ резервнымъ кавалерій-

скимъ корпусомъ долженъ былъ выступить на встрѣчу князю Шаховскому и соединиться съ нимъ 14-го числа по утру при Кавендзинѣ, куда Шаховской получилъ повелѣніе, не завязывая дѣла, двинуться въ два часа утра изъ Бялалѣнки. Такимъ образомъ, правымъ флангомъ, состоящимъ изъ 1-го эшелона гренадеровъ, отрядовъ Мандерштерна и Сакена и корпуса Витта, долженъ былъ командовать князь Шаховской, центромъ—Розень, лѣвымъ крыломъ—Палень и резервомъ, состоящимъ изъ 2-й гренадерской дивизіи и гвардейскаго отряда—Цесаревичъ. Войска князя Шаховскаго должны были первыя начать атаку отъ Кавендзина на лѣвый флангъ польской арміи, стараться охватывать и тѣснить его; главные силы имѣли назначеніе, выждавъ первоначально успѣхъ со стороны князя Шаховскаго, ударить всюю своею массою съ фронта, опрокинуть къ Вислѣ, разбить польскую армію и занять Прагу, или, отбросивъ армію въ уголь, образуемый выше Праги Вислою и болотами, истребить ее, или заставить безпрекословно положить оружіе. 12-го числа, послѣ обѣда, Нейдгартъ взялъ съ собою всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба и прикомандированныхъ, объѣхалъ позицію, начиная съ праваго фланга, и показывалъ каждому дивизионному квартирмейстеру, гдѣ его дивизія должна была строиться. 13-го же февраля главнокомандующій долженъ былъ пріѣхать во 2-ю гренадерскую дивизію, отслушать молебень, раздать по нѣсколько солдатскихъ георгіевскихъ крестовъ въ полкъ за дѣло подъ Калушинымъ и поздравить войска съ предстоящимъ сраженіемъ. Но 13-го февраля, съ ранняго утра, начали раздаваться вправо, верстъ за 15, пушечные выстрѣлы со стороны князя Шаховскаго, и мы были убѣждены, что князь, встрѣтивъ непріятеля, который преградилъ ему путь, опрокинетъ его и не замедлитъ прибыть подъ Гроховъ. День былъ сырой и туманный; мы встали рано и многіе тотчасъ же сѣли за карты, въ томъ числѣ и подполковникъ Екатеринославскаго полка Овцынъ. Овцынъ нонтировалъ леобыкновенно счастливо, повторяя: «ну, это дурной знакъ, врядъ ли мнѣ придется быть столь счастливымъ завтра въ сраженіи».

Въ 9 часовъ утра пріѣхалъ Дибичъ, раздалъ по пяти крестовъ на полкъ, хотѣлъ слушать молебень, но, тревожимый усиливающейся безпрестанно канонадою у князя Шаховскаго, сказалъ, что будетъ черезъ часъ, сѣлъ на лошадь, приказалъ за собой ѣхать офицерамъ генеральнаго штаба, и поскакалъ, въ сопровожденіи всей главной квартиры, въ аванпосты Палена. Судя по грому орудій, князь Шаховской былъ уже не далѣе восьми верстъ, и могъ поспѣть часа черезъ полтора. Дибичъ проѣхалъ по цѣпи, остановился, задумался, и потомъ, быстро обратясь къ Толю, сказалъ съ живостію:

— Карль Фодоровичъ! у насъ все готово, зачѣмъ мѣшкать, сдѣлаемъ сегодня то, что хотѣли сдѣлать завтра.

Толь отвѣчалъ утвердительно головою.

— Прикажите же войскамъ занимать сію минуту свои мѣста и начинайте!

Толь выдвинулъ артилерію графа Палена, раздался выстрѣлъ, другой, бой завязался, а мы съ Зальцемъ поскакали къ дивизіи, чтобы вести ее вправо по опушкѣ сосноваго бора и расположить за песчаными холмами, тянувшимися грядою по опушкѣ, близъ Домбровой горы.

Предположеніе главнокомандующаго, какъ мы послѣ узнали, основывалось на томъ, что если польская армія отдѣлила отъ себя значительный отрядъ противъ князя Шаховскаго, то она ослабила этимъ главныя свои силы и, слѣдовательно, не трудно будетъ опрокинуть эти остатки, отбросить ихъ къ Вислѣ и зайти въ тылъ отряду, дѣйствующему противъ князя Шаховскаго. Если же, напротивъ того, этотъ отрядъ незначителенъ, то князь Шаховской съ своей стороны успѣетъ опрокинуть его и вмѣстѣ съ нимъ выйдетъ на флангъ польской арміи, соединится съ главными силами, и, обойдя лѣвое крыло поляковъ, довершитъ ихъ пораженіе. До прибытія же князя Шаховскаго, для охраненія праваго крыла, сверхъ корпуса Витта, посланы были къ Кавендзину гренадерскіе полки Муравьева, и для усиленія арміи притянутъ къ главнымъ силамъ Гейсмаръ со 2-ю бригадою конныхъ егерей и присоединенъ къ 1-му корпусу. Въ расположеніи польской арміи произошли между тѣмъ также нѣкоторыя измѣненія: Шембекъ занималъ правое крыло, Скрженецкій—центръ и Зимирскій—лѣвое крыло, протягивавшееся по гроховскому лѣсу. Круковецкій, выславшій Янковскаго и Малаховскаго противъ Сакена и князя Шаховскаго, двинулся вслѣдъ за ними 12-го февраля и самъ къ Брудцо; часть кавалеріи содержала связь между Круковецкимъ и дивизіею Зимирскаго; вся остальная составляла резервъ, придвинутый ближе къ лѣвому крылу. Число войскъ въ арміи Дибича состояло изъ 48,500 пѣхоты, 10,000 кавалеріи, при 118 орудіяхъ; въ отрядѣ князя—8,500 пѣхоты и 2,000 кавалеріи, при 56 орудіяхъ. Итого 57,000 пѣхоты, 12,000 кавалеріи, при 234 орудіяхъ, изъ которыхъ 64 орудія находились въ резервѣ. Число войскъ въ арміи Хлопицкаго: 36,000 пѣхоты и 12,000 кавалеріи; въ отрядѣ Круковецкаго до 12,000; итого съ артилеріею свыше 60,000, при 112 орудіяхъ.

Вскорѣ бой загорѣлся по всей линіи; земля стонала отъ грома орудій, гулъ отзывался раскатами въ сосновомъ бору; ружейный огонь

сливался въ одно что-то общее, безостановочное и заглушаемъ былъ выстрѣлами изъ орудій. Облака дыма стлались по землѣ, ядра и гранаты взрывали землю и неслись рикошетами. Мы тянулись по опушкѣ бора густыми колоннами, изъ рядовъ которыхъ ядра и гранаты вырывали порою по нѣсколько человѣкъ. Дойдя къ песчанымъ буграмъ, мы устроили за ними дивизію въ резервномъ порядкѣ, а сами взѣхали на бугоръ, гдѣ находилась вся главная квартира. Толь расположился на правомъ крылѣ, Нейдгартъ находился при графѣ Паленѣ на лѣвомъ. Страшная и вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпная картина представилась нашимъ глазамъ: войска двигались стройно колоннами, артилерія гремѣла, или неслась съ быстротою на другую позицію. Адъютанты и офицеры генеральнаго штаба скакали по всѣмъ направленіямъ; порою все закрывалось тучами дыма, но порою дымъ разсѣявался, и картина казалась намъ еще грознѣе, еще очаровательнѣе. Мѣсто на бугрѣ было небезопасно для главнокомандующаго, но другаго не было на всемъ полѣ сраженія, съ котораго бы можно было обзрѣвать ходъ сраженія. Корпусъ Палена, хотъ медленно, но подвигался впередъ; полки держались упорно. Литовскій корпусъ не имѣлъ тѣхъ успѣховъ: нѣсколько разъ поляки отгѣсняли даже его назадъ изъ лѣса, и онъ нестройно начиналъ отступать. Главнокомандующій сердился, — это было передъ самыми его глазами, — и снова приказывалъ вести его впередъ; огонь кипѣлъ самый жаркій, колонны снова наступали и снова еще болѣе нестройными толпами отодвигались назадъ, и польская пѣхота, опрокидывая ихъ, высыпала вслѣдъ за ними на равнину передъ буграми. Моментъ былъ опасный. Литовскій корпусъ три раза уже возобновлялъ нападеніе и три раза отступалъ въ безпорядкѣ; безпорядокъ этотъ еще болѣе увеличивался непрерывными переметчиками, которые, въ нашихъ глазахъ, бросая ружья, перебѣгали на сторону поляковъ, или переходили цѣлыми командами со всѣмъ оружіемъ. Розень хотѣлъ возстановить порядокъ, не жалѣя своей жизни и носясь даже въ цѣпи стрѣлковъ; главнокомандующій посыпалъ приказаніе за приказаніемъ, чтобы удержать войска въ границахъ повиновенія и одушевить ихъ тѣмъ же мужествомъ, которое они показали подъ Добре, но ничто не помогало и Литовскій корпусъ не имѣлъ успѣха. Этому не мало также содѣйствовали одинаковые сигналы въ обѣихъ противодѣйствовавшихъ арміяхъ. Начальники приказывали наступать, а поляки играли нарочно сигналы отступления, и сигналы поляковъ, принимаемые войсками Литовскаго корпуса за новое приказаніе начальниковъ, ставило ихъ въ совершенное недоумѣніе. Графъ Паленъ, замѣтивъ безпорядки праваго крыла, остано-

— Здравствуйте, Нееловъ, мы давно съ вами не видались, и подалъ мнѣ руку.

— Что, ваше высокопревосходительство, вашъ корпусъ.

— Главнокомандующій сердится, а я что могу? Развѣ я въ силахъ остановить переметчиковъ. Собираю остатки и опять поведу. Дайте-ка мнѣ вашихъ гренадеровъ, такъ я бы съ двумя полками взялъ этотъ лѣсъ.

Сказавъ это, онъ поскакалъ къ одной небольшой колоннѣ, стоявшей влѣво; это былъ какой-то полкъ Литовскаго корпуса. Признаюсь, я невольно задумался, мнѣ странно была и его откровенность съ молодымъ и едва знакомымъ офицеромъ, и я дивился его хладнокровію, съ которымъ онъ продолжалъ еще распоряжаться, тогда какъ другой на его мѣстѣ, при такихъ обстоятельствахъ, могъ бы совершенно потерять голову. Но въ томъ и другомъ проявлялось чувство чисто человѣческое: объясненіе со мной было слѣдствіемъ желанія оправдать себя хоть передъ кѣмъ бы то ни было; обязанность, долгъ и самолюбіе требовали быстрыхъ распоряженій, а онъ необходимо должны были сохранять и присутствіе духа. Дибича я нашелъ въ сильномъ волненіи, онъ вертѣлъ на себѣ шляпу, снималъ ее съ головы, мялъ, билъ лошадей нагайкою и, казалось, самъ не зналъ, что дѣлать, а полковникъ Зедделеръ, который, Богъ знаетъ, какъ здѣсь явился, рассказывалъ ему что-то о гренадерскомъ корпусѣ.

— Что дѣлаетъ со мною Шаховской! что дѣлаетъ! вскричалъ, наконецъ, Дибичъ, сорвавъ у себя опять съ головы шляпу. Адъютантъ! прибавилъ онъ, обратясь къ одному изъ адъютантовъ, скажите къ Шаховскому и скажите ему, чтобы черезъ часъ онъ непременно былъ здѣсь съ корпусомъ, иначе я донесу на него Государю.

Зедделеръ уѣхалъ самъ произвольно отъ корпуса, чтобы объяснить главнокомандующему дѣйствія князя Шаховскаго. Князь Шаховской, 12-го числа, по утру, имѣлъ небольшое дѣло подъ Непорентомъ и отбросилъ Янковскаго къ Бялолѣнкѣ. Желая въ тотъ же день занять Бялолѣнку, которая служила какъ бы ключемъ для входа въ дефиле, и тѣмъ войти въ ближайшую связь съ главной арміей, Шаховской двинулся къ Бялолѣнкѣ, но она была уже занята сверхъ войскъ Янковскаго, пѣхотою Малаховскаго, высланною Круковецкимъ, который находился самъ въ Брудно. Князь, выстроивъ отрядъ Мандерштерна и гренадеровъ Мартынова, атаковалъ Бялолѣнку съ фронта, Сагену же приказалъ обходить ее слѣва; непріятель держался упорно; надобно было брать штурмомъ каждый домъ, каждый заборъ; но, не смотря на это,

послѣ жаркаго боя, Бялолѣнка была къ вечеру занята. Въ это время главнокомандующій, узнавъ о направленіи отрядовъ Янковскаго и Малаховскаго, и опасаясь, чтобы они не задержали князя на пути, послалъ князю приказаніе за приказаніемъ, то идти по одной дорогѣ, то по другой, и ставилъ этимъ князя въ совершенное недоумѣніе, какимъ образомъ онъ долженъ дѣйствовать. Но, занявъ уже Бялолѣнку и не имѣя преграды, онъ рѣшился съ утра продолжать движеніе и выдти на флангъ польской арміи; однакоже, поляки предупредили его намѣреніе. Съ разсвѣтомъ, Янковскій и Малаховскій, усиленные Круковецкимъ, и понимая всю важности Бялолѣнки, рѣшились снова ее возвратить; атаковали войска князя, расположенныя въ Бялолѣнкѣ, почти неожиданно. Снова завязался бой и князь, получивъ въ это время повелѣніе главнокомандующаго, чтобы, не завязывая боя, спѣшить на соединеніе съ главными силами, не зналъ, что предпринять. Зедделеръ совѣтывалъ продолжать бой, опрокинуть отрядъ, на его плечахъ придти на гроховское поле и соединиться съ главными силами. Гурко, изъ противорѣчія ли Зедделеру, или принимая слова главнокомандующаго буквально, предлагалъ сдѣлать фланговое движеніе на Марки и далѣе, и, обойдя правый флангъ непріятеля, соединиться съ главной арміей. Шаховской колебался; Зедделеръ разгорячился, доказывалъ, что это фланговое движеніе, подъ выстрѣлами непріятеля, можетъ подвергнуть большой опасности ихъ войска, что они, направляясь по другому пути, не выйдутъ на гроховское поле въ томъ пунктѣ, гдѣ имъ приказано, и что, двигаясь по окружной и дурной дорогѣ, они не ускорятъ, но замедлятъ своимъ соединеніемъ. Но Гурко настоялъ, Шаховской рѣшился сдѣлать фланговое движеніе; войска двинулись, поляки начали наступать сильнѣе, колонна Шаховскаго могла бы быть разорвана, если бы Зедделеръ, отправляясь съ донесеніемъ къ главнокомандующему и, бросая корпусъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, не оказалъ ему послѣднюю услугу.

— Займите, сказалъ онъ командующему батареей, штабсъ-капитану Чаплицу, эту высоту вашими орудіями и спасите гренадеровъ.

Чаплицъ занялъ высоту, остановилъ наступающія непріятельскія колонны и, дѣйствительно, былъ главнымъ виновникомъ, что гренадеры успѣли сдѣлать безъ большихъ потерь это фланговое движеніе, потянувшись по дурной и едва проходимой дорогѣ, по которой съ трудомъ могла слѣдовать артилерія.

Сраженіе подъ Гроховымъ разгоралось сильнѣе; поляки держались, по прежнему, упорно. Главнокомандующій приказалъ двинуть въ лѣсъ и 2-ю бригаду 2-й гренадерской дивизіи, нѣсколько правѣе къ самой

огонечности лѣса. Гренадеры пошли съ тѣмъ же барабаннымъ боемъ. Полковникъ Циммерманъ, исправлявшій должность бригаднаго командира, по болѣзни поѣхалъ за нѣсколько дней въ Минскъ. Командиръ Екатеринославскаго полка, полковникъ Рейценштейнъ, вовсе былъ неопытенъ и нераспорядителенъ. Гренадеры шли также храбро, но когда приказано было знаменамъ осадить и остаться назади, это нѣсколько поколебало ихъ духъ: «Зачѣмъ, говорили они вслухъ, отнимать у насъ знамена; другое дѣло карабинеры, они рассыпаются; развѣ главнокомандующій думаетъ, что мы не съумѣемъ сберечь знаменъ, или насъ просто посылаютъ на убой». Но Зальца и Полторацкій ободряли ихъ. По приближеніи къ лѣсу насъ встрѣтили тѣмъ же убійственнымъ огнемъ; одинъ баталіонный командиръ Екатеринославскаго полка, подполковникъ Овцынъ, убитъ на повалъ, другой — маіоръ Баловневъ, тяжело раненъ, прежде нежели мы успѣли дойти до опушки. Занявъ съ тою же быстротою опушку, гренадеры начали подвигаться впередъ, примыкая лѣвымъ флангомъ къ карабинерамъ, которые не успѣли еще далеко оттѣснить непріятеля. Мы съ Зальцемъ поѣхали влѣво, къ генералу Фрейгангу, увѣдомить его о прибытіи гренадеровъ и сказать ему, что онъ долженъ принять команду надъ всѣми четырьмя полками, потому что Полуэктовъ остался назади. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъѣзжая, Зальца совѣтывалъ Рейценштейну никакъ не выходить, при дальнѣйшемъ наступленіи, на поляны, находившіяся посреди лѣса, на которыя, съ высотъ, направлены были непріятельскія орудія; но Рейценштейнъ, надѣясь собрать разсѣявшіеся по лѣсу баталіоны, забылъ совѣтъ Зальца и дорого заплатилъ. Фрейгангъ былъ въ самомъ сильномъ огнѣ, но суетился и отдавалъ безпорядочныя приказанія. Зальца предложилъ мнѣ съѣздить и позвать Полуэктова.

Я нашель Полуэктова на бугрѣ съ главною квартирою; онъ рассказывалъ генераламъ и адъютантамъ анекдоты и смѣшилъ всѣхъ. Я объяснилъ ему положеніе дѣла и убѣждалъ его ѣхать, говоря, что онъ тамъ необходимъ, и что тамъ четыре полка, а здѣсь два.

— Поѣду я въ такой огонь, сказалъ Полуэктовъ шутя; видишь, вонъ у меня назади два полка, вотъ я съ кѣмъ долженъ идти.

— Такъ вы не пойдете?

— Подожди, любезный, можетъ быть.

— Не дождетесь, замѣтилъ князь Горчаковъ, смѣясь; Борисъ Владиміровичъ пороху не жалуется, а у васъ, пожалуй, и пули летаютъ какъ іюльскія мухи, долго ли зацѣпить.

Горчаковъ исправлялъ уже должность начальника артилеріи въ ар-

ми, вмѣсто Сухозанета, а на его мѣсто былъ назначенъ генераль-маіоръ Граббе.

— Такъ вы не поѣдете, повторилъ я.

— Подожди любезный! сейчасъ.

Всѣ захохотали.

— Поѣдемте же, сказалъ я черезъ минуту.

— Ну, да зачѣмъ я поѣду, князь, сами вы посудите, сказалъ онъ, обращаясь къ князю Горчакову.

— Какъ я вижу, вашему превосходительству рѣшительно не зачѣмъ ѣздить, отвѣчалъ Горчаковъ.

— Если бы въ чистомъ полѣ, гдѣ можно распорядиться....

— Гдѣ нѣтъ непріятеля, перебилъ Горчаковъ, а то въ этомъ торговномъ лѣсу, гдѣ даромъ пускаютъ столько крови.

Въ это время начали передъ бугромъ устраиваться кирасиры.

— Ступайте! сказалъ мнѣ въ полголоса Горчаковъ. Вы не дожде-тесь своего генерала, а тамъ можетъ быть принесете какую нибудь пользу.

Я поѣхалъ.

— Постой! постой! закричалъ черезъ минуту Полуэктовъ, догоняя меня, и я поѣду.

Я остановился и выждалъ его.

— Скажи-ка, золотой мой, сказалъ онъ, вотъ этимъ солдатамъ, которые подбираютъ раненыхъ, чтобы они захватили двухъ раненыхъ гренадеръ, которые передъ нами.

Я поскакалъ, а Полуэктовъ, поворотивъ лошадь, возвратился къ главной квартирѣ.

— Что Борисъ? спросилъ Зальца, когда я возвратился.

— Не ѣдетъ.

— Охота вамъ его звать, замѣтилъ Полтарацкій?

— Съѣздите же еще, сказалъ мнѣ Зальца, да не пропускайте адъютанта генерала Фрейганга къ главнокомандующему; онъ безпрестанно посылаетъ его, чтобы просить подкрѣпленій, начитавшись, что худой тотъ генераль, который не имѣетъ резерва, и мы никакъ не можемъ убѣдить его, что объ этомъ долженъ теперь заботиться главнокомандующій, а не онъ, который со всѣмъ своимъ войскомъ оставляетъ часть боевыхъ линій.

Я поѣхалъ, воротилъ адъютанта и встрѣтился съ Нейдгартомъ.

— Гдѣ ваши полки?

— Еще въ лѣсу.

— Скажите же, любезный, чтобы они, занявъ лѣсъ, держались въ его опушкѣ и никакъ не выходили въ поле до приказанія.

Но когда я возвратился къ полкамъ, они вышли уже изъ опушки и выстроились. Въ тылу у нихъ тянулась глубокая канава, впереди стояли массы неприятельской кавалеріи, такъ что при малѣйшемъ отступленіи въ опушку, они могли бы быть стоптаны. Посовѣтовавшись съ Зальцемъ и Полтарацкимъ, мы рѣшили, что впередъ подаваться до приказанія не надобно; но и двигаться назадъ невозможно. Притомъ, если мы не знали по опыту, то твердо знали по преданіямъ, что русскія войска какъ смѣло и стройно наступаютъ, такъ беспорядочно и робко отступаютъ (?); слѣдовательно, при малѣйшемъ приказаніи отодвинуться назадъ, все бы овладѣлъ панической страхъ, все бы смѣшалось, побѣжало, и доставило бы вѣрную побѣду польской кавалеріи. Однакоже, я опять долженъ былъ поѣхать, чтобы объяснить положеніе дѣла Нейдгарту и сказать ему, почему не могъ исполнить его приказанія; но, къ несчастію, меня уже обогналъ адъютантъ, посланный вновъ Фрейгангомъ, и началъ просить у главнокомандующаго подкрѣпленія.

— Гдѣ Фрейгангъ? вскричалъ Дибичъ.

— За лѣсомъ.

— Кто ему приказалъ выходить изъ лѣсу?

— Не я ли, Нееловъ, посылалъ васъ, сказалъ громко и съ досадою Нейдгартъ, нарочно, чтобы главнокомандующій слышалъ, съ приказаніемъ не выходить вашимъ полкамъ изъ лѣсу.

Я хотѣлъ объяснить.

— Шпоры! закричалъ мнѣ Дибичъ. Скажите генералу Фрейгангу, если онъ осмѣлится на шагъ выдти изъ лѣсу, прежде приказанія, я его разстрѣляю.

Я медлилъ.

— Шпоры, сударь! закричалъ Дибичъ, шпоры!

И я, нечего дѣлать, видя, что не успѣю въ своемъ намѣреніи, помчался отдать такое приказаніе, которое было неисполнимо.

Въ лѣсу моя лошадь завязла въ канавѣ, я соскочилъ съ нее и, поручивъ отсталому карабинеру, если можно, ее вытащить и привести ко мнѣ, пошелъ пѣшкомъ. Сдѣлавъ шаговъ сто, я повстрѣчался съ какимъ-то полковникомъ въ сюртукѣ дежурнаго штабъ-офицера.

— Что вы это здѣсь ходите! замѣтилъ онъ, когда вашъ полкъ впереди.

— Я везъ приказаніе главнокомандующаго, отвѣчалъ я, но моя лошадь завязла въ канавѣ и кажется ее не вытащутъ.

— Экая важность, лошадь! у другихъ рвутъ руки и ноги, и то не жалуются.

Мнѣ стало досадно, и я пошелъ далѣе, не возражая ему.

Выйдя на поле, я увидѣлъ, что передъ дивизіей стояли тѣ же сильныя массы непріятельской кавалеріи и батарея, а дивизія, для того, чтобы менѣе терпѣть отъ выстрѣловъ, лежала. Одни только Зальца и Полтарацкій расхаживали важно передъ войсками; Зальца съ трубкою въ зубахъ и подпершись руками въ бока, а Полтарацкій, прихрамывая и потирая свою правую ногу, страдающую ревматизмомъ. Генералу Фрейгангу оторвало конецъ уха и онъ уѣхалъ съ поля сраженія. Рейценштейнъ также скрылся; раненъ ли онъ былъ—не помню, только четырьмя полками командовалъ уже 3-го карабинернаго полка подполковникъ Гурьевъ, или лучше сказать Зальца и Полтарацкій.

— Молодецъ! Молодецъ! закричалъ Зальца, онъ также смѣло, какъ и мы, ходитъ подъ огнемъ батареи. Ну, что?

Лишь только я успѣлъ все пересказать, какъ прискакалъ лейбъ-гвардіи Конно егерскаго полка полковникъ Корфъ, состоящій при графѣ Толѣ, и знакомый мнѣ по Новгороду.

— Графъ Толъ, сказалъ онъ, приказалъ полкамъ быть готовыми идти впередъ.

— Богъ знаетъ, кого слушать! сказалъ Гурьевъ, одинъ говоритъ впередъ, другой назадъ, ничего не поймешь.

Я объяснилъ Корфу приказаніе главнокомандующаго и невозможность его исполнить.

— Я спрошу опять у графа Толя, онъ здѣсь вправо на батарею, сказалъ Корфъ, и, возвратившись черезъ нѣсколько минутъ, потребовалъ меня къ Толю.

Къ счастью, карабинеръ вытащилъ изъ канавы мою лошадь, привелъ ее, и я могъ ѣхать; Зальца и Полтарацкій поѣхали вмѣстѣ со мною. Толъ стоялъ у батареи изъ 24-хъ орудій, любовался, когда наши ядра и гранаты разстроивали непріятельскія колонны, и казался въ веселомъ расположеніи духа.

— Что вамъ главнокомандующій приказалъ? спросилъ онъ меня.

Я рассказавъ.

— А вы что приказали?

Я объяснилъ, почему было нельзя исполнить повелѣнія главнокомандующаго.

— Хорошо! дѣло! Теперь этого и не нужно; линіи выровнялись, мы сейчасъ наступаемъ. Каково дѣйствуетъ наша артилерія. Спасибо, ребята! славно! третье орудіе сдѣлало страшную суматоху у поляковъ, вотъ такъ, и второе! и четвертое! bravo! молодцы артиллеристы.

Зальца и Полтарацкій хотѣли воспользоваться добрымъ расположеніемъ его духа и вступить съ нимъ въ разговоръ.

— Большія потери во второй дивизіи, сказалъ Зальца.

— Человѣкъ по триста въ полку, прибавилъ Полтарацкій.

— Подите прочь! закричалъ Толь, что вы глупости говорите; въ сраженіи не говорятъ о потеряхъ.

Зальца и Полтарацкій замолчали.

— Видите вы вотъ эту трубу на горизонтѣ? сказалъ Толь, обратясь ко мнѣ. Это корчма, составляющая крайній дворъ Большаго Грохова; ведите свои полки прямо на нее, пройдете ее, идите дальше, по тому же направленію, пока я не пришлю приказанія; непріятеля гоните застрѣльщиками, мало застрѣльщиковъ, двигайте колонны и опрокидывайте, обхода не бойтесь! двигается вся линія, ступайте!

— Ведите же, сказалъ мнѣ Зальца, а я съѣзжу да посмотрю, что дѣлаетъ 1-я бригада, и онъ съ Полтарацкимъ скрылся; мнѣ казалось, что они были раздосадованы Толемъ, и въ особенности Зальца. тѣмъ, что Толь отдавалъ приказанія мнѣ, а не ему. Полковника Корфа съ этой минуты никто не видалъ; онъ пропалъ безъ вѣсти, но, вѣроятно, былъ убитъ.

Возвратясь къ полкамъ, я передалъ повелѣніе графа Толя Гурьеву; онъ повиновался безпрекословно; но командиръ 4-го карабинернаго полка, подполковникъ Загряжскій, рѣшительно отказался идти впередъ и увелъ свой полкъ, какъ мы его не уговаривали, назадъ въ лѣсъ. Жаловаться на него Толю, досталось бы всемъ; Толь разсердился бы, движеніе наше замедлилось, а потому мы пошли съ тремя полками; непріятель замѣтно началъ отступать по всей линіи; но и теперь не умѣю себѣ объяснить, какъ мы, двигаясь влѣво, не столкнулись съ войсками 1-го корпуса, находящагося у насъ на лѣвомъ крылѣ; вѣроятно, онъ въ это время не начиналъ еще отступленія, и мы прошли передъ нимъ, но, твердо помню одно, что мы, рассыпавъ стрѣлковъ, и подкрѣпляя ихъ иногда колоннами, тѣснили непріятеля и вышли на шоссе при Большомъ Гроховѣ. Здѣсь, къ большому моему удовольствію, пріѣхалъ Циммерманъ, который только что возвратился изъ м. Минска и принялъ команду надъ отрядомъ. Какъ полковой командиръ и полковникъ, онъ имѣлъ болѣе вѣсу, и съ нимъ легче было сговориться, потому что онъ лучше понималъ дѣло. Слѣдуя далѣе и продолжая гнать непріятеля, мы начали замѣчать, что составляемъ собою оконечность лѣваго крыла нашей арміи, и что главное сраженіе кипитъ вправо отъ насъ; видѣли съ боку знаменитую атаку Албертовскаго кирасирскаго полка. Наступалъ уже вечеръ, темнѣло, огонь становился слабѣе и, наконецъ, умолкъ; гроза затихла, прогремѣвъ цѣлый день, но наши застрѣльщики продолжали еще перестрѣлку; скоро, однакоже, и мы, загнавъ остатки непріятелей въ

болото, находящееся на берегу Вислы, и, забравъ множество плѣнныхъ, принуждены были остановиться влѣво отъ Праги въ полуверстѣ отъ нее, не имѣя возможности идти далѣе по тому же направленію; а приказанія не было, Толь какъ будто позабылъ о насъ.

— Что же мы станемъ теперь дѣлать? спросилъ Циммерманъ.

— Не знаю, рѣшительно.

— Такъ вотъ что: я останусь съ полками здѣсь, а вы съѣздите назадъ, и узнайте отъ Толя или отъ кого нибудь, что намъ прикажутъ дѣлать.

Со мной вызвался ѣхать подпоручикъ князь Шаховской, онъ оставилъ Полуэктова и былъ съ нами.

— А что князь, спросилъ я его, согласился ли бы ты за Анну на шею, чтобы завтра еще такой денекъ?

— Ни за Анненскую звѣзду.

— И я тоже; когда надобно, пусть будетъ, но желать, это другое дѣло.

Здѣсь я замѣтилъ, что у меня была прострѣлена шляпа и разорвана пулями въ двухъ мѣстахъ шинель; впрочемъ, мы оба съ Шаховскимъ были въ полномъ смыслѣ цѣлы и здоровы.

Подъѣзжая къ Большому Грохову, мы увидѣли на шоссе Дибича, Толя и Полуэктова. Дибичъ расхаживалъ въ какомъ-то тревожномъ расположеніи духа впередъ и назадъ. Толь ходилъ медленно, едва переступая и заложивъ руки за спину; Полуэктовъ стоялъ въ недоумѣніи молча и, какъ казалось, его распекали.

— Вотъ, вотъ, Нееловъ, сказалъ Полуэктовъ радостно, я ему приказывалъ находиться при войскахъ.

— Гдѣ 2-я гренадерская дивизія? вскричалъ Дибичъ, подходя ко мнѣ скорыми шагами.

— Около Праги, ваше сіятельство.

— Какъ! около Праги! опомнитесь, что вы говорите.

— Точно такъ, ваше сіятельство, въ полуверстѣ отъ Праги, влѣво; начальникъ главнаго штаба приказалъ намъ гнать и преслѣдовать неприятеля на Гроховъ и далѣе, по тому же направленію; мы гнали, преслѣдовали, набрали множество плѣнныхъ, и, загнавъ послѣдніе остатки въ болото, остановились, не имѣя возможности идти далѣе.

— Всѣ три полка тамъ? перебилъ Дибичъ.

— Всѣ три, ваше сіятельство.

— Покажите на картѣ, гдѣ вы стоите?

Я хотѣлъ соскочить съ лошади, но Дибичъ удержалъ меня.

— Не слѣзайте, сказалъ онъ, я посмотрю такъ.

Я показалъ.

— Да вы отрѣзаны.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, непріятеля нѣтъ между Гроховымъ и нашей дивизіей.

— Быть не можетъ.

— Смѣю увѣрить, ваше сіятельство! я сейчасъ проѣзжалъ это пространство и видѣлъ только одно подбитое и брошенное польское орудіе и нѣсколько зарядныхъ ящиковъ.

— Поѣзжайте же скорѣе и приведите сейчасъ же сюда ваши полки, сюда, слышите, да сейчасъ же! прибавилъ онъ.

Я поспикалъ; становилось уже темно; Циммерманъ давно ожидалъ меня, мы потянулись назадъ, и когда вышли на шоссе, нашли еще тамъ Дибича; онъ, казалось, хотѣлъ увѣриться, дѣйствительно ли здѣсь всѣ три полка 2-й гренадерской дивизіи; пропустивъ ихъ мимо себя, онъ приказалъ намъ расположиться влѣво отъ шоссе, нѣсколько назади Большаго Грохова, гдѣ стоялъ уже 4-й карабинерный полкъ, а 1-я бригада, двинутая вправо, присоединена къ гренадерамъ князя Шаховскаго.

По приходѣ на биваки, не смотря на усталость, мы долго еще не спали и рассказывали другъ другу о минувшемъ сраженіи. Говорили, что князь Шаховской пришелъ только къ вечеру на поле сраженія, что многія его батареи завязали и не успѣли еще присоединиться къ арміи; но главнокомандующій, обрадованный однакоже его приходомъ, присоединилъ къ нему гренадеровъ Муравьева и 1-ю бригаду нашей дивизіи, повелъ было всѣ эти войска въ дѣло, чтобы ударить во флангъ непріятелю. Гренадеры двинулись съ крикомъ «ура!» Замѣтно стало, что непріятель началъ ускорять своимъ отступленіемъ и беспорядокъ въ рядахъ его увеличивался; но по позднему ли вечеру, или по другимъ какимъ либо причинамъ, Дибичъ опять остановилъ гренадеровъ и приказалъ всѣмъ войскамъ прекратить наступленіе. Рассказывали также, что когда непріятель былъ выбитъ изъ лѣса и замѣтно ослабленъ и разстроенъ, приготовлена была цѣлая кирасирская дивизія для производства рѣшительной атаки и двинута впередъ. Мейендорфъ, командиръ кирасирскаго принца Алберта прусскаго полка, надѣясь быть поддержаннымъ всею массою и получивъ приказаніе атаковать, бросился съ первымъ дивизиономъ своего полка, прорвалъ первую непріятельскую линію, потомъ вторую, прорѣзался до резерва; но здѣсь, видя, что онъ дѣйствуетъ съ однимъ только дивизиономъ и боясь быть отрѣзаннымъ и истребленнымъ, пробился назадъ, хотя съ значительною потерею, но съ полною славою, произведя большое разстройство и замѣшательство во всей польской

арміи. Одни винили дивизионнаго и корпуснаго командировъ, Каблукова и Витта, что они его не поддержали, другіе винили самаго главнокомандующаго и говорили, что онъ приказалъ остановить атаку, тогда какъ всѣ были убѣждены, судя по дѣйствіямъ одного дивизиона, что если бы устремлена была въ атаку цѣлая дивизія, то польская армія была бы опрокинута и истреблена, и судили, какъ впоследствии оказалось, весьма основательно. Нѣкоторые поляки, желая уменьшить славу этой атаки, говорятъ, что Мейендорфъ успѣлъ потому прорѣзаться до резерва, что кирасиры вмѣсто того, чтобы ударить на войска 1-й и 2-й линіи, пронеслись въ интервалы войскъ; но большая часть согласно съ общимъ мнѣніемъ, что еслибы эта атака была поддержана, польская армія была бы истреблена. Толь говорятъ настаивалъ, чтобы въ тотъ же день, занявъ Прагу, иттурмовать предмостное укрѣпленіе, и съ этой цѣлью онъ давалъ направленіе всѣмъ войскамъ къ Прагѣ; но Дибичъ остановилъ это предпріятіе до слѣдующаго дня. Трудно было, однако же, разгадать тогда цѣль главнокомандующаго; видѣли одно, что подъ конецъ дня онъ дѣйствовалъ очень нерѣшительно, но оправдывали его наступленіемъ вечера тѣмъ, что если бы польская армія была бы и опрокинута, то ночью нельзя было бы ее преслѣдовать и занимать такой многолюдный городъ какъ Варшаву, который могъ бы сдѣлаться, не смотря на всѣ наши предшествовавшіе успѣхи, гробомъ русской арміи, и твердо были убѣждены, что на завтра возгорится снова бой, мы опрокинемъ остатки поляковъ и вступимъ въ Варшаву. Но настало утро, никакого приказанія, мертвая тишина, ни одного выстрѣла. Что это значить? говорили мы, поглядывая другъ на друга съ недоумѣніемъ; къ чему же повело вчерашнее кровопролитное сраженіе? къ тому, чтобы оставаться на тѣхъ же бивакахъ подъ Варшавою—неутѣшительно! Скоро, однако же, начали приходиться извѣстія, что непріятель отступалъ цѣлую ночь, что на правомъ берегу остались одни легкія его войска, и что Гейсмаръ раннимъ утромъ занялъ предмѣстье Праги безъ выстрѣла. Или Варшава сдастся, заключали мы, или мы будемъ, если не нынче, такъ завтра, брать Прагу и потомъ Варшаву иттурмомъ. Часовъ въ 12 пріѣхалъ къ намъ на биваки главнокомандующій и его слова еще болѣе убѣждали насъ въ послѣднемъ предположеніи. «Хорошо! говорилъ онъ, гренадеры! спасибо, но помните, что пуля дура, штыкъ молодецъ; работайте больше штыками, и покажите, что гренадеры истинно гренадеры.» Послѣ полудня сдѣлалась сильная оттепель и ишелъ мокрый снѣгъ попеременно съ дождемъ; мы опасались, чтобы не испортился ледъ на Вислѣ, и не понимали, чего выжидаетъ главнокомандующій.

Гроховское сраженіе, не смотря на долгое къ нему приготовленіе,

произошло, можно сказать, случайно, тогда какъ его ни съ той, ни съ другой стороны не ожидали; по этому всё дѣйствія Дибича въ этомъ сраженіи были какъ то неопредѣлительны. Войска Палена дѣйствовали превосходно, гренадеры наши также; но Дибичъ не воспользовался ихъ успѣхами; во всемъ сраженіи являлся какой то беспорядокъ; всё суетились, приказанія отдавались безсвязныя, войска часто не знали, куда направляться и чего отъ нихъ требуютъ. Въ польской арміи, говорятъ, были тѣ же самые беспорядки—приказанія Хлопицкаго часто измѣнялись генералисимусомъ Радзивиломъ, не понимавшимъ военнаго дѣла и не вникавшимъ въ настоящее положеніе обстоятельствъ. Частные начальники не знали по этому, что дѣлать; но дивизіонные начальники: Шембегъ, Круковецкій и Зимирскій, удерживали еще войска въ порядкѣ; когда же Зимирскій былъ убитъ, лѣсъ былъ занятъ нами, а когда Хлопицкій, искавшій смерти, тяжело раненъ въ ногу, беспорядокъ началъ распространяться болѣе и болѣе, и одинъ только Скрженецкій своею храбростію и распорядительностію могъ заставить войска удерживаться до вечера. Потеря русскихъ въ сраженіи подъ Гроховымъ простиралась до 9,500 человекъ; со стороны поляковъ нѣсколько болѣе. Поляки въ ночь перешли прагскій мостъ, оставили авангардъ въ прагскомъ предмостномъ укрѣпленіи; избрали вмѣсто Хлопицкаго главнокомандующимъ Скрженецкаго и ожидали на другой день, что Дибичъ или будетъ штурмовать Прагу, или переведетъ свою армію по льду, потому что Дверницкій и Крейцъ позднѣе этого числа переходили черезъ Вислу съ батарейными орудіями, или прикажетъ немедленно разрубить ледъ, наведетъ пантоны и вступитъ въ Варшаву; но у Дибича не было на столько предпримчивости въ характерѣ. На другой день онъ послалъ генералъ-инженера Дена осмотрѣть верки Праги и, не смотря на то, что Денъ пріѣхалъ съ донесеніемъ, что верки слабы, рвы неглубоки и Прагу легко можно штурмовать, ни на убѣжденія Толя, Дибичъ говорилъ, что онъ не хочетъ, подобно Суворову, жертвовать напрасно тысячами людей, и что довольно и гроховскаго сраженія. Онъ не принималъ въ соображеніе, что продолженіе кампаніи можетъ повести за собою большія потери, и вмѣсто того, чтобы дѣйствовать рѣшительно, писалъ къ военному министру и просилъ о скорѣйшемъ доставленіи осадной артилеріи. Но военный министръ отвѣчалъ, что осадный паркъ находится въ Ригѣ, и что хотя дано ему Высочайшее повелѣніе отправиться къ арміи, но такъ какъ въ настоящее время онъ не снабженъ лошадьми и дороги по весенней распутицѣ находятся въ дурномъ состояніи, то едва ли онъ можетъ скоро прибыть къ арміи. Мы терялись въ соображеніяхъ, въ догадкахъ и въ заключеніяхъ. Для

чего медлить главнокомандующій, говорили мы, какая его цѣль: ледъ на Вислѣ съ каждымъ днемъ портится болѣе и болѣе, скоро переправа черезъ Вислу и для легкихъ войскъ сдѣлается невозможною, и тогда если возьмемъ и Прагу, то двигать войска по одному прагскому мосту, когда онъ можетъ быть обстрѣливаемъ сотнею орудій, наставленныхъ на высокомъ крутомъ, правомъ берегу, гдѣ находилась Варшава, было бы безразсудно. Тогда еще никому и въ голову не приходило, что мы отступимъ отъ Варшавы и гроховское сраженіе не поведетъ за собою никакихъ послѣдствій. Генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Жеребцовъ, выразившійся, вѣроятно, не совсѣмъ осторожно въ письмѣ къ роднымъ о распоряженіяхъ главнокомандующаго, былъ высланъ изъ арміи. Я, напротивъ того, вѣровалъ еще въ высокія дарованія Дибича, и мое письмо, писанное домой на барабанѣ подъ снѣгомъ, дошло исправно, и какъ я узналъ послѣ, доставило много удовольствія роднымъ.

15-го февраля я поѣхалъ въ корпусную квартиру гренадерскаго корпуса и нашелъ князя, Набокова, Гурко, другихъ генераловъ, адъютантовъ и офицеровъ генеральнаго штаба за общимъ обѣдомъ въ соломенномъ полуоткрытомъ шалашѣ. Князь, Гурко, Зедделеръ и весь штабъ встрѣтили меня съ такою радостію, съ какою встрѣчаютъ только самыхъ близкихъ родныхъ и друзей, послѣ долгой разлуки. Князь усадилъ меня противъ себя, заставилъ рассказывать о дѣйствіяхъ 2-й гренадерской дивизіи, интересовался каждой мелочью, и я, пробывъ тамъ часа полтора, снова возвратился на биваки и нашелъ, что Полуэтовъ писалъ представленія и представлялъ меня къ Владиміру съ бантомъ. Адъютанты князя, между прочимъ, рассказывали, что нападеніе Янковскаго и Малаховскаго 13-го февраля съ разсвѣтомъ на Бялолѣнку было такою для нихъ неожиданностію, что они едва успѣли спастись сами и вывезти свои вещи. Шредеръ, дивизионный квартирмейстеръ Набокова, потерялъ, однако же, при этомъ всѣ свои выюки и у него осталась одна легонькая лѣтняя шинель изъ всего платья. Въ довершенію его досады, главнокомандующій не приказалъ представлять его ни къ какой наградѣ за то, что дивизія Набокова, противъ всѣхъ военныхъ соображеній, предприняла обойти правый флангъ непріятеля и сдѣлать фланговое движеніе. Но что могъ сдѣлать дивизионный квартирмейстеръ, когда здѣсь находились корпусный командиръ, начальникъ штаба и оберъ-квартирмейстеръ. Этимъ Дибичъ, конечно, хотѣлъ упрекнуть князя, и высказать ему чѣмъ нибудь свое неудовольствіе. Но подобный упрекъ былъ для князя болѣе оскорбительнымъ, нежели всякой другой и недостойнъ былъ Дибича. Князь Шаховской, всѣми обвиняемый, нашелся даже вынужденнымъ написать оправдательное письмо къ Государю. Го-

сударь отвѣчалъ ему чрезъ главнокомандующаго, что онъ зналъ его всегда за прекраснаго генерала, не перемѣнилъ о немъ и теперь мнѣнія, и въ настоящихъ обстоятельствахъ нисколько не винить его. Это письмо сдѣлало Дибича врагомъ Шаховскаго.

Вечеромъ пріѣхалъ къ намъ на бивакъ генераль-маіоръ Мартыновъ, бывший мой полковой командиръ, когда я еще служилъ юнкеромъ и командовавшій теперь 2-й бригадою въ 3-й гренадерской дивизіи. Онъ обѣдалъ у Шаховскаго, когда я тамъ былъ, но я къ нему не смѣлъ отнестись, не думая, что онъ меня помнитъ, и потому, что исключая выговоромъ и упрековъ никогда отъ него ни чего не слышалъ. Я лежалъ въ шалашѣ и притворился, что сплю. Циммерманъ, Поливановъ и онъ помѣстились у огня, который горѣлъ передъ шалашемъ.

— Кто это спитъ? спросилъ Мартыновъ.

— Нееловъ, отвѣчалъ Поливановъ.

— А! онъ нынче сталъ важный человекъ; я былъ свидѣтелемъ, съ какимъ восторгомъ его встрѣтилъ князь и вся коринусная квартира. Я хотѣлъ бы его видѣть, хоть онъ нынче и не узнаетъ меня.

— Нееловъ, сказалъ Поливановъ.

— Ахъ, извините, ваше превосходительство, началъ я, какъ будто что проснувшись и вставая.

— Въ чемъ извинить? Я очень радъ васъ видѣть, сказалъ Мартыновъ, подавая мнѣ руку и цѣлуя меня. Вотъ гдѣ встрѣтились. Вы узнали меня?

— Мудрено мнѣ васъ не узнать.

— Отъ чего же у князя вы ко мнѣ не подошли.

— Я не зналъ, пріятно ли это будетъ вашему превосходительству.

— Разумѣется, пріятно, перебилъ онъ, я васъ оставилъ юнкеромъ, худенькимъ, слабенькимъ, который плохо дѣлалъ ружьемъ. Видите теперь, что я не даромъ васъ распекалъ, я хотѣлъ вашей же пользы.

Я не былъ съ этимъ согласенъ, но не противорѣчилъ.

16-го февраля перевели насъ на новый бивакъ, правѣе шоссе, и мы вошли въ связь съ гренадерскимъ корпусомъ и поступили уже въ команду князя Шаховскаго. 1-я бригада присоединилась къ дивизіи. Въ отрядѣ у Цесаревича осталась одна его гвардія. Полуэктовъ досадовалъ, что онъ опять подъ командою у князя Шаховскаго и вспоминалъ, какъ о блаженномъ времени, когда мы дѣйствовали отдѣльно отъ корпуса.

— Тамъ, братецъ, говорилъ онъ, насъ никто не засторонивалъ; мы были всѣ на виду, какъ есть, а здѣсь пойдутъ интриги и Богъ знаетъ что?

Полуэктовъ отчасти былъ правъ въ отношеніи насъ, но не въ отношеніи себя; корпусная квартира явно уже досадовала на наши успѣхи, и на то, что каждый изъ насъ былъ представленъ къ двумъ наградамъ, тогда какъ они къ одной. Полуэктовъ же, дѣйствуя отдѣльно, скорѣе обнаружилъ свою неспособность, и, послѣ гроховскаго сраженія, уронилъ себя какъ въ глазахъ начальства, такъ и въ общемъ мнѣніи. Правда, главною виною былъ онъ самъ, но виноваты и мы, въ особенности его адъютанты: мы вездѣ распускали слухи о его дѣйствіяхъ. Мы не сообразили тогда, что вредимъ этимъ болѣе себѣ. Полуэктовъ былъ щедръ на представленія, а мы своими разказами поселяли мало уваженія къ этимъ представленіямъ, и слѣдствія были для насъ неблагоприятны.

Дивизіи нашей разъ пять приказывали подвигаться впередъ на полверсты, вѣроятно для того, чтобы болѣе притѣснить къ Вислѣ легкія польскія войска, оставшіяся на правомъ берегу, или для того только, чтобы перемѣнять мѣсто. Но это доставляло солдатамъ большую работу. При каждомъ такомъ передвиженіи, Полуэктовъ требовалъ меня къ себѣ съ картою, и я находилъ у него генерала Фрейганга.

— Покажи, золотой мой, намъ на картѣ, говорилъ Полуэктовъ, куда мы теперь перешли?

— На картѣ все тамъ же стоимъ, потому что карта у меня семь верстъ въ англійскомъ дюймѣ.

— Ну, вотъ, ваше превосходительство, хорошъ офицеръ генеральнаго штаба, прерывалъ Фрейгангъ; все тамъ же стоимъ! Когда мы точно увѣрены, что перешли вѣдь, перешли, ваше превосходительство?

— Перешли, Петръ Ивановичъ, дѣйствительно перешли.

— Ну, и вы согласны, что перешли? спрашивалъ Фрейгангъ, обращаясь ко мнѣ.

— И я согласенъ, что перешли, отвѣчалъ я.

— Ну, покажите же на картѣ? куда?

— А на картѣ все тамъ же стоимъ.

— Съ вами не столкуешь, батюшка! говорилъ Фрейгангъ; и я уходилъ отъ нихъ.

Погода стояла сырая и туманная; снѣгъ шелъ попеременно съ дождемъ, но порою было и холодно. Гроховское поле представляло картину самую грустную: отъ окрестныхъ деревень оставались однѣ печи съ высившимися надъ горизонтомъ трубами; на полѣ, не смотря на безпрестанную уборку тѣлъ, все еще валялось множество нагихъ труповъ; раненыя лошади или стояли одиноко, ожидая голодной смерти, или истекали кровью; онѣ едва перепрыгивали на трехъ ногахъ и ѣли

замерзшую траву, вырывая ее изъ подъ тонкаго слоя снѣга, покрывавшаго поля. Воздухъ былъ смраденъ, тучи дыма стлались надъ биваками. Въ арміи царствовало глубокое молчаніе, холодъ, уменьшенная дача сухарей, недостатокъ въ мясѣ, заношенное бѣлье, открывшіяся болѣзни, бездѣйствіе послѣ непрерывныхъ передвиженій и обманутая надежда въ скоромъ окончаніи военныхъ дѣлъ, все это распространяло уныніе, и солдаты, завернувшись въ шинели, спали близъ разложеннаго огня по цѣлымъ днямъ и ночамъ, поручая одному изъ своего кружка дежурить, чтобы пламя не охватило ихъ во время сна; другіе, просыпаясь, сбрасывали съ себя все до рубашки, чтобы избавиться отъ насѣкомыхъ, и ходили по цѣлымъ часамъ голыми. Притомъ непріятельскія войска стояли отъ насъ такъ близко, что не рѣдко пули съ аванпостовъ попадали въ самые биваки и заставляли засыпать кого либо на вѣкъ. По гроховскому полю опасно даже было проѣзжать, потому что солдаты, не умѣя или лѣнясь разряжать свои ружья, безпрестанно выходили за биваки и стрѣляли по всѣмъ направленіямъ, и никакія строгія приказанія не могли отучить ихъ отъ подобнаго способа разряженія ружей. Мы также проводили все время, не снимая ни сюртуковъ, ни шарфовъ; лошади не выходили изъ подъ сѣдла; при малѣйшей тревогѣ въ цѣпи надобно было тотчасъ же скакать туда, узнавать, что тамъ дѣлается и распорядиться. Эти тревоги повторялись по нѣскольку разъ въ сутки, и теперь трудно даже себѣ объяснить, какъ могло все это выдерживать здоровье. Чай мы пили по нѣскольку разъ въ день, и признаюсь, чай былъ единственною отрадою, въ особенности для меня, не знающаго вовсе никакого вкуса въ винѣ. Рейценштейнъ постоянно ухаживалъ за Поливановымъ; Поливановъ постоянно показывалъ ему нерасположеніе. Мы смотрѣли на Рейценштейна и дивились. Иногда мы ѣздили съ Полуэктовымъ обѣдать къ командиру 1-й гусарской дивизіи, свѣтлѣйшему князю Лопухину. Онъ возилъ за собою огромную кухню, платилъ 14,000 р. французу-повару, ѣлъ на серебрѣ, и кормилъ насъ такими обѣдами, не смотря на недостатокъ запасовъ, существующій въ арміи, что этими обѣдами можно было лакомиться и въ столицахъ. Порою рассказы о прошлыхъ дѣйствіяхъ оживляли наши бесѣды; такъ, напримѣръ, мнѣ пришелъ теперь на память одинъ анекдотъ: Е—скаго полка подпоручикъ К., бывший мой профессоръ математики въ юнкерской школѣ, когда его ранили близъ гроховскаго лѣса, бросился назадъ, во весь духъ крича: батюшки гренадеры! поддержите! «ваше благородіе, подождите, не догонимъ», отвѣчали гренадеры, бѣжа за нимъ. Понравилась мнѣ также здѣсь находчивость одного гренадера,

когда другіе солдаты обступили кибитку маркитанта-жида. Одинъ гренадеръ вздумалъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ временемъ и украсть у жида лошадь; тихо отвязалъ ее отъ кибитки и повелъ. Жидъ, замѣтивъ это, закричалъ «гвалтъ!» и бросился догонять его. Гренадеръ, ни мало не смѣшавшись, возвратилъ ему назадъ лошадь, прибавя «собака ты, жидъ, я хотѣлъ напоить ее, а теперь пусть остается не поеной». Но когда жидъ, возвративъ свою лошадь, пришелъ къ кибиткѣ, половина его товара была уже вытаскана.

Между тѣмъ 2-й и 3-й эшелоны гренадерскаго корпуса прибыли также къ Грохову; 6-й карабинерный полкъ съ резервной артилеріей перешелъ изъ Бѣлостока въ Дембевелки и присоединился къ своей дивизіи. Гренадерскій корпусъ былъ въ полномъ своемъ составѣ, исключая 1-й бригады 3-й гренадерской дивизіи, оставшейся въ Вильно, и графа Аракчеева полка, оставшагося въ Августовѣ. Въ польской арміи произошли также перемѣны: Зимирскій убитъ, Шембекъ удаленъ, съ назначеніемъ главнокомандующимъ Скрженецкаго, Круковецкій удалился самъ, и потому пѣхотными дивизіями назначены командовать генералы: Рыбинскій, Гелгудъ, Малаховскій и Мюльбергъ и кавалерію—Любинскій и Уминскій. Скрженецкій, желая, однакоже, прежде нежели онъ примется за оружіе, испытать, не возможно ли все окончить переговорами, послалъ къ Дибичу парламентаромъ подполковника графа Мисіельскаго, который прежде революціи служилъ маіоромъ. Дибичъ, перенесшій уже лавную квартиру въ Милосну, принялъ его въ гроховской корчмѣ, на квартирѣ графа Палена. Очевидцы рассказывали, что главнокомандующій принялъ его сначала ласково и увелъ за двери въ другую комнату, но тонкая дверь позволяла слышать ихъ разговоръ Палену, Толю, Нейдгарту и другимъ лицамъ, которые находились въ передней комнатѣ. Сначала говорили о средствахъ обѣихъ армій. Польскій парламентаръ доказывалъ, что польскія войска имѣютъ старыхъ и опытныхъ генераловъ наполеоновскихъ; Дибичъ, напротивъ того, доказывалъ, что хороши старые полковники, а генералы должны быть молодые, и для того, прибавилъ онъ, у насъ существуетъ гвардія и армія. Графъ Мисіельскій говорилъ, что польская армія потерпѣла большія потери, но не разбита и можетъ еще противостоять русскимъ войскамъ. Дибичъ доказывалъ противное, парламентаръ предлагалъ условія оставить Царству Польскому прежнюю конституцію, надежнаго ручательства въ ненарушеніи ея и обѣщанія Императора не мститъ тѣмъ, которые защищали отечество и искали его независимости. Дибичъ требовалъ безусловной покорности и предоставленія себя милости Государя, и, постепенно разгораясь, на-

зываетъ поляковъ мятежниками и сдѣлалъ рѣзкій выговоръ парламенту, который забываетъ, съ кѣмъ говорить.

— Вы, маіоръ, не болѣе, и маіоръ арміи мятежниковъ, а передъ вами главнокомандующій русской арміи.

Парламентеръ возразилъ также рѣзко, что они теперь равны, по той довѣренности, которою оба облечены, одинъ—отъ цѣлой свободной польской націи, а другой—отъ своего самодержавнаго Государя. Но парламентеръ едва только успѣлъ это сказать, какъ Толь съ шумомъ отворилъ двери.

— Молчите, маіоръ! сказалъ онъ громко, вступая въ комнату, гдѣ были Дибичъ и Мисіельскій. Какъ вы осмѣливаетесь возражать главнокомандующему Императора Вашего Государя. Ваше сіятельство, извините, прибавилъ онъ, обратясь къ Дибичу, нельзя позволить говорить такъ бунтовщикамъ. Вы мятежникъ!

— Если такъ, сказалъ тихо Мисіельской, мнѣ остается возвратиться въ Варшаву и сказать ея жителямъ, что ихъ ожидаетъ свобода или безславная смерть.

— Ступайте вонъ! прервалъ Дибичъ, или я забуду, что вы парламентеръ и поступлю съ вами, какъ съ мятежникомъ.

— Ступайте! подтвердилъ Толь, и скажите, что если еще малѣйшее сопротивленіе, камня на камнѣ не останется въ Варшавѣ, и съ этимъ отвѣтомъ парламентеръ уѣхалъ.

Этотъ разговоръ, справедливъ онъ или нѣтъ, не знаю, переходилъ отъ одного къ другому по всей арміи, многіе его прикрашивали и переиначивали, но я сохранилъ его въ памяти такъ, какъ онъ былъ рассказанъ въ первую минуту. Графъ Мисіельскій черезъ нѣсколько дней снова пріѣхалъ къ Дибичу съ тѣмъ же предложеніемъ, и потому, вѣроятно, съ нимъ обошлись не такъ рѣзко, какъ рассказывали. Мисіельскій просилъ оставленія конституціи и ея охраненія. Дибичъ оставался при своемъ. Скрженецкій, однакоже, этимъ не ограничился; въ началѣ марта онъ снова написалъ Дибичу письмо, прося его посредничества въ переговорахъ съ Императоромъ, и говоря, что они согласятся принять вице-короля, подобно Заіончеку, удовольствуются вполне конституціей, данной Александромъ, но просятъ Монарха объ одномъ, чтобы установлена была гарантія для охраненія конституціи. Дибичъ поручилъ отвѣчать Нейдгардту и начало отвѣта заключалось въ словахъ: «Главнокомандующій не желаетъ вступать ни въ какія сношенія съ главою революціонной партіи». Скрженецкій написалъ новое письмо къ Дибичу, говоря, что мы солдаты, должны говорить и дѣйствовать прямо и откровенно; что формы будутъ здѣсь излишними и

просилъ объ отвѣтѣ; но отвѣта не было. Надежда окончить войну исчезла и поляки покліялись отстоять свою независимость во чтобы то ни стало, и не покоряться ни при какихъ условіяхъ. Слова: побѣда или смерть, сдѣлались ихъ девизомъ.

23-го февраля посланъ былъ къ Зегржу Сакенъ съ 6,000 отрядомъ Литовскаго корпуса, чтобы охранять тамъ мостъ, но потомъ приказано ему было двинуться къ Остроленкѣ и прикрывать Августовское воеводство отъ образовавшихся въ Плоцкомъ воеводствѣ инсургентовъ; казачій полковникъ Лахманъ, посланный имъ во время этого движенія къ Насіельску, сдѣлалъ въ 30 часовъ 80 верстъ, напалъ врасплохъ на шайгу инсургентовъ на правомъ берегу Вкры, разбилъ ее, забралъ множество плѣнныхъ, предалъ пламени нѣсколько селеній и соединился съ Сакеномъ въ Остроленкѣ.

Крейцъ, между тѣмъ, не получая ни какого повелѣнія, продолжалъ слѣдовать впередъ, занялъ Люблинъ, двинулся къ Пулавѣ, отрядилъ начальника своего штаба, барона Деллинсгаузена, къ Радому съ небольшою частію войскъ. Деллинсгаузенъ разсѣялъ собиравшіяся тамъ шайки инсургентовъ. Крейцъ также успѣшно дѣйствовалъ около Пулавы и навелъ своими дѣйствіями такой страхъ на Сендомирское воеводство, что начальникъ воеводства, Романъ Солтыкъ, послалъ къ Хлопицкому просить помощи, и по этому то случаю Дверницкій, разбивъ Гейсмара при Сточекѣ, такъ успѣшно возвратился на лѣвый берегъ Вислы и соединился съ Серавскимъ въ Горѣ, чтобы противостоятъ Крейцу. Крейцъ уже перешелъ черезъ Вислу по льду, двинулся къ Кошенице и оттуда далѣе, но, узнавъ, что отрядъ Дверницкаго по соединеніи съ Серавскимъ составляетъ 10,000, и не имѣя ни какого извѣстія о Гейсмарѣ, хотѣлъ уже двинуться назадъ, и, чтобы прикрыть свое движеніе, выслалъ авангардъ изъ 6-ти эскадроновъ драгуновъ, полка казаковъ и 6 орудій. Авангардъ занялъ дефиле близъ Майданова у д. Нововисъ. Дверницкій атаковалъ этотъ авангардъ 4-го февраля, но былъ разбитъ, потерялъ слишкомъ 100 человекъ, 2 орудія и успѣшно отступилъ. Крейцъ, ободренный этими успѣхами, пошелъ опять впередъ къ Ричевалу, но, видя, что Дверницкій постоянно отступаетъ, донесъ главнокомандующему, что вотъ уже восемь дней какъ онъ на лѣвомъ берегу Вислы, о Гейсмарѣ нѣтъ никакого извѣстія, о главной арміи также, каждый день онъ слышитъ къ сторонѣ Праги сильную канонаду, но успѣховъ не видитъ, и потому боится оставаться долѣе на лѣвомъ берегу, чтобы при наступающей оттепели не быть отрѣзаннымъ отъ главной арміи Вислою. Дибичъ очень былъ доволенъ дѣйствіями Крейца, и приказалъ ему возвратиться въ Люблинское воеводство, заготовлять тамъ магазины и дѣлать при-

готовленія для переправы по вскрытіи Вислы. Однако же, не ожидая еще этого повелѣнія, Крейцъ уже перешелъ въ Тырчинѣ на правый берегъ, пошелъ къ Ювинской Волѣ, а Деллинсгаузенъ и другіе легкіе отряды, имъ посылаемые, дѣйствовали противъ инсургентовъ.

Послѣ гроховскаго сраженія прибыли въ Варшаву депутаты изъ Литвы, Волыни и Подолія, прося помощи и обѣщая возстать противъ Россіи и содѣйствовать Польшѣ. Скрженецкій, по совѣщаніи въ военномъ совѣтѣ, рѣшилъ отправить Дверницкаго съ 6,000 черезъ Люблинское воеводство на Волынь и Подолію, открыть дѣйствія въ тылу русской арміи, и прервать сообщенія съ Литвою; съ этою цѣлью Дверницкій съ 6,500 чел. двинулся къ Пулаву, переправился 18-го февраля черезъ Вислу по льду съ орудіями, и направился на Куровъ. Крейцъ былъ уже въ это время въ Люблинѣ, а Тверской драгунскій полкъ съ 2-мя орудіями находился въ Куровѣ. Дверницкій атаковалъ этотъ полкъ, опрокинулъ его къ Греблѣ, отнялъ два орудія и заставилъ отступить на Маркушевѣ. Крейцъ, узнавъ объ этомъ, оставилъ одинъ баталіонъ изъ 4-хъ баталіоновъ Литовскаго корпуса въ Люблинѣ и двинулся къ Маркушеву, чтобы вступить съ Дверницкимъ въ бой; но Дверницкій вмѣсто того, чтобы принять бой, счелъ за лучшее обойти на Маркушевѣ, вступилъ 20-го февраля въ Люблинъ, и почти истребилъ находившійся тамъ баталіонъ. По занятіи Дверницкимъ Люблина, духъ возстанія распространился быстро по Люблинскому воеводуству, проникъ въ Подолію; другой резервный баталіонъ Литовскаго корпуса, находившійся въ Устядугѣ, былъ также почти истребленъ инсургентами. Генераль Балбековъ, стоявшій съ двумя баталіонами во Владимірѣ, не успѣлъ подать ему помощь, и отступилъ, чтобы не подвергнуться той же участи. Тогда Крейцъ, не видя возможности преградить Дверницкому путь на Волынь, и опасаясь также подвергнуться пораженію, хотѣлъ перейти на правый берегъ Вепржи, чтобы прикрыть себя ею и войти въ ближайшую связь съ главными силами, но, по повелѣнію Дверницкаго, всѣ мосты на Вепржѣ были уничтожены и Крейцъ, не находя уже возможности перейти по льду, отошелъ въ Ленчно. Всѣ эти извѣстія заставили главнокомандующаго собрать военный совѣтъ у графа Палена. Мы оживились, думали, что этотъ совѣтъ имѣеть цѣлію рѣшить штурмъ Праги и взятіе Варшавы; но увы! объ этомъ не было и слова. Желая что нибудь узнать, я пошелъ къ квартирѣ Палена; совѣтъ былъ вечеромъ, подъ открытымъ небомъ, можно было все видѣть, но не слышать. Изъ часовыхъ составленъ былъ обширный кругъ; посреди разложенъ костеръ огня. Говорили много, но не съ большимъ жаромъ. Дибичъ ходилъ впередъ и назадъ скорыми шагами; Толь стоялъ, зало-

живъ руки за спину. Нейдгартъ стоялъ близъ Толя, сложивъ руки на груди; Цесаревичъ и графъ Паленъ сидѣли на толстомъ обрубѣ бревна, первый въ шинелѣ съ задумчивымъ и серьезнымъ выраженіемъ, второй въ своей коротенькой шинелькѣ, надѣтой въ рукава и чертя палочкой по землѣ. Розенъ стоялъ около Цесаревича, опершись одною рукою на обрубокъ. Виттъ около Розена, а князь Шаховской лежалъ у огня и разгребалъ палочкой уголья. Это были главные положенія лицъ совѣта, которыя въ продолженіе всего разговора почти не измѣнились. Совѣтъ рѣшилъ: графу Витту съ кирасирами, бригадою конныхъ егерей Пашкова, 4 мя полками дивизіи Набокова, и 3-мя полками Муравьева идти на завтра, т. е. 22-го февраля, въ Ласкаржево, оттуда въ Рыки, построить мосты на Вепржѣ въ Шарнахъ и Бобровникахъ, и усилить собою Крейца. Начальство надъ этими соединенными войсками, составляющими до 18,000 чел., долженъ былъ принять графъ Толь, и стараться не допустить Дверницкаго до Волыни и Подоліи. Должность пачальника главнаго штаба, на время отсутствія Толя, приказомъ по арміи, велѣно исправлять Нейдгарту. Намъ очень опечалили эти извѣстія; отдѣленіе такого значительнаго числа войскъ отъ главной арміи и отбытіе съ ними Толя заставило насъ отложить надежду на близость сраженія и вступленія въ Варшаву. Мы заключили, что главнокомандующій намѣренъ выжидать на гроховскомъ полѣ вскрытія Вислы и тогда уже, по возвращеніи Толя, который между тѣмъ успѣетъ управиться съ Дверницкимъ, наведетъ понтонные мосты выше или ниже Варшавы, переправитъ армію на лѣвый берегъ Вислы, и подступитъ къ Варшавѣ съ западной стороны, гдѣ она не прикрыта никакими естественными препятствіями.

Экспедиція Толя была, однако же, не совсѣмъ удачна, и главнымъ препятствіемъ ему была наступавшая распутица. Серавскій съ 6,000 стоялъ въ Пулавѣ; Дверницкій 24-го февраля, когда узналъ о движеніи значительныхъ противъ него силъ, былъ уже въ Красноставѣ, слѣдуя къ границѣ Волыни, и предположилъ, если ему не удастся пробраться въ Волынь, броситься въ Замосць. 27-го февраля Толь прибылъ съ войсками Витта въ Жержень и предписалъ Крейцу, стоявшему въ Ленчно, двинуться къ Люблину и овладѣть имъ. Люблинъ былъ занятъ инсургентами; они стали упорно обороняться, но городъ былъ взятъ. Крейць потерялъ не болѣе 120 человекъ убитыми и ранеными. Вскорѣ прибылъ въ Люблинъ и Толь съ войсками Витта. Рассказываютъ, что Толь разстрѣлялъ здѣсь человекъ пять главныхъ заговорщиковъ; по одному изъ нихъ приказано было стрѣлять холостыми, чтобы даровать ему послѣ пощадку; ему завязали глаза, поставили па

копѣни посреди площади, сдѣлали залпъ, преступникъ упалъ, развязали глаза, но онъ уже былъ мертвъ, такое сильное дѣйствіе произвело одно воображеніе. Дверницкій же между тѣмъ поворотилъ къ Жолкіевкѣ; это показывало, что онъ намѣревался опять приблизиться къ Вислѣ и перейти на лѣвый берегъ. Толь, узнавъ объ этомъ, 1-го марта, по соединеніи съ Крейцемъ, двинулъ свои войска изъ Люблина двумя колоннами: Крейца на Пяски, а самъ съ войсками Витта пошелъ на Быховъ, чтобы обойти Дверницкаго съ юга. Прибывъ къ Быхову, Толь, окруженный инсургентами, потерялъ Дверницкаго изъ вида; одни говорили, что онъ направился на Хельмъ, другіе — на Замосць, а третьи — на Устидугъ. Тогда Толь, давъ отдыхъ утомленнымъ войскамъ по 4-е марта, двинулся фланговымъ маршемъ въ Пяски; Крейцу приказалъ возвратиться въ Люблинъ, а Пашкову идти по направленію къ Пулавѣ и наблюдать за генераломъ Серавскимъ. Прибывъ 5-го марта въ Красноставъ, Толь нашелъ его совершенно оставленнымъ жителями, но получилъ тамъ извѣстіе, что Дверницкій скрылся въ лѣсахъ Замосца. Не имѣя возможности предпринять что либо противъ Замосца, окруженнаго болотами и около котораго всѣ пути сдѣлались непроходимыми, Толь расположилъ свои войска слѣдующимъ образомъ: генерала Муравьева — въ Красноставѣ, для наблюденія за Замосцемъ, Витта и Набокова — въ Люблинѣ; Крейца — въ Белжицѣ и потомъ въ Уржедомѣ, Пашкова — въ Казимиржѣ и Пулавѣ для наблюденія за Серавскимъ, перешедшимъ на лѣвый берегъ Вислы, а полковникамъ Анрепу и Бутовскому съ казачьими полками поручилъ дѣлать разъѣзды кругомъ Замосца; самъ же возвратился въ главную квартиру, которая была уже тогда въ Шеницѣ. Движенія Толя были быстры, не смотря на дурное состояніе дорогъ, но, тѣмъ не менѣе, цѣль не была достигнута. Дверницкій скрылся отъ его преслѣдованія и не былъ разбитъ, 18,000 войскъ собраны и истомлены по напрасну. Толь говорятъ выходилъ изъ себя отъ досады и прстивъ обыкновенія былъ суетливъ; стоило замедлить какимъ либо войскамъ выступленіемъ на четверть часа, онъ самъ спѣшилъ отыскивать офицера генеральнаго штаба, и пѣнялъ ему, или осыпалъ его выговорами.

Наконецъ, къ общему нашему изумленію, 26-го февраля, армія получила повелѣніе, оставивъ Гейсмара въ Прагѣ и Розена на гроховскомъ полѣ, отступить назадъ на три перехода и расположиться на квартирахъ для отдыха до того времени, пока сдѣлаются проходимыми всѣ дороги. Что же такое были дѣйствія Дибича? Къ чему повели они? Что же такое было самое гроховское сраженіе? Армія потеряла до 20,000 убитыми, ранеными и плѣнными, не считая больныхъ, выбывшихъ изъ

строю; одно гроховское сраженіе стоило до 10,000 человѣкъ. . . .

Всѣ начали искать причины неуспѣховъ и разбирать дѣйствія главнокомандующаго. Судь можетъ быть и ошибочный, но безпристрастный. Явились вопросы: зачѣмъ князь Шаховской былъ направленъ на Ковно? Къ чему лѣвое крыло было выдвинуто такъ много впередъ? Къ чему повели усѣхи Крейца? Зачѣмъ дано было сраженіе подъ Вавромъ и, наконецъ, какія слѣдствія гроховскаго сраженія? И всѣ эти вопросы явились невольно, сами собою. Дибичъ намѣревался дѣйствовать быстро и рѣшительно, и это было необходимо какъ для того, чтобы воспользоваться зимнимъ временемъ, когда рѣки скованы льдомъ, когда всѣ пути проходимы и когда между нимъ и Варшавою нѣтъ никакихъ естественныхъ преградъ. Для этого, казалось бы, надобно было двинуться всею массою силъ къ Варшавѣ, разбить польскую армію, если бы она стала на пути, и, не направляясь на Прагу, перейти Вислу выше Варшавы, взять столицу и оттуда уже, какъ изъ центра, дѣйствовать по всѣмъ направленіямъ противъ польской арміи и инсургентовъ. Ясно было, что Варшава должна была быть главнымъ предметомъ дѣйствія и что съ покореніемъ ея война не замедлитъ окончиться. Что же предпринимаетъ Дибичъ? раздробляетъ свои войска на отряды, отбрасываетъ крылья на далекое разстояніе, лишается содѣйствія 30,000 войскъ и направляется куда же? на Остроленку, чтобы оттуда идти къ Варшавѣ, тогда какъ съ этой стороны Варшава могла быть и въ зимнее время хорошо прикрываема Модлинымъ и позиціями по Бугу, и притомъ этотъ путь самый дальній, и если бы подобное движеніе продолжалось, какой бы участи подвергнулось лѣвое крыло, отброшенное на такое значительное разстояніе отъ главныхъ силъ; по всему вѣроятію, Гейсмару и Крейцу предстояла бы участь бригады Пашкова. Къ счастью, опасенія отъ наступившихъ оттепелей заставили Дибича перемѣнить направленіе и перейти Бугъ вмѣсто Вышкова, какъ онъ предполагалъ, въ Бракахъ и Нурѣ. Переходъ совершенъ, но уже часть лѣваго крыла отряда Гейсмара поплатилась значительно; притомъ, явились другія неудобства: армія значительно отдѣлилась отъ праваго крыла и удалилась отъ главныхъ магазиновъ, устроенныхъ въ Бѣлостокѣ и Гроднѣ. Эти два обстоятельства заставили Дибича, придя къ Ливу и узнать, что непріятель не намѣренъ принять здѣсь сраженія, остановиться и потерять три дня, чтобы дать время князю Шаховскому сдѣлать нѣсколько переходовъ и устроить сообщенія съ правымъ берегомъ Буга, тогда какъ если бы Дибичъ далъ войскамъ болѣе правильное направленіе и устроилъ главные магазины въ Брестъ-Литовскѣ, этого

промедленія случиться не могло. Отсюда, казалось бы, Дибичу слѣдовало двинуться на Серочинъ къ верхней Вислѣ, войти въ соединеніе съ Крейцемъ, перейти Вислу ниже впаденія Пилицы и подступить къ Варшавѣ со 100,000 войска, приказавъ князю Шаховскому остановиться въ Остроленкѣ и прикрывать Августовское воеводство. Но Дибичъ, стѣсненный подвозами продовольствія изъ магазиновъ Бѣлостокскаго и Гродненскаго, предпочелъ наступать съ фронта, не принимая въ соображеніе, что мѣстность между Калушинымъ и Прагою составляетъ почти непрерывныя дефиле и представляетъ на каждомъ шагу оборонительныя позиціи. Между тѣмъ, замедливъ своимъ движеніемъ на три дня, онъ оставлялъ Крейца въ совершенной безъизвѣстности, что дѣлается въ главной арміи и куда скрылся отрядъ Гейсмара, такъ что, когда главныя силы стояли еще въ Ливѣ и Сѣдлецѣ, Крейць, вслѣдствіе общаго первоначальнаго плана дѣйствія, былъ уже на лѣвомъ берегу Вислы, близъ Кошеницы. Къ счастью, онъ успѣлъ не только удержаться, но и выиграть побѣду; но это случайность; ему должна была предстоять участь быть отдѣльно разбитымъ. 5-го февраля Дибичъ опять начинаеть рѣшительныя наступательныя дѣйствія. Войска выигрываютъ бой подъ Добре, Калушинымъ, Якобовымъ и Ендржеевымъ. 7-го февраля вытѣсняють непріятели изъ дефиле, даютъ сраженіе подъ Вавромъ и когда непріятель начинаеть отступать, Дибичъ приказываетъ ударить отбой и сраженіе оканчивается. Каждый приписывалъ окончаніе сраженія наступленію вечера и на завтра ожидалъ новаго боя; но боя не было. Дибичъ опять остановился на семь дней въ ожиданіи князя Шаховскаго, не сообщая ничего Крейцу и не зная, гдѣ онъ и что онъ. Непонятно, для чего Дибичъ такъ рѣшительно наступалъ, если онъ не намѣренъ былъ до присоединенія князя вступить въ генеральное сраженіе и если считалъ 80,000 противъ 55,000 недостаточными. Но десять дней потеряно, и какихъ дней, въ которые бы смѣло можно было переходить Вислу по льду со всею артилеріею, а это обстоятельство весьма важно! И много ли могъ увеличить его силы Шаховской, прибывающей только съ однимъ первымъ эшелonomъ, заключающимъ въ себѣ до 8,000; стоило ли для этого терять семь дней времени. Всѣ эти ошибки могли бы еще быть поправлены гроховскимъ сраженіемъ; но что же и гроховское сраженіе? Вавѣшивая всѣ препятствія, встрѣченныя Дибичемъ, по случаю дурнаго состоянія духа Литовскаго корпуса, по случаю непріобытія во-время князя Шаховскаго, никто, однако же, не могъ понять, почему, когда непріятель замѣтно уже былъ разстроень, онъ не пустилъ въ атаку цѣлую кирасирскую дивизію? Почему не ввелъ въ дѣло князя Шаховскаго и не довершилъ совершенное пораженіе непріятели?

разгадать трудно. Оправдываютъ его наступленіемъ вечера, но до вечера онъ успѣлъ бы привести еще въ большее разстройство польскую армію. Почему онъ на другой день не штурмовалъ Прагу или не перешелъ черезъ Вислу выше или ниже Варшавы? ледъ еще былъ крѣпокъ; доказательствомъ чего можетъ служить то, что черезъ пять дней послѣ гроховскаго сраженія Дворницкій перевозилъ еще по льду батарейныя орудія. Прага была укрѣплена слабо, Варшава также не могла бы представлять упорнаго сопротивленія, потому что на другой же день сдѣлалось извѣстнымъ по всей арміи, что польская армія совершенно разстроена, что нѣкоторые кирасиры Албертовскаго полка проскакали Прагу и врѣзались даже на мостъ между отступающими колоннами, что польская армія отступала цѣлую ночь и почти бѣжала, что жители пришли въ уныніе, что многія войска ушли даже за Варшаву, не надѣясь отстоять ее, и что поляки, недовольные Хлопицкимъ, назначили на его мѣсто Скрженецкаго. Что же удержало Дибича? снова непонятно.

И для чего онъ такъ долго оставался на гроховскомъ полѣ и послѣ, когда ледъ видимо испортился и когда, по времени года, нельзя было уже надѣяться на наступленіе сильныхъ морозовъ? Чего же онъ выжидалъ? неужели осадной артилеріи изъ Риги, для того, чтобы осадить Прагу? Все это осталось неразгаданнымъ. Но время было упущено, успѣхи Крейца не повели ни къ чему, поляки вошли въ сношеніе съ Литвою, Волынією и Подолією; русская армія начала дробиться на отряды и война затянулась надолго. Измѣны въ такомъ человѣкѣ, каковъ былъ Дибичъ, никто не подозрѣвалъ и подозрѣвать никогда не осмѣлится. Слѣдовательно, виною была неосновательность соображеній и, главное, недостатокъ въ твердости характера при исполненіи составленныхъ соображеній. Что же касается до разстройства польской арміи, въ которомъ она находилась послѣ гроховскаго сраженія, то это доказываютъ переговоры Скрженецкаго, и мы имѣли случай въ этомъ убѣдиться изъ рассказовъ жителей по занятіи Варшавы. «Мы считали, говорили они, все погибшимъ и встрѣтили бы русскую армію въ Варшавѣ не съ оружіемъ въ рукахъ, но съ хлѣбомъ и солью, прося помилованія у Императора».

III.

Отступление съ Гроховскаго поля на кантонирь-квартиры.—Расположеніе войскъ по кантонирь-квартирамъ.—Рекогносцировки.—Новые планы Дибича и Скрженецкаго.—Движеніе главныхъ силъ русской арміи къ устью Вепржа.—Повздка на австрійскую границу.—Извѣстіе о разбитіи Гейсмара и корпуса Розена.—Позиція при Рыкахъ.—Измѣненіе плана кампаніи и движеніе арміи на соединеніе съ войсками Розева къ Сьдлецу.—Холера.—Положеніе арміи подъ Сьдлецомъ.—Движеніе къ Венгрову.—Первое наступательное движеніе къ Мимску, предпринятое съ цѣлью рекогносцировки.—Биваки при д. Квашнякѣ.—Открытія Зедделера и отъездъ его изъ арміи.—Второе наступательное движеніе на Калушинъ съ цѣлью же рекогносцировки и первое извѣстіе объ отступленіи гвардіи къ Бьло-стоку.

Гроховское сраженіе, въ которомъ, можно сказать, не достало у Дибича необходимой въ полководцѣ рѣшительности, было заключеніемъ счастливаго періода его кампаніи. Отступленіе отъ Варшавы произвело неблагопріятное вліяніе на духъ нашихъ войскъ; увѣренность въ дарованія главнокомандующаго ослабѣла; офицеры судили объ его намѣреніяхъ съ неблагопріятной стороны; солдаты, руководимые какимъ-то инстинктомъ, чувствовали, что все дѣлается не такъ, какъ бы надобно было сдѣлать, и что ихъ употребляютъ не такъ, какъ бы надобно было употреблять русскихъ солдатъ, и вслѣдствіе этого, начали тяготиться и трудными форсированными маршами, и роптать на недостатокъ въ продовольствіи. Главнокомандующій,—рычагъ, который двигаетъ всю машину,—ослабѣлъ, и машина двигается хуже;

разлаживается и портится. Поляки, напротивъ того, ободрились; разсѣялась грозная туча, висѣвшая надъ Варшавою; опасность, казалась, миновала, и свѣтлая надежда блеснула въ ихъ сердцахъ, что они могутъ бороться съ русскими, и отстоять себя, если употребить къ тому всѣ усилія. Многие, не принимавшіе прежде никакого участія въ возстаніи, считая его одною вспышкою, бредомъ горячихъ головъ, спѣшили теперь помогать въ борьбѣ за родину своимъ соотечественникамъ; при томъ зарождалась мысль и на помощь французамъ, которые могли и, повидимому, должны были принять участіе въ этой борьбѣ, чтобы не допустить русскія войска къ предѣламъ Голландіи и Франціи. Пораженіе, претерпѣнное подъ Гроховымъ, начало забываться, и Гроховскій бой казался уже имъ зарею свѣтлой ихъ будущности. Польская армія усиливалась, такъ что можно было считать уже въ ней за 75,000 регулярныхъ войскъ при 160 орудіяхъ, въ числѣ которыхъ было до 60,000 пѣхоты и за 15,000 кавалеріи. Свозилось большое количество продовольствія; начали устраивать пороховые, ружейные и литейные заводы. Правленіе принимало форму болѣе стройную и приобрѣтало общую довѣренность. Диктаторство вручено князю Адаму Чарторыжскому, человѣку близкому къ покойному Императору Александру и занимавшему нѣкогда въ Россіи должность министра иностранныхъ дѣлъ. Хлопицкій, раненый подъ Гроховымъ, былъ обвиненъ въ томъ, что принялъ сраженіе съ превосходными силами непріятеля и поставилъ въ опасное положеніе Варшаву, вмѣсто того, чтобы, раздробляясь на отряды, заставить раздробиться и Дибича и, нападая со всѣхъ сторонъ на русскія войска, дать характеръ дѣйствіямъ малой войны, при которой поляки могли надѣяться на вѣрные успѣхи. Хлопицкій удалился въ Краковъ. Главное начальство надъ войсками ввѣрено Скрженецкому, молодому полководцу съ прекрасными военными дарованіями, оправдавшему вполне своими дѣйствіями выборъ своихъ соотечественниковъ. Начальникомъ штаба назначенъ Хржановскій, а генераль-квартирмейстеромъ Прондзинскій, — оба съ хорошими дарованіями, и первый изъ нихъ, служа въ послѣднюю турецкую войну въ 1829 г. въ генеральномъ штабѣ и находясь при Дибичѣ, въ главной квартирѣ арміи, зналъ его характеръ, образъ дѣйствія, понималъ его слабости и, пользуясь ими, могъ приносить большую пользу Скрженецкому. Женщины, владѣющія въ Польшѣ умами мужчинъ и по преимуществу привязанныя къ свободѣ, увлекали молодежь записываться въ войска, ходили въ госпиталяхъ за ранеными и устраивали общія народныя собранія на площадяхъ, гдѣ самыя знатныя паненки не отказывались танцевать азурку на пескѣ Саксонскаго плаца съ солдатами, отличившимися въ

дѣлѣ противъ русскихъ. Чины и награды сыпались щедрою рукою, новые журналы разносили идеи свободы по воеводствамъ; словомъ, это уже было не минутное возстаніе, это была революція, которую не скоро можно было потушить и которая могла нитать Польшу уже большими надеждами.

Скрженецкій, принявъ начальство надъ арміею, тотчасъ же исполнилъ желаніе поляковъ и отдѣлилъ Дверницкаго съ 7,000 къ Замосцу, съ тѣмъ, чтобы проникнуть въ Литву и произвести тамъ возстаніе, и заставилъ Дибича отдѣлить также отъ главныхъ силъ корпусъ Витта, дивизію Набокова и гренадеръ Муравьева и потомъ 6,000-ный отрядъ Сакена къ Остроленкѣ для прикрытія Августовскаго воеводства. Но это было еще только начало дѣйствій отрядами и тѣхъ благоразумныхъ распоряженій, которыя обличили въ Скрженецкомъ дарованія искуснаго полководца.

Предположивъ расположить свои войска на время ростеполи на кантонирь-квартирахъ, влѣво отъ шоссе, ведущаго изъ Калушина къ Варшавѣ, Дибичъ, какъ для того, чтобы содержать постоянно Варшаву въ блокадѣ съ праваго берега Вислы и не потерять того пространства земли, прибрѣтеніе котораго стоило русскимъ войскамъ столькихъ потерь, такъ и для того, чтобы прикрыть свое квартирное расположеніе, оставилъ на Гроховскомъ полѣ генераль-адъютанта барона Розена съ Литовскимъ корпусомъ. Отрядъ генераль-адъютанта барона Гейсмара, составляя авангардъ этого корпуса, долженъ былъ по прежнему занимать предмѣстье Праги. Главная квартира имѣла назначеніе слѣдовать въ м. Шеницу; корпусная квартира 1-го корпуса Палена въ м. Парызовъ. Дивизіи этого корпуса расположить въ окрестностяхъ Шеницы, Парызова и Осецка, держа наблюдательные посты по правому берегу Вислы отъ устья Вепржи до Карчева. Корпусная квартира гренадерскаго корпуса въ м. Латовичахъ. 1-я гренадерская дивизія въ окрестностяхъ Сточека и Серочина. Главная квартира Цесаревича въ м. Земховѣ, гвардія его—въ окрестностяхъ Зелехова и резервная артилерія—въ м. Луковѣ. Подобное квартирное расположеніе ясно показывало, что главнокомандующій имѣлъ цѣлю, съ открытіемъ рѣкъ по первой просухѣ, предпринять переправу черезъ Вислу выше Варшавы, и хотѣлъ снова хотя нѣсколько сблизить съ главными силами отдѣленные отъ нихъ части, т. е. дивизію Набокова, расположившуюся также по квартирамъ на лѣвомъ берегу Вепржи, близъ Маркушева и Каміанки; гренадерскіе полки Муравьева и корпусъ графа Витта, расположенный у Люблина, и корпусъ Крейца, занимавшій квартиры на югѣ Царства Польскаго, близъ австрійской границы. Слѣдовательно, войска были растянуты, начиная

отъ праваго крыла арміи, т. е. Литовскаго корпуса, до лѣваго, т. е. корпуса Крейца, слишкомъ на 200 верстѣ по прямому направленію, а считая по Вислѣ, армія должна была наблюдать за ея теченіемъ на протяженіи 300 верстѣ, чтобы не допустить генерала Дверницкаго, находящагося въ Замосцѣ, имѣть сообщеніе съ Варшавою и чтобы лишить Скрженецкаго возможности направлять новые отряды для дѣйствія по правому берегу верхней части Вислы. Но главною ошибкою при этомъ было оставленіе для прикрытія квартирнаго расположенія арміи, со стороны Варшавы, откуда могла угрожать самая большая опасность, Литовскаго корпуса, разстроенаго большими потерями, переметчиками, и на стойкость котораго нельзя было положиться. По всей справедливости, надлежало бы предоставить этотъ важный постъ корпусу Палена, отличившемуся и имѣющему начальникомъ своимъ генерала хладнокровнаго, твердаго и распорядительнаго. Если же Дибичъ хотѣлъ наказать этимъ Литовскій корпусъ, оставляя его на бивакахъ посреди опустошенныхъ полей, тогда, когда другія войска будутъ отдыхать, то это наказаніе придумано весьма неразсчитливо, какъ можно было предвидѣть и какъ послѣдствія вполнѣ это оправдали. Оно могло въ конецъ уничтожить нравственную силу въ войскахъ этого корпуса и дѣлало его ненадежною стражею общаго спокойствія. При томъ, главнокомандующій, обольщенный первоначальными успѣхами послѣ дѣлъ подъ Калушинымъ и Вавромъ, и въ надеждѣ окончить скоро кампанію, пріостановилъ требованія объ ускореніи доставки продовольственныхъ запасовъ, которые должны были отправиться изъ западныхъ губерній. Но черезъ нѣсколько дней, хотя снова посылались повелѣнія за повелѣніемъ объ ускореніи слѣдованія транспортовъ, но наступившая распутица сдѣлала ихъ движеніе весьма медленнымъ. Войскамъ, стоявшимъ по квартирамъ, назначены были раіоны для фуражировки, и они могли еще безъ большой нужды, какъ расположенныя въ краю, не опустошенномъ войною, себя продовольствовать. Но что оставалось дѣлать Литовскому корпусу, стоящему посреди пустынныхъ полей. Отправляемые фуражиры должны были удалиться на значительное разстояніе отъ корпуса, и совсѣмъ тѣмъ, возвращались съ добычею самою бѣдною; зерноваго хлѣба отыскать рѣшительно было невозможно, и солдаты принуждены были сами вымолачивать хлѣбъ на гумнахъ, уничтожая послѣдніе оставшіеся скирды и лишая жителей всѣхъ способовъ пропитанія; но эти работы требовали уже болѣе рукъ, нежели сколько было ихъ у фуражировъ. Сверхъ того, Гроховское поле, съ началомъ весны, когда стали оттаивать зарытые и незарытые человѣческіе и лошадиные трупы, стало производить вредныя испаренія, воздухъ сдѣлался смраднымъ и заразительнымъ, откры-

лись злокачественныя болѣзни, смертность начала увеличиваться со дня на день, и Розенъ, по собственному ли усмотрѣнію, или съ разрѣшенія главнокомандующаго, черезъ недѣлю или полторы послѣ нашего отступленія, для прекращенія хотя нѣсколько могущихъ отъ этого произойти послѣдствій, отодвинулъ также свой корпусъ назадъ, оставивъ въ Прагѣ одного Гейсмара съ тремя полками пѣхоты и частію кавалеріи, и расположилъ войска на тѣсныхъ квартирахъ между Прагою, м. Окуневымъ и Милосною, а потомъ на болѣе просторныя до мм. Станиславова и Минска.

Мы выступили изъ подъ Грохова 26-го февраля вечеромъ, ровно черезъ мѣсяцъ вступленія нашего въ Царство Польское. Зимняя наша мѣсячная кампанія, съ такимъ блескомъ начатая, окончилась неблагопріятно; и солдаты хотя рады были покинуть биваки подъ Гроховымъ, но съ унылыми лицами удалялись отъ Варшавы, которая составляла предметъ дѣйствія главнокомандующаго, и предметъ желанія всей арміи.

Гренадерскій корпусъ долженъ былъ ночевать при д. Дембевелки. Шелъ мелкій дождь, было сыро и холодно; часа за три до выступленія войскъ, Зедделеръ взялъ Бергенстроме и меня, и отправился для занятія бивакъ. Проѣзжая Милосну, Зедделеръ зашелъ на минуту къ Нейдгарту, чтобы отдать ему представленіе о переводѣ Печковскаго и меня въ генеральный штабъ; Петровскаго не представляли и, кажется, виною Печковскій; по возвращеніи, Зедделеръ сказалъ, что Нейдгартъ принялъ представленіе весьма охотно и имѣетъ уже обо мнѣ такое же представленіе отъ Данненберга, генераль-квартирмейстера Цесаревича. Слѣдовательно, въ отношеніи себя, я не могъ еще жаловаться на кампанію; мѣсяцъ, и представленъ къ тремъ наградамъ, но эти награды были призраки, а не дѣйствительность.

Дождь постепенно усиливался, Зедделеръ показалъ намъ позицію впереди д. Дембевелки, и мы втроемъ отправились искать теплой хаты; но здѣсь былъ небольшой господскій домикъ, въ немъ квартировалъ полковникъ Ремизовъ, командовавшій резервною артилерією; онъ пригласилъ насъ къ себѣ, напоилъ чаемъ и мы легли уснуть. Теплая комната, послѣ трехъ-недѣльныхъ бивакъ на снѣгу, при этомъ чай и мягкіе диваны, все это было до того отрадно, что мы не съ охотою встали, услышавъ приказанія Зедделера послѣшнить поставить жалонеровъ. Ночь была темная, мы сѣли на лошадей и около 4-хъ часовъ пробыли въ поле подъ проливнымъ дождемъ, пока дождались войскъ. Корпусная квартира поѣхала въ господскій домъ, а мы разсыпались, кто гдѣ попало; я вошелъ въ большую хату, въ ней лежали больные

и раненые и въ печкѣ горѣлъ огонь; легъ передъ огнемъ, и когда проснулся, уже разсвѣтало. Я вскочилъ опять на лошадей и поскакалъ на биваки, не успѣвъ даже обсушиться и дрожа какъ въ лихорадкѣ. Гренадеры въ продолженіе ночи, терпя также отъ стужи и промокши до костей, начали разводить огни, разобрали нѣсколько ближайшихъ хатъ, потомъ забрались на господскій дворъ, разломали часть сараевъ, амбаровъ, сняли крышу съ домика, въ которомъ спала вся корпусная квартира, принялись уже было ломать потолокъ, и только этотъ послѣдній шумъ пробудилъ штабъ; казаки сѣди на лошадей, погнали гренадеровъ нагайками; князь горячился, Гурко досадовалъ, но совѣмъ тѣмъ не скоро можно было остановить гренадеръ и принудить ихъ возвратиться на биваки. Взявъ желонеровъ и подойдя съ ними къ крыльцу домика, чтобы получить приказанія, я нашелъ Гурко на крыльцѣ. Онъ былъ не въ духѣ и встрѣтилъ меня съ упрекомъ, что я опоздалъ, хотя я долженъ былъ ожидать еще болѣе часа.

Зедделеръ, Бергенстрале и я отправились въ Минскъ. Жалонеры должны были слѣдовать туда же. Минскъ показался мнѣ такимъ прекраснымъ и красивымъ городкомъ, что я не узналъ его. Приятно поразили мой слухъ благовѣсть въ костелѣ, и хотя этотъ благовѣсть не походилъ на благовѣсть русскихъ церквей, но напоминалъ его, и невольно переносилъ мыслями на родину, въ русскій городокъ, гдѣ люди живутъ покойно и не терпятъ такихъ лишеній, какъ мы.

Корпусъ долженъ былъ остановиться въ Минскѣ только на привалѣ и слѣдовать далѣе. Зедделеръ собралъ самыя точныя свѣдѣнія о дорогахъ къ Латовичу и Сточеку и, на основаніи этихъ свѣдѣній, предположилъ двинуть корпусъ на м. Цегловъ и Куфлево и расположить его при Куфлевѣ, съ тѣмъ, чтобы полки оттуда въ одинъ переходъ могли уже разойтись по квартирамъ, и отпривилъ меня впередъ съ жалонерами для занятія бивака подъ Куфлевымъ. Придя къ Куфлеву, я показалъ жалонерамъ мѣста для бивака, приказалъ имъ запасти дрова и поѣхалъ по тополевой алеѣ къ дому нана. Панъ встрѣтилъ меня привѣтливо и ласково и отрекомендовалъ своей женѣ и двумъ дочерямъ. Мы познакомились въ нѣсколько минутъ, какъ обыкновенно знакомятся въ походѣ, гдѣ нѣкогда терять времени на китайскія церемоніи. Дочери его были образованы прекрасно и хороши собою, въ полномъ цвѣтѣ юности, ловки, стройны, черныя ихъ глаза полны были нѣги. Старшая около часу играла мнѣ на фортепiano, и опять эта сцена послѣ бивака невольно убаюкивала сердце какимъ-то неизъяснимо приятнымъ чувствомъ. Послѣ сытнаго обѣда, который былъ приготовленъ со вкусомъ, я легъ въ кабинетъ хозяина на роскошную софу, раздѣлся въ первый разъ

послѣ трехъ недѣль, уснулъ подѣ какимъ-то волшебнымъ очарованіемъ и проспалъ бы долго, если бы черезъ два часа не разбудилъ меня казакъ, привезшій записку отъ Зедделера. Онъ увѣдомлялъ, что корпусъ уже слѣдуетъ не на Куфлево, а на Шеницу и приказывалъ взять жалонеровъ немедленно и идти съ ними къ Латовичу. Былъ уже поздній вечеръ, съ грустью я простился съ гостепримнымъ паномъ и его семьей и выступилъ къ Латовичу. Не смотря на то, что мы шли цѣлую ночь, разлившіеся ручьи преграждали намъ дорогу и мы едва добрались къ Латовичу на разсвѣтѣ; я ожидалъ уже новаго выговора отъ Гурко за промедленіе, но, къ удивленію моему, корпуса въ Латовичѣ еще не было и не было о немъ даже никакого извѣстія. Я занялъ биваки и часа черезъ три пріѣхалъ Зедделеръ.

— Упрямство это выводитъ меня изъ терпѣнія, сказалъ онъ, слѣзая съ лошади; слѣдуя на Куфлево, мы были бы уже на своихъ мѣстахъ, а теперь дай Богъ, чтобы поспѣли на мѣста завтра. Войска измучились, вчера не успѣли дойти и до Шеницы, и принуждены были ночевать въ лѣсу, посреди болота по колѣно въ водѣ, и безъ огня, потому что негдѣ было достать сухихъ дровъ.

Зедделеръ очень досадовалъ на Гурко, который, не внимая его убѣжденіямъ, что дорога на Куфлево и лучше, и ближе, что въ главной квартирѣ, вѣроятно, не знали этой дороги, и потому только приказали слѣдовать чрезъ Шеницу, хотѣлъ буквально исполнять приказанія, говоря, что можетъ быть гренадерскому корпусу во время слѣдованія назначено прикрывать главную квартиру, хотя непріятеля вовсе не было на правомъ берегу Вислы и правѣ гренадеровъ двигался 1-й корпусъ Палена.

Зедделеръ далъ мнѣ квартирное росписаніе для 2-й гренадерской дивизіи и приказалъ немедленно же идти въ Сточекъ и занимать квартиры, принимая на себя поставить корпусъ у Латовича безъ жалонеровъ. Мѣстечко Сточекъ имѣетъ живописное мѣстоположеніе и расположено на высокомъ крутомъ правомъ берегу небольшой рѣчки. Деревянный костель, построенный на мысу крутаго берега, обнесенъ былъ зеленымъ палисадомъ и обсаженъ вѣковыми тополями, липами и елями, между которыми тѣснились ряды крестовъ и новый жилецъ вытѣснялъ стараго. Жидовскіе домики, разбросанные по горѣ, были выбѣлены и покрыты красною черепицею. Весна была въ полномъ разгулѣ, солнце свѣтило ярко, воздухъ былъ теплый, рѣчка, выступивъ изъ береговъ, превратилась въ большую рѣку и падая каскадами, передвигала съ мѣста на мѣсто ледяныя громады; поля уже были совершенно обнажены

отъ снѣга и жаворонки распѣвали свои пѣсни. Наконецъ, отдохъ, думалъ я,—и эта мысль была очень отрадна.

Пользуясь свободнымъ временемъ въ первые дни нашего прибытія, я снялъ глазомѣрно м. Сточекъ съ окрестностями, въ 200 сажень въ англійскомъ дюймѣ. Зедделеръ отправилъ этотъ планъ къ Нейдгарту и онъ имъ остался очень доволенъ, носилъ его къ главнокомандующему и они вмѣстѣ по немъ повѣряли дѣло генерала Гейсмара. Потомъ я занялся приведеніемъ въ порядокъ журнала дѣйствій дивизіи, и когда по просьбѣ Фрейганга читалъ его по вечерамъ у Полуэктова, Фрейгангъ выходилъ изъ себя, зачѣмъ я говорю, что 3-я бригада направилась туда-то, построилась такъ-то, а не генералъ Фрейгангъ пошелъ съ бригадою туда-то, построился такъ-то.

— Ваше превосходительство, возражалъ я, да развѣ не сказано въ началѣ, что вы командуете бригадою.

— Мало ли, батюшка, что въ началѣ, а тутъ и забудутъ. Хороша будетъ исторія кампаніи, когда будутъ вести такіе журналы. Вѣдь слѣдовало бы, Борисъ Владиміровичъ, прибавлялъ онъ обращаясь къ Полуэктову, писать такъ, какъ я говорю.

— Слѣдовало бы, Петръ Ивановичъ, подтверждалъ Полуэктовъ, иначе никто и не пишетъ.

— Да вы не шутите, ваше превосходительство? спрашивалъ съ сомнѣніемъ Фрейгангъ.

— Ну, ей Богу же не шучу, вотъ тебѣ и побойлся, пожалуй.

— Видите, батюшка! вотъ и дивизионный начальникъ того же мнѣнія. Да заставьте его передѣлать, ваше превосходительство.

— Изволь, изволь, непременно заставлю.

Но въ особенности Фрейгангъ досадовалъ, что я не такъ, по его мнѣнію, описалъ его дѣйствія въ Гроховскомъ сраженіи при взятіи лѣса.

— Я, говорилъ онъ, разсыпалъ густую цѣпь стрѣлковъ и построилъ ротныя колонны. Развѣ не такъ атакуютъ лѣсъ?

— Совершенно такъ, Петръ Ивановичъ, подтвердилъ опять Полуэктовъ.

— Вы забываете, ваше превосходительство, возражалъ я, вы не могли этого сдѣлать: во-первыхъ, потому, что самъ главнокомандующій приказалъ наступать карабинерамъ колоннами къ атакѣ, чтобы прекратить долгую перестрѣлку; во-вторыхъ, потому, что когда вы двинулись, впереди васъ предполагали войска Литовскаго корпуса, которыя вы должны были поддерживать. Противъ кого же вы стали бы заранѣе рассыпать стрѣлковъ и строить ротныя колонны. По вступленіи же въ

лѣсь вы, дѣйствительно, рассыпали стрѣлковъ, но, занятые дѣйствіями въ цѣпи, не перестроили бригады въ ротныя колонны, и объ этомъ не ваше дѣло было заботиться. Полковые и баталіонные командиры сами должны были это сдѣлать, по вызовѣ извѣстнаго числа стрѣлковъ.

Фрейгангъ соглашался, что онъ былъ занятъ дѣйствіемъ цѣпи, но все-таки сердился на меня.

Зедделеръ посовѣтывалъ мнѣ вести два журнала, если я найду время, чтобы сохранить истину и не ссориться съ генералами, т. е. одинъ для представленія генераль-квартирмейстеру, а другой, для чтенія своимъ генераламъ, и этотъ совѣтъ былъ вполне полезенъ. На другой же день, Фрейгангъ, узнавъ, что я передѣлываю журналъ, явился ко мнѣ въ проливной дождь, чтобы побесѣдовать со мною, потомъ началъ ходить всякій день, умилялся при моемъ чтеніи объ его подвигахъ, и нерѣдко слезы показывались у него на глазахъ и онъ душилъ меня въ своихъ объятіяхъ.....

Скоро, однакоже, мой отдыхъ кончился. Предписано было офицерамъ генеральнаго штаба каждаго корпуса обрекогносцировать все пространство, занимаемое войсками корпуса и представить рекогносцировки генераль-квартирмейстеру. На нашу долю съ Зальцемъ достался районъ довольно большой, образующій треугольникъ: одна сторона его простиралась отъ Латовичъ черезъ Серочинъ до Лукова, другая отъ Латовичъ до Земхова и третья отъ Земхова до Лукова. Зальца, по праву старшаго, избралъ себѣ пространство, служащее продолженіемъ снятыхъ мною окрестностей Сточека, лежащее на небольшое разстояніе, а мнѣ предоставилъ все остальное. Я ѣздилъ каждый день по дурнымъ дорогамъ до совершенной усталости. Зальца старался выпроваживать меня на работу какъ можно ранѣе, и когда я возвращался находилъ его уже въ постелѣ.

— Что, Иванъ Александровичъ, много вы сняли? спрашивалъ я.

— Ахъ, Боже мой! Николай Дмитріевичъ, не мѣшайте, пожалуйста, спать, мочи нѣтъ, какъ усталъ.

— Много онъ объѣздитъ? спрашивалъ я у Полторацкаго и Поливанова.

— Да, много: ни шагу изъ хаты, игралъ въ карты, да спалъ.

И эта исторія повторялась каждый день; я окончилъ свою съемку, а у Зальца не было еще и начата.

— Сдѣлайте милость, сказалъ Зальца, снимите и мое пространство, оно меньше вашего, а я чувствую себя нездоровымъ, и снимаю медленно.

Мнѣ не хотѣлось ему отказать, я снялъ въ два дня, и Зальца

не утаилъ передъ Нейдгартомъ, что эти сѣмки принадлежать не ему, а мнѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, мы получили новое приказаніе осмотрѣть пути и снять маршруты: Зальца черезъ Зелеховъ на Окржею и Држончговъ, а я черезъ Радоришь на Лисобиги. Множество кракусовъ, образовавшихся изъ разоренныхъ жителей и бродившихъ по лѣсамъ и селеніямъ, часто большими шайками, дѣлали рекогносцировки опасными, и потому я, пріѣхавъ въ Радоришь и остановившись у ксендза, не вполне довѣрился его радушному приему и заставилъ одного казака оставаться на караулѣ. У ксендза прислуживала за чаемъ иужиномъ хорошенькая дѣвушка, которыхъ ксендзы имѣютъ обыкновеніе у себя держать. Разговоръ нашъ былъ богословскій. Окончивъ свое порученіе, я возвратился, но отдыхъ нашъ уже 26-го марта кончился и корпусъ выступилъ къ устью Вепржи.

Между тѣмъ, Цесаревичъ оставилъ армію и изъ Зелехова отправился въ Россію. Отрядъ его поступилъ подъ начальство Куруты.

Новый планъ кампаніи Дибича состоялъ въ слѣдующемъ:

Главныя силы арміи, т.-е. 1-й пѣхотный корпусъ, 1-я и 2-я гренадерскія дивизіи и гвардейскій отрядъ Цесаревича, должны были двинуться къ устью Вепржи, гдѣ, пользуясь сплавомъ по этой рѣкѣ, устроить мостъ, который имѣли намѣреніе спустить по Вислѣ и, перебросивъ при Тырчинѣ, переправиться на лѣвый берегъ и начать снова наступленіе къ Варшавѣ. Отрядъ графа Витта, состоящій изъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, четырехъ гренадерскихъ полковъ дивизіи Набокова и трехъ гренадерскихъ полковъ корпуса Муравьева, перейти въ то же время на лѣвый берегъ Вислы по мосту, устраиваемому при Казимиржѣ, а 5-й резервный кавалерійскій корпусъ Брейца, перейти по мосту, устраиваемому при Раховѣ и уже по лѣвому берегу слѣдовать на соединеніе съ арміей. Литовскій корпусъ, по прежнему, долженъ былъ оставаться подъ Прагою и прикрывать брестъ-литовское шоссе и въ особенности Сѣдлецъ, гдѣ находились главные магазины и госпитали, и для усиленія этого корпуса дано было повелѣніе графу Палену 2-му, со 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и 1-ю бригадою 3-й гренадерской дивизіи, остававшейся въ Вильнѣ, слѣдовать изъ западныхъ губерній по брестъ-литовскому шоссе также къ Сѣдлецу и Калущину. Гвардейскій корпусъ, перешедшій уже границу Царства Польскаго въ Бѣлостокъ, имѣлъ назначеніе оставаться въ окрестностяхъ Ломжи и Остроленки, прикрывать августовское воеводство и содержать черезъ Бугъ постоянную связь съ Литовскимъ и 2-мъ пѣхотнымъ корпусами. Что же касается до люблинскаго воеводства, гдѣ находился въ За-

мосцѣ отрядѣ Дверницкаго, и литовскихъ губерній, на вѣрность которыхъ нельзя было положиться, тѣмъ болѣе, что при нашихъ неудачахъ начинали тамъ вспыхивать возмущенія и легко могли быть поддерживаемы польскими отрядами, которые бы успѣли туда пробраться, Государь Императоръ повелѣлъ фельдмаршалу Сакену съ 1-ю арміею, т. е., съ 3-мъ и 4-мъ пѣхотными и 4-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусами направиться въ Волинь, частію войскъ 4-го пѣхотнаго корпуса и 4-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ занять Волинь, а генераль-адъютанту Ридигеру съ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ поступить также въ составъ дѣйствующей арміи и занять люблинское воеводство. Начальникомъ штаба у графа Сакена былъ генераль-адъютантъ Красовскій, а генераль-квартирмейстеромъ генераль-маіоръ Вейраухъ. Сверхъ того, образована особая армія изъ 5-го пѣхотнаго корпуса и резервныхъ баталіоновъ, порученная генералу-отъ-инфантеріи графу Толстому. Начальникомъ его штаба назначенъ Довре, дежурнымъ генераломъ Клейнмихель, и эта армія имѣла назначеніе занимать Бѣлостокскую область, Виленскую и Гродненскую губерніи. Словомъ, война разгорѣлась, театръ ея сдѣлался обширнѣе-сосредоточивались въ Польшу, въ Литву и въ Волинію почти всѣ русскія войска, и всему этому была причиною нерѣшительность Гроховскаго сраженія. Время, проведенное войсками на отдыхѣ, употреблено было Дибичемъ на устроеніе предположенныхъ мостовъ черезъ Вислу; работы производились дѣятельно. Герштенцевейгъ съ частію гвардейскаго отряда прикрывалъ работы при Тырчинѣ, а Муравьевъ со своими полками при Раховѣ. Чтобы обезопасить корпусъ Розена отъ нападений со стороны Варшавы, намѣревались уничтожить пражскій мостъ, пускали нѣсколько разъ отъ Карчева внизъ по теченію Вислы брандеры; но однакоже всѣ эти попытки не имѣли успѣха. И потому Розену предписано было, занимая, по прежнему, частію войскъ предмѣстье Праги, оставить Гейсмара на позиціи при Ваврѣ, а самому, въ случаѣ нападенія на Гейсмара значительнаго числа непріятельскихъ силъ, занять со всѣмъ корпусомъ позицію при Дембевелкахъ или Калушинѣ и держаться до прибытія 2-го пѣхотнаго корпуса.

Изъ этого видно, во-первыхъ, что изъ гвардейскаго, гренадерскаго, 1-го, 2-го, 3-го и 6-го пѣхотныхъ, 3-го и 5-го резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ и гвардейскаго отряда Куруты, Дибичъ по тому раздробленію, въ которомъ находились его войска, могъ употребить для главнаго дѣйствія, долженствовавшего рѣшить участь войны, менѣе нежели половину своей арміи, и имѣлъ у себя подъ рукою для первоначальнаго дѣйствія двѣ гренадерскія дивизіи, 1-й пѣхотный корпусъ и

гвардейскій отрядъ, что составляло не болѣе четверти всей арміи; вторыхъ, планъ его былъ слишкомъ сложенъ, войска переправлялись въ трехъ пунктахъ по частямъ, и въ пунктахъ, отдаленныхъ другъ отъ друга болѣе нежели на 50 верстъ; слѣдовательно, для успѣшнаго выполненія этого плана надобны были условія: 1) быстрота и точность въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ; 2) чтобы поляки, двинувшись со всею арміею противъ войскъ, переправившихся при Тырчинѣ, не успѣли ихъ атаковать прежде присоединенія отрядовъ Витга и Крейца и 3) чтобы Розень удерживался упорно до прибытія 2-го пѣхотнаго корпуса и не давалъ возможности своимъ рановременнымъ отступленіемъ открыть неприятелю дѣйствія на тылъ главныхъ силъ русской арміи.

Скрженецкій провикъ намѣренія Дибича и собралъ военный совѣтъ, для составленія плана дальнѣйшаго дѣйствія. Хржановскій предложилъ направить главныя силы арміи черезъ Модлицъ противъ гвардейскаго корпуса, основываясь на томъ, что разбитіе гвардіи отвлечетъ Дибича отъ переправы. «Я знаю характеръ Дибича, прибавлялъ Хржановскій, и ту важность, которую придаютъ въ русскихъ войскахъ гвардейскому корпусу — и Дибичъ, чтобы поспѣшить ей на помощь, оставитъ свое намѣреніе». Прондзинскій, напротивъ того, подалъ голосъ напасть на Гейсмара, опрокинуть его, разбить Розена и открыть дѣйствія на тылъ русской арміи. Скрженецкій, не находя возможности остановить переправу русской арміи съ фронта, опасался, однакоже, дѣйствіемъ противъ гвардіи отдалиться на значительное разстояніе отъ Варшавы, и согласился съ мнѣніемъ Прондзинскаго. Планъ этотъ былъ основанъ вполне на настоящихъ обстоятельствахъ и положеніи, въ которомъ будутъ находиться въ извѣстное время обѣ противодѣйствующія арміи. А именно, онъ предположилъ, ограничась только однимъ незначительнымъ противодѣйствіемъ съ лѣваго берега Вислы, устроенію моста при Тырчинѣ, по удаленіи главныхъ силъ русской арміи къ Вепржѣ, выдти со всею арміею изъ Варшавы, опрокинуть Гейсмара, напасть врасплохъ на корпусъ Розена, пока онъ еще не подкрѣпился графомъ Паленомъ 2-мъ, поворотить вправо на тылъ русской арміи, и если не разбить ее, то остановить переправу и привести ее въ совершенное разстройство взятіемъ транспортовъ, вагенбурговъ и вообще дѣйствіемъ на ея операціонныя и коммуникаціонныя линіи. Притомъ, онъ могъ имѣть въ виду соединиться на Вепржѣ и съ Дверницкимъ, и отправить отряды въ Литву для поддержанія тамъ возстанія. Планъ пре-

восходный! но какъ оба главнокомандующіе привели въ исполненіе свои планы, увидимъ впоследствии.

Гренадеры должны были оставить на квартирахъ больныхъ, слабыхъ и часть обозовъ, съ тѣмъ, чтобы эти обозы доставляли продовольственные запасы къ своимъ войскамъ изъ раіоновъ, въ которыхъ они были расположены. Въ Сточекѣ остался изъ нашей дивизіи подпоручикъ князь Шаховской, заболѣвшій корью, и вмѣсто его поступилъ къ Полуэктову Чернышевъ, бывшій на ординарцахъ у Цесаревича. Мы не понимали тогда плана главнокомандующаго, но убѣждены были въ одномъ, что онъ намѣренъ переправиться черезъ Верхнюю Вислу, гдѣ же именно, не знали, можетъ быть и отъ того, что рѣдко видались съ главною квартирою и какъ-то охладѣли ко всѣмъ новостямъ. Движеніе къ Вепржи насъ не удивило, но удивило направленіе, данное 2-й гренадерской дивизіи на Родаришъ, Окржею и Држончговъ, тогда какъ дорога между Родаришемъ и Окржею не была никѣмъ осмотрѣна и оказалась такъ дурна, что даже пѣхота шла съ трудомъ, а для артилеріи должны были устраивать почти непрерывныя гати и вырубать по бокамъ дороги кусты. Въ Окржеѣ мы получили приказаніе отъ Зедделера осмотрѣть и снять вновь дороги: Бруновъ—до Држончгова, Бергенстрале—отъ Држончгова до Маркушева и я—отъ Маркушева черезъ Белжицу до Красника. Въ запискѣ Зедделеръ прибавлялъ, что исполненіе этого порученія дать мнѣ полное право на переводъ въ генеральный штабъ и передъ отъѣздомъ приказалъ явиться въ Зелеховъ къ графу Толю для полученія особыхъ наставленій. Нейдгартъ принялъ меня ласково, говоря, что онъ приказалъ Зедделеру назначить одного изъ отличныхъ офицеровъ и очень радъ, что выборъ его палъ на меня и приказалъ идти прямо къ Толю. Въ чемъ я думалъ здѣсь важность, и Бруновъ и Бергенстрале также ѣдутъ, только ближе, а меня посылаютъ Богъ знаетъ куда, мимо расположенія Дверницкаго и хотять потѣшить ласкою и общаніями.

— Здравствуйте! сказалъ мнѣ Толь, когда я вошелъ къ нему. Васъ ко мнѣ прислали?

Онъ ходилъ по комнатѣ заложивъ руки за спину.

— Меня, ваше сіятельство.

— Хорошо. Вы ѣдете осмотрѣть дороги до Красника?

— Я.

— Тамъ расположенъ корпусъ генерала Крейца, или около, не знаю; но вы должны отыскать Крейца; нѣсколько дней, какъ мы не получаемъ отъ него извѣстія и посланные не возвращаются. Вы меня понимаете? т. е., вѣроятно, сообщенія съ нимъ прерываютъ легкіе отряды

Дверницкаго. Узнайте отъ Крейца готовъ ли его мостъ при Раховѣ? Если нѣтъ, когда будетъ готовъ? Если успѣете, сами посмотрите, что дѣлается на мосту. Скажите еще ему, что какъ только мостъ будетъ готовъ, пусть онъ немедленно же переправится на лѣвый берегъ Вислы и слѣдуетъ на соединеніе съ арміей форсированными маршами, чтобы облегчить ей переправу при Тырчинѣ. И чтобы онъ поспѣшилъ какъ можно скорѣйшимъ окончаніемъ моста и исполнилъ волю главнокомандующаго. Поняли?

— Понялъ, ваше сіятельство.

— Перескажите же, что я вамъ приказалъ?

Это была обыкновенная манера приказаній Толя даже въ сраженіи, гдѣ нужна была скорость въ распоряженіяхъ. Онъ хорошо понималъ въ какое можетъ ввести заблужденіе не точно и не ясно переданное приказаніе.

Я пересказалъ ему отъ слова до слова, дѣлая на словахъ даже ударенія.

— Совершенно такъ, именно такъ, прекрасно! И все это секретъ, никому ни слова; попадетесь непріятелю, также ни слова.

— Но чѣмъ я могу удостовѣрить генерала Крейца, что посланъ отъ вашего сіятельства?

— Что вы спрашиваете о такихъ глупостяхъ? перервалъ съ досадою Толь. Развѣ я вамъ могу дать какую либо бумагу? Извольте чѣмъ хотите удостовѣрить! Когда вы хорошей офицеръ, какимъ васъ рекомендовали, такъ найдетесь, а нѣтъ, такъ вы не понимаете своего дѣла. И вы должны возвратиться черезъ два дня не позже, прибавилъ онъ. Слышите.

— Слушаю, ваше сіятельство.

— Да не забудьте, проѣзжая Маркушевъ, передать Набокову, а если его тамъ нѣтъ, то оставьте записку одному изъ его подполковныхъ командировъ, для передачи ему, чтобы онъ всѣ свои обозы направилъ назадъ въ Коцкъ, гдѣ они возьмутъ продовольствіе и гдѣ будутъ обозы всей арміи, и черезъ 5 или 6 дней быть бы готовъ двинуться куда прикажутъ. Поѣзжайте! и донесите обо всемъ прямо мнѣ. Что будетъ стоить, деньги получите по возвращеніи. Прощайте!

Я вышелъ. Но какъ я поѣду, думалъ я, до Красника и назадъ слишкомъ 200 верстъ, съѣздить на своей лошади въ два дня невозможно; брать подводы, кто ихъ дастъ! и гдѣ взять деньги? и въ раздумьи возвратился въ Окжею. Къ счастію, Циммерманъ вызвался тотчасъ же дать мнѣ 100 червонцевъ, и предложилъ взять съ собою его подпа 2-й гренадерской роты, въ которой я служилъ юнкеромъ, фельд-

Фебеля Пухтаевича, говоря, что онъ просится провожать меня; разумѣется, я согласился и на то, и на другое и фельдфебель былъ для меня надежнѣе всѣхъ казаковъ.

Въ началѣ Бруновъ, Бергенстрале и я отправились вмѣстѣ и въ тотъ же вечеръ пріѣхали въ въ Држончговъ. На Вепржѣ не было ни моста, ни парома, едва только къ свѣту мы успѣли отыскать лодку и совершить нашу переправу. До Маркушева я доѣхалъ скоро, передалъ записку объ обозахъ командиру 6-го карабинернаго полка полковнику Бистрому и остался у него позавтракать и перемѣнить лошадей. Генералъ Мартыновъ, стоявшій въ трехъ верстахъ отъ Маркушева и узнавшій, что я пріѣхалъ, потребовалъ меня къ себѣ, но я отвѣчалъ, что не имѣю времени и поѣхалъ далѣе. Не доѣзжая Белжицы показались вдали польскіе разъѣзды, но мы скрылись въ лѣсъ и ихъ миновали. Пріѣхавъ въ Белжицу, я узналъ, что здѣсь за четверть часа былъ небольшой отрядъ польской кавалеріи и что скоро воротится. Признаюсь, я сталъ даже опасаться, чтобы меня не задержали жители; но нѣсколько червонцевъ, брошенные на столъ передъ смотрителемъ станціи, сдѣлали его ласковымъ; онъ немедленно же далъ намъ лошадей и выпроводилъ самъ за мѣстечко. Кондукторъ ѣхалъ также верхомъ и я никакъ не могъ упросить его не трубить при въѣздѣ и выѣздѣ изъ селеній. Наступалъ уже вечеръ, я ѣхалъ по сосновому бору, находящемуся передъ Красникомъ. Вниманіе утомилось разсматривать безпрестанно мѣстность, руки уже не въ силахъ были ее набрасывать на бумагу, самъ я едва сидѣлъ верхомъ отъ усталости, и бѣдный мой фельдфебель былъ едва живъ и представлялъ самую жалкую фигуру.

— Ну, ваше благородіе, говорилъ онъ, я все думалъ, что этимъ кавалеристамъ дѣлается въ походѣ, сидятъ себѣ талагаи, да ѣдутъ, а тутъ тащи на себѣ ранецъ; да нѣтъ, будь проклята эта служба, два ранца соглашусь нести; да и ваша служба я думаю просто ничего, только авантажу много и обращенія съ генералами, анъ и тутъ труда, ваше благородіе, достаточно, да и опаски сколько, ви за грошъ изъ за куста убьютъ, никто и не увидить.

Солнце закатилось за лѣсъ, вечеръ былъ тихій, прекрасный, но меня неволью брало раздумье и мнѣ становилось грустно. Кого-то я найду въ Красникѣ? Если непріятели, ускакать отъ него у меня уже не останется силъ, и въ такомъ расположеніи духа, выѣхавъ изъ лѣса, я увидѣлъ передъ собою Красникъ, расположенный на высотѣ; въ немъ стояли полковыя фуры и впереди, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, расположены были кавалерійскіе ведеты; воротники у солдатъ были мадиновые.

— Что это поляки или русскіе? спросилъ я у спутниковъ.

— Богъ ихъ вѣсть, отвѣчалъ казакъ, не распознаешь ни по фуражамъ, ни по мундирамъ; все вишь на одну статью. А лучше бы на всякій случай въ лѣсъ, да назадъ.

— Нѣтъ, любезный, отвѣчалъ я, теперь уже поздно, у нихъ лошади свѣжія, намъ не уйти.

Съ этимъ словомъ я ударилъ лошадь нагайкою, и, подскакавъ прямо къ ведету, спросилъ рѣшительно часовыхъ:

— Котораго вы полка?

— Казанскаго драгунскаго, ваше благородіе.

Это слово, казанскаго драгунскаго, какъ-то сладко прозвучало въ моихъ ушахъ. Итакъ берегъ! подумалъ я.

— У кого вы въ отрядѣ?

— У корпуснаго командира генерала Крейца.

— Гдѣ генераль Крейцъ?

— Въ Уржедомѣ, ваше благородіе, за милю отсюда.

Я убѣждалъ кондуктора, чтобы на этихъ же лошадяхъ доѣхать до Уржедома, прибавляя за каждую лошадь по червонцу, но онъ не согласился; я долженъ былъ болѣе часу пребыть въ Красникѣ пока досталъ лошадей и только позднимъ вечеромъ пріѣхалъ въ Уржедомъ. Крейца я нашелъ въ небольшой чистой горницѣ, здѣсь же былъ и его начальникъ штаба Деллинсгаузенъ. Крейцъ былъ доволенъ моимъ пріѣздомъ, говорилъ, что онъ и отъ себя посылалъ нѣсколько офицеровъ, чтобы спросить повелѣнія главнокомандующаго и съ донесеніями; но никто не могъ пробраться мимо польскихъ разъѣздовъ.

— А есть у васъ предписаніе графа Толя? спросилъ Деллинсгаузенъ.

— Нѣтъ. Мнѣ приказано объяснить на словахъ.

— Конечно, въ вашихъ словахъ нѣтъ ничего несообразнаго съ настоящимъ положеніемъ дѣла; но однакоже, я вамъ долженъ сказать, что очень много поляковъ, которые хорошо говорятъ по русски, и потому, извините, если вамъ не повѣрятъ, или докажете, что вы дѣйствительно посланы отъ Толя.

— Но чѣмъ я могу доказать вамъ. Я знаю расположеніе всей русской арміи.

— Это знаютъ приблизительно и поляки, и притомъ, не получая нѣсколько дней извѣстія изъ арміи, какія мы имѣемъ средства повѣрить справедливость вашего разсказа.

Мнѣ становилось досадно.

— Помилуйте, генераль, возразилъ я, со мною фельдфебель одного

изъ гренадерскихъ полковъ, со мною казагъ, спросите ихъ, если не вѣрите мнѣ.

Деллинсгаузенъ, казалось, обрадовался моему рѣзкому возраженію.

— Да, можетъ быть, продолжалъ онъ, не перемѣняя, однакоже, своего холоднаго тона.

— Кѣмъ бы я не былъ, генераль, русскимъ или полякомъ, но шпиономъ не былъ и не буду никогда. Хотите вы вѣрять, хотите нѣтъ. Какъ вамъ угодно.

— Не горячитесь, молодой человекъ, замѣтилъ Деллинсгаузенъ, улыбаясь, это наша обязанность; но что у васъ за бумаги за сюртукомъ?

— Это маршруты, снятые дорогою.

Деллинсгаузенъ вынулъ ихъ самъ изъ-за пуговицъ и, посмотрѣвъ снова, передалъ мнѣ.

— Хорошо! теперь рассказывайте, корпусный командиръ слушаетъ приказаніе графа Толя.

Я повторилъ опять.

— Донесите, что мостъ черезъ три дня готовъ, сказалъ Крейцъ, и я переправлюсь.

— Осматривать же вамъ самимъ нашъ мостъ не зачѣмъ, прибавилъ Деллинсгаузенъ; мы вамъ покажемъ и рисунки его, и расскажемъ подробно, въ какомъ положеніи находится работа, болтаивать не будемъ. Иначе вы не успѣете возвратиться къ назначенному сроку въ главную квартиру, потому что вамъ пришлось бы ѣхать къ Рахову поутру; ночью вы ничего не увидите.

Я согласился съ доказательствами Деллинсгаузена, тѣмъ болѣе, что Толя сказалъ: «если успѣете». Мнѣ рассказали все подробно, я напился чаю у одного изъ адъютантовъ Крейца, уснулъ часа четыре и отправился обратно. На обратномъ пути я встрѣтилъ большія задержки въ лошадяхъ, притомъ усталость и страшная ростопись никакъ не позволяли ѣхать быстро, такъ что не прежде какъ на разсвѣтѣ другого дня я пріѣхалъ въ Маркушево, потерявъ во время дремоты съ головы фуражку. Полковникъ Бистромъ далъ мнѣ свою. Едва я добрался въ м. Барановъ, тамъ была наша корпусная квартира; но усталость моя была такъ велика, что когда я вошелъ къ князю, какъ есть въ шинели по поясъ въ грязи, не могъ устоять на ногахъ и упалъ на полъ. Гурко и Золотухинъ подняли меня, подвели къ дивану, раздѣли и уложили отдыхать; но эта побѣдка навсегда потрясла мое здоровье.

— Изъ главной квартиры присылали раза три узнавать, возвратились ли вы, сказалъ Гурко; оправитесь и вамъ надобно туда поѣхать.

— Онъ не поѣдетъ, прервалъ князь, развѣ вы не видите, какъ онъ измучился, мы пошлемъ другаго. Это ни на что не похоже, командировать такъ далеко верхомъ; долго ли зачакнуть молодому человѣку.

— Но у него есть, ваше сіятельство, секретныя порученія отъ начальника главнаго штаба, замѣтилъ Гурко.

— Секретныя онъ напишетъ и запечатаетъ самъ, а не секретныя продиктуетъ кому нибудь.

— Попросите сюда Брунова, сказалъ Гурко, обратясь къ Золотухину.

Гурко подаль мнѣ между тѣмъ чернилицу и бумагу, я началъ писать полулежа. Гурко ходилъ по комнатѣ, а князь суетился и хлопоталъ, чтобы мнѣ подали скорѣе чай и заставилъ прежде всего раздѣться и остаться въ одной рубашкѣ. Я написалъ донесеніе графу Толю, Гурко запечаталъ самъ пакетъ; Брунову я продиктовалъ описаніе дороги, и пока наскоро перечерчивали мой маршрутъ, я часа три уснулъ, освѣжился и могъ уже встать. Бруновъ отправился въ главную квартиру, которая находилась въ деревнѣ Рыкахъ, а я отобѣдалъ у князя и переехалъ въ дивизионный штабъ въ Држончговъ, гдѣ Полуэктовъ занималъ квартиру у богатаго пана въ великолѣпномъ его домѣ. Наша квартира состояла изъ небольшихъ комнатъ во второмъ этажѣ того же дома. На дверяхъ нашей квартиры были нарисованы ключъ, чулки, слово *ни* и мачта, что означало шараду «клуба ни ма»—хлѣба нѣтъ. Съ умысломъ ли или нѣтъ начерчена была эта шарада, но только панъ не приглашалъ къ себѣ гостей обѣдать, и мы готовили свой столъ. Зальца хлопоталъ объ устроеніи моста черезъ Венржъ между Джончговымъ и Барановымъ, потому что гренадерскому корпусу назначено было слѣдовать въ Маркушевъ. Главнокомандующій, говорили, досадовалъ на князя, зачѣмъ онъ не озаботился прежде устроеніемъ моста на Венржъ; князь съ своей стороны досадовалъ на распоряженія главнокомандующаго, что направляютъ корпусъ, не справясь прежде, есть ли мостъ для переправы; но послѣдствія показали, что какъ приказаніе направить гренадерскій корпусъ на Маркушевъ, такъ и осмотръ дорогъ до Красниа было небольшимъ маневромъ Дибича, чтобы распустить по арміи ложные слухи и ввести непріятели въ заблужденіе. Гренадерскій же корпусъ долженъ былъ двинуться къ Тырчину; а мостъ устраивался для удобнѣйшаго сообщенія раздѣленныхъ частей войскъ между собою. Но эти слухи не обманули Скрженецкаго; онъ зналъ, что переправа черезъ Вислу устраивается въ Тырчинѣ, куда должны сосредоточиться главные силы русской арміи. Мостъ на Вислѣ приходилъ къ окончанію, Герштенцвейгъ уже занялъ противоположный берегъ, опрокинувъ польскіе наблюдательные посты, и еще дня два, три, и русская армія была бы на

лѣвомъ берегу Вислы, не имѣя уже никакихъ преградъ между собою и Варшавою. Казалось, дѣла наши принимали снова оборотъ весьма благопріятный, но вышло иначе.

Передъ вечеромъ Бруновъ, возвращаясь изъ главной квартиры, забѣжалъ ко мнѣ.

— Что новаго? спросилъ я.

— Толь ждалъ вашего донесенія съ нетерпѣніемъ, сказали мнѣ въ главной квартирѣ, и обѣщали васъ наградить примѣрно; но теперь все измѣнилось. Говорятъ, что Скрженецкій, пользуясь нашимъ удаленіемъ, вышелъ изъ Варшавы, разбилъ Гейсмара, Розена; въ главной квартирѣ еще ничего опредѣлительнаго, кажется, не знаютъ объ этомъ; но суета и тревога ужасныя. Я едва могъ добиться, чтобы увидѣть Толя; описаніе дороги и маршруты онъ перебросилъ на столъ къ Нейдгарту; секретное донесеніе прочелъ, сказалъ: «хорошо! но жалко, что повѣно, обстоятельства перемѣнились». Поклонился мнѣ и я вышелъ.

Въ ночь же начали возвращаться въ Држончговъ оставленные по квартирамъ въ Сточекъ и въ окрестностяхъ фуражиры и обозные безъ обозовъ; всѣ были объаты паническимъ страхомъ, говорили, что и Сточекъ и Латовичъ заняты непріателемъ, который напалъ на нихъ врасплохъ, забралъ обозы, захватилъ цѣлыя команды фуражировъ, которые были разсѣяны, что они успѣли только спастись, пробираясь по лѣсамъ, и что, по ихъ заключенію, тамъ была цѣлая польская армія. Мы мало еще имѣли вѣры въ эти слухи, считая, что если Розена и успѣли какъ нибудь оттѣснить, то поляки выслали, вѣроятно, къ Сточку и Латовичу одинъ легкій отрядъ, который, наведя страхъ на фуражировъ, былъ принять ими за цѣлую польскую армію. Но какъ могла явиться тамъ цѣлая армія? это, просто, казалось, непонятнымъ. Вскорѣ, однакоже, эти слухи стали подтверждаться болѣе и болѣе, и не оставалось уже никакого сомнѣнія, что на флангъ и въ тылу у насъ находится вся польская армія, и что корпусъ Розена опрокинуть.

Дѣло Розена, какъ впоследствии мы узнали, состояло въ слѣдующемъ: Скрженецкій, выбравъ самый удобный моментъ, когда главныя силы русской арміи удалились къ Вепржѣ, и все вниманіе главнокомандующаго устремлено было на устройство переправы, и когда корпусъ Палена 2-го, подходящий къ Брестъ-Литовску, не могъ еще поддерживать и служить репли Литовскому корпусу, ночью, съ 18-го на 19-е марта, заставъ пражскій мостъ соломою, перевелъ тихо свои войска и, на самомъ разсвѣтѣ, когда густой туманъ не позволялъ еще видѣть въ нѣсколькихъ шагахъ находящіеся предметы, атаковалъ врасплохъ войска, занимав-

шія предмѣстья Праги, опрокинулъ ихъ, и явился передъ Гейсмаромъ, стоявшимъ на позиціи подъ Вавромъ; напрасно Гейсмаръ старался упорно удерживаться, непріятель охватывалъ его фланги и грозилъ его отряду совершеннымъ истребленіемъ. Тогда Гейсмаръ, увѣрившись, что передъ нимъ находится вся польская армія, донесъ Розену и началъ отступать къ Милоснѣ. Розень немедленно же приказалъ войскамъ собираться къ Дембевелкѣ, но было уже поздно, трудно и даже невозможно ему было успѣть собрать свои войска, расположенныя по квартирамъ на протяженіи сорока верстъ. Гейсмаръ же былъ въ это время опрокинутъ и отступалъ съ такою поспѣшностію, что непріятель, вмѣстѣ съ нимъ, на его, такъ сказать, плечахъ приблизился къ Дембевелкѣ, когда войска Розена не успѣли еще ни собраться, ни устроиться. Розень началъ, однакоже, съ подослѣвшими войсками удерживаться, но Скрженецкій или нападалъ на его войска при выходѣ на сборные пункты, или во время ихъ устроенія; всѣ усилія Розена были напрасны, онъ потерялъ нѣсколько орудій и два баталіона, отрѣзанные непріателемъ, и передъ вечеромъ началъ отступленіе на Минскъ и Калушинъ; а между тѣмъ, польская кавалерія, двинувшись форсированными маршами на Окуневъ и Станиславовъ, захватывала войска, не выступившія еще съ квартиръ, забирала обозы, перехватывала адъютантовъ, офицеровъ, посылаемыхъ съ приказаніями, и въ довершеніе всего, выходя на шоссе въ тылъ отступающимъ, ставила ихъ между двухъ огней и распространяла еще болѣе страхъ между войсками Розена. Ночь эта была ужасная; говорятъ, что войска его смѣшались въ одну толпу; пѣхота, кавалерія, артилерія, обозы, все было вмѣстѣ, и безпорядокъ былъ такъ великъ, что если бы Скрженецкій могъ его предугадывать и сдѣлалъ сильный натискъ, не спаслось бы ни одно орудіе. По утру Розень хотѣлъ испытать счастья и удержаться подъ Калушинымъ, куда подослѣла часть свѣжихъ его войскъ, но уже ничто не помогало; войска его снова опрокинуты, и онъ съ остатками своего корпуса отброшенъ къ Сѣдленцу. Съ перваго раза страшныя потери привели его въ отчаяніе: онѣ простирались до двухъ третей всего корпуса и большей части артилеріи, но потомъ, мало по малу, начали прибывать отсталые и раненые, такъ что черезъ нѣсколько дней оказалось, что потери его состояли изъ 11 орудій, большей части обозовъ и около трети всего корпуса убитыми, плѣнными и ранеными, доставшимися въ руки непріятеля, т. е. за 6,000 человекъ. Польская армія, оставивъ отряды для наблюденія за Розеномъ, для довершенія своего маневра двинулась вправо и тучею налегла на тылъ русской арміи, чтобы оттянуть ее отъ переправы черезъ Вислу. Тамъ нападеніе Скрже-

нецкаго было также неожиданно; онъ захватывалъ фуражировъ, слабыхъ, больныхъ, обозы, транспорты, слѣдовавшіе къ арміи, занялъ Сточекъ, Порызовъ, и все это было совершено съ такою быстротою, что Розень не успѣлъ даже написать донесенія главнокомандующему о своемъ пораженіи и донесъ уже изъ Сѣдлеца, такъ что первыя извѣстія объ этой катастрофѣ были получены и въ главной квартирѣ также отъ спасшихся фуражировъ и обозныхъ. Можно себѣ представить, какъ неожиданны и какъ непріятны были всѣ эти извѣстія для главнокомандующаго, и въ какую тревогу они привели всю главную квартиру. Долго Дибичъ не хотѣлъ даже и вѣрить; посланы къ Порызову и къ Сточку офицеры генеральнаго штаба, но они не могли проѣхать, вернулись назадъ, и, подтверждая слова фуражировъ, донесли, что непріятель уже въ Зелеховѣ. Гдѣ же Розень? Какъ онъ могъ пропустить польскую армію въ тылъ русскимъ войскамъ. Онъ разбить, безъ сомнѣнія, но какъ? гдѣ? Почему онъ не донесъ, чтобы главнокомандующій могъ принять свои мѣры. Дибичъ бѣсился. Наконецъ, получено донесеніе, и еще болѣе непріятное, какого можно было ожидать. Дѣло объяснилось, сомнѣнія не было, въ тылу находилась вся польская армія, комуникаціонныя линіи прерваны, гвардія и корпуса Розена и Палева 2-го отрѣзаны, непріятелю открытъ прямой путь въ Литву; переправляться при такихъ условіяхъ трудно, бой, одинъ успѣшный бой могъ только возратить потерянное и возстановить утраченный перевѣсъ, и Дибичъ горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться, но, по странному и непонятному убѣжденію, не предпринялъ тотчасъ же наступленія самъ, а хотѣлъ выжидать нападенія со стороны Скрженецкаго, тогда какъ это вовсе не было цѣлію дѣйствій послѣдняго, хотя, говорятъ, Прондзвинскій и настаивалъ атаковать главныя силы русской арміи, но Скрженецкій не соглашался въ этомъ случаѣ съ его мнѣніемъ, потому что хотѣлъ вѣрныхъ успѣховъ. Русскимъ войскамъ приказано было тотчасъ же сосредоточиться при д. Рыки, гдѣ Дибичъ намѣревался принять генеральное сраженіе. 1-я гусарская дивизія князя Лопухина, съ частію пѣхоты, составила собою авангардъ и выдвинута была по дорогѣ къ Зелехову за Вилешинь.

Всѣ эти извѣстія, собственно для меня, были очень неблагопріятны. Командировка моя, сопряженная съ такими трудами, пропала даромъ. Толь долженъ былъ послать другаго офицера къ Крейцу, съ отмѣною отданныхъ ему приказаній, который уже засталъ Крейца переправившимся на лѣвый берегъ, и Крейцъ возвратился назадъ. Мнѣ даже не хотѣли отдавать 60 червонцевъ, истраченныхъ мною на поѣздку, и только по докладу Гурко Дибичу приказано было выдать. Набоковъ, потребованный также въ Рыки со своею дивизією, сердился на меня за

то, что я заставилъ его отправить обозы въ Коцкъ, и что чрезъ это его дивизія осталась безъ продовольствія.

— Вы, батюшка, меня надули, говорилъ онъ, ни князь, ни Гурко вамъ не приказывали, а я остался въ дуракахъ, что послушалъ; впередъ наука, буду умнѣе.

— Мнѣ приказалъ графъ Толь и секретно, и потому не мудрено что ни князь, ни Владиміръ Осиповичъ не знаютъ.

— И что вы, батюшка, рассказываете, станеть съ вами графъ Толь секретничать отъ князя, а вы просто не поняли его приказанія и переиначили.

Мнѣ было досадно и я просилъ Гурко какъ нибудь разъяснить это Набокову. Гурко далъ слово, и черезъ два дня, въ присутствіи Набокова, заговорилъ съ Толемъ, что къ 3-й гренадерской дивизіи еще не ранѣе завтрашняго дня придутъ обозы изъ Коцка.

— Да, сказалъ Толь, я ихъ туда направилъ, я виноватъ, но кто же думалъ, что все такъ переменится.

— Ну, батюшка, сказалъ Набоковъ, увидясь со мною, извините, вы были правы, вижу, что у васъ съ Толемъ секреты. И съ этого времени, встрѣчаясь со мною, спрашивалъ постоянно: «А что, батюшка, новаго?»

Позиція при д. Рыкахъ не представляла выгоды ни въ стратегическомъ, ни въ тактическомъ отношеніяхъ. Невыгоды ея въ стратегическомъ отношеніи заключались въ томъ, что если бы мы были разбиты, поляки могли бы насъ опрокинуть въ уголь, образуемый двумя рѣками, Вислою и Вепржею, и поражение было бы совершенное. Въ тактическомъ отношеніи она состояла изъ ряда пологихъ высотъ и во все не была прикрыта ни съ фронта, ни съ фланговъ. Для чего же Дибичъ оставался на ней два дня? непонятно. Если онъ хотѣлъ сохранить свое сообщеніе съ переправою при Тырчинѣ, чтобы, разбивъ Скрженецкаго, снова исполнить свое намѣреніе, то для этого не зачѣмъ было переходить къ оборонѣ. Войска горѣли нетерпѣніемъ сразиться, чтобы отплатить непріятелю за понесенныя ими потери. Къ главнымъ силамъ присоединились уже дивизія Набокова и корпусъ графа Витта, и казалось, стоило бы только начать наступательныя дѣйствія, Скрженецкаго можно было бы разбить, не допустивъ до Варшавы, угрожая для этого его правому флангу, и потомъ быстро возвратиться къ Тырчину и совершить переправу, тѣмъ болѣе, что армія Скрженецкаго была въ это время растянута и расбѣяна такъ, что когда правый ея флангъ находился у Зелехова, лѣвый флангъ былъ противъ Сѣдльца и далѣе по рѣкѣ Ливенецъ до Венгрова. Надобно было только хотя въ

половину той быстроты и рѣшительности въ дѣйствіяхъ, какую показавъ передъ тѣмъ Скрженецкій, чтобы нанести такое же пораженіе всей его арміи, какое потерпѣлъ корпусъ Розена, но Дибичъ медлилъ и давалъ время Скрженецкому усиливать правое свое крыло при Зелеховѣ.

Здѣсь вышло довольно странное обстоятельство. Князь Лопухинъ, командовавшій авангардомъ, расположеннымъ при Вилешинѣ, при первомъ наступленіи польскаго авангарда, сдѣлавъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и обманутый извѣстіемъ, что противъ него двигается вся польская армія, вмѣсто того, чтобы ее задержать и донести тотчасъ же главнокомандующему, принялъ вправо и пошелъ къ Мястечку. Польскіе развѣзды, не встрѣчая препятствій, появились неожиданно передъ самыми Рыками, противъ боевыхъ линій Палена. Это произвело новую тревогу въ главной квартирѣ, привыкнувшей ко всѣмъ неприятнымъ неожиданностямъ. Явился вопросъ: какъ могли пробраться развѣзды мимо дивизіи Лопухина? Гдѣ онъ? Не разбитъ ли подобно Розену? Главнокомандующій прискакалъ на позицію, приказавъ войскамъ строиться и ожидалъ ежеминутнаго нападенія польской арміи. Корпусъ Палена составилъ боевыя линіи, имѣя по флангамъ части кавалеріи, а гренадеры, гвардія Куруты и дивизія кирасировъ—резервъ. Стояли поддня въ такомъ положеніи, но ничего не было, поляки не наступали. Послали по всѣмъ направленіямъ развѣдывать, и оказалось, что Лопухинъ стоитъ въ Мястечко спокойно. Дибичъ вышелъ изъ себя, приказавъ ему тотчасъ же возвратиться къ Вилешину, поручилъ его авангардъ князю Горчакову, отдалъ Лопухину выговоръ въ приказѣ по арміи и отрѣшилъ его отъ командованія дивизіею.

Приготовляясь къ сраженію подъ Рыками, мы собрались къ князю и спрашивали у него, гдѣ онъ будетъ во время сраженія, чтобы его можно было отыскать.

— Въ цѣпи стрѣлковъ и тамъ гдѣ нужно, отвѣчалъ онъ, смѣясь.

— Но это невозможно, ваше сіятельство, замѣтилъ Зальца. Васъ не найдешь.

— Подите прочь!—что вы хотите привязать меня къ одному мѣсту, перерывалъ князь, я не могу.

Не дождавшись при Рыкахъ нападенія Скрженецкаго, Дибичъ для составленія дальнѣйшаго плана дѣйствій, собралъ военный совѣтъ. Графъ Толь представилъ совѣту свое мнѣніе письменно, въ которомъ онъ доказывалъ, что, не смотря на развитіе корпуса Розена и успѣхи поляковъ, дѣла русской арміи находятся еще не въ дурномъ положеніи, и предлагалъ: гвардейскій корпусъ оставить, по прежнему, для прикрытія Бѣлостокской области и Августовскаго воеводства, корпусъ Розена,

усиленный 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, для прикрытія Сѣдлеца и главныхъ комунікаціонныхъ линій съ Литвою. Корпусъ Ридигера, усиленный бригадою конныхъ егерей Пашкова, употребить для блокады Замосца, а Крейца съ остальными войсками и тремя гренадерскими полками Муравьева присоединить къ главнымъ силамъ, и съ 85,000, которыя будутъ находиться въ главной арміи, воспользоваться растянутымъ расположеніемъ польской арміи, двинуться на ея сообщенія съ Варшавою чрезъ Зелеховъ и Порывовъ или Шеницу, вступить съ нею въ бой въ невыгодномъ для нея положеніи, нанести ей совершенное пораженіе и возвратиться на переправу при Тырчинѣ. Это предложеніе было такъ хорошо соображено съ настоящими обстоятельствами и такъ основательно, что никто не могъ сдѣлать ни малѣйшаго возраженія; всѣ согласились съ мнѣніемъ Толя, потребовали только Аббакумова, чтобы узнать достанетъ ли на нѣсколько дней войскамъ продовольствія, но Аббакумовъ объявилъ, что хлѣба въ арміи нѣтъ, и что если армія не сблизится съ главными магазинами въ Сѣдлецѣ и съ транспортами, слѣдующими изъ литовскихъ губерній къ Коцку, то онъ не ручается за продовольствіе войскъ и на однѣ сутки. Это извѣстіе разрушало всѣ блестящіе планы Дибича и заставляло его изъ наступательныхъ дѣйствій перейти къ дѣйствіямъ оборонительнымъ. Дибичъ заколебался. Толь предложилъ уменьшить дачу сухарей, утверждалъ, что армія въ одинъ переходъ можетъ поспѣть въ Шеницу, непріятель будетъ разбитъ, прямыя сообщенія будутъ возставлены, тогда какъ, удаляясь къ Коцку и Сѣдлецу, значить удалиться отъ предмета дѣйствія—Варшавы, потерять возможность переправиться при Тырчинѣ, пропустить благоприятный моментъ нанести пораженіе Скрженецкому и продолжить войну на неопредѣленное время. Мнѣніе Толя поддержалъ Нейдгартъ. Дибичъ обратился къ Шаховскому, Палену и Витту, но они отвѣчали, что безъ хлѣба нельзя сдѣлать и одного перехода. И Дибичъ рѣшилъ предпринять фланговое движеніе со всею арміею на Луховъ и Сѣдлецъ, восстановить свои прямыя сообщенія, соединиться съ Литовскимъ и 2-мъ пѣхотнымъ корпусами, войти въ связь съ гвардіей, и такимъ образомъ, добровольно отказаться отъ переправы черезъ Верхнюю Вислу. Странно, что слова Толя были тогда голосомъ всей арміи, и это служитъ яснымъ доказательствомъ ихъ основательности. Съ грустію, какъ говорилъ мнѣ послѣ Нейдгартъ, принялись мы съ графомъ Толемъ за составленіе плана для фланговаго движенія арміи, вовсе несогласнаго съ нашими понятіями; но нечего было дѣлать, наши убѣжденія оставались безсильными противъ двухъ магическихъ словъ Аббакумова: «нѣтъ хлѣба».

27-го марта армія выступила изъ подъ Рыкъ и направилась нѣсколькими колоннами къ Лукову. Князь Горчаковъ, составляя авангардъ, на Стечекъ и Розу къ Сѣдлецу; 1-й пѣхотный корпусъ—на Зелеховъ, Окржею и Луковъ; Гренадерскій корпусъ, чрезъ Вилешинъ, Ключковъ, Окржею и Радоримъ—къ Лукову. Гвардейскій отрядъ, при которомъ находилась и главная квартира, направился чрезъ Мястечко и Войшково, а графъ Виттъ съ кирасирами, чрезъ Држончговъ, Коцъ и Радоримъ—также къ Лукову. Для уничтоженія моста при Тырчинѣ и сожженія судовъ оставленъ отрядъ Герштенцвейга, который имѣлъ назначеніе, окончивъ свое порученіе, присоединиться къ главнымъ силамъ въ Сѣдлецѣ. Этотъ фланговый маршъ, совершенный передъ непріятельскою арміею, заслуживаетъ еще и теперь похвалы многихъ по искусству, съ которымъ войска были распределены по колоннамъ; но къ чему велъ этотъ маршъ? чего достигалъ имъ главнокомандующій, удаляясь отъ предмета своего дѣйствія? спрашивали мы другъ у друга. Зачѣмъ ему нужно было соединеніе съ корпусами Розена и Палена 2-го. Первый не могъ ему оказать никакого содѣйствія, второй, при наступательномъ движеніи главной арміи, также направился бы впередъ по шоссе и, по мѣрѣ отступленія Скрженецкаго къ Варшавѣ, который бы не замедлилъ тогда къ этому прибѣгнуть, вошелъ бы въ соединеніе съ главною арміею и сообщеніе также было бы восстановлено. Что же касается до раздробленія войскъ на многія колонны, то, конечно, это съ одной стороны ускорило движеніе, но съ другой, стоитъ только взглянуть на карту, чтобы убѣдиться въ томъ, что если бы Скрженецкій могъ имѣть подъ рукою тысячь сорокъ и началъ бы дѣйствовать наступательно, какъ того ожидали, то русскія войска могли бы быть разбиваемы по частямъ. Для того, чтобы помочь этому недостатку, каждая колонна выбирала позиціи, для привала и ночлега чисто оборонительныя. Таковы были позиціи, показанныя Нейдгартомъ Гренадерскому корпусу при Вилешинѣ и Ключковѣ, къ которымъ нельзя было подступить..... Мы должны были каждую позицію снимать подробно, привозить планы Нейдарту, который давалъ намъ наставленіе на случай боя, и приказывалъ всякій разъ осматривать пути отступленія. Это послѣднее приказаніе досадовало и насъ. Мы заключали, что они худо понимаютъ настоящее положеніе дѣлъ и духъ русской арміи и отъ того дѣйствуютъ такъ ошибочно. Послѣ мы узнали, что положеніе обѣихъ противныхъ армій во время этого фланговаго марша было довольно странное; оба главнокомандующіе находили себя въ положеніи невыгодномъ и боялись быть атакованными, тогда какъ начальники штаба, Толь и Хржановскій, и генераль-квартирмейстеры, Нейдгартъ и Прондзинскій, видѣли только

невыгоды противной стороны, и убѣждали главнокомандующихъ атаковать, обѣщая имъ вѣрную побѣду; но ни тотъ, ни другой не внимали ихъ убѣжденіямъ. Нейдгартъ въ 1838 году рассказывалъ мнѣ одинъ довольно замѣчательный случай, относящійся ко времени этого движенія. «27-го вечеромъ, говорилъ онъ, явился ко мнѣ шпионъ съ извѣстіями о расположеніи польской арміи; желая удостовѣриться въ истинѣ его словъ, я взялъ вашъ планъ рекогносцировочный между Луковымъ и Зелеховымъ, представленный мнѣ еще въ Шеницѣ, который лежалъ у меня въ это время на столѣ, и приказалъ ему рассказывать, вполне увѣренный въ томъ, что это будетъ самая лучшая повѣрка и плана, и его извѣстій. Онъ рассказывалъ до малѣйшей подробности расположеніе непріятельскихъ войскъ, и все такъ согласовалось съ планомъ, что не оставалось въ истинѣ того и другаго никакого сомнѣнія. Я увидѣлъ, что польская армія разбросана, и что стоитъ только ее атаковать и гибель ея неизбежна. Съ этимъ открытіемъ я пошелъ къ Толю и разбудилъ его; мы отправились вмѣстѣ къ главнокомандующему, онъ согласился атаковать, тотчасъ же была написана диспозиція, приказано ее разослать и я возвратился къ себѣ. На разсвѣтѣ я одѣлся, вышелъ чтобы сѣсть уже верхомъ, довольный тѣмъ, что, наконецъ, наше желаніе исполняется.

— Куда вы, Александръ Ивановичъ? спросилъ меня дежурный генералъ Обручевъ, еще рано, войска выступаютъ въ 9 часовъ.

— Нѣтъ, въ 6, отвѣчалъ я, думая, что онъ не знаетъ о новомъ предположеніи, составленномъ нами только втроемъ.

— Да вы куда? Вы думаете, что мы идемъ атаковать непріятели?

— Да.

— Нѣтъ, отмѣнено. Аббакумовъ сказалъ, что нѣтъ продовольствія, и мы продолжаемъ фланговое движеніе.

Мнѣ стало нестерпимо досадно, но помощь уже было не чѣмъ, отмѣна разослана мимо меня, я возвратился въ свою хату и легъ спать.

27-го марта, вечеромъ, гренадеры были въ Ключковѣ, 28-го—въ Радришѣ и 29-го—въ Луковѣ....

Въ Луковъ послалъ меня Гурко впередъ, чтобы занять позицію для всего корпуса, и съ этого времени почти уже постоянно лежала на мнѣ эта обязанность. Приѣхавъ въ Луковъ, я нашелъ тамъ генерала Р*, помощника генераль-квартирмейстера, и гвардейскаго генеральнаго штаба капитана Д*; они долго между собою разсуждали и наконецъ показали позицію корпусу между двумя болотистыми рѣчками, непроходимыми въ бродъ, такъ что если бы случился бой, какъ того

тогда ожидали, то гренадерамъ пришлось бы стоять простыми зрителями, не имѣя возможности подать помощи другимъ войскамъ, и потомъ быть запертыми между болотами. Я сказалъ Рихтеру, что этой позиціи принять не могу; онъ разсердился; я поѣхалъ навадь и объяснилъ Зальца, который шелъ съ жалонерами корпуса. Зальца согласился съ моими замѣчаніями, и, пріѣхавъ на мѣсто, заставилъ Рихтера перемѣнить позицію. Между тѣмъ, къ сторонѣ Сѣдлеца слышны были пушечные выстрѣлы, и лица у Рихтера и Дюгамеля были какія-то вытянутыя; я не понималъ, что дѣлается, но къ вечеру, однакоже, все сдѣлалось яснымъ. Прондзинскій былъ счастливѣе Нейдгарта. Не успѣвъ убѣдить Скрженецкаго атаковать главныя силы русской арміи, онъ предложилъ тогда, когда Горчаковъ соединился уже съ кавалерією Розена за Рочою, двинуть лѣвый флангъ польской арміи къ Сѣдлецу, разбить снова Розена до прибытія главныхъ силъ Дибича, овладѣть Сѣдлецомъ, уничтожить заготовленные тамъ запасы, открыть прямое сообщеніе съ Литвою и раздѣлить Дибича съ гвардіей. Планъ этотъ былъ превосходенъ; Скрженецкій согласился и поручилъ привести его въ исполненіе Прондзинскому, оставаясь самъ съ правымъ крыломъ для наблюденія за главными силами русской арміи, чтобы не позволить ей открыть дѣйствія въ тылъ Прондзинскому на сообщенія его съ Варшавою. Прондзинскій, оттѣснивъ кавалерію Розена и Горчакова, приказалъ отряду, стоящему на самомъ лѣвомъ крылѣ арміи, — присоединенія котораго выжидать было невозможно, — открыть дѣйствія чрезъ Сухи къ Мокободамъ, а самъ, сосредоточивъ все остальное лѣвое крыло къ Цизе, двинулся 29-го марта по утру на Игане. Розенъ, удерживая остатками своего корпуса позицію при Мокободахъ и занимая Сѣдлецъ, могъ, не смотря на присоединеніе Горчакова, противопоставить Прондзинскому лишь незначительныя силы, расположивъ ихъ на правомъ берегу Муховца и занявъ д. Игане. Бой загорѣлся съ ранняго утра; Прондзинскій возобновлялъ атаку за атакою, войска Розена держались упорно, но, не смотря на то, послѣ долгихъ усилій были выбиты изъ Игане, потеряли два орудія, и неирітельно уже начиналъ переходить за Муховець. Эти извѣстія, полученные въ Луковѣ, привели въ новое смятеніе главную квартиру и въ особенности встревожили главнокомандующаго. До Сѣдлеца еще оставалось 30 верстъ, послѣтъ на помощь Розену не было возможности, а между тѣмъ еще одна атака и Розенъ опрокинуть, Сѣдлецъ будетъ занятъ, фланговой маршъ не поведетъ ни къ чему, и русская армія останется безъ продовольствія, будетъ лишена своихъ прямыхъ сообщеній, и отрѣзана отъ гвардіи. Къ счастью, однакоже, на помощь Розену подоспѣла одна изъ дивизій корпуса Палена 2-го, слѣдовавшая въ первомъ эшелонѣ, при ко-

торой находилась и 1-я бригада 3-й гренадерской дивизии, остававшаяся въ Вильнѣ и подоспѣла какъ нельзя болѣе кстати. Розенъ уже едва держался. Съ появленіемъ этихъ войскъ, бой загорѣлся съ новою силою, Розенъ перешелъ въ наступленіе. 13-й и 14-й егерскіе полки 2-го корпуса, первые взобравшіеся на валъ при штурмѣ Варны и названные храбрыми, поддержали вполнѣ свое имя, атаковали д. Игане, возвратили два потерянные орудія, отняли обратно Игане, и, поддержанные другими войсками, отбросили Прондзинскаго и заставили его прекратить бой. Потери съ каждой стороны были до 4,000 человекъ. Опасенія Дибича исчезли, онъ далъ повелѣніе Розену и Палену 2-му держаться до его прибытія, и на другой же день армія двинулась къ Сѣдлецу; но въ Луковѣ была холера между евреями, трудно было удержать солдатъ и въ особенности обозныхъ, чтобы они не заходили въ мѣстечко, и въ арміи на другой же день оказались зараженные. Другіе, однакоже, полагаютъ, что холеру занесъ 2-й корпусъ изъ Брестъ-Литовска. Дибичъ подвигался къ Сѣдлецу медленно, вѣроятно предполагая, что Прондзинскій, пользуясь его отсутствіемъ, снова предприметъ нападеніе на Сѣдлецъ, и что тогда онъ тотчасъ же соединится съ Розеномъ и нанесетъ пораженіе Прондзинскому, или надѣялся, что Скрженецкій вознамѣрится атаковать главные силы русской арміи, пока они не усилятся присоединеніемъ Розена и Палена 2-го. Таковы ли были предположенія главнокомандующаго — не знаю, но только мы шли до Сѣдлеца три дня, каждый день останавливались на сильной позиціи и каждый день ожидали боя, и прибыли подъ Сѣдлецъ 1-го апрѣля. 1-й корпусъ расположился у Скуржеча, 2-й корпусъ, прибывшій уже весь, составилъ авангардъ и занялъ Мингосы и д. Поляки. Гренадерскій корпусъ на югъ отъ Сѣдлеца при д. Грабчновѣ, гвардейскій отрядъ и корпусъ Витта за Сѣдлецомъ, главная квартира заняла Сѣдлецъ, а Литовскій корпусъ до того былъ разстроены, что не могъ уже оставаться въ такомъ видѣ въ арміи и направленъ въ Бѣлостокъ для переформирования и укомплектованія, частью изъ резервныхъ баталіоновъ и частью изъ рекрутовъ. Такимъ образомъ, прошло два мѣсяца, какъ мы оставили Сѣдлецъ, и какая противоположность! Тогда, армія сильная, стройная, одушевленная самымъ лучшимъ духомъ, готовилась къ наступленію, и, не смотря на первоначальную неудачу Гейсмара, твердо была увѣрена, что поляки не въ состояніи ей сопротивляться, и что стоитъ ей дойти только до Варшавы, какъ польская армія будетъ разбита и Варшава взята. И что же? Прошло два мѣсяца, и она, утомленная движеніями, ослабленная потерями.

. . . . . опять въ томъ же Сѣдлецѣ. Нравственная сила войскъ была страшно потрясена этимъ переворотомъ, а къ довершенію всего—открылась холера.

Биваки, расположенные на пустомъ, ровномъ и песчаномъ полѣ, гдѣ не было ни одного дерева, ни одного куста, напоминавшихъ о весеннемъ времени, казались какою-то пустынею, въ которой должны были быть погребены счастье и вся слава русскаго оружія и русской арміи. Холера съ каждымъ днемъ усиливалась, и съ каждымъ днемъ всякій полкъ терялъ человѣкъ по 20 умершими и человѣкъ по 40 заболѣвшими. Всѣ окрестныя деревни заняты были госпиталями, но ихъ не доставало и лазареты устраивались въ шалашахъ и балаганахъ и даже на открытомъ воздухѣ; по нѣсколько разъ въ день проѣзжали по бивакамъ лазаретныя фуры и нагружались новыми заболѣвающими. Дымъ отъ бивакъ сливался съ дымомъ отъ навоза, который жгли, чтобы очистить воздухъ отъ заразительности, но онъ наполнялся страшнымъ смрадомъ; дымъ скрывалъ солнечныя лучи отъ глазъ и подергивалъ всѣ окрестности темною завѣсою. Солдаты, блѣдные, худые, изнеможенные, бродили съ угрюмыми лицами. Не слышно было ни пѣсень, ни музыки, ни веселыхъ разговоровъ, и тишина прерывалась порою только стонами внезапно заболѣвающихъ, которые нерѣдко въ ужасныхъ судорогахъ кончались въ нѣсколько минутъ. Зачѣмъ Дибичъ пришелъ подъ Сѣдлецъ и остановился; что намѣревался онъ предпринять—никто не разгадывалъ. Въ арміи его не видали,—онъ жилъ въ Сѣдлецѣ, нигуда оттуда не выѣзжалъ. Я ничего не помню въ цѣлой кампаніи скучнѣе этихъ и всѣхъ послѣдующихъ бивакъ, которые мы имѣли подъ Сѣдлецомъ и близъ него. Здѣсь, наконецъ, вышли и наши награды за всѣ предшествовавшія дѣйствія, но и онѣ насъ не порадовали. Дибичъ, видя однѣ неудачи, не смѣлъ уже быть щедрымъ, представленія перечкивались, неудовольствіе его на князя Шаховскаго подало ему поводъ представленія гренадерскаго корпуса уменьшить еще болѣе. Большая часть не получила никакихъ наградъ, другіе же получили вовсе незначительныя. Я, вмѣсто Владиміра и Анны 3-й степени—Анну 4-й степени съ надписью «за храбрость», и вскорѣ узналъ, что военный министръ отказалъ и въ переводѣ моемъ въ генеральный штабъ до производства въ поручики. Я проводилъ время или на бивакахъ дивизіи или у Зедделера въ Грабяновѣ. По вечерамъ собирались иногда у Зедделера вся корпусная квартира и многіе адъютанты и офицеры генеральнаго штаба изъ главной квартиры; садились пить чай за общій большой столъ, устроенный изъ досокъ. Каждый изъ посѣтителей обязанъ былъ рассказать какой нибудь анекдотъ; Зедделеръ былъ предсѣдателемъ

этихъ бесѣдъ и разбиралъ всѣ наши дѣйствія и давалъ полную волю остроумному своему языку. Мы, каждый, по возможности, ему вторили.....

Между тѣмъ предпринято было движеніе къ Венгрову, и войска снова возвратились на биваки подъ Сѣдлецомъ. Причина этого движенія заключалась въ слѣдующемъ: генералъ Уминскій, составлявшій лѣвый флангъ польской арміи во время общаго наступательнаго движенія польской арміи, по разбитіи корпуса Розена, двинулся къ Остроленкѣ, чтобы напасть врасплохъ на гвардейскій авангардъ; но, встрѣченный Ностицомъ, командиромъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, при Рожанахъ, измѣнилъ свое намѣреніе, перешелъ на лѣвый берегъ Буга и двинулся къ Венгрову, чтобы помочь Прондзинскому, атаковавшему тогда Игане, и отрѣзать гвардейскій корпусъ отъ главной арміи. Во время сраженія при Игане, Гейсмаръ успѣлъ удержать его наступленіе, но на другой же день Уминскій возобновилъ бой, отгѣснилъ Гейсмара и овладѣлъ Венгровымъ. На помощь Гейсмару была послана 1-я гренадерская дивизія и потомъ на другой день двинуты: 1-й пѣхотный корпусъ и двѣ остальные гренадерскія дивизіи. 1-й корпусъ и гренадеры потянулись по одной дорогѣ, впереди слышны были пушечные выстрѣлы; 1-я гренадерская дивизія вступила уже въ дѣло и главнокомандующій торопилъ войска, чтобы поддержать гренадеровъ. Толь послалъ меня сказать Палену 1-му, что его пѣхота растянута и задерживаетъ гренадеровъ. Я передалъ слова Толя, но Палень кивнулъ мнѣ головою и не отвѣчалъ ни слова; вслѣдъ же за мною подѣхалъ и самъ Толь.

— Петръ Петровичъ, сказалъ онъ, ваша пѣхота ужасно какъ растянута, ползетъ, какъ черепаха.

— Нѣтъ, Карлъ Ѳедоровичъ, въ свѣтъ такой пѣхоты, которая бы не растягивалась, отвѣчалъ холодно Палень.

— Задерживаетъ гренадеръ, у нихъ шагъ побольше.

— Зачѣмъ же вы не направили ихъ впередъ?

— Прикажете, пожалуста, Петръ Петровичъ, хоть сколько нибудь стянуть колонны, намъ надобно поторониться, чтобы поспѣть въ дѣло.

— Извините, Карлъ Ѳедоровичъ, не могу; я хочу придти въ дѣло со свѣжими, а не съ утомленными войсками, не люблю ни отсталыхъ, ни того, когда по списку показываютъ одно число, а приводятъ въ дѣло половину.

И Толь поѣхалъ далѣе.

Меня удивилъ этотъ отвѣтъ Палена Толю, — грозѣ въ арміи.

Выстрѣлы подъ Венгровымъ, по мѣрѣ нашего приближенія къ Мободамъ, начали умолкать и вскорѣ все стихло. Ночь мы провели на

биваках неподалеку отъ Мокобадъ, а на другой день возвратились къ Сѣдлецу. 1-я гренадерская дивизія дѣйствовала подъ Венгровымъ превосходно. Карабинеры въ особенности показали свойственную всему гренадерскому корпусу храбрость. Они быстро атаковали войска Уминскаго двумя колоннами, изъ которыхъ одну велъ генералъ-маіоръ Фезе, а другую—штабсъ-капитанъ Слевицкій, и, поддержанные 2-ю бригадою, опрокинули Уминскаго за Ливенець, починили мостъ подъ картечными и ружейными выстрѣлами, штурмовали и заняли Венгровъ, отбросили Уминскаго, и все это совершили часа въ три времени. Главнокомандующій очень былъ доволенъ этими успѣхами: гренадерскій корпусъ поддержалъ свою славу, и опасенія Дибича разсѣялись. Здѣсь къ 1-й гренадерской дивизіи посланъ былъ адъютантъ Дибича гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Львовъ, человекъ храбрый и распорядительный, но онъ имѣлъ видъ молоденькаго мальчика и голосъ тоненькій и пискливый; онъ принялъ на себя роль одушевлять гренадеровъ и заставилъ ихъ расхотаться. 1-я гренадерская дивизія оставлена была въ Венгровѣ, чтобы прикрыть правый флангъ арміи и остановить дальнѣйшія покушенія непріятели отрѣзать сообщенія съ гвардіей. Съ этой же цѣлю приказано построить въ Венгровѣ на рѣчкѣ Ливенець вредостное укрѣпленіе; строили также укрѣпленіе и въ Мингосахъ. Къ чему все это? спрашивали мы другъ у друга. Что за оборонительная война? Развѣ такова должна быть цѣль нашихъ дѣйствій. Притомъ, духъ въ арміи еще болѣе падалъ отъ неблагопріятныхъ слуховъ; говорили, что поляки отправили для дѣйствія противъ Крэйца, который сжегъ мостъ при Раховѣ и Казимержѣ и сосредоточился къ Люблину, генерала Серавскаго; что Дверницкій, оставивъ въ Замосцѣ гарнизонъ, двинулся въ Волюнь и Подолію; что въ Литвѣ обнаружилось всеобщее возстаніе, и арміи Сакена и Толстаго открыли военныя дѣйствія.

Со мною сдѣлалась также холера, но Зедделеръ намѣшалъ мнѣ вина съ порохомъ и мнѣ стало лучше. Дежурный генералъ, по приказанію главнокомандующаго, который замѣтилъ, что слишкомъ много находится въ раскомандировкѣ казаковъ, отобралъ у насъ казаковъ, и мы лишились послѣдней возможности добывать фуражъ и производить съ такою же скоростью рекогносцировки. Порою намъ давали небольшія командировки для осмотра дорогъ верстъ на 15, но эти осмотры ни къ чему не вели, мы стояли на мѣстѣ, не смотря на то, что холера усиливалась, и духъ въ арміи падалъ. Чаплицъ въ это время зашелъ къ намъ посоветоваться, что такъ какъ онъ сдалъ свою батарею настоящему ея командиру, полковнику Головачеву, то принимать ли ему легкую батарею въ 1-мъ

корпусъ, которую предлагаетъ ему Горчаковъ. Мы рѣшили, чтобы онъ принималъ и это много впоследствии помогло его успѣхамъ. Чаплицъ завѣдывалъ вмѣстѣ со мною работами при Княжемъ-Дворѣ, мы его любили, какъ добраго товарища; онъ служилъ прежде очень несчастливо и черезъ 16 лѣтъ офицерскаго чина, былъ только поручикомъ. За работы при Княжемъ-Дворѣ его произвели въ штабъ-капитаны; выступая въ походъ, онъ далъ слово своимъ знакомымъ въ Новгородѣ возвратиться подполковникомъ, мы тогда этому смѣялись, но онъ кончилъ кампанію даже полковникомъ, съ Георгіемъ, Владиміромъ, Анною на шеѣ и золотою саблею.

Наконецъ, 12-го апрѣля явился къ намъ на биваки главнокомандующій; войско приказано построить въ одно общее каре; отслужили молебень, окропили колонны святою водою и Дибичъ сказалъ гренадерамъ рѣчь, изъ которой можно было только понять одно, что мы идемъ впередъ и скоро будетъ рѣшительный бой. Всѣ оживились; слава Богу, думали мы, кончается это нестерпимое бездѣйствіе. По диспозиціи на слѣдующій день 2-му пѣхотному корпусу приказано оставаться на мѣстѣ при Мингосахъ, и начать наступленіе по шоссе черезъ день. 1-му корпусу слѣдовать на Цизе и Васовку, 2-й и 3-й гренадерскимъ дивизіямъ и кирасирамъ—на Скуржечъ къ Куфлеву, гвардейскому отряду сначала до Вепржи, чтобы присоединить отрядъ Герштенцвейга, возвращавшейся безпрепятственно отъ Тырчина, и поворотить на Шеницу. Говорили, что Дибичъ намѣревался обойти правый флангъ Скрженецкаго, котораго главныя силы стояли у Калушина, вступить съ нимъ въ генеральное сраженіе, отрѣзать его отъ Варшавы и отъ Модлина, и отбросить къ Бугу. Главныя силы обѣихъ армій считали въ то время равносильными—до 60,000 каждую, но Дибичъ основывалъ свой успѣхъ и на быстротѣ движенія, и на разбросанности войскъ Скрженецкаго, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ отбросилъ гвардейскій отрядъ на значительное разстояніе безъ всякой надобности, развѣ изъ опасенія за Сѣдлецъ.

Дорога, по которой назначено было слѣдовать Гренадерскому корпусу, пролегла кустами по вязкому и болотистому грунту, и была довольно узка. Толь разсердился на Зедделера, что онъ не осмотрѣлъ заранѣе этой дороги и не приказалъ ее исправить.

— Я не предполагалъ, сказалъ Зедделеръ, чтобы мы сюда направились и не получалъ на этотъ счетъ никакого приказанія.

— Это ваша прямая обязанность, прервалъ Толь, вы должны знать всѣ дороги близъ расположенія корпуса . . . . .

Толь подовзавъ Полтарацкаго, приказалъ ему взять команду и застлать дорогу фашинами; Полтарацкій исполнилъ приказаніе Толя съ особенною заботливостію, и мы часа черезъ два выбрались изъ кустовъ. Переходъ былъ форсированный около 35 верстъ. Дибичъ, какъ казалось, хотѣлъ застать непріятеля врасплохъ. Миновавъ Ерусалемъ, гдѣ мы думали провести ночь, насъ поворотили на Куфлево. Часть войскъ Палена была уже впереди, другая часть слѣдовала лѣвѣе къ Шеницѣ. Подъ Куфлевымъ у Палена завязалась ружейная перестрѣлка, потомъ раздались и пушечные выстрѣлы; непріятель замѣтно намѣревался удерживаться и былъ въ довольно значительныхъ силахъ. Гренадерскому корпусу приказано ускорить маршъ и строиться въ боевой порядокъ. 3-я гренадерская дивизія поступила подъ команду Палена 1-го и съ этого времени уже постоянно до самаго конца кампаніи оставалась у него въ корпусѣ. У князя Шаховскаго была въ распоряженіи одна 2-я гренадерская дивизія; она построилась также въ боевой порядокъ правѣе войскъ Палена и начала наступленіе. Шаховской носился въ цѣли стрѣлковъ, которая открыла огонь; трудно было его отыскивать, чтобы получить приказаніе, но и тогда онъ посылалъ насъ къ Гурко, чтобы спросить приказанія у него. Наступалъ вечеръ; мы продолжали двигаться впередъ; Куфлево было занято, перестрѣлка не утихала; но выстрѣлы изъ орудій становились рѣже; убитыхъ и раненыхъ было, однако же, немного. Замѣчательнень мнѣ показался одинъ польскій штабсъ-ротмистръ, уже старикъ; онъ сидѣлъ въ полѣ подъ деревомъ, съ оторванной въ плечѣ рукой; напрасно Полуэктовъ предлагалъ ему перевязать рану, онъ отвѣчалъ, что не хочетъ помощи и потому докторъ Кустовъ долженъ былъ употребить насиліе, чтобы помочь ему. Мыза Куфлево, гдѣ нѣкогда меня приняли съ такимъ радушіемъ, представляла грустную картину, стекла въ домѣ были выбиты пулями, нѣкоторыя строенія, чтобы вытѣснить изъ-за нихъ поляковъ, были зажжены гранатами и горѣли. Семейство пана съ отчаянными криками бѣжало подъ защиту нашихъ войскъ; но вскорѣ, однако же, по занятіи нами Куфлева, пожаръ былъ потушенъ, Полуэктовъ по моей просьбѣ поставилъ къ дому пана караулъ и онъ былъ спасенъ отъ грабежа. Непріятель началъ отступать послѣднѣе, Паленъ пошелъ за нимъ къ Цеглову и остановился тамъ на бивакахъ, а 2-я гренадерская дивизія возвратилась къ Куфлеву и расположилась передъ селеніемъ. Главная квартира заняла панскую мызу. По всему было замѣтно, что Дибичъ, сдѣлавъ форси-

рованный маршъ, въ самомъ дѣлѣ напалъ на непріятеля съ фланга неожиданно и кажется намѣревался его отрѣзать отъ Варшавы, потому что, по всѣмъ извѣстіямъ, получаемымъ отъ плѣнныхъ, главныя силы Скрженецкаго были еще въ Калушинѣ, резервъ въ Минскѣ и что подъ Куфлевымъ встрѣтилъ насъ Хржановскій съ частію праваго крыла. Слѣдовательно, стоило только продолжать дѣйствовать съ тою же быстротою на завтра, и Скрженецкій былъ бы отрѣзанъ отъ Варшавы, или его армія, по крайней мѣрѣ, претерпѣла бы значительное пораженіе. Диспозиція, полученная вечеромъ, вполне согласовалась съ общимъ желаніемъ. По ней назначено: завтра съ разсвѣтомъ, части войскъ 1-го корпуса, т. е. дивизіи Мандерштерна и бригадъ гусаръ, слѣдовавшихъ на Шеницу, двигаться прямо на Дембевелки, остальнымъ войскамъ корпуса Палена, двумъ дивизіямъ гренадеровъ и кирасирамъ направиться на Минскъ. «Слава Богу! говорили мы, Скрженецкій отрѣзанъ и разбитъ непременно; главнокомандующій намѣренъ дѣйствовать съ прежней быстротою и рѣшительностію. Но наша радость была непродолжительна; въ ночь была получена другая диспозиція, въ которой сказано, что войска выступаютъ уже въ полдень и направляются какъ изъ Шеницы, такъ и изъ Куфлева на Минскъ. Это что? говорили мы, зачѣмъ эта перемѣна? зачѣмъ медлить? Скрженецкій отступить, и тогда все наше движеніе опять напрасно. Но этимъ еще не кончилось; къ разсвѣту получена третья диспозиція, по которой войскамъ 14-е число приказано оставаться на мѣстѣ, а 15-го, съ разсвѣтомъ, войскамъ Палена слѣдовать на Минскъ, а 2-й гренадерской дивизіи и корпусу Витта—на Калушинъ. Мы уже ровно ничего изъ этого не понимали.... но послѣдствіи я слышалъ отъ Нейдгарта, что въ первой диспозиціи выразилось мнѣніе Толя, а послѣднія диспозиціи были слѣдствіемъ особыхъ расчетовъ Дибича, и эти расчеты основывались на извѣстіяхъ, полученныхъ отъ шпионовъ изъ непріятельской арміи. Скрженецкій хотѣлъ немедленно отступать, Хржановскій, напротивъ того, доказывалъ, что пора имъ перестать бѣгать, какъ трусамъ, отъ русскихъ войскъ, что они теперь равносильны русской арміи и просилъ боя. Скрженецкій колебался, а между тѣмъ медлилъ отступленіемъ. Дибичъ ожидалъ по этому быть атакованнымъ самъ, надѣялся тогда нанести болѣе рѣшительное пораженіе, и главное, желалъ сначала присоединить гвардейскій отрядъ, стянуть пѣсколько войска, и потомъ уже, смотря по дѣйствіямъ непріятеля, или выжидать его нападенія, или двинуться на Минскъ и Калушинъ; но двигаться на Дембевелки, совершенно въ тылъ непріятелю, Дибичъ уже не рѣшался, полагая, что если и безъ того поляки думаютъ

вступить въ бой, то тогда уже будутъ драться отчаянно, и успѣхъ боя можетъ быть сомнителенъ.

День, проведенный въ Куфлевѣ, былъ очень скученъ. Поправилась мнѣ здѣсь хитрость одного гренадера; солдаты отыскиали яму, въ которой былъ зарытъ картофель и начали выгребать его въ полы шинелей; толпа собралась большая, одинъ гренадеръ долго стоялъ, выжидая своей очереди, но, потерявъ надежду ее дожидаться, вдругъ закричалъ: «фельдмаршалъ, фельдмаршалъ идетъ!» Всѣ разсыпались въ минуту, а онъ между тѣмъ бросился въ яму, и пока другіе успѣли увѣриться, что это обманъ и возвратились, онъ уже нагребъ картофелю и вышелъ.

На другой день, 15-го апрѣля, мы выступили изъ Куфлева, приблизились къ Калушину, но онъ уже былъ очищенъ непріателемъ. Черезъ мѣстечко двигался 2-й пѣхотный корпусъ, 2-я гренадерская дивизія направилась за нимъ, а мы съ Зедделеромъ поѣхали впередъ къ Минску, гдѣ раздавались пушечные выстрѣлы. Въ дѣло вступилъ авангардъ Палена; непріатель удерживалъ его при выходѣ изъ лѣса, чтобы дать время главнымъ своимъ силамъ, которыя отступали цѣлую ночь, очистить Минскъ. Но, однакоже, показалась уже часть кавалеріи Палена и начала выѣзжать на шоссе между д. Осинами и Минскомъ, тогда какъ въ Минскѣ находился еще хвостъ колонны главныхъ непріательскихъ силъ, которому приказано было удерживаться, чтобы пропустить обозы и резервную артилерію. Когда мы пріѣхали съ Зедделеромъ къ Минску, артилерійскій паркъ стоялъ еще вправо отъ Минска и не начиналъ вытягиваться на шоссе, чтобы перейти черезъ единственный мостъ, находящійся на немъ черезъ болотистую рѣчку. Оставшіяся войска суетились около обоза, а о спасеніи артилеріи никто и не помышлялъ. Зедделеръ, замѣтивъ положеніе парка, послалъ меня сказать бригадному командиру гусарской дивизіи, чтобы онъ поспѣшилъ этимъ воспользоваться и захватилъ непріательскую артилерію. Но онъ мнѣ отвѣчалъ, что этого не было назначено по диспозиціи и оставался на мѣстѣ. Зедделеръ поѣхалъ къ нему самъ, но напрасно убѣждалъ его атаковать, говоря, что онъ безъ всякаго труда захватитъ артилерію, наведетъ страхъ на непріателя, заставитъ его оставить Минскъ и, занявъ мѣстечко, или облегчитъ своему корпусу выходъ изъ лѣсу, или даже отрѣжетъ войска, сопротивляющіяся Палену 1-му отъ главныхъ силъ Серженецкаго. Но онъ не внималъ никакимъ убѣжденіямъ и выжидалъ выхода изъ лѣса пѣхоты графа Палена 1-го. Корпусъ графа Палена 2-го еще не приближался, и мы съ грустію смотрѣли съ Зедделеромъ около часа, какъ очищали Минскъ сначала обозы, какъ потомъ паркъ началъ вытягиваться на шоссе по одному

орудію, перешелъ мостъ и двинулся за главными силами Скрженецкаго, и какъ оставшіяся войска заняли Минскъ, готовясь его удерживать. Зедделеръ выходилъ изъ себя, но помочь было нечѣмъ. Показался наконецъ, слѣва, графъ Паленъ 1-й со своею пѣхотою, тѣсня непріятеля. Въ Минскѣ непріятель остановился, дѣло завязалось довольно упорное, длилось около полутора часа; генералу Скобелеву оторвало руку; потери съ обѣихъ сторонъ простирались до 1,000 человекъ. Къ вечеру Минскъ былъ занятъ; Паленъ 1-й выдвинуть къ Стоядле, а всѣ остальные войска расположились на бивакахъ, частію въ Минскѣ и частію за Минскомъ. На бивакахъ солдаты нашли нѣсколько стеклянныхъ ядеръ; мы полагали, что за недостаткомъ въ чугуны польскія орудія дѣйствовали ядрами стеклянными, но утверждать въ справедливости этого предположенія не смѣю, тѣмъ болѣе, что послѣ уже не случалось находить подобныхъ ядеръ.

Итакъ, Дибичъ не достигъ своей цѣли, не успѣлъ принудить Скрженецкаго къ бою. Скрженецкій не послушался совѣтовъ Хржановскаго, и, какъ говорили, между ними начались съ этого времени постоянныя несогласія, но, конечно, Скрженецкій поступилъ благородно, разрушивъ своимъ отступленіемъ всѣ предположенія Дибича. Скрженецкому дали время отступить, думали мы, и опять пойдѣмъ еслѣдъ за нимъ, и опять будемъ брать лбомъ тѣ же дефиле. Но мы ошиблись; на другой день утромъ главнокомандующій оставилъ войска на мѣстѣ, а вечеромъ приказалъ отступить на Калушинъ. Къ чему же было это наступленіе? Къ чему повело оно? Ему дали названіе рекогносцировки, произведенной съ цѣлюю арміею, для того, чтобы увѣриться, здѣсь ли стоитъ армія Скрженецкаго и не направилъ ли онъ противъ гвардіи, и этимъ названіемъ казалось успокоились всѣ пытливые умы, искавшіе во всемъ цѣли, причины и слѣдствій. Дивизія шла безостановочно цѣлую ночь, и цѣлую ночь тянулась вся армія; утомленіе въ войскахъ отъ безпрестанныхъ остановокъ, неразлучныхъ съ движеніемъ большаго числа войскъ по одной дорогѣ, было ужасное. Пѣхота спала на походѣ, кавалерія спала, сидя на лошадяхъ. Я хотѣлъ отправиться впередъ, по обыкновенію, для занятія позиціи, но Полуэктовъ приказалъ мнѣ оставаться при дивизіи и отправить въ Калушинъ жалонеровъ однихъ, не слушая моихъ убѣжденій, что генераль Рихтеръ не будетъ показывать жалонерамъ позиціи безъ офицера генеральнаго штаба.

17-го на раясвѣтѣ пришли мы въ Калушинъ.

— Гдѣ наши биваки? спросилъ Полуэктовъ, бывший не въ духѣ оттого, что не выпался.

— Не знаю.

— Вы ничего не знаете, не знаете и своего дѣла.

— Вы мнѣ не приказали отлучаться отъ дивизіи.

— Ну, съ чего ты это взялъ, сказалъ онъ ласковѣе, увидя подѣхавшаго Гурко. Я тебѣ одно всегда твержу: поѣзжай съ Богомъ, золотой мой, выбери по покойнѣй отдыхъ для гренадеровъ, а ужъ мы какъ нибудь дойдемъ.

— Отчего же вы не пошли, почтеннѣйшій, съ жалонерами? спросилъ Гурко.

— Борисъ Владиміровичъ не приказалъ.

— Лжетъ, ей Богу лжетъ, Владиміръ Осиповичъ, да я вамъ, вотъ сей часъ расскажу, какъ это было.

— Хорошо, ваше превосходительство, позвольте только его отправить.

— Что, золотой мой, не отдѣлался, замѣтилъ Полуэктовъ, говорилъ я тебѣ—поѣзжай.

Я отыскалъ жалонеровъ за Калушинымъ, по дорогѣ къ Тржебучѣ; направиться мы должны были на Сухи; въ Сухахъ я встрѣтилъ Рихтера, и онъ показалъ 2-й гренадерской дивизіи позицію при деревнѣ Квашнянкѣ въ дубовой рошѣ, посреди пустынныхъ песчаныхъ полей.

1-й корпусъ Палена 1-го расположился у Сухи и за нимъ 3-я гренадерская дивизія. 2-й пѣхотный корпусъ Палена 2-го, по прежнему, въ Мингосахъ. Корпусъ графа Витта, гвардейскій отрядъ Куруты и резервная артилерія—близъ Жюкова, а главная квартира—въ небольшой деревнѣ Хойэчно. Князь Шаховской и весь его штабъ расположился въ рошѣ за Квашнянкою въ шалашахъ. Дивизионный штабъ въ Квашнянкѣ. Я—въ сараѣ съ Зедделеромъ, въ Квашнянкѣ же.

Наступило 19-го апрѣля—праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Главнокомандующій предположилъ слушать заутреню и обѣдню въ корпусной церкви гренадерскаго корпуса; церковная палатка была разбита между д. Квашнянкою и биваками 2-й гренадерской дивизіи, кругомъ ея расположены костры огней, дивизія построена въ каре и выставлена батарея для производства во время церковной службы пальбы. Съ Дибичемъ пріѣхала вся главная квартира, онъ былъ угрюмъ и мраченъ, и ни слова не говорилъ съ княземъ. Это сердило Зедделера; «нѣтъ, говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, я на такое пренебреженіе къ званію корпуснаго командира, смотрѣть не могу». Когда же начали христосоваться и Дибичъ, почти отвернувшись, похристосовался съ княземъ, Зедделеръ не захотѣлъ христосоваться и вышелъ изъ церкви. Черезъ четверть часа, мнѣ показалось также душно въ палаткѣ, я возвратился

въ нашъ сарай и засталъ, что Зедделеръ садится верхомъ и собирается ѣхать.

— Куда вы, Людвигъ Ивановичъ?

— Поѣду посмотрѣть, что дѣлается на аванпостахъ.

— А въ главную квартиру съ поздравленіемъ?

— Ни за что на свѣтѣ.

Часу въ 12-мъ Шаховской прислалъ спросить у Зедделера, почему онъ не былъ въ главной квартирѣ, но онъ еще не возвращался.

Зедделеръ возвратился въ часть.

— Ну, любезнѣйшій, жалко, что вы со мной не поѣхали, сказалъ онъ мнѣ, слѣзая съ лошади; у насъ дѣло было славное.

— За вами присылалъ князь.

— Хорошо, поѣдемте къ нему.

— Въ главной квартирѣ, сказалъ князь, и Толь, и Нейдгартъ спрашивали у меня, почему васъ нѣтъ, и я не зналъ, что отвѣчать. Эхъ, Людвигъ Ивановичъ, прибавилъ онъ, сами вы навязываетесь на непріятности.

Но Зедделеръ, не придавая особаго значенія словамъ князя, былъ въ восторгѣ отъ своего дѣла.

— Я, говорилъ Зедделеръ, пріѣхалъ на аванпосты, убѣдилъ казачьяго полковника Властова атаковать непріятельскую цѣпь, стоящую довольно оплошно, и неожиданную въ день Пасхи никакого нападенія. Мы атаковали, разорвали цѣпь, отрѣзали нѣсколько пикетовъ, привели все въ тревогу, забрали плѣнныхъ и отъ нихъ я узналъ важное извѣстіе, что въ Калушинѣ стоитъ небольшой только отрядъ, а вся армія Скрженецкаго направилась противъ гвардіи.

— Что же вы сдѣлали? спросилъ князь.

— Я заставилъ Властова донести объ этомъ дѣлѣ прямо главнокомандующему и прибавилъ въ его рапортѣ карандашемъ объ этомъ важномъ извѣстіи.

— Людвигъ Ивановичъ, Людвигъ Ивановичъ, замѣтилъ князь, вы поступили очень опрометчиво. Простительно дѣлать подобныя выходки молодому офицеру, но не вамъ . . . . .

Извините, я это говорю потому, что люблю васъ. Съ какой стати ѣхать на чужіе аванпосты. Если же вы уже поѣхали и убѣдили казачьяго полковника атаковать, то онъ долженъ былъ донести своему прямому начальнику графу Палену 1-му, а не главнокомандующему. Если вы получили такія важныя извѣстія, то должны были сообщить о нихъ Палену и, съ его позволенія, отправиться тотчасъ же въ

главную квартиру и лично донести Нейдгарту и Толю, а не приписывать карандашомъ въ рапортѣ къ главнокомандующему. Это неуваженіе къ его званію.

Князь былъ правъ, но Зедделеръ не убѣждался его словами, хотя и молчалъ, потому что князь дѣлалъ не выговоръ: это было участіе добраго человѣка.

Въ эту минуту казакъ подавъ Зедделеру конвертъ отъ Нейдгарта, съ надписью: «весьма нужное». Зедделеръ улыбнулся; его требовали немедленно же въ главную квартиру. Онъ счелъ, что главнокомандующій и Толь желаютъ лично переговорить съ нимъ о полученныхъ извѣстіяхъ, и отправился съ веселымъ видомъ. Но какая замѣтна была въ немъ перемѣна по возвращеніи: онъ былъ не только печаленъ, но совершенно убитъ духомъ. Разговоръ его въ главной квартирѣ былъ непродолжителенъ. Нейдгартъ не сказалъ ни слова и приказалъ ему дожидаться Толя . . . . .

Рѣзкія замѣчанія послѣдняго заставили Зедделера воспользоваться открывшеюся на ногѣ раной и просить позволенія отправиться лечиться. Толь согласился и Зедделеръ уѣхалъ въ Бѣлостокъ. Должность его приказано было исправлять Зальца, а должность Зальца мнѣ, хотя Бруновъ и Бергенстрале имѣли болѣе права; но я долженъ это приписать особенному расположенію ко мнѣ Зальца.

21-го апрѣля Дибичъ снова было предпринялъ атаковать Скрженецкаго, котораго главныя силы по прежнему стояли въ Калушинѣ, а главная квартира находилась въ Ендржеевѣ. Граббе, съ частію войскъ 1-го корпуса составилъ авангардъ, былъ направленъ на Зимноводы, а въ полдень выступили вслѣдъ за нимъ остальные войска Палена 1-го и двѣ гренадерскія дивизіи. 2-му пѣхотному корпусу приказано двинуться къ Калушину по шоссе. Лишь только въ Сухахъ мы перешли Костржинъ, какъ прискакалъ къ князю адъютантъ главнокомандующаго, съ увѣдомленіемъ, что 2-я гренадерская дивизія поступаетъ также подъ команду Палена 1-го.

— Намъ остается теперь, сказалъ Гурко князю, ѣхать и конвоировать главную квартиру, войскъ у насъ нѣтъ.

Шаховской былъ оскорбленъ, но не отвѣтилъ Гурко ни слова и ѣхалъ впереди дивизіи.

Главнокомандующій, обгоняя 2-ю гренадерскую дивизію, поздравлялъ гренадеровъ съ наступленіемъ боя и со скорымъ прибытіемъ въ Варшаву. Но, не доходя до Грембова, намъ приказано остановиться, а вечеромъ снова возвратиться подъ Квашнянку. Вновь прискакавшій адъютантъ главнокомандующаго, съ повелѣніемъ возвратиться назадъ,

объявилъ князю, что 2-я гренадерская дивизія поступаетъ опять въ его команду.

— Это значитъ, замѣтилъ съ досадою Гурко, что въ случаѣ боя, мы ничего; а когда войска остаются на мѣстѣ, хлопоты командованія должны лежать на насъ.

Зачѣмъ предпринято было это движеніе, и зачѣмъ вдругъ приказано войскамъ возвратиться назадъ, никто не понималъ, и странное дѣло, никто и не хотѣлъ разгадывать, такъ привыкли тогда къ безцѣльнымъ передвиженіямъ. Впослѣдствіи узнали, что Дибичъ намѣревался вступить въ бой съ Скрженецкимъ, но, узнавъ, что онъ началъ опять отступать, и видя, что на этотъ разъ онъ не достигнетъ своей цѣли, возвратился назадъ.

Во время этого движенія получены были извѣстія отъ Крейца и Ридигера и довольно благоприятныя. Крейцъ доносилъ, что онъ разбилъ при Казимиржѣ отрядъ Серавскаго, перешедшій на правый берегъ Вислы и намѣревавшійся пробраться въ Замосць, и перебросилъ его на лѣвый берегъ; а Ридигеръ — что Дверницкій, проникнувъ въ Волынь, началъ поддерживать инсургентовъ, захватилъ многіе города, но когда онъ съ своей стороны началъ дѣйствовать также наступательно, тогда генералъ Давыдовъ овладѣлъ Владиміромъ, и съ содѣйствіемъ генералъ-адъютанта Берга, бывшаго генералъ-квартирмейстеромъ въ 1829 г. въ турецкой арміи и возвратившагося изъ отпуска изъ Италіи, напалъ на Дверницкаго, два раза разбилъ его при Боремелѣ, и, отбросивъ къ границамъ Галиціи, принудилъ весь его отрядъ положить оружіе и перейти въ австрійскія владѣнія. Дибичъ такъ былъ доволенъ этими частными успѣхами, что приказалъ войскамъ кричать «ура!» и поздравлялъ ихъ съ одержанными побѣдами.

Главная квартира переѣхала въ д. Жуково. Въ Сухахъ строили сильное предмостное укрѣпленіе; въ Мокоды приказано было мнѣ поставить одинъ баталіонъ 4-го карабинернаго полка, для защиты тамъ существующей переправы черезъ Ливенець. Насъ посылали иногда осматривать окрестныя дороги; въ одной изъ такихъ поѣздокъ, я наѣхалъ на деревню, которую грабили мародеры. Забывъ, что со мною одинъ только казакъ, я началъ ихъ выгонять изъ деревни, не сообразя того, что отчаянные мародеры могутъ посягнуть на мою жизнь; но навелъ на нихъ такой страхъ, что они побросали свою добычу и въ числѣ 200 человекъ спаслись въ ближайшій лѣсъ. Въ это же время князь Шаховской разстрѣлялъ одного гренадера за разграбленіе панской мызы, и нѣсколько человекъ прогналъ сквозь строй.

Три недѣли мы оставались подъ Квашнянкою, и эти биваки были

столь же грусны, какъ и подъ Сѣдлецомъ. Холера свирѣпствовала по прежнему и армія съ каждымъ днемъ уменьшалась численностію; новое неудачное движеніе на Куфлево къ Минску еще болѣе уронило духъ въ войскѣ; сверхъ того, доходили весьма непріятныя извѣстія и изъ Литвы. Носились слухи, что волненіе въ Литвѣ повсемѣстно, что дворянство взялось за оружіе и образовало изъ крестьянъ значительное число войскъ, что Храповицкій оставилъ Вильну и расположился съ войсками, содержащими тамъ гарнизонъ, лагеремъ близъ Вильны, что резервная армія открыла военныя дѣйствія и имѣла уже нѣсколько дѣлъ между Вильною и Ковно, и что, наконецъ, на сѣверѣ августовскаго воеводства образовались шайки инсургентовъ, противъ которыхъ направлена часть войскъ изъ отряда Саена, подъ командою адъютанта Великаго Князя Михаила Павловича, полковника Анненкова. Въ несчастію, всѣ эти слухи были слишкомъ справедливы, и возстаніе Литвы принимало даже болѣе грозный видъ, нежели какимъ его себѣ представляли въ арміи. Равнеслись также вскорѣ слухи, что Хржановскій съ 5,000 отдѣлился отъ главной арміи, двинулся къ Вепржу, перешелъ на лѣвый берегъ, и хотя Крейцъ нанесъ ему незначительное пораженіе при Любортовѣ, но Хржановскій успѣлъ обойти его правый флангъ и пробраться въ Замосць. Эти слухи оказались также справедливыми и пребываніе такого искуснаго генерала, какъ Хржановскій, въ Замосць, мѣшало восстановленію совершеннаго спокойствія въ Люблинскомъ воеводствѣ, въ Волини и Подоліи, и лишало Дибича содѣйствія Ридигера и Крейца. Словомъ, дѣла наши были въ самомъ неблагопріятномъ положеніи. Главныя силы русской арміи простирались лишь до 50,000. Основаніе дѣйствій почти разрушено; подвозы изъ Литвы были самыя незначительныя. Дибичъ чувствуя, что одинъ только успѣшный бой можетъ возратить утраченный перевѣсъ, искалъ боя, но Скрженецкій оцѣнилъ какъ нельзя лучше положеніе русской арміи, избѣгалъ боя, и какъ Фабій Кункаторъ, хотѣлъ достигать своей цѣли выжиданіемъ, зная, что время и бездѣйствіе будутъ дѣйствовать на русскую армію разрушительнѣе всѣхъ кровопролитныхъ сраженій. Дибичъ началъ помышлять о переправѣ черезъ нижнюю Вислу, вошелъ въ сношенія на счетъ устройства моста и закупки хлѣба въ Пруссіи, но не могъ еще и подумать предпринять движеніе къ нижней Вислѣ до того времени, пока не восстановится, хотя нѣсколько, спокойствіе въ Литвѣ и онъ не получитъ возможности усилить главную свою армію, по крайней мѣрѣ, до 100,000 человекъ.....

Полужковъ постоянно видался съ Фрейгангомъ, былъ всѣмъ недоволенъ, мало уже говорилъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ и больше

вспоминалъ и рассказывалъ анекдоты изъ кампаній наполеоновскихъ, прибавляя:

— Вотъ тамъ стоило себя показывать, мы и показывали. А здѣсь что? и хлопотать не изъ чего. Лобъ подставить подъ пулю не мудрено, да что этимъ пользы то сдѣлаешь. Вотъ у тебя, Петръ Ивановичъ, оторвало конецъ уха подъ Гроховымъ.

— Да, да, ваше превосходительство, и теперь еще болитъ.

— Ну, а что ты получилъ?

— Ничего.

Наша артель какъ-то разстроилась: Поливановъ покапризничалъ, что мы, возвращаясь иногда съ рекогносцировки, не во-время спрашивали чай; мы стали держать каждый столъ и чай особенно, и вышло и покойнѣе, и дешевле. У Полуэктова завѣдывалъ хозяйствомъ Овцынъ.

— Ты у меня сегодня обѣдаешь? спрашивалъ иногда Полуэктовъ, когда я заходилъ къ нему. И ты, и ты у меня, говорилъ онъ полковымъ командирамъ и другимъ штабъ-офицерамъ, которые приходили къ нему по службѣ. Мы оставались; наступало три часа.

— Овцынъ! кричалъ Полуэктовъ, прикажи, любезный, подавать обѣдъ.

— Вы не приказали ничего готовить, отвѣчалъ холодно Овцынъ, говорили, что и сами дома не будете.

— Эхъ, братецъ, совѣмъ я этого не говорилъ. Распорядись же скорѣе.

— Теперь уже нѣкогда.

— Такъ какъ же быть?

— Не знаю.

— Ефимъ Николаевичъ, Августъ Егоровичъ, говорилъ Полуэктовъ, обращаясь къ полковымъ командирамъ, Обрадовичу и Мандерштерну, вѣдь у васъ готовили обѣдать?

— Готовили.

— Такъ прикажите же, золотые мои, принести сюда вашъ обѣдъ, мы вмѣстѣ и пообѣдаемъ, а вы люди запасливые, вашего обѣда достанетъ. Ну, а ужъ я Овцынъ тебѣ этого не прощу! Изволь, чтобъ у меня впредь этого не было.

Но и впредь повторялось нѣсколько разъ тоже. Такой порядокъ обѣдовъ, кажется, очень нравился Полуэктову.

Начальникомъ артилеріи въ гренадерскомъ корпусѣ былъ генералъ-майоръ Василій Васильевичъ Гербель. Его любили и начальники, и офи-

церы, и солдаты; всегда веселый, шутливый, онъ готовъ былъ въ одно и тоже время и отдавать серьезныя распоряженія, и играть съ какимъ нибудь прапорщикомъ въ банкъ на барабанѣ. Когда онъ только проѣзжалъ мимо гренадеровъ, они встрѣчали его съ радостными лицами и говорили другимъ: «тсъ! Василій Васильевичъ ѣдетъ!» Гербель начиналъ имъ рассказывать прибаутки и они помирали со смѣху. За то бывало, если и завязнетъ какое либо орудіе, то Гербелю стоитъ только крикнуть—гренадеры помогутъ, и орудіе въ минуту выхвачено.

3-я гренадерская дивизія стояла отъ насъ не болѣе какъ въ верстѣ; я бывалъ въ главной квартирѣ, узнавалъ тамъ новости и пріѣзжалъ ихъ рассказывать Шредеру. Шалашъ Шредера былъ противъ самаго шалаша Набокова. Набоковъ, услыхавъ, что я пріѣхалъ, сѣлся противъ насъ на барабанѣ, просилъ меня рассказывать, что дѣлается и жаловался, что если бы не я, то онъ ровно бы ничего не зналъ.

— Мой Шредеръ, говорилъ онъ, никуда не ѣздитъ, ни съ кѣмъ не знакомъ, только и знаетъ, что спитъ, да курить трубку.

Набоковъ такъ привыкъ къ моимъ посѣщеніямъ, что если я уже не являлся день, онъ похаживалъ, скучалъ и повторялъ:

— А вотъ нынче Нееловъ не ѣдетъ что-то, ничего и не знаешь.

Когда же я пріѣзжалъ, онъ меня встрѣчалъ съ радостнымъ лицомъ, говоря :

— Ну, батюшка, а ужъ мы о васъ соскучились. Что это вы забываете насъ.

Но разъ онъ за новости на меня и подосадовалъ. Я былъ по утру въ главной квартирѣ и прочелъ тамъ диспозицію: что 1-й корпусъ Палена 1-го, 3-я гренадерская дивизія и за ней 2-я гренадерская дивизія, въ 11 часовъ выступаютъ къ Тржебучѣ; было уже 10 часовъ, Набоковъ сердился, что до сего времени задерживаютъ диспозицію въ штабѣ 1-го корпуса; желая, однако же, не замедлить выступленіемъ, въ случаѣ ея полученія, приказалъ людямъ одѣться; но настало 11 часовъ, 12, 2, войска Набокова въ ожиданіи, и безъ обѣда. Набоковъ разсердился еще болѣе, приказалъ варить кашу и прискакалъ въ Квашнянку, чтобы со мной браниться.

— Ну, батюшка, удружили вы, началъ онъ, увидя меня, когда я шелъ къ квартирѣ Полуэктова.

— Чѣмъ, ваше превосходительство?

— Какъ чѣмъ! обманули.

— Нѣтъ, не обманулъ, а диспозиція отмѣнена. Вотъ прежняя диспозиція за подписью Нейдгарта, что вы выступаете въ 11 часовъ, а вотъ новая, что войска остаются на мѣстѣ.

жейная перестрѣлка. Непріятель, какъ кажется, упорно держался въ Калушинѣ, который уже былъ обнесенъ полевымъ укрѣпленіемъ. Главнокомандующій радовался, думая, что онъ достигаетъ, наконецъ, своей цѣли; но это держался только одинъ арьергардъ Скрженецкаго, чтобы дать время отойти главнымъ силамъ. Скрженецкій не отступалъ отъ своего плана и, какъ говорили намъ послѣ въ Калушинѣ, войска его начали отступать еще 30-го апрѣля въ часъ пополудни, изъ чего мы заключали, что Скрженецкій имѣетъ при нашей главной квартирѣ хорошихъ шпионовъ и знаетъ заранѣе о намѣреніи Дибича. Бой подъ Калушинымъ продолжался около часа. Опять мы ровно черезъ три мѣсяца наступали на Калушинъ съ той же стороны; солнце свѣтило еще ярче. Массы польскихъ войскъ стояли на горѣ передъ лѣсомъ; но когда мы приблизились къ Калушину, онъ уже былъ занятъ Паленомъ 1-мъ, который началъ наступленіе къ Минску. Непріятель остановился подъ Ендржеевымъ; дѣло завязалось еще упорнѣе, длилось около полутора часа; почти вся пѣхота Палена введена была въ дѣло и приказано двинуться туда же 3-й и 2-й гренадерскимъ дивизіямъ. Но неприятели оставили Ендржево и предприняли отступление къ Минску. Дибичъ убѣдился опять, что не успѣетъ принудить Скрженецкаго къ бою; онъ доволенъ былъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что армія Скрженецкаго находится здѣсь, что онъ не двинулся противъ гвардіи и приказалъ войскамъ снова отойти къ Калушину. Особенно въ этомъ дѣлѣ 1-го мая отличились храбростію морскіе полки и легкая батарея Чаплица. Толь приказалъ Чаплицу выдвинуть батарею впередъ и открыть огонь по неприятельской батарее; но Чаплицъ вмѣсто того подскочилъ на картечный выстрѣлъ къ прикрытію, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, разстроилъ войска и заставилъ отступить какъ прикрытіе, такъ и батарею, у которой въ двѣ, три минуты, перебита была большая часть прислуги, и Толь здѣсь же надѣлъ Чаплицу Владиміра съ бантомъ. Потери при этомъ дѣлѣ въ 1-мъ корпусѣ были довольно значительны и простирались до 1,500 человекъ. Граббе былъ контуженъ ядромъ: оно вдавило ему въ бокъ кисти шарфа, но, къ счастью, контузія оказалась неопасною. Понравился мнѣ также одинъ адъютантъ; онъ сидѣлъ на повалившемся деревѣ, ему пилили ногу, и онъ курилъ между тѣмъ трубку, и никому не позволялъ держать себя. Кончилась операція: онъ не крикнулъ ни разу, только раскусилъ янтарь у чубука.

Здѣсь, когда мы возвращались къ Калушину отъ Ендржеева, я опять былъ свидѣтелемъ сцены, произошедшей между Толемъ и Паленомъ. Дибичъ съ Толемъ ѣхали шагомъ въ фаэтонѣ за гренадерами, къ фаэтону подѣхалъ Палень 1-й.

— Нынѣшняя рекогносцировка дорого мнѣ стоитъ, сказалъ онъ Дибичу, я потерялъ одного прекраснаго полковаго командира и двухъ баталіонныхъ.

— Что дѣлать, что дѣлать! пробормоталъ Дибичъ.

— И, Петръ Петровичъ, перервалъ Толь, гдѣ дрова рубяты, тамъ и щепки летяты . . . . .

Въ Калушинѣ мы нашли въ рестораціи обѣдъ, заказанный накануне поляками и пообѣдали превкусно. Евреи калушинскіе такъ привыкли безпрестанно переходить изъ подъ власти поляковъ подъ власть русскихъ, что кричали уже при вступленіи нашихъ войскъ «помозе Бове нашимъ и вашимъ» — и никто за это на нихъ не сердился, но все смѣялись.

У Калушина войска имѣли долгій привалъ; послѣ обѣда Зальца съ баталіонными адъютантами поѣхалъ назадъ для занятія позиціи при д. Жарновкѣ, а съ наступленіемъ ночи, войска выступили изъ Калушина и двинулись назадъ; войска 2-й гренадерской дивизіи направлены на Жарновку для того, чтобы не стѣснять слѣдованія другихъ войскъ, отступавшихъ на Тржебучу. Ночь была темная, я боялся безпрестанно сбиться съ дороги и завести войска не туда куда слѣдуетъ. Подходя къ Жарновкѣ, мы удивились, что насъ никто не встрѣчалъ; я поѣхалъ искать Зальца; но ни Зальца, ни баталіонныхъ адъютантовъ никого не было; держать утомленные войска подъ ружьемъ было бы напрасно; я сколько можно было сдѣлать это темною ночью, выбралъ мѣсто для бивака и войска стали. Но когда стало разсвѣтать, мы увидѣли, что баталіонные адъютанты спятъ на полѣ, шагахъ въ 100 впереди дивизіи, каждый на томъ мѣстѣ, гдѣ приказано было Зальцемъ расположиться его баталіону, слѣдовательно, я ошибся только на 100 шаговъ, и послѣ долго все смѣялись этому странному случаю. На другой день пошелъ проливной дождь, все небо обложилось тучами, я съ жалонерами, подойдя къ Сухамъ, нашелъ тамъ Рихтера и Дюгамеля, они ѣздили по полямъ передъ Сухами съ другими офицерами генеральнаго штаба и выбирали мѣсто для расположенія войскъ. Обѣздъ этотъ продолжался часа два, насъ промочило до костей, и кончился тѣмъ, что Рихтеръ, послѣ всѣхъ обдумываній и разсужденій, приказалъ всѣмъ офицерамъ расположить войска, какъ найдутъ сами удобнѣе. Мы заняли биваки, расположили на нихъ войска, а къ вечеру все войска опять переведены на прежнія мѣста за Костржемъ и наша дивизія стала подъ Квашнянкою.

— «Что это? говорили солдаты, сколько еще разъ мы будемъ брать

этотъ Калушинъ? Экъ онъ полюбился Бибичу, только и знаетъ, что пойдетъ возьметъ его и воротится.»

Но не для однихъ солдатъ были загадочны эти дѣйствія, или, лучше сказать, это бездѣйствіе. Для чего медлитъ и чего выжидаетъ главнокомандующій — никто не понималъ. Но тогда, когда всѣ терялись въ недоумѣніи, и когда главнокомандующій послѣ дѣла подъ Калушинымъ и Ендржеевымъ донесъ Государю, что онъ остановилъ покушеніе непріятели сдѣлать нападеніе на Сѣдлецъ, что все обстоитъ благополучно, Скрженецкій находится противъ него и вовсе не намѣренъ направиться противъ гвардіи, вдругъ получено было извѣстіе, что главные силы польской арміи обратились противъ гвардіи и гвардія принуждена прибѣгнуть къ поспѣшному отступленію. Это извѣстіе было роковымъ ударомъ для Дибича. Бездѣйствіе арміи и ея марши и контръ-марши прекратились и она двинулась фланговымъ маршемъ на соединеніе съ гвардейскимъ корпусомъ. Непонятенъ и теперь остается весь этотъ періодъ кампаніи Дибича, во всемъ видны какія то полумѣры, вездѣ замѣтенъ недостатокъ рѣшительности. Отложивъ намѣреніе переправиться черезъ верхнюю Вислу и не разбивъ Скрженецкаго, онъ надолго замедлилъ окончаніе кампаніи. Но для чего онъ стоялъ, чего онъ выжидалъ подъ Сѣдлцемъ и близъ Сѣдльца? Если онъ надѣялся разбить Скрженецкаго, заставивъ его вступить въ бой, то ясно уже было со времени движенія чрезъ Куфлево на Минскъ, что ему не удастся вовлечь Скрженецкаго въ бой; и чего Дибичъ могъ ожидать отъ боя. Силы въ обѣихъ арміяхъ были равны, слѣдовательно успѣхъ сомнителенъ; но положимъ, что Скрженецкій и потерпѣлъ бы пораженіе; онъ бы отступилъ спокойно въ Варшаву, и Дибичъ, придя снова на Гроховское поле, долженъ былъ начать опять тотъ же маневръ для переправы черезъ верхнюю Вислу, который теперь труднѣе уже было привести въ исполненіе. Если Дибичъ, напротивъ того, уже рѣшилъ переправиться черезъ нижнюю Вислу, то для чего не началъ ранѣе сношенія съ Пруссіею и ранѣе не предпринялъ фланговаго движенія и не соединился съ гвардіей? Если онъ ожидалъ успокоенія Литвы, то это успокоеніе не столько зависѣло отъ успѣховъ резервныхъ армій, тамъ дѣйствующихъ, сколько отъ успѣховъ его арміи, дѣйствующей въ самомъ Царствѣ Польскомъ. На нее было обращено главное вниманіе и какъ ея неудачи въ гроховскомъ сраженіи произвели въ Литвѣ возстаніе, такъ равно вполнѣнствіи одержанные ею успѣхи при штурмѣ Варшавы были главною причиною и водворенія спокойствія въ Литвѣ. Самыя резервныя арміи ожидали и вправдѣ были ожидать главныхъ дѣйствій отъ дѣйствующей арміи, а не обратно.

Но Дибичъ стоялъ—холера свирѣпствовала, безплодныя передвиженія утомляли войска еще болѣе, потери въ дѣлахъ, которыя не вели ровно ни къ какимъ слѣдствіямъ, ослабляли армию, такъ что безошибочно можно полагать, что если все первое наступательное движеніе армии къ Варшавѣ, дѣла при Сточекѣ, Добре, Калушинѣ, Ендржеевѣ, сраженіе Ваврское и генеральное сраженіе, данное подѣ Гроховымъ, стоили русской армиі до 25,000 выбывшими изъ строя, то разбитіе Розена, дѣло при Игане, подѣ Венгровымъ, рекогносцировки, другія дѣла отрядовъ и, наконецъ, холера, стоили ей вдвое. При переходѣ черезъ границу было въ армиі за 125,000. Послѣ Грохова осталось 100,000, а по окончаніи этого періода кампаніи, съ присоединеніемъ 2-го пѣхотнаго корпуса и 1-й бригады 3-й гренадерской дивизіи, которые числительностію превосходили втрое отдѣлившіяся войска Крэйца и три полка Муравьева, въ главныхъ силахъ армиі оставалось съ небольшимъ 50,000. Можно сказать утвердительно, что этотъ періодъ кампаніи поколебалъ то выгодное мнѣніе, которое имѣли въ военныя дарованія Дибича, не только въ армиі, въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ.

IV.

Третій періодъ кампаніи Дибича. Фланговое движеніе на соединеніе съ гвардіей и остроленское сраженіе.

Планъ Скрженецкаго.—Наступленіе, предпринятое имъ противъ гвардіи.—Мѣры, предпринятыя Великимъ Княземъ Михайломъ Павловичемъ.—Извѣстія, сообщаемыя имъ Дибичу.—Мѣры Дибича.—Отступленіе гвардіи.—Недостатки плана Дибича.—Переправа черезъ Бугъ въ Гранахъ.—Дѣло подъ Нуромъ.—Направленіе войскъ главной арміи.—Бергъ командуетъ авангардомъ.—Высоко-Мазовецкое.—Усиленные переходы.—Сближеніе съ гвардіей.—Сраженіе подъ Остроленкой. Его послѣдствія.—Новое бездѣйствіе Дибича послѣ сраженія.—Движеніе къ Пултуску и расположеніе главной квартиры на мызѣ Клешевѣ.—Служи о дѣйствіяхъ въ Люблинскомъ воеводствѣ, въ Волыни, въ Литвѣ и подъ Сѣдлецомъ.—Пріѣздъ графа Орлова.—Кончина Дибича.—Толь принимаетъ временно командованіе надъ арміей.—Возвращеніе Зедделера въ армію; новый отъѣздъ его въ Бѣлостокъ и извѣстіе о назначеніи главнокомандующимъ графа Паскевича.

Гвардейскій корпусъ былъ расположенъ около Ломжи по квартирамъ, передовые его отряды занимали Замброво и Снядово, а шеститысячный отрядъ Сакена—Остроленку; число всѣхъ войскъ гвардейскаго корпуса съ отрядомъ Сакена простиралось до 30,000. Великій Князь Михайлъ Павловичъ и состоявшій при немъ князь Щербатовъ нисколько не ожидали нападенія цѣлой непріятельской арміи, которая, по всѣмъ извѣстіямъ, стояла у Калушина, противъ главныхъ силъ русской арміи, и принимали только предосторожности противъ генерала Уминскаго, появлявшагося иногда на правомъ берегу Буга, и противъ небольшого отряда Се-

равскаго, приближавшагося порою по правому берегу Нарева къ Остроленкѣ. Дибичъ не присоединялъ къ себѣ гвардейскаго корпуса; это ясно доказывало, что онъ имѣлъ намѣреніе направиться къ нижней Вислѣ, и оставался подъ Сѣдлецомъ только для того, чтобы окончить сношенія, начатыя имъ съ Пруссіей на счетъ устройства моста на нижней Вислѣ и доставленія продовольствія русской арміи черезъ прусскія владѣнія. Но это было большою съ его стороны ошибкою: ему надобно было бы приблизить гвардейскій корпусъ, по крайней мѣрѣ, къ Острову или къ Брокамъ, оставивъ въ Остроленкѣ одного Сакена. Тогда бы Августовское воеводство было одинаково прикрыто, Скрженецкій не осмѣлился бы направиться съ арміею къ Остроленкѣ, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Варшавы,—Дибичъ, въ случаѣ нужды, въ одинъ переходъ могъ бы поспѣть на помощь корпусу, не находясь бы въ постоянномъ опасеніи, что Скрженецкій двинется противъ гвардіи, и не обнаружилъ бы своего дальнѣйшаго плана неприятелю. Скрженецкій разгадалъ намѣреніе своего противника. Давно уже Хржановскій убѣждалъ его обратиться противъ гвардіи, чтобы разбить этотъ корпусъ, отрѣзанный отъ главныхъ силъ, но никогда еще Скрженецкому не представлялся этотъ планъ въ такомъ блестящемъ видѣ, какъ теперь; онъ могъ не только разбить гвардію, но отрѣзать русскія войска отъ границъ Пруссіи, войти въ связь съ инсургентами, образовавшимися въ сѣверной части Августовскаго воеводства, поддержать ихъ и отнять у Дибича возможность переправиться черезъ нижнюю Вислу. Бездѣйствіе Дибича подъ Сѣдлецомъ позволяло ему надѣяться, что достаточно будетъ небольшихъ силъ для удержанія русскаго главнокомандующаго отъ наступленія къ Варшавѣ, а безопасное расположеніе гвардейскаго корпуса увѣряло въ томъ, что нападеніе его на гвардію будетъ для нея совершенною неожиданностью. Для исполненія своего плана, Скрженецкій притянулъ къ себѣ Уминскаго, находившагося противъ Венгрова, распустилъ слухъ, что намѣренъ сдѣлать нападеніе на Сѣдлецъ, и, оставивъ Уминскаго съ 10,000 въ Калушинѣ и Ендржеевѣ противъ главныхъ силъ русской арміи, онъ съ 45,000 чел., 30-го апрѣля, двинулся назадъ къ Минску и, сосредоточивъ свои войска въ Минскѣ и Выгодахъ противъ Варшавы, направился къ Зегржу, и когда Дибичъ, 1-го мая, атаковалъ Калушинъ и занималъ Ендржеево, думая, что онъ имѣетъ противъ себя всю польскую армію, противъ него находился одинъ только десяти тысячный отрядъ Уминскаго, а Скрженецкій совершалъ въ это время переправу черезъ Бугъ при Зегржѣ и черезъ Наревъ въ Сѣрочинѣ. Далѣе, войска Скрженецкаго подраздѣлились на три колонны: главные силы изъ 30,000 двинулись прямымъ путемъ на Ложу, Дембинскій съ 6,000,

составляя лѣвую колонну, направился вверхъ по правому берегу Нарева противъ Саена, а Лубенскій съ 9.000 двинулся вверхъ по самому правому берегу Буга, имѣя назначеніемъ уничтожить всѣ переправы, отрѣзать главныя силы Дибича отъ гвардіи и удерживать ихъ на переправѣ черезъ Бугъ до того времени, пока Скрженецкій успѣетъ разбить гвардію. Великій Князь Михайлъ Павловичъ принялъ первыя появившіяся польскія войска между Бугомъ и Наревомъ за наступленіе корпуса Уминскаго; но, однако же, на всякій случай, выслалъ передовые легкіе отряды къ Говорову, Пржеици, Нуру, собралъ корпусъ при Снядовѣ и донесъ главнокомандующему. Дибичъ, введенный этимъ донесеніемъ въ новое заблужденіе, приказалъ только Великому Князю принять всѣ мѣры предосторожности и сосредоточить главныя силы корпуса при Замбровѣ. По новому донесенію Великаго Князя, что Уминскій наступаетъ рѣшительно, Дибичъ послалъ Его Высочеству повелѣніе сосредоточить корпусъ при Эндржеевѣ, и даже еще лучше при Чижевѣ, занять немедленно Нуръ, войти въ непосредственную связь съ главной арміей, и для того, чтобы облегчить гвардіи это сближеніе, послалъ къ Соколову, 6-го мая, 1-ю гренадерскую дивизію и кавалерію Витта, а 7-го мая,—оставивъ корпусъ Палена 2-го и при немъ уланскій Его Высочества Цесаревича полкъ и приказавъ Палену 2-му занимать Мингосы и Сухи и прикрывать Сѣдлецъ,—двинулся самъ съ 1-мъ корпусомъ, 3-ю и 2-ю гренадерскими дивизіями и тремя полками Куруты также къ Соколову. Утро 8-го мая главныя силы русской арміи оставались въ Соколовѣ, потому что отъ Великаго Князя, какъ говорили, два дня уже не было никакого донесенія. Между тѣмъ, пока Дибичъ посылалъ повелѣніе за повелѣніемъ къ Великому Князю и сосредоточивалъ главныя свои силы къ Соколову, Великій Князь уже не имѣлъ возможности привести въ исполненіе ни одного изъ этихъ повелѣній, потому что Скрженецкій открылъ рѣшительныя наступательныя дѣйствія. Дембинскій приближался къ Остроленкѣ, Лубенскій уничтожилъ всѣ переправы на Бугѣ и отбросилъ находившійся въ Нурѣ легкій отрядъ къ Цехановцу, а самъ Скрженецкій, постоянно тѣсня отъ Пржеицы передовой отрядъ генерала Полешко, подошелъ къ Якацу. Великій Князь убѣдился, что противъ него не корпусъ Уминскаго, но вся польская армія, и что движеніемъ Лубенскаго къ Нуру сообщеніе съ Дибичемъ совершенно прервано. Находя свои обстоятельства затруднительными и не рѣшаясь вступить въ бой съ непріателемъ, который имѣлъ перевѣсъ въ силахъ, т. е. 30,000 противъ 28,000, Великій Князь, по совѣщаніи съ княземъ Щербатовымъ, предположилъ: 1) главными силами гвардейскаго корпуса, перешедшимъ уже къ Замброву, отступить на Рудки и Желтки къ Бѣло-

стоку, чтобы сблизиться съ находившимися тамъ главными магазинами, и 2) передовому отряду Бистрома, бывшему въ Говорновѣ и соединившемуся въ Остроленкѣ съ Сакеномъ, отступить на Ломжу, захватить тамъ обозы, больныхъ, сжечь магазины и двигаться на Тикочинъ также къ Бѣлостоку. Этотъ планъ дѣйствія, составленный вслѣдствіе опасенія вступить въ бой, былъ такъ удаченъ, что разрушалъ всѣ предположенія Скрженецкаго, который надѣялся разбить сначала отдѣльно гвардію, а потомъ, обратившись къ Бугу и соединившись съ Лубенскимъ, разбить и Дибича, и могъ самого Скрженецкаго ставить въ опасное положеніе быть отрѣзаннымъ отъ Варшавы арміею Дибича, если бы Дибичъ умѣлъ этимъ воспользоваться. Когда мы были въ Варшавѣ, я имѣлъ случай слышать отъ поляковъ, бывшихъ при главной квартирѣ Скрженецкаго, что послѣдній, узнавъ объ отступленіи гвардіи, выходилъ изъ себя и нѣсколько разъ повторялъ: «что я буду дѣлать, если Дибичъ двинется къ Сіероцку и овладѣетъ моими мостами? я тогда отрѣзанъ и отъ Варшавы, и отъ Модлина». Говорили также, что Прондзинскій совѣтовалъ ему двинуться въ тылъ Сакену, который вѣроятно, по свойственной ему храбрости, вздумаетъ удерживаться въ Остроленкѣ; Великій Князь захочетъ его выручить, возвратится назадъ, и это будетъ самымъ лучшимъ средствомъ принудить гвардію къ бою. Но въ это время получено извѣстіе, что Дембинскій занялъ Остроленку, а Сакенъ и Бистромъ начали отступать къ Ломжѣ, и предложеніе Прондзинскаго не имѣло уже мѣста. Тогда Скрженецкій, не теряя еще надежды настичь гвардію и принудить ее къ бою, для того, чтобы имѣть болѣе залоговъ къ успѣху, приказалъ Дембинскому отправить для преслѣдованія Сакена и Бистрома одну дивизію Гелгуда, а самому присоединиться къ главнымъ силамъ, и двинулся къ Замброву. Въ Замбровѣ Скрженецкій былъ 7-го мая и досада его еще болѣе увеличивалась тѣмъ, что командовавшій гвардейскимъ арьергардомъ генералъ Полешко, съ Лейбъ-егерскимъ и Финляндскимъ полками, Финскимъ стрѣлковымъ баталіономъ и частию легкой кавалеріи Ностица, держался постоянно упорно и мѣшалъ настичь ему главныя силы гвардейскаго корпуса. Сверхъ того, Уминскій доносилъ, что Дибича подъ Сѣдлецомъ нѣтъ. Гдѣ же онъ? Скрженецкій былъ въ недоумѣніи, но однако же оставался твердо увѣреннымъ, что если бы Дибичъ направился къ Сіероцку, то Лубенскій или Уминскій замѣтили бы подобное движеніе и донесли бы. Поэтому Скрженецкій рѣшился продолжать преслѣдованіе гвардіи и хотѣлъ опрокинуть Полешку и, по крайней мѣрѣ, отрѣзать Сакена и Бистрома, тѣснимыхъ Гелгудомъ, и, можетъ быть, чрезъ это принудить Великаго Князя къ бою. Но Гелгудъ шелъ мед-

ленно, остановился въ Ломжѣ, чтобы захватить брошенные тамъ обозы и офицерскія повозки и экипажи, забралъ до 1,000 человекъ больныхъ и овладѣлъ магазинами, которые Сакенъ и Бистромъ не успѣли сжечь при поспѣшномъ своемъ отступленіи, а Полешко держался упорно сначала въ лѣсномъ дефиле, потомъ при Рудкахъ, далъ время Бистрому выдти на дорогу къ Тикочину и останавливалъ всѣ покушенія Скрженецкаго, а Сакенъ отступилъ къ Райгороду. 8-го мая, вечеромъ, Скрженецкій получилъ извѣстіе, что Дибичъ сосредоточиваетъ главныя свои силы къ Соколову, и, успокоенный съ этой стороны, предпринялъ достигнуть гвардейскій корпусъ на переправѣ черезъ Наревъ, нанести ему поражение, и 9-го мая двинулся частью войскъ къ Тикочину, а частью въ Желткамъ; но упорное сопротивленіе при Тикочинѣ аріергарда Бистрома и при Желткахъ аріергарда Полешко позволило войскамъ гвардейскаго корпуса совершить безпрепятственно переправу на правый берегъ Нарева, и Скрженецкій не достигъ своей цѣли. Преслѣдовать дальѣе гвардію было уже опасно, тѣмъ болѣе, что главныя силы русской арміи начали уже въ это время наступательныя дѣйствія. Скрженецкій остановился и выжидалъ, что предприметъ Дибичъ.

8-го мая по утру Дибичъ получилъ, наконецъ, извѣстіе отъ Великаго Князя Михаила Павловича, что противъ него находится вся польская армія, что онъ уже не можетъ соединиться съ главной арміей, не рѣшается вступить въ бой съ превосходными силами непріятеля и отступаетъ къ Бѣлостоку. Это извѣстіе было страшнымъ ударомъ для Дибича, оноставляло его обманщикомъ противъ Государя, которому онъ только что доносилъ, что Скрженецкій стоитъ противъ него, и вдругъ этотъ Скрженецкій, со всѣми своими силами, очутился въ Замбровѣ. Дибичъ встревожился, его воображенію тотчасъ представилась мысль, что Скрженецкій разобьетъ гвардейскій корпусъ, подобно корпусу Розена, войдетъ въ прямую связь съ литовскими инсургентами и, отрѣзавъ его отъ границъ Пруссіи, лишитъ возможности переправиться черезъ нижнюю Вислу. Поэтому, не раздумывая долго, что ему лучше и выгоднѣе предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ, онъ рѣшилъ немедленно переправиться въ Граняхъ черезъ Бугъ и слѣзти на соединеніе съ гвардіей. 8-го же мая посланы къ Гранямъ 1-я гренадерская дивизія и кавалерія Витта, а 9-го мая должны были слѣдовать къ Гранямъ 1-й корпусъ Палена 1-го, 3-я и 2-я гренадерскія дивизіи и четыре полка Куруты; т. е. всѣ главныя силы направлялись къ Гранямъ, въ которыхъ, за отдѣленіемъ 2-го корпуса, было уже не болѣе 35,000, а именно: въ 1-мъ корпусѣ до 10,000, въ гренадерскомъ до 18,000, въ кавале-

ріи Витта до 4,000 и въ четырехъ полкахъ Буруты до 3,000. Но такова ли должна была быть цѣль дѣйствій Дибича? рѣшительно нѣтъ. Ему предстояло три выбора: 1) приказавъ гвардіи продолжать отступление до Бѣлостока и даже за Бѣлостокъ, напасть на Уминскаго, разбить его, опрокинуть, занять Варшаву, оставшуюся почти безъ войскъ, или, по крайней мѣрѣ, если не занять Варшаву, то обратиться вправо, овладѣть переправами при Зегржѣ и Сіероцкѣ и отрѣзать армию Скрженецкаго, какъ онъ того боялся, отъ Варшавы и отъ Модлина; 2) приказавъ гвардіи отступить точно такимъ же образомъ и оставивъ Палена 2-го для прикрытія Сѣдлеца, обойти лѣвый флангъ Уминскаго, переправиться черезъ Бугъ въ Вышковѣ, отрѣзать Скрженецкаго отъ Варшавы и отъ Модлина и, пославъ повелѣніе гвардіи, начать наступленіе, поставить его между двухъ огней и нанести ему совершенное пораженіе, и 3) переправиться черезъ Бугъ въ Нурѣ или въ Гранахъ и идти фланговымъ маршемъ на соединеніе съ гвардіей. Первое предположеніе могло бы принести большую пользу, если бы Дибичъ, приказавъ Палену 2-му наступать прямо на Калушинъ, двинулся изъ Соколова съ главными силами на Венгровъ, Ливъ и Станиславовъ, постоянно угрожая лѣвому флангу Уминскаго и даже заходя ему въ тылъ. Уминскій или былъ бы разбитъ и уничтоженъ, не доходя до Варшавы, или былъ бы принужденъ къ самому послѣдному отступленію. Дибичъ въ три и много въ четыре дня былъ бы уже подъ Варшавою, тогда какъ Скрженецкій, оставя преслѣдованіе гвардіи, при полученіи извѣстія о наступленіи Дибича, едва бы, при самыхъ форсированныхъ маршахъ, достигнулъ до Пржецице, и Дибичъ легко бы успѣлъ занять Варшаву, повторивъ славный маневръ союзниковъ въ 1814 году, когда они рѣшились, не обращая вниманія на дѣйствія Наполеона въ ихъ тылу, двинуться къ Парижу. И странно, тамъ Дибичъ подалъ въ военномъ совѣтѣ первый голосъ двинуться къ Парижу, тогда какъ здѣсь, когда вся ответственность лежала на немъ, онъ поступилъ совершенно иначе. Это доказываетъ, что вдесятеро легче подать хорошій совѣтъ, нежели привести что либо въ исполненіе самому, и что Дибичъ могъ быть хорошимъ начальникомъ штаба и нерѣшительнымъ главнокомандующимъ. Обстоятельства были почти одинаковы: какъ союзники превосходили болѣе нежели четверо войска Мармона и Мортъе, оборонявшія Парижъ, такъ и Дибичъ превосходилъ бы слишкомъ четверо войска Уминскаго, оборонявшаго Варшаву. Уминскій съ такими незначительными силами не могъ бы ему помѣшать набросить, въ теченіе одной ночи, понтонные мосты черезъ Вислу нѣсколько выше или ниже Варшавы, совершить переправу, и Варшава была бы взята, прежде нежели Скрженецкій могъ

достигнуть до Сieroцка. Сверхъ того, Дибичъ могъ усилить себя корпусомъ Крeйца, приказавъ ему тотчасъ же двинуться съ Вепржи на Минскъ, и если бы Крeйць не успѣлъ подать ему помощи при взятіи Варшавы, то обезпечилъ бы главное его сообщеніе съ Сѣдлецомъ. Если же Дибичъ не рѣшался уже атаковать Варшаву, то что же мѣшало ему обратиться къ Сieroцку? Я сдѣлалъ когда-то эти вопросы Нейдгардту: «Да, отвѣчалъ онъ, подумавъ, можно бы, но скажу вамъ откровенно, что этотъ планъ слишкомъ смѣлъ, а намъ тогда такіе смѣлые планы не могли приходить и въ голову. Постоянныя неудачи заставляли насъ дѣйствовать съ большою осторожностію. Притомъ, кто могъ поручиться, что Уминскій и съ 10,000 не продержался бы въ Варшавѣ, противъ 40,000, дня два, три, а между тѣмъ Скрженецкій разбилъ бы гвардію, и переправясь черезъ Бугъ въ Нуръ или Вышковѣ, сталъ на прямыхъ нашихъ сообщеніяхъ, и тогда взятіе Варшавы могло быть для насъ гибельно». Второе предположеніе представляло также большія выгоды. На это Нейдгардтъ мнѣ отвѣчалъ, что надобно было имѣть большую рѣшительность, нежели какая была у Дибича, чтобы привести его въ исполненіе. Третье было самое невыгодное, и Дибичъ, руководствуясь одною излишнею осторожностію, предпринялъ соединиться прежде фланговымъ маршемъ съ гвардіей, и уже тогда составить дальнѣйшій планъ дѣйствія. Такимъ образомъ, опасеніе Скрженецкаго были напрасны, и поляки почти сдержали свое слово, что въ маѣ мѣсяцѣ русскихъ войскъ не будетъ на землѣ Царства Польскаго. И въ самомъ дѣлѣ, 9-го мая, когда гвардія и главныя силы перешли Бугъ и вступили въ предѣлы Россіи, въ Царствѣ Польскомъ оставались только корпуса Палена 2-го и Крeйца. «Толь, говорилъ Нейдгартъ, совѣтовалъ, по крайней мѣрѣ, отрѣзать Лубенскаго, переправивъ 1-й гренадерскую дивизію и кавалерію Витта ниже Нура, но Дибичъ считалъ и это движеніе слишкомъ смѣлымъ, и не согласился.»

Время наступило прекрасное; погода какъ нельзя больше благопріятствовала нашему движенію. Придя въ Соколовъ, мы еще не знали цѣли этого движенія, и только на другой день стали доходить до насъ слухи о нападеніи Скрженецкаго на гвардію, и объ ея отступленіи, сначала говорили даже, что гвардія разбита, но скоро Зальца узналъ въ главной квартирѣ все довольно опредѣлительно.

Желая въ Соколовѣ побродить по окрестностямъ, я вышелъ въ поле, подошелъ къ кладбищу, и увидя, что солдаты, вынудъ нѣкоторые кресты, собираются разрывать могилы, отогналъ ихъ и пошелъ далѣе; но, возвращаясь назадъ, увидѣлъ ихъ роющихъ тѣ же могилы и таскающихъ оттуда въ полахъ шинелей ямень и картофель.

— Видите, ваше благородіе, сказали они, мы знали, что здѣсь зарыть ячмень и картофель, всё свѣжія польскія могилки таковы.

Признаюсь, я подивился догадливости русскаго солдата.

9-го мая переходъ былъ форсированный, до 35-ти верстъ. Я выбралъ на половинѣ пути мѣсто для привала дивизіи и поѣхалъ далѣе. Всѣ другіе офицеры генеральнаго штаба не принимали уже на себя эту обязанность, потому ли, что у князя оставалась въ командѣ одна 2-я гренадерская дивизія, и я считался въ ней дивизионнымъ квартирмейстеромъ, или потому, что они предпочитали ѣздить съ Гурко и, въ качествѣ адъютантовъ, развозить его приказанія, надѣясь чрезъ это болѣе выиграть въ его глазахъ, и не ошибались. Когда я вѣхалъ въ лѣсъ передъ Граномъ, наступалъ уже вечеръ, тихій, прекрасный; густая тѣнь отъ роскошной зелени, которая въ средней полосѣ Россіи намъ незнакома, благоуханіе весеннихъ цвѣтовъ, пѣсни птицъ, небо чистое, голубое, глубокое, и все это послѣ скучныхъ однообразныхъ биваговъ, невольно располагало къ мечтательности. Я задумался, лошадь шла нога за ногу, и я только вечеромъ, при захожденіи солнца, вѣхалъ къ Гранамъ. Мѣстечко Граны построено на высокомъ, крутомъ правомъ берегу рѣки Буга, служащей здѣсь границею Литвы съ Царствомъ Польскимъ. Бугъ у Гранъ не широкъ и мелокъ; противъ мѣстечка черезъ него былъ перекинутъ понтонный мостъ; войска взибирались на гору, тянулись по мосту и толпились близъ моста; влѣво стояла кавалерія. Гдѣ, подумалъ я, сыскать Рихтера, чтобы узнать отъ него мѣсто для бивака, какъ вдругъ раздался позади меня голосъ.

— Что это вы стоите здѣсь, сударь, и ничего не дѣлаете?

Я оглянулся: это былъ Дибичъ, сидѣвшій съ Толемъ въ фэтонѣ. Я приложилъ руку къ козырьку фуражки.

— Извольте ѣхать и провести въ бродъ кавалерійскую бригаду, сказалъ Дибичъ, ту, что стоитъ влѣво, да сейчасъ, я жду васъ на другомъ берегу.

Съ этимъ словомъ фэтонъ тронулся и Дибичъ ускакалъ. Вотъ неожиданная забота, подумалъ я. Какая бригада? гдѣ бродъ? пожалуй, не зная его, еще утопишь войска; рѣка не широка, но сажень полтора не переплывешь.

— Вы будете переправляться въ бродъ, ваше превосходительство? спросилъ я у генерала, стоявшаго влѣво съ бригадою кавалеріи.

— Да, приказано; на мостъ, говорятъ, не попадемъ; да вотъ нѣтъ ни одного изъ свитскихъ офицеровъ; Богъ знаетъ, куда они дѣваются, а тутъ стой, да дожидайся; на биваки придешь—достань фуража, вычисти лошадей; бѣдные солдаты и отдохнуть не успѣютъ.

— А гдѣ бродъ?

— Вотъ кажется передъ нами, говорятъ его провѣшили, да кто теперь вечеромъ разсмотритъ эти вѣхи, долго ли затопить лошадей; казакамъ ничего! они себѣ на легкѣ, ихъ лошади привычны.

— А казаки переправились?

— Да, прошло нѣсколько сотенъ.

— Не угодно ли и вамъ за мною.

— Какъ за вами?

— Я прикомандированъ къ генеральному штабу и главнокомандующій послалъ меня сію минуту провести васъ.

— Помилуйте! да вы сами не ѣздили черезъ бродъ?

— Главнокомандующій ждетъ вашу бригаду на другомъ берегу, и если вашему превосходительству не угодно будетъ слѣдовать за мною, мнѣ остается....

— Садись! скомандовалъ генералъ, не давъ мнѣ кончить, и мы поѣхали.

Не разъ у меня замирало сердце отъ страха, когда пропадали изъ глазъ вѣхи, и когда, принявъ немного въ сторону, лошадь начинала плыть. Бродъ шелъ большими извилинами, къ другому берегу вовсе уже не было вѣхъ, и только можно было пробираться по отливамъ струй, которыя на мелкихъ мѣстахъ какъ-то болѣе серебрились при вставшемъ мѣсяцѣ. Но вотъ и берегъ, только крутой; генералъ далъ лошади шпоры, я ударилъ свою нагайкою, и мы взнеслись на крутизну; тамъ стоялъ Дибичъ и любовался на нашу переправу; и, въ самомъ дѣлѣ, картина была прекрасная! нѣкоторые кавалеристы, однакоже, обрывались, плыли по нѣсколько сажень, но снова попадали на мель и переправа совершилась благополучно.

— Спасибо! сказалъ мнѣ Дибичъ.

Я отыскалъ Рихтера, принялъ отъ него биваки за Граномъ по дорогѣ къ Нуру; цѣлую ночь сначала ждалъ жалонеровъ, потомъ дивизію, она прибыла въ Граны только на разсвѣтѣ, тогда уже, когда 1-я гренадерская дивизія и кирасиры Витта, стоявшіе впереди насъ, выступали къ Цѣхановцу. Съ Виттомъ пошли только три полка дивизіи Каблукова, четвертый же Альбертовскій остался при 1-мъ пѣхотномъ корпусѣ. Вотъ, говорили мы, настало какое время, что гренадеры и кирасиры составляютъ авангардъ.

10-го мая, послѣ пятичасоваго отдыха, войска снова двинулись къ Цѣхановцу; впереди слышались выстрѣлы изъ орудій, но вскорѣ

смогли и мы продолжали движеніе. Намъ остановили версть за 8 отъ Нура на бивакахъ, приказали варить кашу; раздались снова пушечные выстрѣлы, продолжались около часу, намъ было двинули впередъ, но пройдя съ версту, адъютантъ главнокомандующаго прискакалъ съ приказаніемъ опять возвратиться на биваки; наступилъ уже вечеръ, и дѣло подъ Нуромъ кончилось.

Дѣло подъ Нуромъ, какъ мы узнали на другой день, состояло въ томъ, что Угрюмовъ встрѣтилъ передовой отрядъ Лубенскаго въ Цѣхановцѣ и опрокинулъ его къ Нуру, гдѣ находился самъ Лубенскій, а графъ Виттъ, между тѣмъ, проведенный Бергомъ лѣсами, сталъ на пути къ Чижеву, отрѣзывая Лубенскаго отъ главныхъ силъ арміи Скрженецкаго. Лубенскій началъ отступать, — Бергъ выѣхалъ ему на встрѣчу парламентаромъ, и потребовалъ, чтобы Лубенскій сдался; но Лубенскій, зная, что отрядъ Витта уступаетъ ему числомъ, отвѣчалъ Бергу, что онъ проложитъ себѣ дорогу оружіемъ. Бергъ приказалъ батареи открыть огонь, и Лубенскій, тѣснимый съ тыла Угрюмовымъ, не смотря на превосходство силъ, могъ бы быть совершенно разбитымъ, если бы наступившая ночь не спасла его. Онъ разсыпался по лѣсу и съ незначительными потерями людей и одного орудія, вышелъ по утру къ Чижеву и вошелъ въ связь съ Скрженецкимъ, который по извѣстіямъ, дошедшимъ уже до насъ 11-го числа по утру, узнавъ о переправѣ Дибича черезъ Бугъ, началъ отступать. Бистромъ съ легкою кавалеріею Ностица и частію пѣхоты переброшенъ былъ Великимъ Княземъ на лѣвый берегъ Нарева.

Казалось бы, Дибичъ еще могъ извлечь и теперь большую пользу изъ своего движенія; опасеніе за гвардію миновалась, и ничто уже теперь не препятствовало направиться въ тылъ Скрженецкому, чтобы отрѣзать ему отступление; но по излишней своей осторожности, Дибичъ опять не воспользовался этимъ случаемъ и главнымъ силамъ, для того, чтобы войти въ скорѣйшую связь съ гвардіей, дано направленіе на Высоко-Мавоцецкое. Застать тамъ Скрженецкаго надѣяться было нельзя; ему не было цѣли выжидать нападенія, тѣмъ болѣе, что Дибичъ подобнымъ движеніемъ главныхъ своихъ силъ открывалъ ему свободный путь къ Варшавѣ, чѣмъ Скрженецкому, конечно, надобно было воспользоваться. И странно, когда всѣ обстоятельства требовали отъ Дибича переходовъ по крайней мѣрѣ форсированныхъ, переходъ нашъ 11-го мая былъ очень небольшой, только до Клукова, и на половинѣ перехода войска имѣли привалъ. Здѣсь предполагено было сформировать особый авангардъ изъ Екатеринославскаго гренадерскаго, 3-го карабинернаго и Лубенскаго гусарскаго полковъ съ 8-ю орудіями,

Мекленбургскій же полкъ съ самаго нашего выступленія изъ-подъ Сѣд-
леца назначенъ былъ прикрывать резервную артилерію. Начальство
надъ авангардомъ поручено было Гурко.

— Ну, почтеннѣйшій, хотите быть моимъ авангарднымъ квартир-
мейстеромъ, сказалъ онъ мнѣ; полки вашей дивизіи, вы имѣете на это
право болѣе всѣхъ, и я знаю, что будете болѣе мнѣ полезны.

— Съ радостію, отвѣчалъ я.

— Прикажете же этимъ полкамъ скорѣе обѣдать, выводите ихъ
на дорогу, а я сейчасъ съѣзжу въ главную квартиру, чтобы получить
еще нѣкоторыя приказанія.

Гурко казался чрезвычайно довольнымъ и веселымъ. И въ самомъ
дѣлѣ, порученіе командовать авангардомъ въ такое важное время не
могло не льстить его самолюбію. Но черезъ часъ, когда мы уже стояли
въ ожиданіи его на дорогѣ, Гурко возвратился пасмурнымъ.

— Прикажете двинуться, ваше превосходительство? спросилъ я.

— Нѣтъ, почтеннѣйшій, все перемѣнилось; пріѣхалъ въ главную
квартиру генераль-адъютантъ Бергъ; онъ не имѣтъ никакой команды, и
болѣе моего имѣетъ право принять начальство надъ авангардомъ; онъ
поручается ему, а не мнѣ. Ему даны офицеры генеральнаго штаба
изъ главной квартиры, и онъ взялъ состоящаго при 1-й гренадерской
Дивизіи поручика Кауфмана, котораго видѣлъ въ дѣлѣ подъ Нуромъ,
а потому оставайтесь съ нами, наши надежды не сбылись.

Черезъ полчаса пріѣхалъ Бергъ, авангардъ двинулся, а я часа че-
резъ два поѣхалъ къ Клукову, чтобы занять биваки для 1-й гренадер-
ской и для трехъ полковъ 2-й гренадерской дивизіи.

4-го карабинернаго полка поручикъ Кауфманъ, при самомъ началѣ
перехода нашего черезъ границу, просилъ Зальца прикомандировать его къ
генеральному штабу; Зальца отказалъ, и онъ, послѣ дѣла подъ Ендрее-
вымъ 5-го февраля, поступилъ къ Фрейгангу за адъютанта; послѣ сра-
женія подъ Гроховымъ, онъ опять сталъ просить Зальца о его прикоман-
дированіи, Зальца доложилъ Зедделеру, который и приказалъ Кауфману
частнымъ образомъ состоять при 1-й гренадерской дивизіи, вмѣсто
Брадке, назначеннаго адъютантомъ къ князю Шаховскому. Нейдгартъ,
замѣтивъ разъ, что Кауфманъ разставляетъ войска, спросилъ у него
фамилію, сдѣлалъ выговоръ Зедделеру, что онъ прикомандировываетъ
офицеровъ, безъ его разрѣшенія; но тѣмъ не менѣе Кауфмана не от-
правляли въ полкъ. Подъ Нуромъ онъ понравился Бергу своею рас-
торопностію. Бергъ взялъ его въ авангардъ и за Остроленковское сраженіе
перевелъ въ генеральный штабъ.

Гренадеры расположились въ Клуковѣ, за валомъ обширнаго пан-

скаго сада; садъ былъ прекрасный и роскошный. Окончивъ всѣ распоряженія по дивизіи, я пошелъ спать въ садъ. Теплая майская ночь, чистый свѣжій воздухъ и усталость навели на меня сладкій и крѣпкій сонъ, и я бы проспалъ, можетъ быть, очень долго, если бы голосъ Полуэктова не разбудилъ меня.

— Ну, что ты спишь здѣсь подъ соловьями, едва отыскалъ тебя, какъ не стыдно, а дивизія не знаетъ куда идти, проводники разбѣжались; мы уже опоздали цѣлый часъ.

Я вскочилъ, протеръ заспанные глаза, сѣлъ верхомъ, и черезъ двѣ минуты дивизія тронулась. Пока войска тянулись черезъ деревню, я поймалъ одного крестьянина и расспросилъ у него о дорогѣ.

— Не опоздали ли мы? спросилъ князь, выѣзжая со штабомъ передъ дивизіею. Мы заспались.

— Я давно твержу, что опоздали, замѣтилъ Полуэктовъ.

— Да ничего, прибавилъ князь! только что вытянулся 1-й корпусъ, иначе намъ пришлось бы ждать.

12-го мая около полдня мы были уже въ Высоко-Мазовецкомъ. Бергъ выдвинуть впередъ по направленію къ Шумову, гвардія въ это же время, начавъ наступленіе, прибыла на одну высоту съ главными силами, а именно въ Менженинъ; авангардъ Бистрома выдвинуть далѣе по дорогѣ къ Снядову. Скрженецкій по всѣмъ извѣстіямъ сосредоточилъ уже свои силы между Снядовымъ, Шумовымъ и Пыски, и намѣревался отступить къ Остроленкѣ; дивизія Гелгуда находилась въ Ломжѣ. Дибичъ, не опасаясь теперь за гвардію и войдя съ нею въ полную связь, имѣлъ у себя подъ рукою до 65,000 войска и, пользуясь превосходствомъ силъ, рѣшился настичь Скрженецкаго, принудить къ бою и нанести ему поражение. Для этого, на слѣдующій день, 13-го мая, войска должны были начать движенія форсированныя. Гвардейскій корпусъ, предшествуемый авангардомъ Бистрома, имѣлъ назначеніе составить правую колонну и слѣдовать на Снядовъ. 1-й пѣхотный корпусъ, 3-я гренадерская дивизія и полкъ принца Альберта, предшествуемые авангардомъ Берга, образовать колонну среднюю и направляться на Яблонку, Шумово и Пыски, а 2-й и 1-й гренадерскимъ дивизіямъ, четыремъ полкамъ Куруты и кавалеріи Витта составить лѣвую колонну и идти на Дрогомево и также потомъ на Шумово и Пыски. Дни стояли жаркіе, войскамъ приказано выступать съ ранняго утра. Гренадеры вытянулись на дорогу и готовы были уже начать движеніе, какъ вдругъ преградилъ имъ дорогу выступавшій слѣва 1-й корпусъ, который стоялъ на бивакахъ подъ Высоко-Мазовецкомъ. Гренадеры должны были остановиться и выждать часа два стоя подъ ружьемъ.....

1-й корпус прошелъ и мы двинулись. Я по обыкновенію поѣхалъ впередъ для занятія бивака или позиціи, что случится. Хлопотъ во время всего этого движенія къ Остроленкѣ было у меня много. Вставая по утру до свѣту, я долженъ былъ отыскать надежныхъ проводниковъ, сдать ихъ въ 4-й Карабинерный полкъ, слѣдующій въ головѣ двухъ дивизій, потомъ отправиться впередъ, для выбора позиціи на привалѣ, осмотрѣть, выбрать ее, дожидаться жалонеровъ, разставить ихъ, встрѣтить корпусъ, развести войска по мѣстамъ, и тогда, когда всѣ становились на отдыхъ, мнѣ снова надобно было отправляться впередъ для выбора бивака на ночлегъ, и рѣдко, очень рѣдко удавалось отдохнуть около часа и что нибудь перекусить. Къ счастью, человекъ мой Филатъ велъ во все это время себя исправно, я находилъ у него всегда и готовый супъ, и жареныхъ щиплять, иначе пришлось бы питаться однимъ молокомъ, которое я иногда доставалъ, проѣзжая черезъ деревни. Поѣхавъ съ привала и выбравъ мѣсто для ночлега, я долженъ былъ сдѣлать кроки расположенія войскъ для Рихтера, чтобы онъ могъ составить изъ этого планъ общаго расположенія арміи для генераль-квартирмейстера, и кроки для князя; потомъ опять ожидать жалонеровъ, войска, и когда всѣ располагались на ночлегъ, меня требовали къ Гурко, и такъ какъ Зальца уже тотчасъ ложился и засыпалъ, то Гурко дѣлалъ со мною вслѣдствіе новой диспозиціи распоряженіе по дивизіямъ; я бралъ диспозицію для 2-й гренадерской дивизіи, шелъ къ Полуэктову и составлялъ уже, какъ дивизионный квартирмейстеръ этой дивизіи, диспозицію для бригады; словомъ, работа моя оканчивалась не прежде двухъ часовъ по-полуночи, а съ разсвѣтомъ опять то же. Трудно себѣ объяснить, какъ я могъ это выносить, но еще труднѣе объяснить, какъ выносила моя лошадь, которой со всѣми перѣздами, осмотрами мѣстности и встрѣчею войскъ приходилось сдѣлать въ сутки, если переходъ былъ 35 верстъ, то навѣрное вдвое. Притомъ, казаковъ у меня не было съ самыхъ бивакъ подъ Съдлецомъ, доставать фуража некому, я мало имѣлъ времени, чтобы заботиться объ ея кормѣ, но она была такъ умна, что когда я слѣзалъ съ нея и пускалъ ее на волю, она или щипала траву, или подходила къ какому нибудь сараю и отыскивала въ немъ сѣно, или, наконецъ, присоединялась къ кавалеріи, гдѣ кавалерійскіе солдаты изъ жалости поили ее водою и кормили овсомъ. Но никогда, однако же, она при этомъ не упускала меня изъ вида, и если замѣчала, что кто нибудь хотѣлъ ее увести изъ моихъ глазъ, она ржала, билась копытами и давала этимъ мнѣ знать объ угрожавшей ей опасности. Когда я приближался къ ней съ намѣреніемъ сѣсть, она бросала свой кормъ, прибѣгала ко мнѣ и

останавливалась как вкопанная, голос мой знала как нельзя лучше. Когда я слѣзала и входила въ хату или въ палатку къ кому-либо изъ генераловъ, она ложилась у входа какъ собака и такъ осторожно, чтобы не смять сѣдла и чтобы стремя не попало ей подъ бокъ. Я выходила, она вставала и отряхалась. Неутомимость ея обратила вниманіе не только всей корпусной квартиры, но даже и главной квартиры. Гренадеры издали узнавали меня по лошади и ихъ лица оживлялись, потому что моя встрѣча войскъ означала скорый привалъ или ночлегъ. Князь Шаховской спрашивала у меня, чѣмъ я кормлю свою лошадь, что она можетъ столько выносить. Нейдгардъ, Толь, даже самъ Дибичъ узнавали меня издали по лошади.

— Долго гренадеры дожидались? спросилъ у меня Дибичъ, когда я подѣхала къ Шумову.

— Часа два, ваше сіятельство.

— Ваша сѣренькая лошадка хоть не красива, но добра.

— Да, ваше сіятельство, прибавилъ Толь, онъ и день и ночь на ней; я его узнаю издали.

— И я также, пробормоталъ Дибичъ.

Дибичъ надѣялся настигнуть Скрженецкаго въ Шумовѣ, но обманулся въ своемъ ожиданіи. Скрженецкаго войска съ ранняго утра оставили Шумово и продолжали отступление къ Остроленкѣ. Наши войска прибыли въ Шумово около полудня, пройдя 30 верстъ слишкомъ; жаръ становился нестерпимый; мѣсто для бивака было показано Рихтеромъ впереди Шумова близъ песчаныхъ бугровъ, тинувшихся грядою въ пустынномъ песчаномъ полѣ; вода была версты за двѣ назади. Подобныя биваки, послѣ такого продолжительнаго безостановочнаго марша, мало доставляли отдыха для войскъ. Ходьба за водою, жаръ и расположеніе на песокъ приводили ихъ въ совершенное изнуреніе. Мы думали, что останемся здѣсь на ночлегѣ, но главнокомандующій, надѣясь настигнуть Скрженецкаго, приказалъ, послѣ пяти-часоваго отдыха, войскамъ снова слѣдовать впередъ. Непріятель, по слухамъ, находился не далеко, и потому нельзя было отправиться впередъ для занятія бивака, и я остался уже при дивизіи, которой голова шла за хвостомъ 1-го корпуса. Когда мы прошли верстъ семь, подѣхала ко мнѣ Гурко.

— Поѣдемте, любезный, впередъ, сказалъ онъ, посмотримъ, что тамъ дѣлается, и выберемъ вмѣстѣ биваки или позицію, что придется, это еще неизвѣстно.

— Съ Богомъ! золотой мой, прибавилъ Полуэктовъ, поѣзжай, а мы дойдемъ, у насъ проводники есть.

Мы поѣхали; верстъ черезъ пять стала слышна ружейная перестрѣлка, наступалъ уже вечеръ, солнце сѣло; мы въѣхали на до-

вольно высокую гору за Пысками, и передъ нами открылась обширная равнина. Трудно уже было рассмотреть двигающіяся войска, но перестрѣлка въ цѣпи фланкеровъ вспыхивающими огоньками ясно обозначала черту раздѣла авангарда Берга отъ арьергарда Скрженецкаго. Наступила ночь, но перестрѣлка долго еще не умолкала. Ночь была темная, невозможно было продолжать дѣйствія. Мы съ Гурко возвратились въ Пыски, встрѣтили Рихтера, онъ показалъ намъ мѣсто для бивака, я дождался войскъ, расположилъ ихъ и пошелъ къ костелу, гдѣ былъ уже весь штабъ Полуэктова. Въ это время получена была диспозиція, я сдѣлалъ по ней распоряженіе и легъ спать. Войска въ этотъ день сдѣлали до 50 верстѣ.

Диспозиція на 14 мая заключалась въ томъ, что войска продолжаютъ наступленіе къ Остроленкѣ. Гвардейскій корпусъ, по прежнему, составляетъ правую колонну, впереди которой слѣдуетъ авангардъ Бистрома. Въ средней колоннѣ направляется авангардъ Берга, за нимъ 3-я гренадерская дивизія, потомъ 1-й корпусъ и кирасирскій принца Альберта прусскаго полкъ. Въ лѣвой колоннѣ—два полка 2-й гренадерской дивизіи, 1-я гренадерская дивизія и полки Куруты, а лѣвѣе этой колонны—кавалерія Витта. По всѣмъ свѣдѣніямъ, собраннымъ нами у плѣнныхъ и отсталыхъ, Скрженецкій намѣренъ былъ остановиться у Остроленки и принять бой. И такъ, завтрашній день, говорили мы, настаетъ, наконецъ, давно ожидаемое сраженіе. Главная же причина, почему Скрженецкій рѣшился остановиться у Остроленки, заключалась въ томъ, чтобы дать время собраться всѣмъ своимъ отрядамъ и въ особенности присоединить Гелгуда, который движеніемъ гвардейскаго корпуса былъ уже отчасти отрѣзанъ, и долженъ былъ изъ Ломжи слѣдовать большимъ обходомъ по правому берегу Нарева; но Гелгудъ медлилъ, въ твердой надеждѣ преградить путь войскамъ гвардіи черезъ Ломжу.

До Остроленки оставалось намъ еще около 20 верстѣ, и потому войска выступили съ разсвѣтомъ.

— Гдѣ вы вчера были? спросилъ меня строго Полуэктовъ; какъ вы смѣли оставлять дивизію, которая не знала куда идти.

Я напомнилъ, что имѣлъ на это его позволеніе.

— Никогда я вамъ не позволялъ, и впередъ, если вы осмѣлитесь отлучиться отъ дивизіи, я васъ арестую.

Я смотрѣлъ на Гурко, думая, что онъ меня оправдаетъ отъ этого несправедливаго обвиненія, но онъ молчалъ и улыбался.

— Борисъ Владиміровичъ! прервалъ князь, какъ вамъ не стыдно, онъ у васъ всёхъ больше дѣлаетъ, а вы его же и распекаете.

— Если, ваше сіятельство, возразилъ серьезно Полуэктовъ, онъ

назначень состоять при мнѣ, такъ пусть же и исполняетъ одни мои приказанія, иначе онъ мнѣ не нуженъ.

— Бѣдный Неезовъ! сказалъ князь, махнувъ съ досадою рукою и отъѣхалъ прочь.

— Если вы на шагъ отъѣдете отъ дивизіи, сказалъ опять серьезно Полуэктовъ, обратясь снова ко мнѣ, я васъ арестую.

Послѣ словъ князя, я возражать уже не могъ.

— Что, распекли! сказалъ черезъ минуту улыбаясь Гурко. Каковъ, Борисъ Владиміровичъ!

— Да, ваше превосходительство, отвѣчалъ я холодно, только не знаю за что.

— Э! почтеннѣйшій, зачѣмъ искать причины, онъ не выспался.

— Мнѣ не легче.

— Нечего дѣлать; терпи казакъ, атаманъ будешь.

— Нѣтъ, съ вами кажется до атамановъ не дослужишься, а все будешь простымъ казакомъ.

Гурко притворился, что не разслышалъ моихъ словъ и заговорилъ съ Золотухинымъ.

День наступилъ знойный, тянулись мы довольно медленно; верстъ черезъ 10, князь сдѣлалъ небольшой привалъ, чтобы дать войскамъ стянуться, и выступилъ опять не прежде, какъ въ авангардѣ у Берга начали раздаваться пушечные выстрѣлы, которые часъ отъ часу становились сильнѣе. Шаховской и Курута шли съ самаго привала пѣшкомъ; два старика заговорились о прошломъ времени и не замѣчали, что они задерживаютъ собою гренадеръ, которые должны были укорачивать шагъ. Напоминать имъ никто не рѣшался. Мы боялись, однако же, опоздать въ дѣло и досадовали на словоохотливыхъ стариковъ, которые для прошлаго забываютъ о настоящемъ.

Мы полагали, что маневръ главнокомандующаго подъ Остроленкой будетъ состоять въ томъ, что графъ Виттъ переправится черезъ Наревъ гдѣ нибудь ниже Остроленки и станетъ на прямомъ пути отступленія Скрженецкаго къ Варшавѣ, тогда какъ главнокомандующій ударитъ съ главными силами на Остроленку съ фронта, разобьетъ армію Скрженецкаго, опрокинетъ ея къ Нареву, перейдетъ вслѣдъ за нею черезъ Наревъ и принудитъ ея остатки отступить въ противоположную сторону отъ Варшавы по направленію къ Плоцку. Шоссе за остроленскимъ мостомъ 200 или 300 сажень поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ на югъ, и тянется вдоль самаго праваго берега Нарева; слѣдовательно, этотъ маневръ въ нашихъ глазахъ былъ очень возможенъ. Кажется, князь и Курута имѣли ту же мысль, потому что они тщательно разспрашивали о всѣхъ дорожкахъ,

отходящихъ влѣво къ Нареву, и ожидали ежеминутнаго приказанія, что гренадеръ и гвардейскій отрядъ переправятъ также ниже Остроленки, чтобы поддержать Витта, и узнавали отъ жителей не двинулись ли влѣво повтоны. Но главнокомандующій не прибѣгнулъ ни къ какому маневру, а предпочелъ дѣйствовать атакою фронтальною. Канонада подъ Остроленкой усиливалась, Гурко уѣхалъ впередъ. Полуэктовъ черезъ нѣсколько времени предложилъ ѣхать и мнѣ, какъ будто бы желая этимъ показать свое раскаяніе въ неумѣстной и пустой выходкѣ.

Проѣзжая по лѣсу, находящемуся передъ Остроленкою, я увидѣлъ снова знакомое. Кое-гдѣ валялись тѣла убитыхъ и изрѣдка тащились раненые. Въ числѣ убитыхъ я замѣтилъ лежащаго подъ деревомъ генеральнаго штаба поручика Дурново и отъ души пожалѣлъ его, хотя и не былъ съ нимъ знакомъ. Онъ былъ въ авангардѣ у Берга; Бергъ за что-то на него разсердился, осыпалъ его выговорами; Дурново разгорячился и отвѣчалъ ему дерзостью. Бергъ арестовалъ его, донесъ Толку и приказалъ ему въ продолженіе трехъ переходовъ идти за полковымъ ящикомъ. Это наказаніе такъ сильно потрясло Дурново что выпущенный изъ подъ ареста, онъ бросился въ цѣпь стрѣлковъ, искалъ смерти и, къ счастью, былъ убитъ на повалъ пулею.

Когда я выѣхалъ изъ лѣсу, съ одной стороны Бистромъ съ легкою кавалеріею Ностица, съ другой Бергъ, поддержанный гренадерами Набокова отгѣснили уже непріятеля къ Остроленкѣ. Посреди песчаныхъ полей, верстахъ въ 4-хъ отъ лѣсу высились верхи костеловъ и домовъ. Пламень уже обнялъ нѣкоторыя зданія въ городѣ и дымъ клубился черными тучами, сливаясь съ синеватымъ дымомъ пороха. Вправо тянулись изъ лѣсу войска, впереди гремѣла сильная канонада, перестрѣлка походила на какой-то перекатный гулъ, заглушаемый громомъ орудій. По всему было замѣтно, что войска штурмовали уже Остроленку, но ряды песчаныхъ бугровъ закрывали сражающихся. Я началъ приближаться къ городу и все та же картина представлялась моимъ глазамъ, но только въ болѣе яркихъ краскахъ. Наконецъ, я въѣхалъ на песчаный высокій бугоръ и все открылось предо мною какъ въ панорамахъ. Остроленка, построенная на возвышенномъ лѣвомъ берегу Нарева, лежала какъ будто бы подъ моими ногами. Нарева, широкою синею лентою, тянулся мимо города, извиваясь вправо и влѣво по долинѣ. Городъ былъ небольшою, но бѣлыя каменные зданія, довольно высокія, съ красными черепичными крышами, придавали ему много живописности. Однѣ только сѣроватыя башни Бернардинскаго монастыря возвышались какъ-то мрачнѣе, угрюмѣе; передъ городомъ разстилалась обширная зеленая равнина, которую пере-

рѣзывала параллельно Нареву желтая полоса шоссе; даѣе за равниною видны были нескончаемые лѣса. Солнце свѣтило ярко, но лучи его сливались съ свѣтомъ пламени и помрачаемые тучами дыма набрасывали на всѣ окружающіе предметы багрово-фіолетовый цвѣтъ. Вся равнина за Наревомъ была покрыта польскими войсками, которыя стройно передвигались съ мѣста на мѣсто. Штыки и сабли серебрились, орудія горѣли жаромъ и все переливалось въ какіе-то радужные цвѣта. Артилерія, выставленная впереди, дѣйствовала по Остроленкѣ и задергивала порою дымчатымъ занавѣсомъ польскую армію. Въ Остроленкѣ кипѣлъ ружейный огонь, раздавалось громкое «ура»! на минуту огонь умолкалъ и становился опять сильнѣе и сильнѣе; по улицамъ двигались наступающія и отступающія колонны, жители наполняли воздухъ криками отчаянія. Карabinieri 3-й гренадерской дивизіи штурмовали Бернардинскій монастырь, который служилъ какъ бы редюитомъ войскамъ, обороняющимъ городъ, а назади, вдали, по всѣмъ направленіямъ тянулись русскія войска: справа показывалась гвардія, прямо пѣхота Палена, слѣва гренадеры и еще лѣвѣе кавалерія графа Витта. Было уже около 11-ти часовъ утра; непріятель, не смотря на упорное сопротивленіе, не успѣвъ отстоять Бернардинскаго монастыря, перевелъ остатки своихъ войскъ на правый берегъ и менѣе нежели въ четверть часа подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, настилка моста была уже разобрана и однѣ перекладины на сваяхъ высились надъ Наревомъ сажени на двѣ съ половиною надъ поверхностью воды. Но вдругъ раздался барабанный бой, закричалъ «ура»! ружейный огонь какъ будто бы смолкъ, и Суворовскій и Астраханскій полки, подведенные къ мосту, бросились по его перекладинамъ. Напрасно загремѣла по мосту большая часть непріятельской артилеріи, обстрѣливая его перекрестными выстрѣлами, напрасно обсыпали гренадеръ картечью — они не считали своихъ потерь, и черезъ нѣсколько минутъ, съ храбрымъ своимъ генераль-маіоромъ Мартыновымъ, были уже на другомъ берегу, штыками опрокинули встрѣтившія ихъ непріятельскія колонны, стали твердою ногою, прикрыли мостъ и, отражая всѣ атаки Скрженецкаго, образовали собою самый надежный живой тетъ-де-понъ. Саперы немедленно принялись за работу; черезъ полчаса мостъ былъ исправленъ, доски настланы и на помощь суворовцамъ и астраханцамъ двинулась вся 3-я гренадерская дивизіи. Остроленка была занята окончательно. Войска Набокова расположились за шоссе, образовавшемъ собою высокій брустверь. Непріятельская артилерія гремѣла, ружейный огонь кипѣлъ неумолкаемо. Гренадерамъ не позволяли наступать, чтобы, при неудачѣ, не быть опрокинутыми къ Нареву, и потому они должны были ограничиться оборонительными

дѣйствіями, скрываясь за шоссе, и одно это шоссе отдѣляло гренадеръ отъ непріятеля, и не одни стрѣлки были по сторонамъ его, но цѣлыя массы колоннъ, у которыхъ задніе ваводы лежали, выжидая удобнаго момента для атаки, а передніе стрѣляли. Огонь на такомъ близкомъ разстояніи былъ самый ужасный; убитые и раненые валялись горами. Трудно было удерживать храбрыхъ гренадеръ въ оборонительномъ положеніи; они порывались нѣсколько разъ вскочить на шоссе, ударить холоднымъ оружіемъ и опрокинуть непріятеля, но дѣлаемая въ этомъ родѣ попытки, гдѣ противъ нихъ устремлялись огромныя массы польской пѣхоты и кавалеріи, заставляли генераль-маіора Мартынова снова отступать за шоссе, чтобы имѣть возможность снова за нимъ удерживаться и не быть опрокинутымъ, и только одни строгія приказанія могли остановить гренадеръ отъ новыхъ покушеній. Порою прекращался даже самый огонь, и вмѣсто стрѣльбы, противники начинали метать другъ въ друга камни, лежащіе въ кучахъ на шоссе, какъ будто бы отъ того, что съ той и съ другой стороны утомлялись безпрестаннымъ заряжаніемъ ружей. Набоковъ ѣздилъ хладнокровно взадъ и впередъ и одушевлялъ гренадеръ; Бергъ скакалъ съ фланга на флангъ, чтобы во-время успѣвать подгрѣплять ослабѣвающихъ и, казалось, спорилъ съ Мартыновымъ распорядительностью и лично храбростію. Около двухъ часовъ гренадеры держались въ такомъ положеніи противъ всей арміи Серженецкаго и никакія усилія его 40,000 не могли ихъ выбить изъ-за шоссе и опрокинуть къ Нареву 7,000 человекъ. Екатеринбургскій и 3-й карабинерный полки, открывшіе первые дѣло, прогнавшіе непріятеля изъ дѣса и участвовавшіе въ занятіи Остроленки, были до того ослаблены убитыми, ранеными и отсталыми, что имѣли въ строю человекъ по триста не болѣе; Бергъ, полагая, что они уже сдѣлали свое дѣло, не повелъ ихъ черезъ мостъ, а оставилъ въ Остроленкѣ, предоставляя дѣйствія на другомъ берегу дивизіи Набокова. Но скоро показались влѣво отъ бугровъ Дибичъ и Толь верхамя, въ сопровожденіи всей главной квартиры. Дибичъ остановился влѣво отъ Остроленки на бугрѣ, а Толь и Нейдгартъ поѣхали въ Остроленку, куда уже вступала дивизія Мандерштерна изъ корпуса Палеа; гвардія, гренадеры и кавалерія Витта, между тѣмъ, приближались.

— Что это вы здѣсь стоите? сказалъ Толь, увидѣвъ Екатеринбургскій и 3-й карабинерный полки; прямо черезъ мостъ, маршъ!

— У насъ осталось отъ полковъ не болѣе, какъ по горсти людей, замѣтилъ ему Рейценштейнъ.

— Какъ вы смѣете возражать мнѣ, закричалъ Толь, я васъ разстрѣляю; впередъ!

Полки потянулись за мостъ, и первая пуля положила на мѣстѣ Рейценштейна.

Это было первое подкрѣпленіе, посланное гренадерамъ Набокова; но вслѣдъ затѣмъ двинута за мостъ и дивизія Мандерштерна. Съ нею перешелъ за мостъ Палень 1-й, осмотрѣлъ, отдалъ приказаніе Набокову и возвратился въ Остроленку. Тѣснота пространства между Наревомъ и шоссе не позволяла уже устроить всѣхъ войскъ, и потому, по прибытіи дивизіи Мандерштерна, которая заняла правый флангъ, Набоковъ приказалъ гренадерамъ двинуться впередъ. Бергъ и Мартыновъ, съ крикомъ «ура!» бросились съ гренадерами на непріятеля, выбили польскія войска изъ за шоссе и снова выстроились подъ огнемъ непріятельскимъ. Влѣво и вправо отъ Остроленки на высотахъ выстроились наши батареи, чтобы обезпечивать фланги войскъ, дѣйствующихъ на правомъ берегу. Многіе упрекали послѣ, что Набоковъ, Бергъ и Мартыновъ не воспользовались этимъ удачнымъ наступленіемъ и не продолжали свое движеніе впередъ, но остались снова въ оборонительномъ положеніи подъ огнемъ непріятельской артилеріи, дѣйствующей сосредоточенными выстрѣлами, но эти упреки совершенно несправедливы; дальнѣйшее наступленіе могло бы быть для гренадеровъ гибелью. На правомъ берегу не было у насъ ни кавалеріи, которая бы обезпечила фланги при движеніи, ни артилеріи, которая бы могла сколько нибудь готовить атаки. Гренадеры не могли надѣяться опрокинуть всю армію Скрженецкаго, знали, что, не смотря на приближеніе всей русской арміи къ Остроленкѣ, Дибичъ не рѣшился бы послать большое число войскъ на правый берегъ, какъ по тѣснотѣ пространства, препятствующаго развернуть значительныя силы, такъ и потому, что, въ случаѣ неудачи, большое число войскъ могло бы скорѣе столпиться, произошелъ бы безпорядокъ, и они легче бы могли быть опрокинутыми въ Наревъ. Притомъ, наступая далѣе, они еще болѣе подошли бы подъ сосредоточенныя выстрѣлы непріятельской артилеріи и лишились бы содѣйствія своей артилеріи, стоящей на лѣвомъ берегу. Эта атака соображена какъ нельзя лучше и приведена въ исполненіе превосходно; правда, трудно было заставить гренадеровъ остановиться посреди усилій, но Набоковъ сумѣлъ. Войска остановились стройно и въ порядкѣ; однакоже, не смотря на прибытіе Мандерштерна, удерживаться противъ атакъ Скрженецкаго было уже труднѣе, шоссе оставалось въ тылу. Бой продолжался, по прежнему, жестокой, ружейный огонь не умолкалъ ни на минуту, Остроленка горѣла, непріятельскія ядра и гранаты взрывали каменья по улицамъ и разбивали крыши и стѣны. Жиды, полные необъяснимаго страха, бѣжали по улицамъ, ломали руки и стонали. Въ

это время Нейдгартъ приказалъ мнѣ ввезть въ Остроленку 4-й карабинерный полкъ и 1-ю бригаду 2-й гренадерской дивизіи, и расположить ихъ на небольшой площадкѣ, съ тѣмъ, чтобы, при первой надобности, двигаться черезъ мостъ и подкрѣплять сражающихся. Я ввелъ полки, они составили ружья. и гренадеры любовались, какъ иногда ядра зацѣпляли жидовъ, которые, боясь ходить прямо, ползали или катались кубырями по улицамъ. Полуэтовъ казался въ веселомъ расположеніи духа, шутилъ и ободрялъ себя своими шутками, или толковалъ съ двумя штабъ-офицерами, которые были въ сраженіи подъ Остроленкою въ 1807 году. Фрейгангъ безпрестанно рвался впередъ и спрашивалъ меня: «А скоро?» — «Скоро, скоро, отвѣчалъ я ему, успѣете.»

— Ведите 4-й карабинерный полкъ прямо по улицѣ къ мосту, сказалъ мнѣ опять Нейдгартъ, проѣзжая мимо, перейдите черезъ понтонный мостъ и присоедините полкъ къ Екаторинославскому и 3-му карабинерному полкамъ, которыми распоряжается вашъ начальникъ штаба.

Я было повелъ полкъ по указанію Нейдгарта прямо по улицѣ, но дома съ обѣихъ сторонъ горѣли, жаръ былъ нестерпимый, я проскакалъ впередъ, чтобы увѣриться, можно ли провести, и каждую минуту боялся задохнуться отъ дыма и быть обхваченнымъ пламенемъ; воротиться назадъ уже было поздно, я бы сгорѣлъ; поэтому я билъ лошадь нагайкою, неся что есть духу, и только выскакавъ къ мосту вздохнулъ свободнѣе. Лошадь моя дышала тяжело, и готова была упасть, но медлить было некогда, иначе полкъ, вступивъ въ эту же улицу, неминуемо сдѣлался бы жертвою пламени; пѣхота не могла бы пробѣжать съ такою быстротою, а напоръ заднихъ частей войскъ не позволилъ бы возвратиться назадъ переднимъ. Я бросился вправо и, къ счастью, успѣлъ проѣхать по переулкамъ, не объатымъ еще пламенемъ, и засталъ полкъ уже входящимъ въ горящую улицу. Фрейгангъ не подозревалъ опасности, потому что дома были каменные, пламень влохоталъ внутри самыхъ домовъ, выбрасывая вверхъ густыя черныя облака дыма; улица же казалась чистою. Фрейгангъ скомандовалъ, мы поворотили по переулкамъ, но онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы тамъ былъ такой сильный пожаръ, и ворчалъ на меня, что я заставляю войска дѣлать напрасный обходъ и терять время, и только убѣдился тогда, когда мы приблизились къ мосту, и когда онъ увидѣлъ черные клубы дыма, вылетающаго изъ улицы.

Саперы, подъ огнемъ непріятельской артилеріи, строили понтонный мостъ черезъ Наревъ, саженьяхъ въ сорока ниже стараго. По старому мосту тянулась еще пѣхота Мандерштерна, и потому мы простояли на берегу около получаса, въ ожиданіи окончанія моста.

Признаюсь, я подивился при этомъ храбрости и быстротѣ работы нашихъ саперовъ; они забывали объ опасности и работали какъ будто на ученьѣ, непріятельскія гранаты лопались надъ ихъ головами, или, ударяясь о поверхность воды, обливали ихъ брызгами, или рикошетируя по водѣ, неслись дагѣ; нерѣдко попадали и въ наведенные понтоны, разбивали ящики и заставляли саперовъ снова ихъ перемѣнять. Лишь только саперы набросили послѣднюю доску, какъ карабинеры потянулись на правый берегъ Нарева. Насъ встрѣтилъ состоящій при Гурко адъютантъ Синельниковъ, и мы пристроились къ остаткамъ Екатеринославскаго и 3-го карабинернаго полковъ, служащихъ резервомъ дивизіи Набокова. Войска Мандерштерна и Набокова были построены въ двѣ линіи въ колоннахъ, мы стали за шоссе, гдѣ все было покрыто трупами. Артилерія гремѣла по-прежнему, но ружейный огонь уже былъ слабѣе, все превратилось въ бой холоднымъ оружіемъ; польскія колонны наступали, Мандерштернъ и Набоковъ двигались имъ на встрѣчу, ударили въ штыки, опрокидывали, возвращались на свое мѣсто, прикрывались цѣпью стрѣлковъ, но не надолго: поляки снова наступали и цѣпь снова раздвигалась, чтобы дать мѣсто колоннамъ встрѣтить противниковъ и съ крикомъ «ура!» снова ихъ опрокинуть. Около четырехъ часовъ пополудни Гурко замѣтилъ, что у непріятеля формируются противъ нашего лѣваго фланга сильныя массы кавалеріи и послалъ меня привести Гродненскій гусарскій полкъ, бывшій при нашей колоннѣ во время движенія къ Остроленкѣ. Пожаръ въ Остроленкѣ уже прекращался.

— Видишь, сказалъ мнѣ флигель-адъютантъ Александровъ, показывая на свою грудь, когда я переѣхалъ мостъ.

— Что?

— Владиміра съ бантомъ, мнѣ сейчасъ навязалъ его главнокомандующій.

— Поздравляю, за что?

— За остроленское сраженіе.

Выѣхавъ за Остроленку и высматривая Гродненскій полкъ, я наѣхалъ на батарею Чаплица, которая стояла въ верстѣ отъ Остроленки.

— Возьми меня въ дѣло, сказалъ Чаплицъ, иначе все кончится и я не успѣю.

— Не смѣю, да намъ и не нужно артилеріи. Подѣзжай къ песчанымъ буграмъ, тамъ скорѣе тебя замѣтятъ и возьмутъ въ дѣло.

Чаплицъ послушался, потянулся къ буграмъ влѣво отъ Остроленки. Толь искалъ въ это время батарейной батареи, чтобы усилить устроена-

ную имъ на возвышенномъ лѣвомъ берегу большую батарею, и, не успѣвъ скоро ее отыскать, приказалъ стать на позицію Чаплицу.

Возвращаясь къ Остроленкѣ и убѣдясь, что Гродненскій гусарскій полкъ еще не прибылъ, я встрѣтился съ Нейдгартомъ и объяснилъ ему порученіе Гурко.

— Возьмите, сказалъ онъ, первый кавалерійскій полкъ, который найдете, и ведите его моимъ именемъ къ Гурко.

Первый полкъ, который мнѣ попался, были лейбъ-уланы; я объявилъ генералу Олферьеву, командовавшему полкомъ, приказаніе Нейдгарта.

. . . . .

Артиллерія, поставленная въ войско отъ Остроленки, дѣйствовала постоянно, но еще слабо; и ядра и гранаты хотя приносились отъ насъ въ войско и надъ нашими головами, но изрѣдка. Толь самъ распоряжался ея дѣйствіями, но это была съ его стороны маска, чтобы обмануть непріятеля. Было уже за 6 часовъ вечера; Скржевенцій, видя, что русскія войска, постоянно противъ него дѣйствующія, все подкрѣпляются свѣжими силами, и считая ихъ уже довольно разстроенными, выдвинулъ впередъ большія массы кавалеріи, чтобы ударить на лѣвый флангъ и нанести пораженіе гренадерамъ. Кавалерія его, предшествуемая огнемъ артиллеріи, направилась впередъ стройно, мѣрно; польская пѣхота раздвинулась, чтобы очистить ей мѣсто. Гренадеры успѣли построить каре; ружейный огонь смолкъ; гренадеры понимали опасность своего положенія, знали, что если сдѣлаютъ шагъ назадъ, то все будутъ погребены въ волнахъ Нарева, и потому рѣшились выдержать нападеніе твердо. Я былъ въ каре, построенномъ изъ остатковъ Екатеринбургскаго гренадерскаго и 3-го карабинернаго полковъ; вотъ взвилась тучею пыль, кавалерія подскочила, каре сдѣлали залпъ—и кавалерія, не успѣвъ въ своей первой атакѣ, отступила назадъ и начала готовиться къ новой. Легко удерживается первый натискъ, первая атака, но когда атаки повторяются, мужество начинаетъ оставлять и самыхъ храбрыхъ. Съ трудомъ уже выдерживали гренадеры вторую атаку, опасаясь каждую минуту быть разорванными и смятыми. Но этимъ еще не окончилось ихъ испытаніе. Собрались еще большія массы непріятельской кавалеріи, строились около 10 минутъ и все это было передъ нашими глазами. Гренадеры уже чувствовали, что не въ силахъ будутъ выдержать третью и рѣшительную атаку, твердость ихъ заколебалась. Все стихло, какъ передъ страшною гровою, артиллерія съ обѣихъ сторонъ молчить; вотъ раздалось: «маршъ! маршъ!» въ непріятельской арміи, взвилась еще болѣе густыми облаками пыль, каре сдѣлали нѣсколько прже-

двухминутный залп; еще минута, и они уже не устояли бы, все бросилось бы, можетъ быть, назадъ. Но вдругъ отъ стона орудій потряслась земля, надъ нашими головами заговорилъ какъ будто самый адъ, гремѣло, шипѣло, свистѣло, и еще минута, все опять смолкло. Наши каре стоятъ неподвижно. Непрiятельская кавалерiя исчезла за густыми облаками пыли, и только кое-гдѣ видны были отсталые всадники и представлялось поле, покрытое трупами лошадей и кавалеристовъ. Съ этой-то цѣлью устроена была Толемъ сильная батарея влѣво отъ Остроленки, и этого-то момента онъ выжидалъ, чтобы открыть дѣйствiя по непрiятелю чрезъ наши головы. Разсчитано вѣрно, глубоко вѣрно, и приведено въ исполненiе превосходно. «Это Толь, заговорили оживленные гренадеры, это его артилерiя, спасибо ему! сберегъ гренадеровъ.» Массы непрiятельской кавалерiи скрылись. Скрженецкiй, кажется, увѣрился въ невозможности опрокинуть русскiя передовыя войска и отложилъ свое намѣренiе. Гренадеры остались на прежнемъ мѣстѣ; польская пѣхота снова придвинулась, но огонь уже становился слабѣе; вечерѣло. Гурко послалъ меня привезти изъ Остроленки нѣсколько патронныхъ ящичковъ. Переѣхавъ черезъ мостъ, я увидѣлъ на берегу князя Шаховскаго, онъ наблюдалъ также за дѣйствiями и посылалъ отъ себя приказанiя.

. . . . .

Я невольно остановился отъ удивленiя, при рѣзкой противоположности характеровъ Шаховскаго и Палена. У Шаховскаго было только три его полка на другой сторонѣ, и тѣ состояли въ непосредственной командѣ у Берга, а онъ ѣздилъ и хлопоталъ; у Палена же была тамъ цѣлая дивизiя Мандерштерна, и дивизiя Набокова, находящаяся подъ его командою, потомъ пять баталiоновъ 3-й дивизiи Шкуркина и, наконецъ, часть дивизiи Лидерса, а онъ спокойно сидѣлъ за самоваромъ и пилъ чай на дворѣ высокаго дома, о крышу котораго ударялись порою непрiятельскiя гранаты; только адъютанты скакали къ нему съ другаго берега съ донесенiями и возвращались туда опять, получая короткiя, но ясныя приказанiя.

Между тѣмъ, генераль-адъютантъ Бистромъ возстановлялъ порядокъ въ Остроленкѣ, гдѣ появились мародеры. Послѣ я узналъ, что онъ считался главнымъ распорядителемъ дѣйствiя войскъ на правомъ берегу Нарева. Говорили, что Бистромъ много содѣйствовалъ при оттѣсненiи непрiятеля къ Остроленкѣ, при взятiи города; судя по слухамъ, я въ

его храбрости не сомнѣваюсь, но въ дѣйствіи войскъ на правомъ берегу, кажется, ему приписать ничего нельзя.

Отыскавъ ящики я повстрѣчался съ Печковскимъ.

— Ну, выдержалъ я денежъ, сказалъ онъ мнѣ.

— Вѣрю.

— У Шредера убитая лошадь при самомъ началѣ дѣла. Набоковъ адъютантовъ своихъ никуда не посылаетъ, и потому все лежало на мнѣ. Меня, я думаю, представлять къ Владиміру.

— Конечно, и стоитъ если такъ.

Увидѣвъ здѣсь же своего человѣка съ выюкомъ, я приказалъ ему готовить чай, и повелъ ящики къ старому мосту.

Огонь почти уже совсѣмъ умолкалъ, темнѣло, но лишь только мы вѣхали на высокій и узкій мостъ безъ перилъ, какъ вдругъ загремѣла опять сильная канонада со стороны Скрженецкаго; наша артиллерія отвѣчала тѣмъ же, гранаты взрыли поверхность Нарева; на мостъ направлены были перекрестные выстрѣлы, я ѣхалъ между ящиками, гранаты рвало надъ нашими головами и осыпало лошадей осколками; надобно было ихъ отпрягать и бросать въ Нарева, другія бѣсились; ѣздовые едва могли ихъ сдерживать; къ довершенію всего, въ эту минуту взорвало передо мною ящикъ, лошадь моя шарахнулась въ сторону; я уже былъ почти надъ пропастью и мѣрилъ глазами поверхность Нарева; далѣе уже не помню, какъ? что?—ударилъ ли я лошадь нагайкою, сама ли она бросилась стрѣлою по закраинѣ моста мимо ящиковъ, только я пришелъ въ себя уже на другомъ берегу, тогда, когда она спокойно остановилась, выжидая какъ будто моего повелѣнія, въ какую сторону ѣхать.

Эта канонада со стороны Скрженецкаго была уже заключеніемъ той дивной и кровавой драмы, которую онъ заставилъ разыграть подъ Остроленкою. Огонь постепенно становился слабѣе, слабѣе, и, наконецъ, умолкъ. Все превратилось въ общую тишину, прерываемую только стукомъ колесъ, говоромъ людей и ржаніемъ лошадей. Все поле было покрыто трупами, но ни русскіе, ни поляки не уступили ни шагу. Когда все смолкло, я поѣхалъ въ Остроленку, напился вмѣстѣ съ Петровскимъ чаю и узналъ, что мой человѣкъ отыскалъ въ одной жидовской хатѣ подъ печью нѣсколько кулей ячменя. Это было въ то время важною находкою, потому что почти ни у кого не было ни зерна фуража.

Главномандующій опасался ночнаго нападенія Скрженецкаго и поручилъ князю Шаховскому взять остальную 1-ю бригаду 2-й гренатерской дивизіи, перевезть ее за мостъ и принять начальство надъ

всѣми войсками, расположенными за Наревомъ. Я перевелъ бригаду черезъ мостъ и расположилъ ее по указанію Гурко, вправо отъ шоссе, тамъ, гдѣ оно поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ на Пултускъ. Эта бригада должна была служить резервомъ для прочихъ дѣйствовавшихъ войскъ.

Войска остались ночевать на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ дрались полдня; огней раскладывать ни съ той, ни съ другой стороны было нельзя, и потому солдаты послѣ такихъ трудовъ и послѣ дневнаго боя должны были довольствоваться одними сухарями. Ночь была темная, воздухъ тепелъ. Князь, Полуэктовъ, Гурко, корпусный и дивизионный штабы легли на травѣ около 1-й бригады. Я, полагая, что на завтра наступитъ новый бой, счелъ за лучшее хотя на ночь переменить лошадь, которая до того устала, что не повиновалась уже и нагайкѣ, и привелъ на мѣсто ея вьючную.....

Разсвѣло; я проснулся. Въ арміи Скрженецкаго все тихо. Что это значить? вскорѣ всталъ князь и весь штабъ; молчаніе. Мы поѣхали въ боевыя линіи; все поле передъ нами чисто; непріятеля нѣтъ, въ продолженіе ночи армія Скрженецкаго спокойно отступила, не нарушивъ тишины, царствующей на полѣ сраженія. Князь послалъ немедленно же донести главнокомандующему, и мы всѣ ожидали ежеминутно приказанія выступить впередъ, для преслѣдованія; но повелѣніе главнокомандующаго заключалось въ томъ, чтобы пока оставаться еще на мѣстахъ и выставить передъ собою цѣпь аванпостовъ. Чего же медлить главнокомандующій? спрашивали мы другъ у друга. Нѣтъ сомнѣнія, что непріятельская армія разбита, послѣ такого жаркаго и продолжительнаго боя, а потому быстрое преслѣдованіе могло бы привести ее въ совершенное разстройство. Желая видѣть во всемъ хорошую сторону, предполагали еще, вѣроятно, Дибичъ направилъ часть войскъ внизъ по лѣвому берегу Нарева, съ тѣмъ, чтобы они переправились въ Рожанахъ или въ Пултускъ черезъ Наревъ, и когда отрѣжутъ арміи Скрженецкаго отступленіе, тогда уже главнокомандующій двинется со всѣми силами впередъ, ударитъ на непріятеля съ фронта и довершитъ его пораженіе, но жалѣли, что этотъ маневръ не былъ приведенъ въ исполненіе 14-го мая, тогда бы Скрженецкій не могъ такъ долго удерживаться подъ Остроленкой и потерпѣлъ бы еще большее пораженіе. Но Дибичъ стоялъ на полѣ сраженія и, кажется, не думалъ о преслѣдованіи.

Съ какою же цѣлію дано это сраженіе съ той и съ другой стороны? Говорили, что Скрженецкій былъ настигнуть русскою арміею и не могъ уклониться отъ боя; но это несправедливо. Какъ скоро войска его были

уже переведены на правый берегъ Нарева и Дибичъ не занялъ путь на Пултускъ, Скрженецкій могъ продолжать свое отступленіе безопасно; говорили, что Скрженецкій дрался для того, чтобы дать время Гелгуду, находившемуся въ Ломжѣ, выиграть еще одинъ переходъ передъ русскими войсками и направиться въ Литву, для поддержанія инсургентовъ; но и это не входило въ предположеніе Скрженецкаго; напротивъ, онъ выжидалъ присоединенія Гелгуда, — вотъ была первая причина, почему онъ принялъ сраженія; вторая заключалась въ томъ, что онъ надѣялся разбить русскія войска, переводимыя на правый берегъ, по частямъ и опрокидывать ихъ въ Наревъ. Ни та, ни другая цѣль не удалась; медлительность Гелгуда дала возможность отрѣзать ему прямой путь отступленія на Остроленку и онъ долженъ былъ двигаться большимъ обходомъ по правому берегу Нарева; а упорное сопротивленіе русскихъ гренадеровъ и потомъ дивизіи Мандерштерна дѣлало всѣ усилія Скрженецкаго бесполезными. Увѣрившись въ невозможности достигнуть той и другой цѣли, казалось бы, уже не зачѣмъ было Скрженецкому продолжать упорствовать и подвергать свою армію быть разбитой и даже отрѣзанной; но Скрженецкій опасался уже въ такихъ обстоятельствахъ предпринять отступленіе и рѣшился продолжать борьбу до ночи. Войска дрались съ ожесточеніемъ; настала ночь, и Скрженецкій, по долгому колебанію и совѣщанію съ своими генералами, предположилъ уже пожертвовать Гелгудомъ, чтобы спасти только разстроенные остатки своей арміи, которые уже не могли выдержать новаго боя. Гелгуду послано повелѣніе отступить, если онъ не успѣетъ пробраться на Плоцкъ, идти въ Литву и поддержать инсургентовъ, а Скрженецкій поспѣшилъ отступить къ Модлину, чтобы въ его стѣнахъ найти себѣ защиту. «Все пропало», писали польскіе генералы въ Варшаву; «я можетъ быть приду съ одними знаменами и трубами», писалъ Скрженецкій модлинскому коменданту въ первую минуту своего отступленія. Русскіе потеряли до 4,500, поляки до 5,500; но главное разстройство польской арміи заключалось въ изнуреніи отъ предшествовавшихъ форсированныхъ маршей, въ упадкѣ духа послѣ Остроленскаго сраженія, гдѣ были напряжены всѣ усилія и гдѣ все оказалось бесполезнымъ.

Дибичъ жаждалъ боя, и имѣя на своей сторонѣ перевѣсъ въ силахъ (65,000 противъ 40,000), не сомнѣвался въ успѣхѣ. Благопріятныя обстоятельства позволили ему настичь Скрженецкаго при Остроленкѣ, его желаніе исполнялось, непріятель выбить изъ лѣсныхъ дефиле, оттѣсненъ къ Остроленкѣ, гренадеры штурмовали и заняли Остроленку, штурмовали мостъ и, поддержанные пѣхотою Палена, въ числѣ 15,000, безъ содѣйствія кавалеріи и артилеріи, держались, съ 11-ти

часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, противъ 40,000 польской арміи, имѣя у себя въ тылу Наревъ и каждую минуту опасаясь быть погребенными въ его волнахъ. Все поле было застлано трупами людей и лошадей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ убитые лежали кучами, проѣздъ по шоссе заграждался тѣлами: ручей, находящійся на лѣвомъ флангѣ русскихъ войскъ и на правомъ флангѣ поляковъ, протекалъ кровію, струи крови тянулись даже узкими лентами и по широкому Нареву, до 6,000 труповъ лежали менѣе нежели на пространствѣ двухъ квадратныхъ верстъ. Поляки дѣйствовали храбро; но русскіе изумляли своею храбростію. Всѣ частные начальники, командовавшіе русскими войсками, показали и примѣрное хладнокрвіе и распорядительность. Толь заслужилъ полную благодарность, распоряжаясь дѣйствіями артилеріи на лѣвомъ берегу; онъ наводилъ самъ почти каждое орудіе, приготавлиая ихъ для залпа, который долженъ былъ окончательно остановить нападенія Скрженецкаго, выжидалъ моментъ, какъ рассказывали, съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ, и приказалъ батарейнымъ командирамъ смотрѣть на него и командовать: пли! по его мановенію. Моментъ насталъ, Толь махнулъ платкомъ, грянула страшная батарея, гренадеры спасены и кавалерія Скрженецкаго разсѣялась; словомъ, всѣ дѣйствовали и храбро и распорядительно, главнокомандующій также, кажется, вполне проснулся отъ своего усыпленія. Но настало утро, польская армія отступила, Дибичъ впалъ въ прежнюю нерѣшимость, русскія войска оставались пять дней на мѣстѣ, и Остроленское сраженіе, стоившее столькихъ потерь, не повело за собою никакихъ послѣдствій, и въ «Варшавскомъ курьерѣ», оправившись отъ пораженія, полки уже писали, что корпусъ князя Шаховскаго и полкъ принца Алберта прусскаго совершенно уничтожены, хотя послѣдній и не былъ въ дѣлѣ. Лишь только на другой день приняты были мѣры, чтобы окружить Гелгуда и разбить, не допустивъ его до Литвы; съ цѣлью отрѣзать его отъ Плоцка; 1-й пѣхотный корпусъ выдвинуть вверхъ отъ Остроленки по правому берегу Нарева; Саенъ съ семью баталіонами, въ числѣ которыхъ находился гренадерскій графа Аракчеева полкъ и съ четырьмя эскадронами направленъ прямо на Ломжу, а Курута съ гвардейскимъ отрядомъ по дорогѣ къ Тикочину, чтобы не позволить Гелгуду поворотить къ Калушину и соединиться съ Уминскимъ.

Въ арміи движеніе всѣхъ этихъ войскъ противъ одного Гелгуда называли травлею едва живаго зайца нѣсколькими стаями собакъ; но Гелгудъ достигъ Литвы, не потерѣвъ пораженія. Взятіемъ въ плѣнъ отряда Гелгуда, Дибичъ, казалось, хотѣлъ придать особую важность Остроленскому сраженію, но, къ несчастію, и этого не случилось. Войска

были утомлены форсированными маршами, но тѣмъ не менѣе роптали, что мы остаемся на мѣстѣ и не преслѣдуемъ. Общій голосъ въ арміи былъ тотъ, что надобно преслѣдовать, но Дибичъ не слушалъ этого общаго голоса и доказалъ снова, что онъ умѣетъ побѣждать, но не умѣетъ пользоваться побѣдою.

Съ наступленіемъ дня приказано зарывать трупы и подбирать раненыхъ. Около полудня проѣхали мимо насъ по шоссе верхами Дибичъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, Толь, Нейдгартъ и другіе генералы и адъютанты, осматривая поле битвы. Вниманіе Великаго Князя остановилось на одномъ раненомъ, у котораго оторвана была ядромъ вся задняя часть головы. Онъ лежалъ запрокинувшись на песокъ и, вѣроятно, у него былъ оторванъ одинъ только черепъ, и песокъ, налипнувъ слоями, замѣнилъ его; но поднять его было нельзя, онъ умеръ бы въ минуту, и что всего удивительнѣе жизнь сохранилась въ немъ около двухъ сутокъ.

Послѣ обѣда мы хотѣли съ подпоручикомъ княземъ Шаховскимъ выкупаться въ Наревѣ около моста, но я тотчасъ же выскочилъ изъ воды, наступивъ на тѣло утопленника.

Проведена ночь еще на тѣхъ же бивакахъ, и только передъ вечеромъ прошелъ мимо насъ впередъ одинъ казачій полкъ.

16-го мая по утру Нейдгартъ прислалъ ко мнѣ казака съ запискою, чтобы я сейчасъ къ нему явился. Мы обрадовались, предполагая, что, вѣроятно, насъ двинуть тотчасъ же впередъ. Нейдгарта я нашелъ во второмъ этажѣ большаго каменнаго дома, стоящаго на площади, въ довольно обширной комнатѣ, въ которой была бѣдная и изломанная мебель, а стекла въ окнахъ перебиты.

— Въ два часа, любезный Нееловъ, началъ Нейдгартъ, вы поведете свою дивизію впередъ.

— Слава Богу! прервалъ я съ живостію.

— Чему вы радуетесь? сказалъ онъ сухо. Пойдете впередъ, станете при дер. Нашевой, за 8 верстъ отсюда; тамъ, судя по картѣ, должна быть хорошая оборонительная позиція, расположите вашу дивизію сообразно съ мѣстностію и ночью выставите аванпосты.

— Да кто же будетъ атаковать насъ? замѣтилъ я съ удивленіемъ.

— Не ваше дѣло; а я завтра или послѣ завтра приѣду къ вамъ и посмотрю такъ ли вы расположили войска.

— Какъ! мы будемъ стоять на этой позиціи до послѣ завтра.

— Не^{тъ} только до послѣ завтра, а можетъ быть и недѣлю.

— А когда же преслѣдовать.

— Не ваше дѣло! я вамъ повторяю, прервалъ Нейдгартъ. Исполняйте только то, что вамъ приказываютъ и не позволяйте себѣ судить и разбирать дѣйствія главнокомандующаго.

Я вышелъ, мнѣ было необыкновенно досадно. Для чего мы будемъ стоять, почему не преслѣдуемъ? я не могъ рѣшительно себѣ объяснить этого.

Въ 1837 году, объѣзжая съ Нейдгартомъ войска, когда онъ командовалъ 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, мы разговорились съ нимъ въ Боровскѣ объ Остроленскомъ сраженіи.

— Скажите, спросилъ я его, я и теперь не понимаю Остроленскаго сраженія. Почему не была послана часть пѣхоты и кавалеріи переправиться черезъ Наревъ ниже Остроленки, чтобы отрѣзать Скрженецкому прямой путь отступленія на Варшаву, чрезъ это армія его была бы или уничтожена, или отброшена по направленію къ Плоцку.

— Это предложилъ и графъ Толь главнокомандующему, отвѣчалъ Нейдгартъ, и онъ принялъ его предложеніе, сдѣланы были всѣ распоряженія, отправлены туда понтоны и графъ Виттъ съ этою цѣлію двинуть по самому лѣвому берегу Нарева, но послѣ главнокомандующій, опасаясь, чтобы Скрженецкій, узнавъ объ этомъ, не успѣшилъ отступить отъ Остроленки, и чрезъ это не лишилъ бы его возможности дать сраженіе, въ успѣхъ котораго онъ не сомнѣвался, перемѣнилъ свое намѣреніе и, не слушая убѣжденій Толя, послалъ приказаніе Витту, не переходя за Наревъ поворотить также къ Остроленкѣ.

— Но я не понимаю, отъ чего васъ разсердилъ, если припомните, мой вопросъ, почему мы не преслѣдуемъ? Я и теперь убѣжденъ, что преслѣдованіе было необходимо, мы могли бы въ конецъ уничтожить разстроенную армію Скрженецкаго.

— Помню, отъ того меня и раздосадовалъ вашъ вопросъ, что только наканунѣ передъ тѣмъ, я и князь Горчаковъ убѣждали главнокомандующаго преслѣдовать, истопили всѣ убѣжденія, и онъ никакъ не соглашался, потому что обозы наши отстали во время усиленныхъ маршей и войска нуждались въ продовольствіи.

— Но развѣ нельзя было продовольствовать войска реквизиціей, мы къ этому способу прибѣгали уже не разъ и прежде.

— Трудно, но возможно; конечно, лучше бы было остановиться въ Пултускѣ и тамъ выжидать обозовъ, но воля главнокомандующаго....

— Почему же Толь не убѣдилъ его?

— Толь самолюбивъ, одно его предложеніе отрѣзать Скрженецкому

отступление было не исполнено, и онъ другого уже не хотѣлъ дѣлать. Дибичъ былъ добръ, крайне добръ, хорошо понималъ военное дѣло, но слишкомъ былъ довѣрчивъ къ А—у, который нерѣдко употреблялъ во зло эту довѣренность. Дибичъ боялся, чтобы армія не оставалась безъ продовольствія и А—въ, понимая слабую струну его, умѣлъ играть на ней и извлекать изъ общихъ потерь свою частную пользу. Не разъ онъ останавливалъ самыя лучшія и блестящія предположенія Дибича....

— Но развѣ главнокомандующій не зналъ, что войска постоянно нуждались въ продовольствіи.

— Зналъ, и не вѣрилъ; а если порою и вѣрилъ, то думалъ, что это иначе быть не могло. Дибичъ имѣлъ всѣ дарованія хорошаго полководца, умъ свѣтлый, быстрый, предприимчивый, но недостатокъ его состоялъ въ горячности и нетерпѣливости. Онъ вполне понималъ и стратегію и тактику, но провіантская часть была ему недоступна, потому что по нетерпѣливости характера, онъ не въ состояніи былъ слѣдить за всѣми дѣйствіями провіантскаго вѣдомства. Онъ выходилъ изъ себя, что не могъ повѣрить всѣхъ провіантскихъ расчетовъ; звалъ даже нѣсколько разъ къ себѣ интенданта, распекалъ его, требовалъ яснаго отчета, но ясные отчеты были таковы, что отнимали всякую возможность повѣрки. Главнокомандующій опускалъ руки и отказывался чтонибудь распутать....

Въ другой какъ-то разъ Нейдгартъ говорилъ, что главная причина, почему Дибичъ тотчасъ же не преслѣдовалъ, заключалась въ томъ, что во время форсированныхъ маршей всѣ обозы арміи остались назади и не могли присоединиться къ войскамъ ранѣе трехъ сутокъ; войска же шли на легкѣ.

— Всѣ обозы арміи, замѣтилъ я ему, были вмѣстѣ съ нами 12-го мая въ Высоко-мазовецкомъ, отъ котораго до Остроленки 70 верстъ, слѣдовательно, они могли бы легко поспѣть въ Остроленку, если не 14-го вечеромъ, то 15-го по утру.

— Правда, но обозы оставались въ Высоко-мазовецкомъ, пока 15-го мая не послано было имъ приказанія тронуться оттуда.

— Для чего же они были остановлены въ Высоко-мазовецкомъ когда главнокомандующій искалъ боя: онъ зналъ, что бой не поведетъ его ни къ чему, если онъ не будетъ послѣ того преслѣдовать.

— Ищите этому причины въ предшествовавшихъ неудачахъ, напугавшихъ главнокомандующаго; онъ оставилъ обозы позади для того, что если русская армія потерпитъ пораженіе, то чтобы она не потеряла при поспѣшномъ отступленіи своихъ обозовъ.

Мнѣніе это мнѣ показалось такъ страннымъ, что я уже и не возвра-

жалъ Нейдгарту. Искать боя и опасаться вмѣстѣ съ тѣмъ пораженія, желать побѣдить и отнимать у себя добровольно выгоды, которыя можно извлечь изъ побѣды—все это одно съ другимъ такъ не согласно, что трудно и понять. Вездѣ видны какія-то полумѣры, излишняя осторожность, недостатокъ рѣшительности, и противъ этого кажется нельзя оправдывать Дибича, не таковъ онъ былъ въ 1829 году, когда, перейдя Балканы и съ 20,000 стоя въ Адрианополѣ, не опасаясь, что у него на флангѣ находится 80,000 турецкая армія, онъ предписалъ миръ Константинополю . . . . .

Въ два часа мы пошли въ д. Нашево, я расположилъ войска на позиціи, выставилъ впереди одну батарею. Вечеромъ Полуэктовъ получилъ бумагу отъ генераль-адъютанта Бистрома, въ которой онъ просилъ немедленно же сдѣлать представленіе о войскахъ, участвовавшихъ въ сраженіи, прислать представленія къ нему какъ командовавшему войсками, дѣйствовавшими на правомъ берегу Нарева.

— Вотъ теперь, братецъ, сказалъ мнѣ Полуэктовъ, я и представляю тебя въ поручики, чтобы ты могъ быть переведенъ въ генеральный штабъ....

Черезъ день Нейдгартъ пріѣхалъ взглянуть на занятую мною позицію и вполнѣ остался доволенъ расположеніемъ войскъ. Екатеринбургскій гренадерскій и 3-й карабинерный полки составляли уже по одному слабому баталіону человекъ въ 400. Знаменитая 2-я гренадерская рота въ Екатеринбургскомъ полку почти совершенно была уничтожена. 4-й карабинерный полкъ соединенъ также въ одинъ баталіонъ, а Мекленбургскій находился постоянно въ резервѣ, прикрывая резервную артилерію.

18-го мая прошелъ мимо насъ графъ Виттъ съ авангардомъ, который былъ составленъ изъ нѣсколькихъ полковъ кавалеріи и пяти полковъ 1-й гренадерской дивизіи; а 19-го поутру двинулись и мы. Переходъ до Рожанъ былъ большой; мѣстность гористая и пересѣченная оврагами, и потому въ первый день мы остановились на бивакахъ въ 10 верстахъ не доходя до Рожана, и только на слѣдующій день поутру вступили въ Рожаны. Корпусъ сталъ правѣе мѣстечка на высотахъ, а корпусная квартира расположилась въ мѣстечкѣ. Слѣдуя къ Рожанамъ и проходя селенія, мы имѣли еще болѣе случай убѣдиться въ разстройствѣ польской арміи, послѣ Остроленскаго сраженія. Всѣ деревни были наполнены ранеными и отсталыми, которые сами сдавались въ плѣнъ, и говорили, что если бы русскія войска двинулись на другой же день за польскою арміею, утомленною форсированными маршами и разстроенною сраженіемъ, то большая часть войска побросала

бы оружіе безъ всякаго сопротивленія. Даже цѣлые баталіоны пѣхоты и эскадроны кавалеріи нарочно отставали и складывали оружіе, чтобы имѣть предлогъ сдаться, но дня черезъ два оправившись и отдохнувъ, и видя, что ихъ никто не преслѣдуетъ, брали снова оружіе и шли къ Модлину.

Мѣстечко Рожаны стоитъ на высококомъ крутомъ правомъ берегу Нарева и имѣетъ живописныя окрестности. Внизу вьется Наревъ, за нимъ стелются обширные луга, и далѣе, на горизонтѣ, за синеватыми лѣсами, видны разбросанныя по горамъ селенія.

Человѣкъ мой, не знаю почему, промѣнялъ вьючную лошадь и на мѣсто ея вымѣнялъ куцую, выскочку, худую, у которой вырвана была назади ядромъ часть мяса. Я приказалъ ему чтобы этой лошади не было; на нее гадко было даже смотрѣть. Онъ досталъ новую, а эту пустилъ на площадь. Она долго стояла посреди площади, потомъ вдругъ направилась къ низенькому домику съ тремя окнами, въ которомъ квартировалъ князь Шаховской, остановилась у стѣны и оперлась бокомъ на раму окна, стекла зазвенѣли и посыпались къ князю на столъ. Шаховской перепугался, выскочилъ изъ домика, вызвалъ Гурко, и они уже вмѣстѣ приказали жандармамъ оттащить ее на средину площади.

— Чья эта лошадь? да какая гадкая! ворчалъ князь.

Мы пили въ это время чай на берегу Нарева со всѣмъ корпуснымъ штабомъ, и Петровскій, придя къ намъ, разсказалъ это происшествіе, прибавя: Неелова лошади не даютъ князю покоя ни днемъ ни ночью. Но вскорѣ пришелъ Брадке, и сказалъ, что та же сцена повторилась въ другой разъ, точно также лошадь выбила другую раму у князя въ квартирѣ и онъ переходитъ уже къ Гурко, а между тѣмъ приказалъ жандармамъ застрѣлить лошадь и разыскать чья она. Мы хотели отъ души и согласились молчать; никто даже не улыбался, когда князь разсказывалъ каждому изъ насъ это происшествіе, и только сознались ему въ Варшавѣ, когда онъ и самъ былъ расположенъ надъ этимъ посмѣяться, тогда какъ въ то время онъ готовъ былъ даже рассердиться.

Простоявъ въ Рожанахъ день, мы двинулись къ Пултуску и остановились тамъ на довольно долгое время. Скрженецкій скрылся въ Модлинь и настигнуть его было уже невозможно. Графъ Виттъ занялъ Пултускъ и выслалъ развѣзды къ Сіероцку и Насіельску. Паленъ расположился при Голыминѣ, гренадеры—въ 4-хъ верстахъ ве доходя Пултуска вправо отъ шоссе близъ мызы Клешево, гвардейскій корпусъ—въ Маковѣ, резервная артилерія—въ Рожанахъ, главная квартира—на мызѣ Клешево. Здѣсь рѣшился выжидать Дибичъ окончательныхъ сношеній

съ Пруссіей на счетъ закупки хлѣба и устроенія моста на Нижней Вислѣ и желая имѣть болѣе залогоу къ успѣху въ случаѣ переправы и наступленія къ Варшавѣ по правому берегу Вислы, приказалъ: 1) Крейцу предоставить наблюденіе за Замосцемъ, охраненіе Люблинскаго воеводства корпусу Ридигера, а самому двинуться къ Сѣдлецу, на соединеніе съ Паленымъ 2-мъ. 2) Литовскому корпусу Розена, вновь переформированному, занять Сѣдлецъ и прикрывать Брестъ-Литовское шоссе; и 3) Палену 2-му и Крейцу переправиться на правый берегъ Буга, часть войскъ расположить въ Анджеевѣ, часть войскъ въ Замбровѣ и часть въ Остроленкѣ, прикрывая такимъ образомъ августовское воеводство, а три гренадерскихъ полка Муравьева направить въ Пултускъ на соединеніе съ главными силами. Это были уже послѣднія распоряженія Дибича, которыя ясно доказываютъ, что онъ все еще не отставалъ отъ своей системы раздроблять войска.

Поставивъ войска на песчаномъ полѣ, я поѣхалъ осмотрѣть мѣстность. Съ полверсты отъ праваго фланга 2-й гренадерской дивизіи была небольшая роца, я вѣхалъ въ нее по узенькой дорожкѣ, спускавшейся круто внизъ и черезъ минуту совершенно неожиданно увидѣлъ посреди роци большой чистый прудъ съ островами и на противоположномъ берегу маленькій красивый фольварокъ, боковая тераса котораго выходила на самый прудъ; я переѣхалъ плотину, вошелъ въ домикъ, фермеръ и его жена предложили мнѣ сливокъ, я позавтракалъ, написалъ на воротахъ мѣломъ крупными буквами: «штабъ 2-й гренадерской дивизіи», и полный удовольствія отъ своего открытія, поскакалъ къ Полуэктову. Онъ уже готовъ былъ расположиться на бивакахъ, приказалъ строить себѣ шалашъ, и досадовалъ, что въ такой жаръ придется жить на пескѣ.

— Это Африка, золотой мой, просто спечетъ солнце, сказалъ онъ мнѣ, когда я подъѣхалъ; вѣдь выберутъ же такіе биваки.

Я рассказалъ Полуэктову о своемъ открытіи.

— Вотъ спасибо, такъ спасибо; слѣзь же съ лошади, я тебя разцѣлую.

— Покорно благодарю; а лучше поѣдемте, пока другіе не заняли.

Весь штабъ началъ тотчасъ же собираться, радуясь, что хоть нѣсколько дней проживутъ подъ крышею; но эта радость еще болѣе увеличилась, когда увидѣли прекрасное мѣстоположеніе фольварка и когда хозяинъ отвелъ намъ двѣ обширныя чистыя комнаты, хорошо меблированныя. Полуэктовъ занялъ одну, мы другую; наша комната выходила прямо на терасу и прудъ. Полуэктовъ пригласилъ къ себѣ не-

разлучнаго спутника своего Фрейганга, но такъ какъ онъ помѣстился съ нимъ въ одной комнатѣ, то это насъ не стѣсняло.

Время приближалось къ концу мая, погода стояла прекрасная, теплая, зелень была въ полномъ блескѣ, мы прожили четыре дня такъ пріятно, какъ не удавалось еще проводить время въ кампаніи, совершенно по-сельски; катались на пруду въ лодкахъ, устраивали обѣды и чай на островахъ, ловили рыбу, долго сидѣли по вечерамъ на терасѣ и засыпали подъ пѣсни соловьевъ и малиновокъ,—и на душѣ, послѣ всѣхъ военныхъ тревогъ, было какъ-то покойно и неизъяснимо хорошо. Но черезъ четыре дня проеѣдалъ о нашемъ помѣщеніи корпусный штабъ, князь вздумалъ переѣхать на фольварокъ съ своимъ штабомъ и все измѣнилось; свою комнату мы должны были уступить князю и Гурко, корпусный штабъ занялъ чердаки, а мы переселились въ сарай; наѣхали жандармы, множество обозовъ, деньщиковъ, суета, шумъ, сельскій видъ измѣнился, и тотъ же фольварокъ сталъ уже не тотъ. Въ это время вышелъ переводъ въ генеральный штабъ Печковского и Кауфмана; меня это нѣсколько досадовало, тѣмъ болѣе, что къ этому примѣшивались нерѣдко и легкія насмѣшки со стороны адъютантовъ, которыя надобно было отражать притворнымъ равнодушіемъ.

Дня черезъ два, когда всѣ другіе покойно отдыхали, меня послали сдѣлать рекогносцировку между Голыминымъ и Насіельскомъ. Отправляясь на рекогносцировку и проѣзжая мимо бивака, я увидѣлъ на шоссе Дибича, онъ покупалъ у маркитантовъ булки и пряники, кормилъ ими гренадеръ и казался въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Куда вы ѣдете? спросилъ онъ, увидѣвъ меня.

— На рекогносцировку, ваше сіятельство.

— Покажите на картѣ, куда?

Я слѣзъ съ лошади и показалъ ему.

— Осмотрите же внимательно, да если случится узнать что либо довольно важное о непріятелѣ, донесите по пріѣздѣ прямо мнѣ. Я усердіемъ вашимъ очень доволенъ, служите всегда такъ, какъ вы начали. Прощайте!

Я поѣхалъ къ Клешеву, но на дорогѣ остановилъ меня генералъ Чеодаевъ и долго разспрашивалъ, почему мы такъ мало выиграли отъ Остроленскаго сраженія. Въ это время промчалась мимо насъ дорожная коляска, вся въ пыли; проѣзжая мимо Клешева, я увидѣлъ на дворѣ суету.

— Кто это пріѣхалъ? спросилъ я у адъютанта, стоявшаго у воротъ.

— Графъ Орловъ изъ Петербурга.

Я поѣхалъ далѣе, не придавая пріѣзду графа Орлова никакого

особеннаго значенія. Черезъ день вечеромъ я возвратился съ рекогносцировки, не узнавъ ровно ничего о неприятелѣ.

— Знаешь новость? спросилъ у меня Брадке, когда я вошелъ въ сарай.

— Какую?

— Дибичъ умеръ.

— Вотъ вздоръ! я его третьяго дня видѣлъ и говорилъ съ нимъ.

— Третьяго дня, а онъ сегодня ночью умеръ отъ холеры.

— Какія глупости!

— Вотъ человѣкъ, не вѣрить, хочешь пари?

— О чемъ.

— О фунтѣ конфетъ, зачѣмъ же съ тебя брать больше.

— Изволь.

Но черезъ нѣсколько минутъ пріѣхали Золотухинъ и Толстой и начали рассказывать, какую грустную картину представляетъ теперь мыза Клешево, что гробъ Дибича стоитъ одиноко, полъ и стѣны комнаты усланы и обиты чернымъ сукномъ. Дибичъ очень измѣнился въ лицѣ, у гроба часовые, на дворѣ почетный караулъ. Я все еще думалъ, что всѣ согласились меня обманывать, но скоро совершенно увѣрился въ этой грустной новости, когда вошелъ къ Гурко, онъ былъ печаленъ и угрюмъ.

— Теперь отложите пока вашу рекогносцировку въ сторону, любезный, надо будетъ завтра посмотрѣть, какъ лучше построить войска при провозѣ тѣла покойнаго главнокомандующаго.

— А развѣ?...

— Онъ умеръ сегодня ночью, отъ холеры.

Признаюсь, это меня поразило, я стоялъ и смотрѣлъ на Гурко.

— Да, почтеннѣйшій, жалко, и такъ неожиданно, когда наши дѣла только что стали поправляться, и когда мы могли надѣяться близкаго конца войны, все устроено, все приготовлено; но что дѣлать.

Мнѣ понятна была грусть Гурко; онъ былъ когда-то адъютантомъ у Дибича вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ, Граббе и Обручевымъ, а Дибичъ умѣлъ привязать къ себѣ окружающихъ. Жалко было его и мнѣ; нѣсколько ласковыхъ и внимательныхъ словъ, сказанныхъ имъ мнѣ въ Гроднѣ и во время кампаніи, увѣряли въ его добромъ сердцѣ.

— Куда же повезутъ его? спросилъ я Гурко.

— Въ Россію; вѣроятно Государь ^{изъ} прикажетъ похоронить прахъ его въ Петербургѣ, но такъ какъ въ Литвѣ волненіе и проѣздъ опасенъ, то его тѣло повезутъ черезъ Пруссію и моремъ.

Я вышелъ отъ Гурко и невольно задумался. Бѣдный Дибичъ! гдѣ

Изъ всего этого можно заключить, что Дибичъ умеръ дѣйствительно отъ холеры, обнаружившейся вслѣдствіе сильнаго потрясенія, которое произвело на него извѣстіе, привезенное Орловымъ. Но кого здѣсь винить, если не самого же Дибича, подавшаго поводъ къ общему на себя неудовольствію....

Кто будетъ назначенъ главнокомандующимъ?—никто не зналъ, исключая Толя, который, по положенію о большой дѣйствующей арміи, впредь до Высочайшаго назначенія, принялъ командованіе надъ арміею. Многіе говорили, что онъ можетъ быть и останется главнокомандующимъ. Увѣрены были въ его военныхъ дарованіяхъ; но всѣ, начиная отъ генерала до прапорщика, боялись его власти; а солдаты судили по своему: «Молодецъ Толь, вотъ былъ бы главнокомандующій, да только больно крутъ». Корпусные командиры, князь Шаховской и Паленъ 1-й, были въ чинахъ старѣе Толя, вѣроятно ихъ тяготила бы ему подчиненность. Шаховской былъ человѣкъ вовсе не самолюбивый; но я замѣтилъ, что онъ это время былъ особенно тревоженъ и грустенъ, и я встрѣчалъ его всякій день гуляющимъ съ задумчивостью по роцѣ, далеко за полночь. Толь во время своего командованія во всѣхъ отъѣздахъ къ князю сохранялъ полную учтивость и не предписывалъ, а предлагалъ вслѣдствіе воли покойнаго главнокомандующаго. Шаховской по старшинству былъ первымъ генераломъ въ арміи. Чтò же его заботило—подчиненность младшему или опасеніе быть назначеннымъ главнокомандующимъ,—сказать трудно, но только съ полученіемъ извѣстія о назначеніи Паскевича онъ сдѣлался и веселымъ и довольнымъ.

Графъ Орловъ на другой же день послѣ смерти Дибича уѣхалъ въ Петербургъ, а главная квартира переѣхала въ Пултускъ.

Дивизія наша въ день провоза тѣла покойнаго Дибича выстроилась по обѣимъ сторонамъ шоссе. Мы должны были надѣть шляпы; моя клеенчатая шляпа, лежавшая до того въ чемоданѣ, была вся смята. Адъютанты смѣялись, что у меня на головѣ какая-то странная фигура, и даже Гурко посреди этой печальной церемоніи не могъ не улыбнуться. Гробъ, покрытый чернымъ, провозили безъ особенно важной церемоніи и войска возвратились на биваки.

Во время этой церемоніи сказали намъ, что пріѣхалъ изъ Бѣлостока Зедделеръ. Мы обрадовались. Когда мы возвратились на фольварокъ, Зедделеръ былъ уже тамъ, онъ поздоровѣлъ и былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Чтò, я говорилъ господа! не правда ли? никто не хотѣлъ вѣрить, что Скрженецкій двинулся на гвардію; а если бы повѣрили, гвардія не была бы принуждена такъ послѣшно отступить, и вамъ не на-

добно бы было дѣлать форсированныхъ маршей. Узнавъ объ этомъ, я тотчасъ же бросилъ лечиться; да жалко что не засталъ Остроленскаго сраженія, хоть и теперь Толь долженъ сознаться въ своей ошибкѣ, я завтра же къ нему представляюсь.

Гурко принялъ Зедделера сухо, князь ласково. На другой день возвратившись изъ Пултуска, Зедделеръ объявилъ, что онъ опять ѣдетъ въ Бѣлостокъ, и что Толь его принялъ непривѣтливо.

Зедделера уже не огорчилъ этотъ приемъ; онъ видѣлъ въ немъ явную противъ себя личность, недостойную званія, носимаго Толемъ; жалѣлъ только, что не поспѣлъ днями тремя ранѣе, Дибичъ любилъ его, и потому приемъ можетъ быть былъ бы другой. Князь простился съ Зедделеромъ даже со слезами и онъ уѣхалъ. Гренадерскій корпусъ подвинуть къ самому Пултуску, корпусная квартира и дивизионный штабъ переѣхали туда же. Пултускъ красивый, чистенькій и веселый городокъ, живописно разбросанный по волнистому крутому берегу Нарева. Толь и Нейдгартъ занимали отдѣльный большой каменный домъ на берегу Нарева, называемый дворцомъ. Галяминъ устраивалъ пирушки на общій счетъ офицеровъ генеральнаго штаба главной квартиры. Въ корпусной квартирѣ жили скучно; Брадке былъ боленъ въ сильной горячкѣ. Наша квартира состояла изъ двухъ довольно большихъ комнатъ: въ одной помѣщался Полуэктовъ съ Овцывымъ, въ другой мы. Столъ у насъ былъ общій. Мы гуляли, купались въ Наревѣ; погода стояла прекрасная, и я проводилъ иногда цѣлые вечера на балкончикѣ съ сигарою и съ романомъ Вальтеръ-Скотта. Все было покойно, развѣ только встревожили насъ пистолетные выстрѣлы, но происшествіе заключалось въ томъ, что одинъ офицеръ Литовскаго корпуса, состоявшій при Нейдгартѣ переводчикомъ, влюбился въ дочь пултускаго комисара и началъ ее ревновать ко всѣмъ офицерамъ главной квартиры, посѣщавшимъ ея отца. Эта ревность разстроила его разумъ; сначала онъ сталъ жаловаться, что Нейдгартъ перемѣнилъ съ нимъ свое обращеніе и сдѣлался холоднѣе, приписывалъ это наговорамъ, ходилъ объясняться съ Нейдгартомъ. Нейдгартъ его успокоилъ, но уже признаки сумасшествія обнаруживались сильнѣе. Подкарауливъ однажды въ снѣгахъ, что отъ комисара выходилъ одинъ адъютантъ и дочь комисара провожала его съ лѣстницы, спрашивала скоро ли онъ опять навѣститъ ихъ, сумасшедшій офицеръ выстрѣлилъ изъ одного пистолета въ дѣвушку и ранилъ ее довольно опасно въ плечо; а изъ другаго положилъ на мѣстѣ себя. Эта исторія тотчасъ же разнеслась по всему Пултуску. Дѣвушка нисколько не была виновата, притомъ молода и мила и заинтересовала собою всю молодежь. Мы ходили осведмляться объ ея здоровьѣ, она при-

нимала всѣхъ лежа въ постелѣ, и надобно было быть такой любезной полькой, какъ она, чтобы это никто не счелъ съ ея стороны предосудительнымъ;—но странно, что съ этой минуты, она дѣйствительно влюбилась въ адъютанта, виновника ея раны; когда мы выходили изъ Пултуска, она выпросила у него на память мундиръ и хранила его подъ своею подушкою. Вступившіе послѣ насъ поляки назвали ее измѣнницей, хотѣли разстрѣлять и только просьбы и слезы отца удержали ихъ.

Мы удивлялись Толю, что онъ остается въ бездѣйствіи и не воспользуется временемъ своего командованія, чтобы совершить что либо важное; но на это были причины: 1) графъ Орловъ, вѣроятно, уже сообщилъ ему о назначеніи Паскевича, и потому Толь не считалъ себя вправѣ предпринять что либо до его прибытія; 2) начальникъ штаба, заступающій мѣсто главнокомандующаго, долженъ продолжать дѣйствовать въ смыслѣ плана покойнаго главнокомандующаго, а планъ Дибича заключался въ томъ, чтобы главные силы оставались въ Пултускѣ до совершеннаго окончанія сношеній съ Пруссією, и 3) обстоятельства нисколько не благоприятствовали никакимъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Дѣла, по смерти Дибича, оставались въ слѣдующемъ положеніи: Въ Варшавѣ, послѣ Остроленскаго сраженія, проявились разныя партіи, сильно заговорили противъ Скрженецкаго и въ особенности Крюковецкій, хотѣли уже отрѣшить его отъ должности, уничтоживъ республиканское правленіе, приступить къ избранію короля, ограниченнаго конституціей; но бездѣйствіе Дибича успокоило опять умы, все осталось по старому; армія Скрженецкаго была въ Модлинѣ безопасна отъ всякаго нападенія и могла вновь фрмироваться и пополнять убыль, понесенную при Остроленкѣ. Гелгудъ изъ Ломжи поворотилъ въ Августовское воеводство, соединившись съ 1,200 человекъ кавалеріи Дембинскаго, посланными къ нему на помощь послѣ сраженія при Остроленкѣ. Сакенъ хотѣлъ преградить ему путь, отбросить къ границамъ Пруссіи, и для этого раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части, Гелгудъ напалъ на войска, оставшіяся при Райградѣ, нанесъ имъ пораженіе, и вмѣсто того, чтобы поворотить на Гродну, захватить тамъ главные магазины и слѣдовать оттуда на Вильну, онъ, открывъ себѣ путь, пошелъ на Ковну, а Сакенъ направился вслѣдъ за нимъ на Кальвари и Маріанполь. Перейдя въ Ковнѣ Нѣманъ, Гелгудъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ многими инсургентами, и число войскъ его увеличилось до 12,000 чел.; возстаніе въ Ляत्वѣ усилилось. Гелгудъ двинулся къ Вильнѣ, ожидавшей его съ нетерпѣніемъ; но медленность его движенія, большой и совершенно напрасный обходъ на Ковну, дали возможность графу Толстому сосредоточить при

Вильнѣ значительное число войскъ, къ которымъ присоединился отрядъ Куруты и Саенѣ. Русскія войска выстроились на Панарскихъ высотахъ въ трехъ верстахъ отъ Вильны; жители также вооружились и, при малѣйшей неудачѣ русскихъ войскъ, готовы были заградить имъ путь черезъ Вильну и подвергнуть ихъ совершенному пораженію. Приготовлялись уже большія торжества, чтобы встрѣтить съ триумфомъ своихъ освободителей и предвозвѣстниковъ свободы. 7-го іюня загорѣлся бой и, не смотря на превосходство силъ русскихъ, перевѣсъ долго колебался, но, наконецъ, Гелгудъ опрокинутъ и вмѣсто того, чтобы отступать къ Бѣловѣжской пушчѣ, двинулся на Ковну. Вильну отстояли, жители обезоружены, въ городѣ возстановленъ прежній порядокъ. Саенѣ и Курута получили повелѣніе возвратиться въ Царство Польское и присоединиться къ Крейцу, а войска резервной арміи, оставивъ гарнизоны въ Вильнѣ и другихъ пунктахъ и разославъ отряды для преслѣдованія разсыпавшихся шаекъ инсургентовъ, двинулись для преслѣдованія отступавшаго. Но Гелгудъ успѣлъ уже усилиться новыми инсургентами и, укрываясь отъ преслѣдованія, открылъ дѣйствія малой войны, нападая на отдѣльные отряды, захватывая транспорты и перехватывая курьеровъ. Если бы Гелгудъ имѣлъ лучшія военныя дарованія и двинулся сначала на Гродну, усилился бы главными шайками инсургентовъ, державшихся Полѣсья и тогда уже обратился противъ Вильны, то нѣтъ сомнѣнія, что Вильна была бы взята, и характеръ войны въ Литвѣ сдѣлался бы еще болѣе грознымъ.

Между тѣмъ продолжались дѣйствія и на Волини; число инсургентовъ увеличивалось; не смотря на то, что Ридигеръ успѣлъ нанести имъ нѣсколько поражений, они продолжали еще драться; наконецъ, Ридигеръ, вспомошествоваемый частію войскъ Кайсарова и Рста, т. е. 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, нанесъ имъ окончательное пораженіе при Майданкѣ, принудилъ положить оружіе и перейти въ Галицію, и спокойствіе въ Волини было возстановлено. Это дало возможность Ридигеру и потомъ Кайсарову направиться въ Люблинское воеводство противъ Хржановскаго, а Крейцу предпринять движеніе къ Сѣдлецу на соединеніе съ Паленымъ 2-мъ; словомъ, въ это время война и въ Литвѣ и въ Волини была упорная. Крейць, Палень 2-й и Розенъ были въ передвиженіи, а главные силы, въ числѣ съ небольшимъ 50,000, стояли въ Пултускѣ противъ арміи Скрженецкаго, скрывавшейся въ стѣнахъ Модлина. Толю нельзя было ничего предпринять, и въ такомъ неблагоприятномъ положеніи были наши дѣ-

ла, когда равнеслась вѣсть о прїѣздѣ графа Паскевича, назначеннаго главнокомандующимъ . . . . .

Дибичъ былъ съ высокими военными дарованіями, и какъ начальникъ штаба арміи заслужилъ бы неувядаемую славу, но, какъ главнокомандующій, онъ былъ слишкомъ добръ, довѣрчивъ и не имѣлъ твердости въ характерѣ и настойчивости, необходимой для такого высокаго званія; планы его носили на себѣ отпечатокъ высокаго ума и соображенія; но какъ скоро дѣло доходило до исполненія, всѣ эти планы разсѣивались, какъ дымъ, отъ его нерѣшительности. Не таковъ былъ характеръ его преемника, какъ мы увидимъ впоследствии: онъ не могъ похвалиться искусствомъ составленія плановъ, но за то, задумавъ какой либо планъ, умѣлъ привести его въ исполненіе, не смотря ни на какія препятствія и не слушая ничьихъ убѣжденій; и его дѣла увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Странная была судьба Дибича. Отецъ его былъ адъютантомъ у Фридриха Великаго; онъ въ 1801 году прїѣхалъ въ Россію и поступилъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ, отличился въ кампаніяхъ 1805 и 1807 гг. Однажды рота его назначена была для почетнаго караула Прусскому королю; покойный императоръ Александръ, находя, что фигура Дибича худо гармонируетъ съ рослыми гвардейцами, приказалъ назначить на его мѣсто другаго; это обидѣло Дибича, онъ подалъ въ отставку. Государь перевелъ его подполковникомъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части (нынѣ генеральный штабъ) и отсюда начинается уже слава Дибича. Государь имѣлъ его на счету прекраснаго и способнаго офицера; въ 1812 году въ чинѣ полковника, будучи оберъ-квартирмейстеромъ въ корпусѣ у Витгенштейна, онъ пріобрѣлъ и извѣстность и всеобщее уваженіе, и черезъ 12 лѣтъ службы былъ уже генераль-маіоромъ—карьера блестящая. 1813 и 1814 гг. онъ снова отличался храбростію, распорядительностію, совѣтами, и приглашался постоянно въ военный совѣтъ Государя, гдѣ предстояло рѣшить какой либо важный вопросъ. Послѣ войнъ мы видимъ его уже начальникомъ главнаго штаба 1 й арміи, потомъ начальникомъ главнаго штаба Государя и шефомъ генеральнаго штаба. Толь постоянно шелъ сначала съ нимъ рука объ руку, но при производствѣ въ генераль-лейтенанты Дибичъ обогналъ Толя, и Толь сдѣлался его подчиненнымъ. Во время коронаціи Императора Николая, Дибичъ, Толь и Паскевичъ произведены въ полные генералы; Дибичъ пріобрѣталъ болѣе и болѣе вѣсу, и со времени паденія Аракчеева, ему не было равнаго въ главахъ Государя. Онъ былъ главнымъ виновникомъ удаленія Ермолова съ Кавказа и назначенія на его мѣсто Паскевича. Удачная война Паскевича съ

Персіею не поселила еще охлажденія между Дибичемъ и Паскевичемъ; но Дибичъ уже самъ началъ порываться на поле брани, чтобы испытать счастье, иредводительствуя арміею. Настала турецкая война; армія поручена Витгенштейну, но Государь самъ отправился въ армію. Здѣсь Дибичъ, увлеченный самолюбіемъ, забылъ, что Витгенштейнъ былъ нѣкогда его начальникомъ и первымъ его благодѣтелемъ, употреблялъ все, чтобы ослабить успѣхи Витгенштейна; 1828 г. кончился дурно, Витгенштейнъ началъ просить о своемъ удаленіи и Дибичъ, жаждавшій власти, достигъ званія главнокомандующаго; и когда Паскевичъ громилъ Турцію съ востока, Дибичъ выигралъ сраженіе 30-го мая 1829 г. при Кулевчи, перенесся черезъ Балканы, занялъ Адрианополь и предписалъ миръ Константинополю. Со временъ Олега не слыхали тамъ грома русскаго оружія. Дибичъ напомнилъ эти баснословныя времена и увѣнчался титуломъ графа Забалканскаго. Кого же бы, казалось, назначить главнокомандующимъ въ новой войнѣ противъ Польши, какъ не забалканскаго героя; онъ съ такою же быстротою и рѣшительностію поведетъ армію къ Варшавѣ, возьметъ столицу Польши и въ мѣсяць, въ два, возмущеніе прекращено, и Царство Польское снова подъ скипетромъ русскаго Царя. Но какая противоположность! война длится четыре мѣсяца, волненіе усилилось, потери превысили 100,000 человекъ и слава Дибича, какъ полководца, какъ быстро возрасла, такъ быстро и пала. Заслуги Дибича, какъ начальника штаба, забыты—на него смотрятъ и судятъ уже какъ главнокомандующаго, и успѣхъ дѣйствій въ Турціи приписываютъ одной случайности. 28-го мая 1831 года Дибича не стало, ровно почти черезъ два года послѣ кулевчинской битвы, начала его славы, какъ полководца. Паскевичу, котораго онъ хотѣлъ затмить блескомъ своихъ дѣйствій, суждено было замѣнить его. Грустна была кончина Дибича, никто не выронилъ ни слезы надъ его гробомъ и могила его на Волковомъ полѣ обросла травой, и никто никогда не протаптываетъ къ ней тропинки, развѣ случайно пройдетъ мимо посѣтитель кладбища, прочтетъ надпись на надгробномъ камнѣ, опуститъ въ раздумьи голову, и пойдетъ прочь, повторивъ предсмертныя слова Дибича: «Господи! Господи! вотъ какъ кончается вся наша слава!»

V.

Первый періодъ кампаніи Паскевича. Переправа черезъ Нижнюю Вислу, движеніе къ Ловичу и взятіе Варшавы.

Пріѣздъ графа Паскевича.—Планъ Паскевича и рекогносцировка путей.—Выступленіе изъ Пултуска.—Приближеніе къ Плоцку.—Тайное направленіе корпуса Палена къ Осьеку.—Пустая тревога въ Плоцкѣ.—Движеніе къ Осьеку и переправа черезъ Вислу при Осьекѣ.—Движеніе къ Ловичу.—Пребываніе подъ Ловичемъ.—Нерѣшительность Паскевича.—Слухи.—Расположеніе умовъ въ арміи.—Дѣло подъ Шимоновымъ.—Движеніе къ Блоніи.—Переходъ къ Надаржину.—Бездѣйствіе.—Штурмъ Варшавы.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій, назначенный главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, прежде прибытія своего въ Пултускъ, заѣхалъ въ Маковъ, чтобы видѣться съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и туда къ нему на встрѣчу отправились: князь Шаховской, Толь, Виттъ и Нейдгартъ, и изъ Голымина графъ Паленъ 1-й. Паскевичъ ночевалъ въ Маковѣ, потомъ съѣздилъ въ Голыминъ, чтобы осмотрѣть войска 1-го корпуса и сдѣлать визитъ графу Палену 1-му, который пользовался большимъ уваженіемъ въ арміи, и оттуда уже прибылъ въ Пултускъ. Это было около 20-го іюня. Князь Шаховской былъ веселъ и доволенъ; Полуэктовъ также; онъ съ Паскевичемъ былъ старымъ знако-

мый, командовалъ когда-то у него во 2-й гренадерской дивизіи бригадою, и когда дивизионный штабъ стоялъ въ Вязьмѣ, Полуэктовъ былъ главнымъ виновникомъ женитьбы Паскевича на Грибоѣдовой. Приемъ, сдѣланный ему Паскевичемъ, былъ самый лестный и внимательный. «Вотъ посмотрите, говорилъ Полуэктовъ, дѣла у насъ пойдутъ теперь иначе, это не Дибичу чета». Главная квартира, напротивъ того, не совсѣмъ была довольна приемомъ главнокомандующаго. Съ Толемъ, съ Нейдгартомъ и съ Горчаковымъ онъ обошелся ласково; но другихъ лицъ не удостоилъ ни однимъ словомъ. Съ Паскевичемъ пріѣхалъ генеральнаго штаба генералъ маіоръ Окуневъ, состоявшій при немъ съ самыхъ малыхъ чиновъ; всѣ полагали, что Окуневъ заступитъ мѣсто генераль-квартирмейстера, но этого не случилось. Окуневъ ни во что не мѣшался и Паскевичъ постоянно оказывалъ расположеніе Нейдгарту, хотя какъ съ нимъ, такъ и съ Толемъ обходился менѣе фамиліарно, нежели Дибичъ. Аббакумову объявлено, что онъ назначенъ сенаторомъ, и можетъ отправляться въ Петербургъ; на его мѣсто назначенъ Емельяненко, бывшій калужскій гражданскій губернаторъ и извѣстный лично главнокомандующему, и этимъ однимъ окончились всѣ преобразованія, сдѣланныя Паскевичемъ въ главной квартирѣ арміи; всѣ другія лица остались на своихъ мѣстахъ; но главнокомандующій не имѣлъ уже ни съ однимъ изъ нихъ прямого сношенія, а распоряжался черезъ начальника главнаго штаба, генераль-квартирмейстера и начальника артилеріи. Недавно мнѣ случилось читать о кампаніи Паскевича записки графа Толя, но, къ сожалѣнію, эти записки недостойны автора и цѣль ихъ состояла не въ томъ, чтобы представить всѣ событія въ истинномъ видѣ, освѣтивъ ихъ духомъ строгой, но безпристрастной критики, нѣтъ,—это было желаніе унижить Паскевича и показать его неспособность командовать арміей. Такъ, напримѣръ, говоря о пріѣздѣ графа Паскевича въ Пултускъ, Толь рассказываетъ, что Паскевичъ будто бы съ перваго раза обнаружилъ свою недовѣрчивость къ главной квартирѣ.

— Я знаю, Карлъ Ѳедоровичъ, говорилъ Паскевичъ, что ни вы, ни Нейдгартъ противъ меня ничего не имѣете, но на остальныхъ лицъ составлявшихъ главную квартиру Ивана Ивановича, я положиться не могу. Они разбирали мои дѣйствія въ Азіятской Турціи и смѣялись надъ ними. Люди, которыхъ я нашелъ вредными и выслалъ изъ арміи, были приняты Дибичемъ какъ нельзя лучше. Словомъ, я выставлемъ былъ съ самой невыгодной для меня стороны.

— Напрасное предубѣжденіе, ваше сіятельство, замѣтилъ Толь; что же касается до тѣхъ лицъ, о которыхъ говорите, они имѣютъ теперь

честь находиться у васъ въ арміи, и вы найдете въ нихъ достойныхъ генераловъ и согласитесь, что они заслужили пожалованные имъ чины.

Войска также были обрадованы прїѣздомъ Паскевича, думали, что дѣла должны пойти нѣсколько лучше, но странно, не имѣли однако же той вѣры въ его высокія военныя дарованія, которую питали прежде къ дарованіямъ Дибича. Гренадеры помнили его еще дивизионнымъ командиромъ, говорили, мы знаемъ Паскевича, давно ли онъ былъ нашъ дивизионный. Генералъ хорошій, ну, а каковъ-то будетъ главнокомандующій, послужимъ, такъ увидимъ. Дибичъ любилъ grenадеровъ, хотя и не служилъ съ нами, а при этомъ, кажись, должно быть лучше, а впрочемъ, Богъ вѣсть.

На другой день Паскевичъ объѣхалъ биваки, войска были выстроены и ожидали его; онъ поздоровался, grenадеры крикнули «ура!»

— Послѣ, послѣ, сказалъ онъ, надобно сначала побѣдить, а потомъ станемъ кричать «ура».

Это опечалило grenадеровъ.

— Такъ прошедшая наша работа ни почему, говорили они расходясь; Государь не приказалъ Паскевичу и поблагодарить за нее.

И впечатлѣніе, произведенное Паскевичемъ на войска, было не столь благопріятно, какъ того можно было ожидать. Въ тотъ же день Паскевичъ отдалъ приказъ по арміи о вступленіи своемъ въ командованіе, приказъ, также немного польстившій войскамъ и увѣрявшій ихъ еще болѣе, что прошедшая ихъ работа дѣйствительно была ни почему. Вслѣдъ затѣмъ объявлено, что всѣ представленія, сдѣланныя покойному главнокомандующему за Остроленское сраженіе, будутъ утверждены Государемъ Императоромъ въ полной ихъ силѣ, безъ малѣйшаго измѣненія.

21-го іюня вступилъ въ Пултускъ первый эшелонъ Крейца, и именно, три grenадерскихъ полка Муравьева; имъ приказано поступить въ авангардъ Витта, на мѣсто трехъ полковъ 1-й grenадерской дивизіи, которые въ то же время присоединены къ grenадерскому корпусу.

И съ этого времени вниманіе всѣхъ устремлено было на Паскевича, что онъ предприметь?

Паскевичъ еще два дня оставилъ армію въ бездѣйствіи; ему надобно было время, чтобы ознакомиться какъ съ предшествовавшими дѣйствіями и настоящимъ положеніемъ дѣлъ, такъ и съ дальнѣйшими намѣреніями Дибича, чтобы уже на этихъ данныхъ безошибочно основать планъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій. Взявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства, Паскевичъ не увлекся мелочнымъ самолюбіемъ составить свой собственный планъ кампаніи; но вполне одобрилъ намѣреніе Дибича перепра-

виться через Нижнюю Вислу, близъ Прусской границы, и, учредивъ основаніе дѣйствій въ Пруссіи, направиться вверхъ по лѣвому берегу Вислы къ Варшавѣ. И потому главныя основанія плана Паскевича состояли въ слѣдующемъ: 1) двинуться съ главными силами изъ Пултуска къ Плоцку, чтобы сдѣлать этимъ диверсію и отвлечь вниманіе непріятеля отъ мѣста настоящей переправы, а между тѣмъ направить корпусъ Палена 1-го прямо къ Осъеку на прусскую границу, чтобы приготовить тамъ мостъ; 2) двинуться изъ Плоцка къ Нижней Вислѣ, совершить переправу на лѣвый берегъ и наступать вверхъ по лѣвому берегу къ Варшавѣ; 3) Крейцу, принявшему командованіе надъ корпусомъ графа Палена 2-го, уѣхавшаго, за болѣзнію, въ Россію, и Герштенцвейгу, получившему начальство надъ корпусомъ Крейца, выжидать присоединенія отрядовъ Куруты и Сакена, возвращавшихся изъ Литвы, и направиться также къ Осъеку и Ловичу на соединеніе съ главными силами, чтобы, при предстоящемъ взятіи Варшавы, увеличить собою численность арміи и дать ей болѣе залога къ успѣху; 4) Ридигеру стараться перейти Вислу, между Казиміржемъ и Завихвостомъ, двинуться къ Пилицѣ, войти въ связь съ главными силами и, равнымъ образомъ, увеличить число ихъ при взятіи Варшавы; и 5) главныя коммуникаціонныя пути по Брестъ-Литовскому шоссе прикрывать корпусу Розена, Люблинское воеводство—Кайсарову, а Августовское воеводство занять, по выступленіи оттуда войскъ Крейца и Герштенцвейга, войсками резервной арміи.

Разсматривая этотъ планъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что онъ довольно сложенъ, и что для приведенія его въ исполненіе нужно было и искусство и твердость въ характерѣ. Правда, выборъ мѣста для переправы при Осъекѣ препятствовалъ непріятелю остановить переправу, но, съ другой стороны, отдаленіе на такое значительное разстояніе отъ корпусовъ Крейца, Розена и Ридигера, давало возможность непріятелю, находящемуся въ центральномъ положеніи противъ этихъ корпусовъ, разбить ихъ по частямъ, чему въ особенности могъ подвергнуться корпусъ Крейца, которому предстояло совершить такой дальній обходъ. Если же бы всѣмъ этимъ корпусамъ нанесено было отдѣльное пораженіе, русская армія была бы безъ нихъ слишкомъ слаба, чтобы предпринять штурмъ Варшавы и, будучи отрѣзана Вислою отъ Россіи, могла бы подвергнуться конечному истребленію. Но Паскевичъ, остановившись на этомъ планѣ, рѣшился привести его въ исполненіе, не обращая вниманія ни на какія препятствія. Ожидать сначала присоединенія Крейца и Герштенцвейга значило упускать удобный моментъ, когда польская армія, ослабленная и разстроенная Остроленскимъ сраже-

ніемъ, не въ состояніи еще была предпринять наступательныхъ дѣйствій. Въ главной квартирѣ никто не зналъ плана Паскевича, исключая Толя и Нейдгарта, но и тѣмъ онъ сообщень былъ только въ главныхъ его основаніяхъ.

Скрженецкій отчасти разгадывалъ намѣреніе Паскевича, но зналъ, что онъ не въ силахъ воспрепятствовать переправѣ, совершенной близъ границъ Пруссіи такъ далеко отъ Варшавы, и потому предположилъ: 1) немедленно же армію свою, ослабленную до 20,000, усилить до 80,000 или, по крайней мѣрѣ, до 60,000; 2) ограничиться отправленіемъ одной дивизіи внизъ по лѣвому берегу Вислы къ Плоцку и преслѣдованіемъ русскаго арьергарда до Плоцка, распуская при этомъ слухъ, что двигается вся армія, и 3) разбить корпусъ Розена, войти въ прямую связь съ Литвою, захватить Гродно, Бѣлостокъ, и если эти дѣйствія принудятъ Паскевича возвратиться назадъ, подобно Дибичу, то нанести пораженіе, до его прибытія, корпусамъ Ридигера и Крейца, а если вѣтъ, то поспѣшить, черезъ Прагу и Варшаву, на лѣвый берегъ Вислы и предупредить русскую армію на правомъ берегу Бзуры, которая представляла превосходную оборонительную линію. Главныя силы польской арміи дѣйствительно вскорѣ увеличились до 50,000, но Скрженецкій, какъ увидимъ впоследствии, не успѣлъ привести въ исполненіе смѣлаго своего плана, отчасти потому, что въ Паскевичѣ онъ нашелъ не Дибича, а отчасти и потому, что, имѣя противъ себя большую партію, поддерживаемую Круковецкимъ, Скрженецкій не могъ уже дѣйствовать съ такою рѣшительностью, такъ какъ малѣйшая неудача повела бы за собой отрѣшеніе его отъ званія главнокомандующаго, а полководецъ, связанный такимъ образомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, при всѣхъ своихъ военныхъ дарованіяхъ, не будетъ никогда въ состояніи совершить что либо важное.

Съ пріѣздомъ Паскевича въ Пултускъ, хорошая погода прекратилась, наступили проливные дожди и въ окрестностяхъ Пултуска всѣ дороги сдѣлались непроходимыми.

Предполагая начать движеніе и желая найти себѣ содѣйствіе въ офицерахъ генеральнаго штаба, главнокомандующій отдалъ довольно замѣчательный приказъ по арміи, приписывая всѣ неудачи своего предшественника тому, что офицеры генеральнаго штаба худо исполняли свою обязанность, и говорилъ, что будетъ требовать отъ нихъ не только подробнаго знанія всѣхъ путей, повицій, свѣдѣній о неприятелѣ, но возлагаетъ на нихъ отвѣтственность, расположеніе и дѣйствіе войскъ въ бою. Словомъ, этотъ приказъ подвергалъ офицеровъ генеральнаго штаба большой отвѣтственности и не предоставлялъ

имъ никакой власти, потому что они не могли ничего сдѣлать противъ воли частныхъ начальниковъ, при которыхъ состояли, хотя бы и видѣли ошибки въ ихъ распоряженіяхъ, и поселилъ такое опасеніе, что, при первомъ же осмотрѣ путей для предстоящаго движенія арміи, никто изъ офицеровъ генеральнаго штаба не только въ главной квартирѣ, но и въ корпусахъ не хотѣлъ взять на себя осмотра, каждый уклонялся подъ различными предлогами, и участь пала на меня. Меня потребовали къ Гурко и онъ приказалъ мнѣ идти съ нимъ къ графу Толю. У Толя мы нашли и Нейдгарта.

— Здравствуйте! сказалъ Толь, когда мы вошли, я вамъ даю порученіе серьезное, прошу исполнить его и толково и добросовѣстно.

— Употреблю все стараніе, ваше сіятельство, чтобы оправдать сдѣланную мнѣ довѣренность.

— Вы должны выбрать удобнѣйшую дорогу для слѣдованія главныхъ силъ арміи. Теперь стояли дожди, дороги дурны; слѣдовательно, нужна осмотрительность. До Голымина мы дорогу знаемъ, но это не мѣшаетъ вамъ послать другаго офицера, замѣтилъ онъ, обратясь къ Гурко, узнать, какова она теперь. Нееловъ же сдѣлаетъ рекогносцировку далѣе, а именно, между Голыминомъ и Раціонжскомъ.

Толь взялъ карту и показалъ мнѣ эти мѣста.—Понимаете?

— Понимаю, ваше сіятельство.

— Осмотрите всѣ продольныя дороги, набросайте ихъ на бумагу; выберите самый лучший и прямой путь никакъ не на Цѣхановъ, тамъ пойдетъ гвардія и обозы, и потому лѣвѣе. Сдѣлайте подробное описаніе этого пути и представьте ко мнѣ черезъ Александра Ивановича. Если тамъ есть непріятельскіе разъѣзды, проберитесь мимо ихъ и исполните свое порученіе какъ можно лучше. Оговорокъ я не люблю. Ступайте!

Мы вышли; я просилъ у Гурко двухъ казаковъ, но онъ мнѣ предложилъ одного жандарма и одного казака. До Голымина со мною долженъ былъ ѣхать Печковскій, и Гурко, отправляя насъ, сказалъ, что Печковскій изъ Голымина можетъ возвратиться одинъ, а жандарма и казака оставилъ бы при мнѣ. Выѣхали мы изъ Пултуска часа въ три пополудни, шелъ мелкій дождь, погода была очень неблагоприятная. Печковскій, когда мы отъѣхали верстъ десять отъ Пултуска, началъ говорить, что ему нельзя будетъ возвращаться одному, и что онъ не дастъ мнѣ ни казака, ни жандарма. Я принималъ это сначала за шутку и не возражалъ ему; но, наконецъ, это стало меня досадовать.

— Ты не имѣешь права не дать, они посланы со мною.

— Имъ этого никто не сказалъ, замѣтилъ онъ, улыбаясь, а они послушаются, конечно, скорѣе меня, потому что я старше.

И мы оба замолчали.

Къ вечеру мы приѣхали въ Голыминъ и остановились въ сараѣ у оберъ-квартирмейстера 1-го корпуса, полковника Райскаго. Печковскій объявилъ мнѣ здѣсь уже рѣшительно, что онъ не даетъ ни жандарма, ни казака; не желая заводить съ нимъ ссоры, въ особенности при едва знакомомъ человѣкѣ, я просилъ Райскаго дать мнѣ казаковъ изъ штаба 1-го корпуса, но онъ затруднился и предложилъ мнѣ самому сходить къ начальнику штаба Граббе, стоявшему вмѣстѣ съ Паленомъ.

— Кто васъ послалъ? спросилъ Паленъ, когда я обратился съ просьбою къ Граббе.

— Графъ Толь, отвѣчалъ я почтительно.

— Развѣ въ главной квартирѣ не читаютъ моихъ донесеній, что я посылаю разъѣзды по этому направленію только до Сонска и далѣе не могу, потому что тамъ непріятель.

— Не умѣю доложить вашему сіятельству, но графъ Толь лично приказалъ мнѣ доѣхать непременно до Раціонжска.

— Возвратитесь назадъ и скажите отъ меня графу Толю, что я вамъ не позволилъ далѣе ѣхать, васъ захватятъ, и что если бы была возможность, я давно бы и безъ главной квартиры распорядился осмотромъ этихъ путей.

— Не смѣю не повиноваться приказанію вашего сіятельства, но графъ Толь, отправляя меня, сказалъ: «никакихъ отговорокъ», и потому, чтобы не навлечь на себя его неудовольствія...

— Понимаю, перебилъ Паленъ, когда такъ, поѣзжайте, но я вамъ не дамъ много казаковъ, васъ скорѣе могутъ захватить, возьмите трехъ, не болѣе, а я завтра же поѣду въ Пултускъ и побранюсь за васъ съ Толемъ. Прощайте! скажите мое приказаніе Райскому.

Я возвратился къ Райскому, мы напились у него чаю, дождь усилился, ночь была темная и я счелъ за лучшее часа три отдохнуть; но какова была моя досада и удивленіе, когда я проснулся и узналъ, что Печковскій поѣхалъ уже обратно въ Пултускъ и взялъ двухъ свѣжихъ казаковъ, данныхъ мнѣ Паленомъ, а жандарма и своего казака оставилъ для меня; но дѣлать уже было нечего, я бросилъ жандарма въ Голыминъ, взялъ двухъ оставшихся казаковъ и на самомъ разсвѣтѣ пустился въ путь.

Миновавъ аванпосты Палена, я пробрался лѣсами и, къ счастью, не повстрѣчался съ непріятельскими разъѣздами. Одинъ казакъ постоянно ѣхалъ впереди меня саженяхъ въ двухстахъ, взбирался на горы, осмат-

риваль кругомъ, не показывается ли гдѣ непріятель, и давалъ знать, если замѣчалъ гдѣ либо части войскъ. Мы принимали тогда вправо или влѣво, скрывались въ лѣса и выбирались опять на дорогу, какъ скоро опасность исчезала; ту часть дороги, которую я не могъ набросать на бумагу съ мѣстности, я наносилъ по подробнымъ разспросамъ; другой казакъ или бѣжалъ назадъ, или я посылалъ его въ стороны. Въ селеніе я вѣзжалъ не иначе, какъ увѣрившись, что оно не занято непріателемъ. У поляковъ стоялъ въ этой сторонѣ одинъ легкій отрядъ, а потому мы замѣтили ихъ разъѣзды въ продолженіе дня только два раза. Къ вечеру дождь пересталъ, я добрался до селенія Пенек; но здѣсь усталость моя была такъ велика, что я рѣшился отдохнуть въ сараѣ, стоящемъ отдѣльно на лугу. Одинъ казакъ остался съ лошадью, съ другимъ мы легли на сѣнѣ, наваленномъ по обѣимъ сторонамъ сарая. Сонъ былъ крѣпокъ, но на разсвѣтѣ казакъ меня разбудилъ и указалъ на противоположную сторону сарая; тамъ спало человекъ пять польскихъ улановъ. Пришли ли они прежде насъ, или послѣ, не знаю; только медлить было нѣкогда, мы тихо слѣзли съ сѣна, чтобы не нарушить ихъ сна. вышли изъ сарая, сѣли на лошадей, хотѣли продолжать путь къ Раціонжску, но на дорогѣ показались разъѣзды, въ селеніи сдѣлался шумъ и мы, опасаясь погони, потому что минутъ черезъ пять нѣсколько улановъ готовы были обскатить насъ и отрѣзать дорогу, отложили поѣздку въ самый Раціонжскъ, быстро поворотили назадъ и скрылись въ лѣсахъ, находящихся по правому берегу Вскры. Но лошади наши были уже утомлены предшествовавшимъ днемъ, и потому, къ вечеру, мы едва доѣхали по другой дорогѣ до Сонска, безъ всякихъ, впрочемъ, приключеній, и находились уже въ районѣ разъѣздовъ Палена. Оттуда, по утру, я отправился въ Голыминъ, и желая представить отчеты болѣе ясные и дать отдыхъ лошадямъ, остался на этотъ день въ Голыминѣ, привелъ въ порядокъ описаніе дорогъ, вычертилъ наскоро маршруты; эта работа заняла у меня время до двухъ часовъ пополудни, а съ разсвѣтомъ я выѣхалъ въ Пултускъ. На дорогѣ мнѣ повстрѣчался генералъ Мартыновъ.

— А, здравствуйте! закричалъ онъ, остановивъ свою коляску. Слава Богу, вы, какъ я вижу, живы и здоровы. Поспѣшите скорѣе въ Пултускъ. Князь Шаховской съ балкона не сходитъ, ждетъ васъ не дождется, его напугалъ Паленъ. Я васъ не задерживаю и не разспрашиваю.

Въ Пултускъ я возвратился часовъ около трехъ пополудни. Князь былъ въ самомъ дѣлѣ на балконѣ и ожидалъ меня. Онъ расцѣловалъ меня, усадилъ, приказалъ сначала подать обѣдать, а потомъ началъ

разспрашивать, и безпрестанно повторялъ: «Ну, долго ли захватить; ей Богу, это ни на что не похоже».

Гурко пошелъ къ Толю и приказалъ мнѣ черезъ часъ быть тамъ. Дождь лилъ ливнемъ, грязь въ Пултускѣ была непроходимая. Темной уже ночью я отправился во дворецъ черезъ весь городъ, и остановился у воротъ въ большой досадѣ, позабывъ узнать лозунъ и отыгвъ, и не зная, что отвѣчать стоявшимъ на часахъ карабинерамъ 4-го полка.

— Проходите, ваше благородіе, сказалъ старшій часовой, мы васъ знаемъ.

Я воспользовался его предложеніемъ, но замѣтилъ, что они не имѣютъ права ни для кого дѣлать снисхожденія.

Карабинеры обидѣлись, просили меня воротиться, и оправдывались тѣмъ, что это исключеніе сдѣлано только для меня.

Но я далъ имъ слово молчать и вошелъ къ Нейдгарту.

— А я васъ жду, сказалъ онъ; пойдите къ начальнику главнаго штаба.

Гурко у Толя уже не было. Толь разспросилъ у меня обо всемъ подробно и рѣшилъ, согласно съ моими донесеніями, что главныя силы арміи направятся изъ Голымина черезъ Сонскъ, и чтобы обойти дурную дорогу, пролегающую чрезъ болотистыя мѣста, двинуть войска окружнымъ путемъ по нагорному берегу этого болота на Крашево и оттуда на Люберадзъ-Джекларжево и Пеней въ Раціонжскъ.

— Обходя болото, армія должна будетъ сдѣлать вмѣсто 8, 15 верстъ, замѣтилъ я.

— Но вѣдь вы не ручаетесь, что она можетъ пройти прямо.

— Не смѣю, ваше сіятельство.

— Слѣдовательно, иначе нельзя, и кончено. А каковъ мостъ на Вскрѣ.

— Кажется крѣпокъ, но старъ; а потому надобно, чтобы его осмотрѣли прежде саперы.

— Помѣстили вы объ этомъ въ своемъ донесеніи?

— Подробно.

— Хорошо, спасибо. Вы будете состоять въ авангардѣ. А вы, Александръ Ивановичъ, прибавилъ онъ, обратясь къ Нейдгарту, прикажите снять съ его донесенія копию, одинъ экземпляръ оставьте въ главной квартирѣ, а другіе разошлите по тѣмъ войскамъ, которыя должны будутъ по этому пути слѣдовать. Прощайте.

Нейдгартъ просилъ меня передать все это Рихтеру; копию для гренадерскаго корпуса я снялъ самъ, а копіями для другихъ войскъ Рихтеръ обѣщался распорядиться тотчасъ же.

Наконецъ, 22-го іюня армія тронулась изъ Пултуска и двинулась фланговымъ маршемъ мимо непріятельской арміи, которой главныя силы находились близъ Модлина. Авангардъ графа Витта направился въ лѣвой колоннѣ на Насіельскъ и Плонскъ. 1-й пѣхотный и гренадерскій корпуса въ средней колоннѣ на Сояскъ и Люберадзъ; гвардейскій корпусъ составилъ правую колопну и направился на Цѣхановъ, за нимъ слѣдовалъ и вагенбургъ арміи.

Дибичъ постоянно ѣздилъ въ фэатонѣ Толя; Толь предложилъ это и Паскевичу, но Паскевичъ отвѣчалъ, что у него есть дрожки, а на случай нужды и карета, но что, кажется, онъ будетъ дѣлать переходы верхомъ, и на первомъ же переходѣ Паскевичъ сѣлъ на дрожки, посадилъ съ собою Нейдгарта, а Толь не имѣлъ дрожекъ, и не смѣя сѣсть въ фэатонъ, долженъ былъ ѣхать верхомъ.

Первый переходъ былъ довольно удаченъ. Артилерія хотя едва шла по растворившейся глинѣ, но войска прибыли, однакоже, къ вечеру къ Голымину и расположились на бивакахъ. Съ слѣдующаго перехода приказано было мнѣ запискою Толя состоять при гусарской дивизіи генерала Сиверса, которая слѣдовала впереди главныхъ силъ арміи. Въ Сиверсѣ я нашелъ человѣка любезнаго и привѣтливаго; квартирмейстеромъ у него въ дивизіи былъ генеральнаго штаба капитанъ Ушаковъ и при немъ состоялъ прикомандированный къ генеральному штабу Олонецкаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Чайковскій. Ушаковъ удивился моему пріѣзду, былъ не совсѣмъ имъ доволенъ, но, повинувшись запискѣ Толя, уступилъ мнѣ всѣ распоряженія. Впереди насъ, подъ прикрытіемъ гусарскихъ разъѣздовъ, шелъ саперный баталіонъ, которымъ командовалъ полковникъ Обручевъ, братъ дежурнаго генерала. Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ авангардъ и генераль Рихтеръ, посланный Нейдгартомъ. До Сонска мы слѣдовали хорошо, но здѣсь прискакалъ полковникъ Обручевъ и объявилъ генералу Сиверсу, что на Крашево можно пройти прямою дорогою и онъ не знаетъ почему армію заставляютъ дѣлать верстъ восемь лишнихъ, и что тотъ, кто осматривалъ дорогу, вѣроятно не сообразилъ этого.

— Осматривалъ дорогу я, полковникъ, возразилъ я Обручеву, и убѣжденъ, что армія прямо не пройдетъ, здѣсь болотистый грунтъ и артилерія завязнетъ непремѣнно.

— Помилуйте! мы не по такимъ дорогамъ проходили, а я увѣренъ, что эта дорога и прямѣе и лучше.

— Вы основываете вашу увѣренность на словахъ жителей, а я на собственномъ осмотрѣ.

— Это съ вашей стороны очень опрометчиво, Нееловъ, замѣтилъ

Рихтеръ, заставить армію дѣлать напрасный обходъ. Полковникъ, конечно, знаетъ, когда онъ говорить.

— Я ручаюсь, что эта дорога прекрасная, прибавилъ Обручевъ.

— Если вы ручаетесь, то время еще не ушло, мы направимъ по ней авангардъ, и если вамъ угодно, напишемъ донесеніе графу Толю и Нейдарту, что вы нашли прямую дорогу хорошою и берете отвѣтственность на себя, но я отвѣчать не согласенъ.

— Извольте, съ охотою.

Сиверсъ предоставилъ рѣшить это Рихтеру; Рихтеръ согласился съ Обручевымъ, и мы послали каждый отъ себя донесеніе къ Толю и къ Нейдарту. Рихтеръ доносилъ, что, основываясь на словахъ полковника Обручева, онъ предпочелъ направить войска на Крашево по прямому пути. Обручевъ—что прямая дорога на Крашево проходима для всей арміи; а я, что хотя и предложена была мною, для движенія главныхъ силъ арміи, дорога обходная, предпочтительно передъ прямою, но такъ какъ полковникъ Обручевъ нашелъ и послѣднюю удобною для слѣдованія арміи, то генераломъ Рихтеромъ рѣшено направиться по прямому пути. При проходѣ авангарда по прямой дорогѣ грунтъ ее казался еще твердымъ, но какъ скоро лошади соступали съ узкой дорожки, ноги ихъ вязли. Я замѣтилъ это Рихтеру, но онъ не придалъ этому большой важности. Изъ Крашева мы потянулись на Люберадзъ и Джекларжево; переѣхавъ Вскру, Рихтеръ, чтобы скорѣе отдѣлаться, началъ мнѣ сдавать позиціи для перваго пѣхотнаго и гренадерскаго корпусовъ на правомъ берегу Вскры. Между тѣмъ, саперы и дивизія Сиверса перешли черезъ мостъ и расположились на бивакахъ. Но въ то время, когда мы съ Рихтеромъ объѣзжали позицію, пріѣхалъ состоящій при главной квартирѣ гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Коцебу 2-й.

— Ну, господа, сказалъ онъ, не знаю кто виновать, но только тамъ ужасный переполохъ.

— Гдѣ? скоро спросилъ Рихтеръ.

— Въ арміи. Артилерія завязла, на каждое орудіе наряжено для вытаскиванія по ротѣ пѣхоты. Войска придуть сюда развѣ завтра къ утру. Главнокомандующій выходитъ изъ себя. Всѣ въ тревогѣ, суета, хлопоты.

Принявъ всѣ позиціи и передавая ихъ пріѣзжающимъ офицерамъ генеральнаго штаба, я возвратился уже передъ вечеромъ къ мосту на Вскрѣ. Тамъ были Гурко и Зальца; они подтвердили слова Коцебу, что Паскевичъ взбѣшенъ и что войска встрѣчаютъ неимоверныя затрудненія. Я рассказалъ Гурко все дѣло, онъ пожалъ плечами и замолчалъ. Рѣка

Вскра хотя не широка, саженой 10, но глубока и быстра, и берега ея круты. Понтоннаго моста навести черезъ нее было нельзя, и потому единственною переправой былъ описанный мною мостъ на высокихъ сваяхъ. Вслѣдъ за дивизіею Сиверса по немъ прошла еще часть кавалеріи и пѣхота Палена. За послѣднею слѣдовала дивизія кирасиръ, а за кирасирами ѣхалъ главнокомандующій въ дрожжахъ. Кирасиры проходили также благополучно, но лишь только послѣдній рядъ кирасиръ взѣхалъ на мостъ, какъ онъ провалился, два кирасира обрушились въ воду, ушиблись и едва выплыли. Паскевичъ, раздосадованный и безъ того, вышелъ изъ себя отъ подобныхъ безпорядковъ. И въ самомъ дѣлѣ было отчего разсердиться. Нейдгартъ, увидѣвъ меня на другомъ берегу, далъ лошади шпоры, перескочилъ черезъ провалъ и подскакалъ прямо ко мнѣ.

— Что вы это дѣлаете, сударь? вскричалъ онъ, такъ-то вы исполняете ваши порученія? Вы у меня всю кампанію просидите подъ арестомъ.

— Ваше превосходительство, сказалъ рѣшительно Гурко, становясь передо мною, онъ исполнилъ свое дѣло хорошо, онъ не виноватъ; но если посылаютъ офицеровъ, такъ надобно и читать ихъ донесенія.

— Вы балуете вашихъ офицеровъ, генераль, это я давно знаю.

— Не балую, ваше превосходительство, но извините меня, не позволю и обвинять ихъ тогда, когда они дѣйствовали и усердно и добросовѣстно.

Нейдгартъ бросилъ на меня грозный взглядъ, сжалъ губы, оборотилъ круто лошадь и перелетѣлъ опять черезъ провалъ къ Паскевичу, который вышелъ изъ дрожжекъ и ходилъ въ ожиданіи, пока призванные саперы не поправятъ мостъ. Къ счастью, провалилась одна настилка, остальное все было крѣпко, мостъ исправленъ въ полчаса и главнокомандующій поѣхалъ, приказавъ отыскать виновнаго и отдать его подъ судъ.

Вечеръ я провелъ грустно, чувствовалъ себя невиноватымъ, но тѣмъ не менѣе всѣ штабные, исключая Полтарацкаго, упрекали меня, сами не зная за что. Послѣ починки моста, провалилось опять одно орудіе, но его успѣли скоро вытащить, и уже не дали объ этомъ знать въ главную квартиру, по просьбѣ полковника Обручева. Хвостъ колонны началъ стягиваться только къ свѣту, и потому войскамъ данъ былъ на другой день отдыхъ. Слѣдующій день еще болѣе опечалилъ меня, когда я прочелъ въ приказѣ генераль-квартирмейстера по генеральному штабу, чтобы молодымъ офицерамъ генеральнаго штаба и въ особенности прикомандированнымъ, не давать

никакихъ важныхъ порученій, отъ которыхъ зависитъ скорость слѣдованія арміи. Я рѣшился идти въ главную квартиру и переговорить объ этомъ съ Галяминимъ.

— Это не бѣда, замѣтилъ Галяминъ, а вы подумайте лучше о томъ, какъ бы вамъ не попасть подъ судъ.

— За что?

— Да за то, что вамъ приказано было разослать копии съ вашихъ донесеній по войскамъ, а на повѣрку не только копій, но и подлинника въ главной квартирѣ не отыскивается. Здѣсь, батюшка, придется выставить непременно кого нибудь виноватымъ; кого же легче обвинить? разумѣется васъ; что вы такое? подпоручикъ гренадерскаго полка—экъ велика штука!

— Да это будетъ сущая несправедливость.

— Захотѣли вы пскать справедливости, а мой совѣтъ, вмѣсто того, чтобы по пустому горячиться, сходите и объяснитесь съ Нейдгартомъ; иначе, право, уходить. Остановить движеніе арміи—шутка плоха!

Я послушался Галямина и пошелъ къ Нейдгарту. Нейдгартъ принялъ меня сухо.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ, сдѣлавъ недовольную гримасу.

Я объяснилъ ему, что напрасно обвиняютъ меня за вчерашнюю дорогу.

— Нѣтъ! нѣтъ! прервалъ онъ, не напрасно. Вы не дѣлаете своего дѣла. Я вамъ приказывалъ разослать копии съ вашихъ донесеній и подлинное передать генералу Рихтеру.

— Я все это исполнилъ.

— Никогда-съ.

— Извольте спросить у генерала Рихтера.

— Я спрашивалъ, онъ не получалъ.

— Быть не можетъ, ваше превосходительство.

— А я вамъ говорю—такъ, какъ же вы смѣете возражать мнѣ, что быть не можетъ. Притомъ, и все ваше донесеніе, сколько я его припомню, было составлено очень неосмотрительно.

— Позвольте мнѣ привезти его вамъ изъ штаба гренадерскаго корпуса.

— Не надо. Вашъ Гурко, изъ баловства, готовъ, пожадуй, составить новое.

— Не угодно-ли вашему превосходительству послать офицера генеральнаго штаба, чтобы повѣрить предложенную мною дорогу.

— Я не имѣю офицеровъ, чтобы перевѣрять ваши работы, сдѣланныя кое-какъ.

Я уже не зналъ что и возражать на это и о чемъ просить его, стоялъ и молчалъ, а Нейдгартъ ходилъ скорыми шагами и казался встревоженнымъ. Но вдругъ отворились двери и вошелъ графъ Толь.

— Что вы? спросилъ онъ, обратясь ко мнѣ.

Я повторилъ ему все то, что сказалъ Нейдгарту.

— Ну-съ, сказалъ онъ холодно.

— Тогда какъ вашему сіятельству извѣстно, что мною избрана была другая дорога.

— Ну-съ.

— И я, если изволите припомнить, докладывалъ вашему сіятельству, что мостъ долженъ быть осмотрѣнъ саперами.

— Позвать капитана Коцебу! закричалъ графъ Толь, отворивъ дверь въ переднюю комнату.

Явился Коцебу.

— Съѣздите, любезный, назадъ, осмотрите дорогу, предложенную Нееловымъ, и скажите мнѣ, какова она, въ сравненіи съ той, по которой мы шли. Это, Александръ Ивановичъ, будетъ самая лучшая поправка, прибавилъ Толь, обратясь къ Нейдгарту и кивнувъ головою Коцебу и мнѣ, давая этимъ знакъ, чтобы мы вышли.

Мы вышли и разошлись съ Коцебу, не сказавъ другъ другу ни слова.

Я не ожидалъ благопріятной развязки и очень удивился на другой день, когда Гурко позвалъ меня къ себѣ и, отдавая мнѣ приказъ по генеральному штабу арміи, велѣлъ ѣхать впередъ для принятія отъ генерала Рихтера позиціи. Въ приказѣ сказано: что хотя наканунѣ и предписано было не командировать молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, и въ особенности прикомандированныхъ, для серьезныхъ порученій, но такъ какъ подпоручикъ Нееловъ постоянно во время кампаніи выполнялъ подобныя порученія и съ знаніемъ дѣла и добросовѣстно, то этотъ приказъ не долженъ распространяться на него.

— И такъ, сказалъ улыбаясь Гурко, поѣжайте! я очень радъ.

Слѣдующій переходъ былъ небольшой, до Гралева.

Послѣ я узналъ, что благородный Коцебу расхвалилъ избранную мною дорогу и я былъ оправданъ.

Изъ Гралева Гренадерскій и Гвардейскій корпуса должны были слѣдовать прямо къ Плоцку, а корпусъ Палена 1-го, направленный на Раціонжскъ, къ Бѣльску. Съ половины перехода, показавъ гренадерамъ мѣсто для привала, я поѣхалъ впередъ, для занятія позиціи подъ Плоцкомъ. Со мною выпросился ѣхать и Петровскій. Проѣхавъ верстъ восемь, мы остановились на панской мызѣ, позавтракали, погуляли по саду, рвали вишни и черешни и встрѣтились тамъ съ однимъ незнако-

мымъ подполковникомъ генеральнаго штаба. Петровскій обошелся съ нимъ очень важно, давалъ ему короткіе и сухіе отвѣты и не расположилъ къ себѣ подполковника. Но въ тотъ же день узнали мы, что это былъ Бутовскій, назначенный оберъ-квартирмейстеромъ въ Гренадерскій корпусъ и онъ ожидалъ здѣсь прибытія корпуса, чтобы явиться къ князю и вступить въ свою должность. Не доѣзжая до Плоцка версты четыре, я увидѣлъ Рихтера и Дюгамеля, объѣзжающихъ поля; они показали мнѣ позицію здѣсь же на яровомъ полѣ; правый флангъ долженъ былъ примыкать къ большой дорогѣ изъ Бѣльска въ Плоцкъ, лѣвый къ небольшому фольварку, впереди котораго, впису подъ горою, тянулся полосаю сажень въ 200 ширины мокрый лугъ и за нимъ начинались опять возвышенности, образующія правый крутой берегъ Вислы, на которомъ видѣнъ былъ Плоцкъ. Петровскій упросилъ меня дать ему поставить хоть одинъ разъ войска, чтобы доказать, что и онъ понимаетъ дѣло. Я ему предоставилъ расположить 1-ю Гренадерскую дивизию и просилъ его замѣтить, гдѣ долженъ быть правый флангъ дивизіи, и какое должно быть направленіе линіи.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Петровскій, я замѣтилъ по желтенькимъ цвѣточкамъ.

— По какимъ цвѣточкамъ? Они разсыяны по всему яровому полю.

— Нѣтъ, тамъ, гдѣ долженъ быть правый флангъ, ихъ гораздо больше.

— Ты ошибаешься, это такъ кажется.

— Ну, вотъ еще, повѣрь, что нѣтъ.

Петровскій уговорилъ меня воспользоваться тремя часами свободнаго времени, съѣздить въ Плоцкъ, посмотрѣть городъ и пообѣдать въ ресторанахъ. Мы поѣхали.

Плоцкъ довольно значительный и красивый городъ, расположенный на правомъ крутомъ берегу Вислы. Улицы чистыя, правильныя, нѣкоторыя изъ улицъ усажены были двумя рядами пирамидальныхъ, роскошныхъ тополей, въ городѣ былъ довольно хорошій публичный садъ. На Вислѣ лежало нѣсколько острововъ, покрытыхъ кустарникомъ, и противоположный берегъ образовалъ собою обширную равнину, за которою только вдали на нагорномъ берегу виднѣлись разбросанныя кой-гдѣ селенія. Острова и противоположный берегъ, какъ говорили, заняты были непріателемъ; въ Плоцкѣ же находились уже казаки и офицеры главной квартиры. Мы отобѣдали въ лучшемъ ресторанахъ и хотя Петровскій упрямивалъ меня пробывать въ Плоцкѣ еще часъ или полтора, но я нашелъ необходимымъ поспѣшить къ корпусу и осмотрѣть, между тѣмъ, другую большую дорогу, ведущую изъ Плоцка, чтобы выѣхать прямо на перерѣзъ корпусу. Петровскій не хотѣлъ ѣхать по новой дорогѣ, бо-

ясь потерять мѣсто для бивака, и мы раздѣлились, — я снова встрѣтился съ Рихтеромъ и Дюгамелемъ; они мнѣ сказали, что Гренадерскому корпусу послано приказаніе повернуть съ Бѣльской дороги влѣво и слѣдовать проселкомъ, что корпусъ уже не далеко и что карабинеры 2-й Гренадерской дивизіи должны быть направлены прямо на Плоцкъ, чтобы прикрывать тамъ главную квартиру. Ворочаться назадъ, чтобы осмотрѣть, какимъ образомъ провести карабинеровъ прямо на Плоцкъ, было уже нѣкогда и я поспѣшилъ проѣхать прямо полями, чтобы встрѣтить корпусъ, пока онъ не дошелъ еще до фольварка. Петровскій передалъ уже князю, какъ должны расположиться войска, но оказалось, что свѣдѣнія, привезенныя мною, нѣсколько противорѣчили его словамъ и Петровскій разсердился, предполагая, что я его обманывалъ. Подходя къ фольварку, 1-я Гренадерская дивизія и гренадеры 2-й дивизіи повернули направо, а карабинеры должны были идти въ Плоцкъ; но какъ идти? прямой дороги не было. Направивъ же вправо на Бѣльскую дорогу или влѣво на Плоцкую, они пришли бы въ Плоцкъ не равнѣе какъ часа черезъ четыре, тогда какъ главнокомандующій прислалъ сказать, что онъ ожидаетъ карабинеровъ черезъ часъ и безъ нихъ не можетъ вѣхать въ Плоцкъ. Чтѣ было дѣлать? Опоздай карабинеры, сказали бы, зачѣмъ я не своротилъ ихъ на плоцкую дорогу прежде, и потому я рѣшился дѣйствовать на счастье и приказалъ имъ спускаться съ горы прямо отъ фольварка, чтобы провести ихъ и съ батареею артилеріи прямо черезъ мокрый лугъ. Гдѣ мѣста на лугу были нѣсколько возвышеннѣе, тамъ трава пожелтѣла; желтые переливы тянулись черезъ весь лугъ зигзагами, и это меня увѣрило, что, направляясь по желтой травѣ, я успѣю перевести войска. Но, къ довершенію моей досады, Гурко прискакалъ и послалъ меня показать прежде мѣсто гренадерамъ, говоря, что Петровскій ищетъ какихъ-то желтенькихъ цвѣточковъ и не можетъ поставить. Я сѣзидилъ, показалъ наскоро гренадерамъ мѣста и возвратился къ фольварку. Карабинеры и батарея артилеріи спустились уже съ горы и подходили къ болоту. Князь досадовалъ и увѣрялъ, что карабинеры не пройдутъ; главнокомандующій съ штабомъ стоялъ на противоположной горѣ за болотомъ и давалъ знакъ, чтобы слѣдовали скорѣе. Что будетъ, то будетъ, подумалъ я, но медлить уже было нельзя. Выскакавъ передъ колонны, я приказалъ карабинерамъ не растягиваться, ѣздовымъ при орудіяхъ тянуть дружно и ровно и ѣхать за мною, какъ бы я не вертѣлся изъ стороны въ сторону. Грунтъ оказался довольно твердый, войска двинулись, артилерія также, и я, въ виду всей главной квартиры и корпуснаго штаба, которые, стоя на противоположныхъ горахъ, ожидали раз-

вязки такого страшнаго и смѣлаго движенія, велъ войска по зигзагамъ, означаемымъ желтою травою. Адъютанты, посылаемые ко мнѣ отъ главнокомандующаго и князя, не могли проѣхать, не руководствуясь тою же снарочною, лошади ихъ вязли и они возвращались назадъ. Все это еще болѣе прибавляло тѣмъ и другимъ страха; но мы шли и черезъ четверть часа были уже на другомъ берегу. Нейдгартъ выѣхалъ на встрѣчу, сказалъ мнѣ «спасибо» отъ имени главнокомандующаго за хорошее знаніе мѣстности, взялъ карабинеровъ, повелъ ихъ далѣе самъ, а мнѣ приказалъ возвратиться къ князю и поблагодарить также его.

— Ну, братецъ, сказалъ князь, напугалъ ты насъ, но, слава Богу! большое тебѣ спасибо.

Подъ Плоцкомъ армія простояла около пяти дней. Гвардія правѣе гренадеровъ, за небольшою рѣчкою, графъ Виттъ съ авангардомъ близъ Бадзанова, разѣзды его доходили сначала до Вышегородка и Плонска, но потомъ Скрженецкій заставилъ ихъ значительно отодвинуться и занялъ частями войскъ Вышегородокъ и Плонскъ. Корпусъ Палена долженъ былъ расположиться въ Бѣльскѣ, но когда Нейдгартъ послалъ къ нему диспозицію на другой день послѣ нашего прихода подъ Плоцкъ, корпуса Палена подъ Бѣльскомъ не оказалось. Нейдгартъ встревожился, разослалъ офицеровъ генеральнаго штаба искать корпусъ въ окрестностяхъ Бѣльска, офицеры объѣздили кругомъ Бѣльска раіонъ верстъ на десять и возвратились съ извѣстіемъ, что Палена нѣтъ. Нейдгартъ доложилъ Толю, приказано снова искать, и снова офицеры возвратились съ отвѣтомъ, что Палена нѣтъ. Толь послалъ узнать въ Раціонжскъ, а между тѣмъ рѣшился доложить главнокомандующему.

— Успокойтесь, Карлъ Ѳеодоровичъ, сказалъ равнодушно Паскевичъ, Петръ Петровичъ не мальчигъ, ему нянекъ не нужно; онъ, вѣроятно, знаетъ что дѣлаетъ, намъ за него бояться нечего.

— Но, ваше сіятельство, вто неисполненіе повелѣній можетъ породить безпорядки.

— Онъ исполняетъ мои повелѣнія, я ему приказалъ лично, виѣсто Бѣльска двинуться на Сіерпцъ и Скомпе къ Осьеку, чтобы заняться скорѣйшимъ устроеніемъ переправы и чтобы намъ выиграть чрезъ это время. Онъ теперь уже за Сіерпцомъ, отправьте туда офицера и вы его найдете.

Толь замолчалъ. Онъ не упоминаетъ ни слова объ этомъ въ своихъ запискахъ, потому что честь этого распоряженія принадлежитъ самому Паскевичу.

Для чего главнокомандующій хотѣлъ хранить это въ тайнѣ даже и отъ Толя, можетъ быть для того, чтобы ввести въ недоумѣніе на счетъ

избраннаго мѣста для переправы и всю свою главную квартиру. И точно, многіе долго были убѣждены, что Паскевичъ намѣренъ переправиться въ Плоцкѣ. Въ Плоцкѣ нарочно закупали для устройства моста лѣсъ, выгружали его на берегъ. Главнокомандующій въ своемъ присутствіи переправилъ часть карабинеровъ на судахъ на острова и занялъ эти острова съ бою; и потому досадовали только на то, почему все это не было приготовлено заранѣе, и дѣлается съ такою медленностью. Подъ Плоцкомъ проводили мы время довольно весело, ѣдили иногда въ Плоцкѣ, и я съ грустью смотрѣлъ, какъ подъ топорами карабинеровъ исчезали тополи и публичный садъ, превращаясь въ дрова для бивакъ. 29-го іюня, въ Петровъ день, шелъ дождь; въ Кіевскомъ гренадерскомъ полку былъ полковой праздникъ; мы обѣдали у князя и слушали солдатскія пѣсни, вдругъ ударили въ Гренадерскомъ корпусѣ тревогу.

— Что такое? вскричалъ князь, — узнайте!

Мы сѣли верхами, войска стояли уже подъ ружьемъ, выѣхалъ князь, всѣ ѣздили, разыскивали и никто не зналъ причины тревоги; но въ гвардіи также гремѣли барабаны и войска становились подъ ружье.

— Что это значитъ? кто приказалъ? сказалъ князь, остановившись передъ Екатеринославскимъ полкомъ.

— Главнокомандующій, отвѣчалъ барабавщикъ Екатеринославскаго полка.

— Какъ, главнокомандующій? спросилъ скоро князь.

— Точно такъ, ваше сіятельство, они изволили здѣсь быть и поѣхали въ Гвардейскій корпусъ.

Черезъ полчаса показалась на горѣ отъ Плоцка вся главная квартира верхами, а отъ Гвардейскаго корпуса ѣхалъ главнокомандующій, въ сопровожденіи Великаго Князя Михаила Павловича, Нейдгарта, Щербатова и Бистрома.

— Шалаши сломать, сказалъ Паскевичъ, подѣвжая къ гренадерамъ, обозы назадъ, войскамъ стоять подъ ружьемъ, прикажите ѣхать за мною, Иванъ Леонтьевичъ, вашему начальнику штаба и офицерамъ генеральнаго штаба.

Съ этимъ словомъ Паскевичъ поклонился Его Высочеству и князю Шаховскому, и мы понеслись на полныхъ рысяхъ вслѣдъ за главнокомандующимъ по направленію къ авангарду Витта. Дождь шелъ ливнемъ, ночь наступила темная, мы ѣхали все впередъ и впередъ безъ остановки. Паскевичъ гналъ свою лошадь и не говорилъ ни слова. Никто не зналъ, какъ можно было замѣтить изъ общихъ разговоровъ, что причиною тревоги и куда ѣдетъ главнокомандующій. Нейдгартъ былъ также въ недоумѣніи, но никто не смѣлъ спросить Паскевича, послѣ

поступка его съ корпусомъ Палена. Проѣхавъ слишкомъ 15-ть верстъ и прибывъ въ расположеніе Витта, Паскевичъ какъ будто изумился царствующему тамъ спокойствію.

— Гдѣ начальникъ арьергарда? спросилъ онъ.

— Здѣсь, въ хатѣ, отвѣчали попавшіеся на встрѣчу солдаты.

Паскевичъ сошелъ съ лошади и вошелъ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ лицъ въ квартиру Витта. Комната Витта была освѣщена двумя свѣчами, окна ея были низки и потому мы, не слѣзая съ лошадей, могли все видѣть, что дѣлается внутри. Паскевичъ вонюлъ и остановился въ удивленіи: Виттъ, Бергъ, бывший у него за начальника штаба, и оберквартирмейстеръ его Брадке, всѣ въ халатахъ, сидѣли за самоваромъ и пили чай. Они вскочили и также смотрѣли съ удивленіемъ на неожиданныхъ посѣтителей.

— Васъ атакуютъ? Обходятъ лѣвое крыло? а вы кушаете чай, спросилъ спокойно Паскевичъ.

— Кто атакуетъ? спросилъ графъ Виттъ.

— Вы же пишете.—Записка руки Берга.

— Моя, ваше сіятельство?

— Да, ваша. Вы послали ее съ казакомъ передать генераль-квартирмейстеру, я гулялъ по Плоцку, казакъ попался мнѣ на встрѣчу, я взялъ у него записку, прочелъ, привелъ въ тревогу всю армію и прискакалъ сюда, чтобы видѣть дѣло собственными глазами.

— Ваше сіятельство, перебилъ Виттъ, эти донесенія посылаются къ генераль-квартирмейстеру каждый часъ, и каждое изъ нихъ есть продолженіе предыдущихъ донесеній; здѣсь разумѣлась цѣль аванпостовъ, которую нѣсколько было потѣснили; но теперь она опять на своемъ мѣстѣ.

— Что же вы такъ безтолково пишете? сказалъ съ досадою Паскевичъ, обратясь къ Бергу.

— Для генерала Нейдгарта это очень было понятно, ваше сіятельство, отвѣчалъ учтиво Бергъ, и онъ вѣроятно бы не доложилъ даже объ этомъ вашему сіятельству, это такъ ничтожно.

Паскевичъ разсердился, отказался даже напиться у графа Витта чаю, мы поѣхали по дождю обратно назадъ, возвратились уже на разсвѣтѣ, а войска еще стояли подъ ружьемъ. И потому, можно сказать, какъ въ одномъ случаѣ Паскевичъ желая распорядиться самъ и не довѣряя окружающимъ его лицамъ, поступилъ хорошо, такъ въ другомъ случаѣ это вышло дурно; и сколько тайное направленіе корпуса Палена дѣлаетъ главнокомандующему честь, столько пустая тревога заставляетъ винить его. Но этимъ тревога еще не кончилась. Паскевичъ, вѣроятно,

для того, чтобы выдержать свой характер и убедить войска, что тревога была не напрасная, приказал войскамъ часа через два выступать и слѣдовать какъ гренадерамъ, такъ и гвардіи по направленію на Липно, въ боевыхъ порядкахъ, отступая линія черезъ линію. Витту также приказано было отступать лѣвѣе Плоцка и если непріятель будетъ сильно его тѣснить, навести его на гренадерскій и гвардейскій корпуса, и пристроиться къ лѣвому флангу гренадеровъ. Карабинеры изъ Плоцка присоединились ко 2-й гренадерской дивизіи. Гренадерскій корпусъ построился въ боевой порядокъ фронтомъ къ Плоцку, гвардія отступила на версту, потомъ также построилась въ боевой порядокъ. Гренадеры прошли мимо ее полями, остановились, выстроились и опять начала отступать гвардія. Этотъ переходъ корпусъ за корпусъ повторялся четыре раза; но противъ кого былъ подобный маневръ, никто не понималъ рѣшительно. Мѣстность за Плоцкомъ была открытая, видно было вдаль верстъ на 15, и не только нигдѣ не показывался непріятель въ значительныхъ силахъ, но даже не видно было и разѣздовъ. У Витта, образовавшаго теперь собою арьергардъ, не слышно было ни одного выстрѣла. Войска безпрестанно перестраивались, останавливались и, проходя по вязкимъ полямъ, истомились. Солдаты роптали, частные начальники выходили изъ себя; дождь поливалъ какъ изъ ведра, не было ни на комъ сухой нитки; въ шесть часовъ времени войска прошли такимъ образомъ четыре версты. Когда гренадерскій корпусъ снова остановился, чтобы пропустить гвардію, Шаховской легъ на полѣ у борозды, завернувшись въ мокрую шинель, и съ досады не говорилъ уже ни слова. Въ это время проѣхалъ главнокомандующій, сѣвшій въ карету съ Толемъ, и потребовалъ къ себѣ князя, князь вскочилъ, подошелъ къ каретѣ и, не ожидая, что намѣренъ ему приказать Паскевичъ, началъ говорить.

— Это, ваше сіятельство, ни на что не похоже! Вы хотите безъ боя разстроить армію, я васъ поздравляю, успѣете!

Продолженіе разговора трудно было разслышать, только онъ былъ горячъ, и когда Паскевичъ проѣхалъ, гренадеры и гвардія свернулись въ походныя колонны и, пройдя еще версты четыре, расположились на бивакахъ близъ лѣса. Войска были утомлены до невозможности и, не смотря на дождь, не хотѣли строить себѣ шалашей, но оставались всю ночь подъ открытымъ небомъ.

Объ этомъ происшествіи рассказываетъ Толь въ своихъ запискахъ нѣсколько иначе: онъ говоритъ, что будто бы Паскевичъ показалъ ему за обѣдомъ записку Берга и, не смотря на его убѣжденія, что это относится къ цѣпи, встревожился и привелъ въ тревогу всю армію, что

Толь не хотѣлъ ѣхать по пустыкамъ въ арьергардъ, оставался покойно въ Плоцкѣ и только ночью выѣхалъ на встрѣчу Паскевичу, въ небольшую деревеньку верстахъ въ 6-ти отъ Плоцка, гдѣ Паскевичъ остановился для составленія диспозиціи. Здѣсь, говоритъ Толь, Паскевичъ началъ диктовать самъ, сбивался, путался, сердился, показавъ явно свою неспособность распоряжаться и кончилъ тѣмъ, что столпилъ всю армію на тѣсномъ пространствѣ и затруднилъ до того движеніе частей войскъ, что они тянулись четыре версты нѣсколько часовъ.

Въ утру погода разгулялась, мы двинулись далѣе и еще въ одинъ переходъ были уже у Липно. Главная и корпусная квартиры расположились въ Липно, а дивизионный штабъ правѣе Липно, на мызѣ у мельника, близъ бивака дивизіи, стоявшей за ручьемъ. Мѣстоположеніе около мельницы прекрасное, комнаты, занимаемыя нами въ домѣ у мельника, были прехорошенькія. Мельникъ, сѣдой старикъ, былъ замѣчательнень по своему огромному колтуну. У него мы нашли сиротку мальчика, который жилъ въ хлѣбѣ съ телятами, питался мякиной, ходилъ нагишомъ и даже плохо говорилъ. Отецъ этого мальчика умеръ, оставшись должнымъ мельнику 60 золотыхъ и мельникъ вымѣщавъ это на бѣдномъ сироткѣ, которому было уже около 12-ти лѣтъ. Мы его взяли, онъ началъ ѣсть хлѣбъ и мясо съ такою жадностію, что надобно было опасаться за его здоровье; потомъ заплатили мельнику долгъ, увезли отъ него мальчика и Полтавскій отдалъ его въ ученіе въ Варшавѣ. Близъ Липно мы простояли три дня и некли хлѣбы. Сухари, взятыя изъ Пултуска, были израсходованы. Основаніе нашихъ дѣйствій перемѣнилось. Хлѣбъ, покупаемый въ Пруссіи по вольной цѣнѣ, доставлялся къ арміи мукою, и потому черезъ нѣсколько переходовъ надобно было останавливаться, печь хлѣбы и сушить сухари. Сообщеніе съ Литвою было уже совершенно прервано войсками Скрженецкаго, и курьеры ѣздили не иначе какъ черезъ Пруссію. Легкія войска Скрженецкаго, продолжавшія слѣдовать за арміей, оставляли насъ долго въ твердомъ убѣжденіи, что за нами двигается вся польская армія. Изъ Липно войска наши двинулись къ Кіеколю. Зальца поѣхалъ впередъ для занятія позиціи, а мнѣ приказано было слѣдовать туда съ жалонерами. Я около часа отыскивалъ Зальца и въ мѣстечкѣ и кругомъ мѣстечка, и видя что всѣ мои поиски бесполезны, рѣшился ожидать прибытія корпуса. Часа черезъ два показался и корпусъ.

— Гдѣ наша позиція? спросилъ князь.

— Я не могъ отыскать Зальца.

— Виновать! сказалъ Гурко, онъ въ 5-ти верстахъ по дорогѣ къ

Осьеку, я совсѣмъ позабылъ упомянуть въ посланной къ вамъ запискѣ. Поѣзжайте, любезный, скорѣе.

Я приказалъ слѣдовать жалонерамъ и поскакалъ по дорогѣ къ Осьеку. Зальца сидѣлъ въ корчмѣ подѣ окномъ, и покойно курилъ трубку.

— Насплу нашелъ васъ, сказалъ я, слѣзая съ лошади.

— Зачѣмъ же вы слѣзаете, я скоро поѣду.

— Скоро, не значить сію минуту, я цѣлое утро на дождѣ, промокъ до костей и мнѣ вовсе не весело ожидать еще на дождѣ, когда вы сидите подѣ крышей.

Зальца вспыхнулъ; я также, мы наговорили другъ другу колкости и замолчали. Пришли жалонеры. Зальца началъ было разставлять ихъ самъ, но, не имѣя привычки, дѣлалъ это медленно; между тѣмъ, корпусъ уже подходилъ и войска надобно бы было напрасно держать подѣ ружьемъ. Тогда Зальца обратился ко мнѣ, попросилъ меня помочь, я разставилъ, корпусъ расположился, и это была единственная наша размолвка въ продолженіе всей кампаніи.

Не мало насъ забавляли на пути отъ Пултуска Фрейгангъ и Полуэктовъ: первый—желаніемъ отличиться, второй—заботливостью. Фрейгангу непремѣнно хотѣлось командовать какимъ либо отдѣльнымъ отрядомъ; иногда, чтобы утѣшить его, я ставилъ его нѣсколько отдѣльно отъ дивизіи, говорилъ ему, что онъ составляетъ теперь особый отрядъ и обязанъ защищать такой-то пунктъ, откуда ожидаютъ непріятели. Фрейгангъ суетился, хлопоталъ, ѣздилъ просить у Гурко себаго офицера генеральнаго штаба и не спалъ по цѣлымъ ночамъ. Но часто и Гурко, зная его слабость, нарочно поручалъ ему сказать, что онъ составитъ такой-то отрядъ и къ нему поступитъ часть кавалеріи и казаковъ. Фрейгангъ приходилъ въ восторгъ, опять начиналъ хлопотать; но черезъ часъ Гурко присылалъ сказать, что предположеніе не состоялось и Фрейгангъ приходилъ въ уныніе. Порою, когда онъ начиналъ на меня досадовать, я, чтобы примириться съ нимъ, спрашивалъ его совѣта на счетъ какой либо позиціи, какъ старшаго офицера генеральнаго штаба; Фрейгангъ забывалъ все, говорилъ мнѣніе, я находилъ его прекраснымъ, и миръ заключался. Полуэктовъ часто не зналъ, куда дивизія идетъ, когда выступаетъ, и стояло отдать ему только въ руки диспозицію, онъ клалъ ее къ себѣ подѣ подушку, говорилъ, послѣ, послѣ, и дивизія не получала никакихъ распоряженій; поэтому, я читалъ ему диспозиціи, не выпуская изъ своихъ рукъ, выводилъ дивизію въ назначенный часъ и велъ не ожидая Полуэктова, который догонялъ насъ не рѣдко на второй половинѣ перехода; для того же, чтобы онъ зналъ, куда мы направились, я оставлялъ у него коротенькую записку, пере-

давая ее Овцыну; и къ этому порядку дѣль такъ привыкли, что князь и не спрашивалъ уже у Полуэктова, почему войска замѣшкали выступленіемъ или почему растянулись, но обращался съ вопросомъ ко мнѣ, хотя бы здѣсь былъ и Полуэктовъ. Почти съ самаго Пултуска, чтобы уложить въ фуры болѣе сухарей, приказано было ихъ истолочь. Князь, постоянно заботившійся о продовольствіи, спросилъ разъ у Полуэктова.

— Борисъ Владиміровичъ, у васъ, кажется, мало продовольствія?

— Будетъ, ваше сіятельство.

— Какъ будетъ! да на много ли осталось?

— Не безпокойтесь, и крошками будемъ питаться.

— Какъ крошками питаться? что вы это говорите? вскричалъ съ досадою Шаховской и началъ распекать Полуэктова.

Въ это время дежурный по дивизіи майоръ доложилъ тихо Полуэктову, что дѣйствительно солдаты уже другой день питаются крошками, потому что отпущены сухари на пять дней толченые. «Хорошо, сказалъ тихо Полуэктовъ, молчи!» и началъ доказывать князю рѣшительно, что и крошками можно питаться. Шаховской разсердился не на шутку, и тогда только уже Полуэктовъ замѣтилъ равнодушно, что подъ крошками онъ разумѣетъ толченые сухари, которыхъ еще остается на два дня.

— Вотъ и толкуй съ вами, сказалъ князь, такъ бы вы и говорили.

За Киколемъ мы остановились въ небольшой нѣмецкой колоніи и на другой день оставались тамъ же. Но съ ранняго утра начали раздаваться къ сторонѣ Осьека сильныя пушечныя выстрѣлы, которые становились время отъ времени чаще. Это встревожило князя и всѣхъ насъ; мы заключили, что, вѣроятно, какой нибудь значительный отрядъ Скрженецкаго преградилъ переправу Палена, тогда какъ самъ Скрженецкій намѣревается ударить на тылъ русской арміи. Шаховской послалъ къ Осьеку адъютанта, и мы успокоились. Непріятеля на другомъ берегу не было и корпусъ Палена уже переправился; выстрѣлы раздавались у Торна, гдѣ прусскимъ королемъ, на всякій, вѣроятно, случай, собрано было 50,000 войска, и когда наша переправа начала совершаться благополучно, король, чтобы дать другое значеніе этому сбору, началъ маневрировать. Но не одни мы, какъ видно изъ записокъ Толя, были въ томъ убѣжденіи, что за нами двигается вся Польская армія, Паскевичъ также постоянно этого опасался и держалъ даже съ Толемъ пари о 50 червонцахъ, что Скрженецкій непременно атакуетъ насъ съ тыла во время переправы, и каждый легкій отрядъ принималъ за появленіе цѣлой Польской арміи.

6-го іюля мы двинулись на переправу и войска расположились на

берегу въ ожиданіи. Многіе изъ штаба поѣхали на границу Пруссіи; туда выѣхали также пруссіе офицеры; встрѣчались съ нашими офицерами необыкновенно радушно и завидовали намъ, что мы воюемъ, а они только маневрируютъ. На Вислѣ, которая здѣсь очень широка, находилось на мѣстѣ, избранномъ для переправы, два сстрова: одинъ узкій и довольно длинный, почти на полверсты, другой небольшой. Главный фарватеръ рѣки былъ между правымъ берегомъ и длиннымъ островомъ и простирался въ ширину сажень на 300. Мостъ на главномъ фарватерѣ, устроенный на большихъ судахъ, доставленныхъ изъ Пруссіи, былъ широкъ и проченъ, такъ что пѣхота могла проходить по немъ взводными колоннами; черезъ второй рукавъ, сажень въ 120, мостъ былъ уже менѣе широкъ и проченъ, и черезъ третій рукавъ сажень въ 60, плашкотный мостъ замѣнялся уже понтоннымъ. Переправа продолжалась непрерывно; картина была прекрасная, и въ особенности вечеромъ 7-го іюля. Вечеръ былъ ясный, заходящее солнце играло послѣдними лучами, утоная въ лазурной и ровной поверхности Вислы; по обоимъ берегамъ стояли массы войскъ; на бивакахъ горѣли огни; черезъ мостъ тянулись тогда кавалергарды и конно-гвардія, и ихъ серебряныя латы горѣли жаромъ; стукъ колесъ, топотъ и ржаніе лошадей, команды начальниковъ, крики обозныхъ и звонкія, порою разгульныя, и веселыя и порою грустныя пѣсни на бивакахъ, все это представляло картину самую пеструю, живую и разнообразную и нельзя было ея не любоваться. Вся армія ожила, Висла, казалось, была главнымъ препятствіемъ, и это препятствіе уничтожилось безъ малѣйшей потери, одними благоразумными распоряженіями главнокомандующаго. Я переѣзжалъ черезъ мостъ раза три, и по утру 7-го былъ уже на другомъ берегу въ ближнемъ селеніи, чтобы выбрать биваки для гренадеровъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь? спросилъ меня Паскевичъ, проѣзжая мимо; вашъ корпусъ не переправился, какъ же вы могли отлучиться?

Я объяснилъ ему свою должность и порученіе, и онъ поѣхалъ далѣе. Корпусъ, однакожь, не успѣлъ еще прибыть 7-го на назначенные ему биваки и провелъ ночь на самомъ лѣвомъ берегу, расположившись на глубокихъ пескахъ.

8-го іюля армія двинулась вверхъ по лѣвому берегу Вислы на Бржещъ-Буавскій, Коваль, Гостининъ, Гомбинъ и прибыла къ Ловичу 23-го іюля. Словомъ, не смотря на то, что во время всего этого пути непріятель не только не дѣлалъ намъ ни малѣйшей задержки, но мы не встрѣчали его и разѣздовъ, мы тянулись 130 верстъ 16 дней. Два дня шли и потомъ три дня стояли, пекли хлѣбъ и сушили сухари. Эта медленность выводила насъ изъ терпѣнія. Дѣйствія Паскевича по

медленности сравнивали мы съ дѣйствіями Западной Европы въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій. Гдѣ же, говорили, уроки, данные Фридрихомъ, Суворовымъ, Наполеономъ? Они выигрывали одною быстротою и рѣшительностью, а мы полземъ какъ черепахи. Но мы не хотѣли соображать, что продовольствіе, получаемое мукой, было этому главною причиною, и что Паскевичъ не желалъ, подобно Дибичу, прибѣгать къ реквизиціи, чтобы чрезъ это не поселить къ себѣ нерасположеніе жителей. Конечно, подобная медленность могла быть для насъ и невыгодною, во-первыхъ, потому, что поляки могли успѣть окружить Варшаву укрѣпленіями, во-вторыхъ, потому, что Скрженецкій, воспользовавшись этимъ временемъ, имѣлъ возможность разбить корпусъ Розена и даже остановить слѣдованіе корпуса Крэйца, направлявшагося къ Нижней Вислѣ большимъ обходомъ черезъ Ломжу. И въ самомъ дѣлѣ, одно изъ нашихъ заключеній, казалось, оправдывалось: отъ Розена получено было донесеніе, когда мы подходили къ Брежешу-Куявскому, что авангардъ его корпуса, порученный имъ генералу Головину, при которомъ за начальника штаба находился Зедделеръ, въ противность его приказанія, отдѣлился далеко отъ корпуса, прошелъ Калушинъ, двинулся къ Минску, но, атакованный тамъ всею арміею Скрженецкаго, отступилъ въ безпорядкѣ, потерявъ четыре баталіона и двѣ батареи, которыя были отрѣзаны. Главнокомандующій разсердился, и Головинъ и Зедделеръ, приказомъ по арміи, отданы были подъ судъ. Но черезъ два дня получено было новое донесеніе, что баталіоны и артилерія не были вовсе отрѣзаны и прибыли въ цѣлости, и что Головинъ и Зедделеръ дѣйствовали такъ рѣшительно съ тою цѣлю, чтобы притянуть на себя главные силы Скрженецкаго и облегчить чрезъ это переправу черезъ Вислу главныхъ силъ русской арміи. Мы не встрѣчали непріятеля, и потому это послѣднее донесеніе заслуживало полного вѣроятія. Новымъ приказомъ по арміи Головинъ и Зедделеръ не только освобождены изъ подъ суда, но объявлена имъ благодарность, Розену же сдѣлано секретное замѣчаніе. Послѣ взятія Варшавы, Зедделеръ мнѣ рассказывалъ объ этихъ дѣлахъ довольно подробно: онъ не поладилъ съ Вольховскимъ, который имѣлъ вліяніе на Розена, и Вольховскій, чтобы удалить отъ Розена Зедделера, предложилъ составить авангардъ подъ начальствомъ Головина и дать ему Зедделера за начальника штаба. Авангардъ выдвинуть былъ по направленію къ Калушину за Мингосы, и ему дѣйствительно было приказано отъ Розена не предпринимать наступательныхъ дѣйствій, но Зедделеръ, полагая, что наступательныя дѣйствія съ этой стороны могутъ отвлечь главные силы Скрженецкаго отъ обороны переправы чрезъ Вислу, успѣлъ убѣдить Головина дѣйствовать наступа-

тельно. Они ходили для этого нѣсколько разъ и прямо къ Калушину и вправо и влѣво; дѣлали форсированные марши и, приведя Уминскаго въ тревогу, возвращались назадъ, и дѣйствительно успѣли привлечь, наконецъ, на себя Скрженецкаго, въ планъ котораго входило разбитіе Розена. Головинъ, по совѣту же Зедделера, при одномъ такомъ движеніи, прошелъ даже до Минска, растянулъ войска по лѣсу, какъ въ 1812 году при преслѣдованіи Макдональда и Юрка сдѣлалъ Дибичъ, чтобы увеличить въ глазахъ непріятеля свои силы; но когда черезъ день Скрженецкій увѣрился, что противъ него находится одинъ только авангардъ Головина, онъ атаковалъ его, и потеря авангарда была бы неизбѣжною, если бы Зедделеръ, для того, чтобы ускорить отступление своихъ войскъ, не далъ различное направленіе всѣмъ частямъ. Основываясь на первыхъ извѣстіяхъ еще не официальныхъ, Розенъ, подстрекаемый Вольховскимъ, который желалъ чѣмъ нибудь повредить Зедделеру, сдѣлалъ первое донесеніе главнокомандующему. Второе донесеніе было уже слѣдствіемъ необходимости, потому что первыя извѣстія оказались совершенно неправильными. Правда, дѣйствія Головина, или лучше сказать Зедделера, принесли большую пользу, но не были, однакоже, такъ важны, какъ представлялъ ихъ Зедделеръ. Скрженецкій не имѣлъ возможности предупредить русскую армію на переправѣ, и чтобы не оставаться въ бездѣйствіи, по неволѣ долженъ былъ обратиться противъ корпуса Розена; но если онъ не разбилъ Розена, то этимъ мы, конечно, обязаны много предпріятіямъ Зедделера, который, не давая ему покоя, долго оставлялъ его въ заблужденіи, что отъ Розена не отдѣлился еще и корпусъ Крейца, тогда какъ Крейцъ прошелъ уже въ это время Ломжу и слѣдовалъ близъ границъ Пруссіи къ Нижней Вислѣ (1).

(1) Къ этому мѣсту записокъ Неелова приложено въ рукописи слѣдующее собственноручное замѣчаніе генерала Головина:

«Въ высшей степени интересныя записки г. Неелова о войнѣ 1830 года противъ польскихъ мятежниковъ, заключающія въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для исторіи этой войны, представляютъ первый періодъ оной (т. е. до кончины гр. Дибича) въ такой ясности, какой мнѣ не случалось еще имѣть передъ глазами.

«Но не могу сказать того же о второмъ періодѣ военныхъ нашихъ дѣйствій, во время возмущенія въ Царствѣ Польскомъ, т. е. со времени командованія кн. Варшавскаго. Событія этого періода, совершившіяся подъ глазами г. Неелова или близки театру оныхъ, безъ сомнѣнія, изложены съ тою же вѣрностью и съ тою же отчетливостью, какъ и дѣйствія времени гр. Дибича, но то, что происходило въ отдаленіи и что описывается имъ по однимъ дошедшимъ до него разсказамъ, не имѣетъ уже такой основательности, какъ дѣйствія перваго періода. Что же касается до дѣйствій и назначенія корпуса барона Розена, то описаніе оныхъ у г. Неелова переполнено капитальными ошибками, къ исправленію которыхъ, такъ какъ и къ пополненію историческихъ недостатковъ разсказа, можетъ быть совершенно достаточно извлеченія изъ военнаго

Къ чести Паскевича, во время нашего движенія отъ Пултуска до Ловича, можно приписать то, что съ самаго вступленія его въ командованіе арміею, войска никогда не нуждались въ продовольствіи, но получали сухари, мясо и вино сполна по положенію; намъ также стали отпускать постоянно третью часть фуража натурою и двѣ трети деньгами, по такимъ цѣнамъ, на которыя легко можно было закупать вездѣ фуражъ безъ особенныхъ хлопотъ.

моего журнала кампаніи 1831 года въ Царствѣ Польскомъ, напечатаннаго въ Ригѣ въ 1847 году. Эти записки мои, подкрѣпленныя при нихъ официальными документами, вмѣстѣ съ другими источниками, послужили основаніемъ къ составленію третьяго тома весьма справедливо одобренной г. Нееловымъ исторіи Смида, заключающаго въ себѣ періодъ военныхъ дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ.

«Разсказъ полковника Зедделера (нынѣ умершаго въ чинѣ генераль-лейтенанта) о моихъ дѣйствіяхъ на Брестъ-Литовскомъ шоссе къ Варшавѣ, помѣщенный въ запискахъ г. Неелова, совершенно невѣренъ. Полковникъ Зедделеръ дѣйствительно прикомандированъ былъ ко мнѣ послѣ назначенія меня начальникомъ авангарда 6-го корпуса, для дѣйствія по Брестъ-Литовскому шоссе къ Варшавѣ, по предписанію не барона Розена, а самого главнокомандующаго, съ цѣлью мною самими указанною, но Зедделеръ никогда не имѣлъ того значенія, какое онъ себѣ присвоиваетъ, какъ будто онъ наравнѣ со мною подвергался за дѣйствія авангарда похвалѣ и выговорамъ. Отданіе мнѣ въ приказъ по арміи выговора и отданіе меня, по донесенію барона Розена, за дѣло подѣ Минскомъ, подѣ судъ, а потомъ вмѣстѣ же съ Зедделеромъ благодарности, также въ приказѣ по арміи, есть сущій вымыселъ: ничего подобнаго не было, и я не понимаю, отчего Зедделеру пришло въ голову выдумывать такія недѣлности. Все это достаточно и въ порядкѣ хронологическомъ опровергается.

«Зедделеръ былъ человѣкъ съ большими военными свѣдѣніями и не безъ дарованій. Какъ начальникъ штаба, по своей неутомимой дѣятельности и опытности въ написаніи подробныхъ инструкцій и распоряженій, могъ быть употребленъ съ большою пользою....

«Юля 2-го, когда я, не довѣряя весьма правдоподобнымъ показаніямъ плѣнныхъ и жителей, что передо мною болѣе 20,000 польскихъ войскъ, захотѣлъ удостовѣриться въ этомъ собственными глазами и рѣшился сбить передовую неприятельскую цѣпь, я дѣйствительно подвергъ отрядъ мой бою съ неприятелемъ, вчетверо меня сильнѣйшимъ, между тѣмъ какъ если бы я, вмѣсто того, чтобы атаковать поляковъ, въ 5 часовъ утра началъ отступать, я могъ бы избѣгнуть неровнаго боя и потери съ тѣми же самыми послѣдствіями, т. е., что значительная часть неприятельскихъ силъ была уже отвлечена на правый берегъ Вислы, согласно распоряженіямъ главнокомандующаго. Тутъ я поступилъ дѣйствительно неосторожно, сколько изъ боязни подвергнуться упреку, что даю себя обмануть демонстраціями со стороны непріятели, столько же, я долженъ признаться, по настойчивости Зедделера.

«Недоумѣнія на счетъ дѣйствій корпуса барона Розена происходили и донинѣ еще можетъ быть происходить отъ того собственно, что корпусъ его только 3-го августа сблизился съ авангардомъ, а до тѣхъ поръ не трогался изъ Брестъ-Литовска, и всѣ военныя дѣйствія 6-го корпуса, происходившія до того времени на шоссе, между Варшавою и Брестъ-Литовскомъ, принадлежать одному аван-

Толь въ своихъ запискахъ, говоря объ этомъ движеніи отъ переправы черезъ Вислу къ Ловичу, рассказываетъ, что Паскевичъ, перейдя Вислу, вдругъ сталъ опасаться, что Скрженецкій встрѣтитъ его вскорѣ послѣ переправы, съ тѣмъ, чтобы отбросить русскую армію назадъ, и снова держалъ пари съ Толемъ, который утверждалъ, что Скрженецкій и не намѣренъ этого сдѣлать и не рѣшится. Здѣсь же Толь замѣчаетъ, что Паскевичъ до того хлопоталъ о заготовленіи продовольствія и печеніи хлѣба, что раскомандировалъ всю главную квартиру и не давалъ никому покоя, и былъ виною, что полковникъ Тишинъ, начальникъ подвижныхъ лазаретовъ употребленный противъ своей обязанности для заготовленія сухарей, захваченъ въ плѣнъ и подвижные лазареты остались безъ надзора. Странное дѣло, говоритъ Толь—какъ при малѣйшей неудачѣ или пустомъ слухѣ Паскевичъ терялъ голову и дѣлался робкимъ, такъ, напротивъ того, при благопріятныхъ слухахъ, онъ вдругъ получалъ какую-то самоувѣренность, вспоминалъ свои успѣхи въ Персіи и въ Азіатской Турціи и повторялъ слова Жюмини, что полководецъ долженъ держать свои силы въ совокупности и съ рѣшительностію устремлять ихъ на важнѣйшій пунктъ театра войны.

Для занятія бивака для корпуса ѣздили мы уже постоянно вдвоемъ съ Бутовскимъ; онъ былъ неутомимъ, любилъ иногда, выѣзжая на какую либо позицію, объяснять мнѣ, какъ бы, примѣрно, можно расположить здѣсь войска для боя. Спалъ онъ въ своей бургѣ, а меня укладывалъ на двухъ пуховикахъ, которые, обыкновенно, предлагали намъ на панскихъ мызахъ. Во время остановки арміи для печенія хлѣба, насъ посылали для осмотра дорогъ, и отдыха было немного.

По прибытіи къ Ловичу, главная квартира расположилась въ Ловичѣ, авангардъ Витта—близъ Аркадіи, корпусъ Палена 1-го—близъ Ловича, гренадеры—на лѣвомъ берегу рѣчки Бзуры близъ Клупина и гвардія—близъ Коціержинова. Число войскъ главныхъ силъ русской арміи простиралось до 65,000. Армія Скрженецкаго занимала сильную позицію по правому берегу Равки, впадающей въ Бзуру, и по правому

гарду. Послѣ высылки изъ Варшавы на правый берегъ Вислы мятежническаго корпуса Ромарино, я командовалъ арьергардомъ и, прикрывая отступление барона Розена отъ Праги до Брестъ-Литовска, не разъ долженъ былъ выдерживать жаркій напоръ непріятеля, а при преслѣдованіи онаго отъ Брестъ-Литовска до предѣловъ Австріи, командовалъ опять авангардомъ, который при этомъ преслѣдованіи не встрѣчалъ уже большаго сопротивленія. Но 3-го сентября я спустился подъ начальство начальника штаба 1-й арміи генераль-адъютанта Краусовака и находился до самаго перехода корпуса Ромарино во владѣнія австрійскія, гдѣ оный обезоруженъ. Все это подробно изложено въ извлеченіи изъ моего журнала этой кампаніи. Еслибы г. Нееловъ прочелъ его, то, конечно, многое бы нашелъ въ запискахъ своихъ не такъ, какъ было.

крутому берегу Бзуры; лѣвый флангъ ея расположенія оканчивался у Болимова и на всемъ пространствѣ теченія Равки, отъ Болимова до впаденія ея въ Бауру, устроены были сильныя полевые укрѣпленія. Авангардъ Скрженецкаго выдвинуть былъ къ Ниеборову. Число войскъ главныхъ силъ польской арміи простиралось до 50,000, за исключеніемъ отряда Ружицкаго, направленнаго къ рѣкѣ Пилицѣ, для воспрепятствованія Ридигеру войти связь съ главными силами русской арміи. Ридигеръ въ это время находился у Йозефова, устраивалъ переправу у Горы и при Казиміерже, и готовъ былъ направиться на лѣвый берегъ Вислы; число войскъ Ридигера состояло изъ 15,000; Рожинскій, имѣя не болѣе 6,000, не въ состояніи былъ бы удержать Ридигера собственными силами; но войска его предположено было увеличить Сендомирской и Краковской милиціей отъ 15,000 до 20,000.

На другой день нашего прибытія къ Ловичу, передъ вечеромъ, непріятель потѣснилъ было арьергардъ Витта изъ Аркадіи, завязалось дѣло, главная квартира готова была даже оставить Ловичъ, но Виттъ удержался, и могу сказать, что я совершенно нечаянно способствовалъ этому. Штабъ нашей дивизіи былъ расположенъ въ небольшой деревенькѣ, на самомъ лѣвомъ берегу Бзуры; мы отдыхали въ сараѣ, когда раздались у Витта пушечные выстрѣлы. Мы вышли посмотрѣть, я взошелъ на высоту, находящуюся вправо отъ деревни и увидѣлъ, что часть польской пѣхоты, не ожидая близкаго расположенія гренадеръ, тянется почти по самому правому берегу Бзуры, саженьяхъ въ 200 отъ высоты. Я съѣлъ верхомъ, поскакалъ на биваки 2-й Гренадерской дивизіи, взялъ первую попавшуюся мнѣ легкую батарею подполковника Новицкаго, приказалъ ей слѣдовать за собою, поставилъ ее на этой высотѣ, и она открыла огонь по колоннамъ непріятельскимъ. Это неожиданное дѣйствіе артиллеріи во флангъ произвело въ рядахъ непріятельскихъ безпорядокъ. Виттъ, замѣтивъ его, перешелъ въ наступленіе. Полуэктовъ разсердился на меня, какъ я смѣю дѣлать самовольныя распоряженія, но я оправдывался тѣмъ, что не хотѣлъ пропустить такого удобнаго момента, что Бзура непереходима въ бродъ и батарея безопасна; но прискакавшій встревоженный Гурко увидѣлъ въ чемъ дѣло и принялъ мою сторону. Батарея продолжала еще дѣйствовать нѣсколько минутъ, пока непріятельскія колонны скрылись и вмѣсто ихъ показались войска Витта. Тогда батарея пошла на биваки, Гурко послалъ меня къ князю съ объясненіемъ, а самъ поѣхалъ донести въ главную квартиру.

Во время трехдневной нашей стоянки на лѣвомъ берегу Бзуры, аванпосты передъ нами, по утомленію лошадей въ легкой кавалеріи, содержали кирасиры.

Такъ называемая Сохачевская позиція считалась необыкновенно сильною; фронтъ ея былъ почти недоступенъ; обойти правый флангъ было невозможно, Бзура на всемъ нижнемъ теченіи представляла тѣ же препятствія, и притомъ, это значило бы подвергать русскую армію, въ случаѣ неудачи, быть отброшенною къ Вислѣ. Съ лѣваго фланга наша армія прикрывалась обширными болотами и лѣсами, и чтобы предпринять обходъ, надобно было двигаться не иначе какъ на Раву, по дурнымъ и едва проходимымъ дорогамъ, и отдаляться отъ прямаго сообщенія съ Пруссіей, въ которой находилось новое наше основаніе дѣйствій, и потому, единственнымъ пунктомъ для атаки былъ Болимовъ, но и съ этой стороны позиція сильно была прикрыта болотистою рѣчкою Равкою и полевыми укрѣпленіями. Дибичъ, предполагая переправиться черезъ Нижнюю Вислу, говорятъ, не разъ задумывался надъ Сохачевскою позиціей и набросалъ ея планъ своею рукою. Слѣдовательно, предстоялъ теперь важный вопросъ: что предприметъ Паскевичъ? И здѣсь на счетъ дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій мнѣнія главнокомандующаго и Толя раздѣлялись: Толь предлагалъ немедленно же атаковать Сохачевскую позицію со стороны Болимова, опрокинуть непріятеля въ этомъ пунктѣ и, угрожая его флангу, быстро преслѣдовать, разбить, не допустивъ до Варшавы и вступить въ Варшаву вмѣстѣ съ остатками разбитой арміи. Толь основывалъ свое предложеніе на слѣдующемъ: 1) если потери при атакѣ этой позиціи будутъ и велики, то все же онѣ не сравнятся съ тѣми потерями, которыя должна будетъ претерпѣть русская армія при штурмѣ такого многолюднаго города, какъ Варшава, обнесеннаго укрѣпленіями; 2) что стоитъ только форсировать позицію у Болимова, непріятель оставитъ позицію и при Сохачевѣ, чтобы не быть обойденнымъ съ фланга, и начнетъ отступать, а отступление, совершаемое на 50 верстахъ по ровной и открытой мѣстности, при сильномъ натискѣ русской арміи, имѣющей огромное число кавалеріи, которая будетъ постоянно охватывать фланги и угрожать тылу польской арміи, подвергнетъ поляковъ совершенному пораженію, прежде достиженія Варшавы, и Варшава останется безъ войскъ, и въ 3) что промедленіе можетъ дать возможность полякамъ окончить построеніе укрѣпленій подъ Варшавою, усилить свою армію и развить еще болѣе войну въ Литвѣ. Паскевичъ хотѣлъ, напротивъ того, ожидать подъ Ловичемъ Крейца и Герштенцвейга, съ которыми слѣдовали гвардейскій отрядъ Куруты и Сакенъ, и Ридигера, что бы онъ успѣлъ достигнуть Пилицы, а потомъ уже предпринять обходъ на Раву и, по соединеніи съ Ридигеромъ, имѣя 100,000 армію, направиться къ Варшавѣ. Толь доказывалъ, что это фланговое движеніе дастъ непріятелю возможность разбивать наши войска по частямъ, во время

ихъ слѣдованія по раздѣльнымъ и едва проходимымъ дорогамъ, или дѣйствовать на тылъ арміи, взять Ловичъ, прервать наше сообщеніе съ Пруссіей и отвлечь снова отъ Варшавы, а въ случаѣ даже удачи съ нашей стороны все-таки защищаться въ самомъ городѣ. Убѣжденія Толя, казалось, на первый разъ подѣйствовали на главнокомандующаго. Гвардейскій и гренадерскій корпуса получили приказаніе перейти въ Ловичъ въ ночь съ 25-го на 26-е іюля на правый берегъ Бзуры, и съ разсвѣтомъ всѣ войска начали устраиваться къ бою за Аркадіей. Правый флангъ составилъ корпусъ Палена, построенный въ двѣ линіи съ резервомъ, лѣвый, гренадерскій корпусъ, точно такимъ образомъ построенный; въ интервалѣ двухъ корпусовъ выстроена была огромная батарея изъ 120 орудій. Общій резервъ составляли гвардія и кирасиры. Виттъ съ авангардомъ долженъ былъ первый завязать дѣло, и потомъ, по мѣрѣ приближенія главныхъ силъ, пристроиться къ правому флангу Палена. На лѣвомъ берегу Бзуры оставлена одна гвардейская кавалерійская дивизія, для наблюденія за непріятелемъ и прикрытія съ этой стороны Ловича. Когда всѣ устроились, солнце уже взошло и ярко освѣтило стройные ряды русскаго войска. Зрѣлище было великолѣпное! Оружіе блестяло, орудія горѣли жаромъ, войска подвигались тихо, спокойно, и какая армія? гдѣ собранъ былъ весь цвѣтъ русскаго войска, вся гвардія и гренадеры. Паскевичъ ѣздилъ и любовался.

— Да, съ этими войсками, говорилъ съ улыбкою Толь, проѣзжая мимо гренадеровъ, мы, ваше сіятельство, не только Скрженецкаго, но самого черта собьемъ съ какой угодно позиціи.

— Дай Богъ! Карлъ Федоровичъ, сказалъ Паскевичъ, и понесся въ авангардъ къ графу Витту, гдѣ началась уже раздаваться ружейная перестрѣлка и порою слышались пушечные выстрѣлы.

Непріятель, какъ было замѣтно, оставивъ Ниеборовъ, отступалъ на главную позицію къ Болимову. Главныя силы наши въ томъ же порядкѣ прошли уже Ниеборовъ. Виттъ, остановившись въ виду Болимова, передъ которымъ устроены были сильныя полевыя укрѣпленія, принималъ вправо; линіи приближались; Паскевичъ, казалось, хотѣлъ атаковать лѣвый флангъ непріятеля всею массою. Всѣ войска горѣли нетерпѣніемъ вступить въ бой, и съ трудомъ можно было удерживать равненіе колоннъ, но вдругъ главнокомандующимъ овладѣло раздумье, позиція показалась ему неприступною, онъ заколебался. Толь, замѣтивъ колебаніе Паскевича и предугадывая, чѣмъ оно кончится, обратился къ нему нѣсколько съ ироническою улыбкою.

— Вамъ угодно было видѣть армію, ваше сіятельство. Вотъ она! да какая грозная! прикажете возвратиться теперь назадъ.

Но это замѣчаніе не остановило главнокомандующаго и онъ дѣйствительно приказалъ отступить къ Аркадіи. Общее недовольство распространилось по войскамъ, и мы пошли назадъ. Авангардъ Витта занялъ Неборовъ, Паленъ сталъ влѣво отъ Неборова, гренадеры впереди Аркадіи, а гвардія между Ловичемъ и Аркадіей, и въ такомъ положеніи армія стояла недѣлю по 3-е августа; а между тѣмъ, Ловичъ тотчасъ же начали окружать сильными полевыми укрѣпленіями. Штабъ Шаховскаго занималъ небольшую мызу влѣво отъ Аркадіи, а дивизионный штабъ расположился въ сараѣ, набитомъ сѣномъ; одна сторона служила спальнею Полуэктову и Фрейгангу, другая адъютантамъ, мѣ и ординарцамъ, а середина общею столовою. Бутовскій, не понравившійся князю, былъ отозванъ въ главную квартиру и должность оберъ-квартирмейстера опять исправлялъ Зальца. Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ своимъ штабомъ стоялъ въ Аркадіи; Полуэктовъ каждый день посѣщалъ его, смѣшилъ своими шутками и нерѣдко оставался тамъ ночевать.

Неборовъ и Аркадія принадлежали князю Радзивилу, одному изъ самыхъ значительныхъ, богатыхъ и знатныхъ польскихъ магнатовъ. Неборовъ имѣетъ каменный двухъ-этажный дворецъ, поражающій вкусомъ и великолѣпьемъ отдѣлки внутреннихъ комнатъ, и наполненный съ изобиліемъ оригинальными произведеніями живописи и скульптуры лучшихъ художниковъ; съ одной стороны, передъ дворцомъ большой дворъ, окруженный флигелями, замыкающимися желѣзною красивою рѣшеткою, великолѣпный костель, за флигелями оранжереи и другія зданія для прислуги; съ другой стороны, обширный садъ, образующій правильный продолговатый четырехугольникъ. Чистые большіе пруды блестяли какъ зеркало. Алеи изъ пирамидальныхъ тополей, кипарисовъ, елей, липъ, акацій, расположены симметрически. Главная алея, ведущая отъ дворца, состоитъ изъ померанцевыхъ, лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ. Они посажены въ кадкахъ, но кадки зарыты въ землю такъ, что обманываешься и думаешь, что они растутъ на той же почвѣ. Эта алея, по толстотѣ померанцевыхъ штамбовъ, считается третью въ Европѣ, по крайней мѣрѣ такъ намъ рассказывали. Все это великолѣпно, роскошно, но мало говоритъ и чувству и воображенію, и поэтическая душа молодой княгини Радзивиль не мирилась съ Неборовымъ и рѣшилась создать для себя другой пріютъ. Она избрала мѣсто въ четырехъ верстахъ отъ Неборова, устроила свой садъ, свои зданія, соединила богатство съ изящнымъ вкусомъ своего воображенія и назвала это мѣсто Аркадіей. Аркадія не представляетъ ничего замѣчательнаго съ перваго взгляда. Обширный лѣсъ и только; но войдите въ этотъ лѣсъ и вы будете останавливаться на каждомъ шагу, полные

грусти и сладкаго чувства къ этой женщинѣ. Природа не помогала ей нисколько; это была равнина, покрытая лѣсомъ, но все создало ея воображеніе, вспомошествоваемое деньгами. Дорожки вьются змѣями посреди роскошной зелени, безпрестанно пересѣкаются, водятъ васъ какъ будто бы по лабиринту, то вы всходите на крутую гору, съ которой открываются прекрасныя виды, то спускаетесь въ цвѣтушія долины, гдѣ журчитъ по камнямъ ручеекъ или серебрится мелкими струями зеркальный прудъ. Вездѣ чудныя фигуры произведенія лучшихъ художниковъ, граціозныя, прекрасныя, разбросанныя по саду въ фантастическомъ безпорядкѣ. Тамъ вы видите великолѣпный амфитеатръ, построенный изъ дикаго камня, передъ нимъ лежитъ цвѣтушій островъ, гдѣ совершались нѣкогда представленія, которыми забавляли посѣтителей. Въ другой сторонѣ, посреди чистаго пруда, на островѣ, стоитъ великолѣпный храмъ, воздушный, легкій; долго вы обходите кругомъ пруда или озера, ищите челнока, чтобы переѣхать на островъ; находите его въ таинственномъ гротѣ, спускаетесь на воду, ѣдете, переплыли, ступаете на крыльцо храма, пружина подавилась вашими ногами и двери храма раскрылись сами собою передъ вами. Изъ залы раздается звукъ органовъ и цвѣты вѣютъ на васъ благоуханіемъ. Вошли, и вамъ не хочется выдти изъ очаровательнаго храма. Но возвратитесь опять въ садъ, подите влѣво, и передъ вами откроется какой-то сказочный хрустальный дворецъ. Стѣны, колонны, все чистый хрусталь, внутренность комнатъ убрана цѣльными зеркалами; но это не дворецъ, а только любимая купальня княгини; здѣсь бьютъ фонтаны въ хрустальные бассейны, утвержденныя въ бѣломъ мраморномъ помостѣ, и здѣсь княгиня купалась иногда по вечерамъ съ своими подругами при великолѣпномъ вечернемъ освѣщеніи. Вотъ еще извилистая узенькая дорожка, которая раздваивается; пойдете по одной, она поведетъ васъ вверхъ, и вы выйдете на гору, въ прекрасный фантастическій капричъ, пойдете по другой, дорожка становится какъ будто еще уже, почти теряется; но вы не останавливайтесь, пробирайтесь между кустами, еще нѣсколько шаговъ, и вы передъ сводомъ грота, выложеннаго изъ дикаго камня и изукрашеннаго разноцвѣтнымъ мраморомъ. Вы входите, все въ полусвѣтѣ, все таинственно, только близъ небольшой двери стоитъ купидонъ, изъ бѣлаго мрамора, работы Кановы, приложивъ палецъ къ губамъ и показывая другою рукою на дверь, въ знакъ того, что тамъ хранится молчаніе, и что за дверью еще таинственнѣе. Вы открываете дверь съ какимъ-то сладкимъ трепетомъ и тамъ спальня княгини. Въ ней царствуетъ полумракъ, въ полурастворенное окно вѣетъ свѣжимъ воздухомъ и благоуханіемъ цвѣтовъ, а подъ фантастическимъ занавѣсомъ, спле-

теннымъ изъ вѣтвей мирта, роскошная постель. На мраморномъ столѣ брошенъ небрежно альбомъ, для записки именъ посѣтителей. Здѣсь вы найдете руку Императора Александра I, руки другихъ царствующихъ особъ, и многихъ знаменитыхъ поэтовъ, художниковъ, артистовъ, ученыхъ и путешественниковъ. Но никто не написалъ лучше Жуковского это небольшое четверостишіе:

О милыхъ существахъ, которыя сей свѣтъ
Собой животворили!

Не говори съ тоской — ихъ нѣтъ!

А съ благодарностію — были.

И вы съ грустію выходите изъ спальни княгини, повторяя, ее уже нѣтъ. А купидонъ смотритъ на васъ съ тѣмъ же таинственнымъ видомъ....

Аркадія въ это время уже нѣсколько опустѣла, но еще поддерживалась. Не припомнишь многихъ другихъ ея храмовъ, гротовъ и портиковъ; я не имѣлъ тогда времени записывать и рисовать, подобно гвардейскимъ офицерамъ, которые, съ видомъ глубокихъ знатоковъ, бродили по саду цѣлый день съ карандашами и бумагою.....

Кажется, переходъ черезъ Вислу и новое приближеніе къ Варшавѣ должно бы было оживить войска надеждами и разлить общій духъ довольства; но, между тѣмъ, во время нашего пребыванія подъ Ловичемъ, расположеніе умовъ въ арміи было не совсѣмъ благопріятно; причины этого заключались въ бездѣйствіи, въ нерѣшительности, которую показалъ Паскевичъ при направленіи на Болимовъ, и въ укрѣпленіи Ловича; всѣ полагали, что Паскевичъ намѣренъ перейти къ системѣ оборонительной войны, какъ Дибичъ подъ Сѣдлецомъ, и что арміи придется еще долго и долго стоять подъ Ловичемъ. Но главною причиною неблагопріятнаго расположенія умовъ въ арміи были разные дурные слухи, изобрѣтаемые болѣе воображеніемъ, привыкнувшемъ видѣть все съ худой стороны, и непріятными извѣстіями, полученными въ то время изъ Россіи. Трудно было тогда отличить ложь отъ истины, но испытавъ столько неудачъ, всѣ вѣрили болѣе въ дурное и всѣ роптали на медленность Паскевича и на то, что не была приведена въ исполненіе атака на Болимовъ. Говорили, что Ридигеръ разбитъ и отброшенъ къ Люблину, что корпусъ Розена претерпѣлъ такое же пораженіе, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ, что Уминскій овладѣлъ Сѣдлецомъ и вошелъ въ прямое сношеніе съ Литвою, Крейцъ и Герштенцвейгъ остановлены на пути къ Нижней Вислѣ высланнымъ противъ нихъ сильнымъ отрядомъ, что война въ Литвѣ кипитъ еще съ большимъ ожесточеніемъ и обняла собою и Бѣлорусію, и что, наконецъ, къ довершенію всего, Варшава сильно укрѣплена съ западной стороны, и къ Калишу приближается уже зна-

чительный корпусъ французскихъ войскъ, посланный на помощь полякамъ, что могло бы дать совершенно новый оборотъ войнѣ, усилить поляковъ и подвергнуть русскую армію не только потерѣ своихъ сообщеній съ Пруссіей, но и рѣшительному уничтоженію. Предполагали даже, что Ловичъ укрѣпляется съ тою цѣлю, чтобы имѣть возможность въ немъ удерживаться, если произойдетъ соединеніе французовъ съ поляками, и Паскевичъ до того времени не найдетъ средства переправиться обратно на правый берегъ Вислы. Но эти слухи или не имѣли никакого основанія, или имѣли его очень мало. Ридигеръ дѣйствовалъ успѣшно, перешелъ на лѣвый берегъ Вислы при Казимержѣ, хотѣлъ уже направиться къ Пилицѣ, но удержанъ былъ не столько Рожинскимъ, стоявшимъ на Пилицѣ, сколько краковской и сендомирской милиціей, собравшейся частію въ Радомѣ и частію въ другихъ около него пунктахъ. Въ Люблинское воеводство вступилъ Кайсаровъ, спокойствіе въ Воляни, Подоліи и Люблинскомъ воеводствѣ было уже почти восстановлено, и польскій отрядъ скрывался въ стѣнахъ Замосца. Розень по-прежнему стоялъ въ Сѣдлецѣ, авангардъ его находился въ Калушинѣ и доходилъ порою до Минска и даже до Шеницы, заставляя Уминскаго отступать передъ собою. Крейцъ и Герштенцевейгъ присоединили къ себѣ отряды Куруты и Сагена, и приближались уже безпрепятственно къ Осьеку. Волненіе въ Литвѣ послѣ отраженія Гелгуда отъ Вильны начало затихать. Вспыхнувшія въ Бѣлорусіи мѣстныя возстанія погашены. Гелгудъ уже съ незначительнымъ числомъ войскъ бродилъ по Литвѣ, потерявъ надежду усилить себя новыми инсургентами и дѣлалъ многіе пустые марши и контръ-марши, претерпѣвалъ пораженія, для спасенія своихъ войскъ раздѣлилъ свой отрядъ на четыре части и, наконецъ, постоянно тѣснимый русскими войсками, положилъ оружіе на границѣ Пруссіи и, обвиняемый въ измѣнѣ, былъ убитъ однимъ польскимъ офицеромъ, поручикомъ Скальскимъ. Варшава же дѣйствительно укрѣплялась и приготавливалась къ упорной оборонѣ, и поляки ожидали прибытія французскаго корпуса, для котораго заготавливались уже въ Варшавѣ пшеничные сухари, но обѣщали ли французы прислать корпусъ и обманывали поляковъ, или обманывало этимъ польское правительство жителей Варшавы и свои войска, чтобы поддерживать воинственность духа и увѣрять ихъ въ возможности противостоятъ русскимъ — рѣшить трудно....

2-го августа главнокомандующему угодно было сдѣлать въ Армадіи гулянье. Вездѣ разставлены были по саду хоры духовой и роговой музыки и пѣсенниковъ; на бивакахъ приказано также пѣть пѣсни, солдатамъ отпущено по двѣ чарки вина; всѣ гуляли, вечеръ былъ прекрас-

ный, Паскевичъ также гулялъ за-просто и казался необыкновенно веселымъ; но скорѣ причина этого праздника объяснилась. Круковецкій не могъ равнодушно смотрѣть какъ на власть, предоставленную Скрженецкому, такъ и на то, что онъ съ своей стороны остается совершенно въ сторонѣ и не принимаетъ никакого участія въ правительственныхъ распоряженіяхъ. Не успѣвъ измѣнить настоящій порядокъ дѣлъ послѣ остроленскаго сраженія, онъ началъ дѣйствовать еще дѣятельнѣе. Партія его съ каждымъ днемъ усиливалась, якобинской клубъ былъ на его сторонѣ. Всѣ громко обвиняли Скрженецкаго: одни называли его измѣнникомъ отечеству, другіе говорили, что онъ не обладаетъ никакими военными дарованіями, иначе онъ не позволилъ бы русской арміи переправиться черезъ Вислу. Выгоды партіи Круковецкаго требовали, чтобы представлять передъ народомъ настоящее состояніе дѣлъ и положеніе арміи въ самомъ дурномъ видѣ, чтобы имѣть болѣе предлоговъ къ обвиненію властей; кричали, что неблагоразумныя распоряженія привели республику на край гибели и что если не будутъ приняты тотчасъ же самыя дѣятельныя мѣры—республика болѣе не существуетъ. Скрженецкій, стоявшій въ это время у Сохачева и Болимова и занятый соображеніями, какимъ образомъ противостоять наступленію русскихъ и не допустить ихъ до Варшавы, не считалъ нужнымъ ѣхать въ Варшаву и терять время, какъ казалось ему, въ однихъ бесполезныхъ спорахъ; слѣдовательно, противоdѣйствія Круковецкому не было. Партія его восторжествовала—безпокойные поляки сдѣлали новое возмущеніе въ Варшавѣ противъ настоящихъ властей, которыхъ они, по примѣру французовъ, называли аристократами; повѣсили трехъ генераловъ, дѣйствовавшихъ не совсѣмъ удачно противъ русскихъ и обвиненныхъ въ измѣнѣ, рѣзались цѣлый день между собою и кончили новую революцію тѣмъ, что выбрали диктаторомъ Круковецкаго, смѣнили славнаго своего полководца Скрженецкаго, назначили на мѣсто его генерала Дембинскаго, командовавшаго до того времени небольшимъ отрядомъ и не имѣющаго никакихъ военныхъ дарованій, хотя Луи Бланъ и придаетъ ему много достоинствъ въ своей исторіи.

Эта новая революція и, въ особенности, смѣна Скрженецкаго, должны были облегчить покореніе Варшавы и Паскевичъ не могъ не радоваться.

Часу въ седьмомъ вечера, когда главнокомандующій и Толь проѣзжали мимо биваковъ 2-й гренадерской дивизіи верхами, и я провожалъ ихъ, прискакалъ подполковникъ Бутовскій, находившійся въ передовой цѣпи съ казаками, и донесъ, что поляки снимаются съ сохачевской позиціи и тянутся къ Варшавѣ.

— Что вы это говорите! прервалъ Толь, можетъ ли это быть, чтобы они были такіе дураки, чтобы безъ боя оставить такую сильную позицію?

— Смѣю увѣрить, ваше сіятельство, движеніе у нихъ въ войскахъ замѣтно съ самаго утра, но теперь это ясно, казаки подошли къ Сохачеву и, вѣроятно, теперь уже тамъ.

Паскевичъ задумался.

— Ваше сіятельство! сказалъ Толь, медлить теперь нечего. Неприятель самъ дается въ руки. Тотчасъ же двинуть армию, и онъ будетъ уничтоженъ прежде, нежели дойдетъ до Варшавы.

— Надобно немного подождать, Карлъ Фёдоровичъ.

— Что же ждать, ваше сіятельство? это значитъ упускать изъ рукъ побѣду.

— Подумаю, подумаю, сказалъ Паскевичъ, поворотивъ лошадь и поѣхалъ по дорогѣ къ Ловпчу.

— Хороши главнокомандующіе! замѣтилъ въ полголоса Толь, и начавъ у Бутовскаго разспрашивать подробности.

Не ожидая послѣ такого разговора никакого движенія, я отправился по утру опять въ садъ, возвратился оттуда часовъ въ 10 вечера и сѣлъ писать письмо къ покойной сестрѣ, чтобы описать ей подробно Аркадію. Письмо было на двухъ большихъ почтовыхъ листахъ, и напрасно Полуэктовъ, Поливановъ и Полтарацкій сердились на меня, что я мѣшаю имъ спать и что я, задремавъ, могу ихъ поджечь, я не слушалъ, и тогда только легъ спать, когда письмо было окончено и запечатано. Но мнѣ пришлось спать очень не долго: на самомъ разсвѣтѣ казакъ разбудилъ меня и подалъ конвертъ. Это была диспозиція, по которой войскамъ предписывалось немедленно же выступить и слѣдовать по направленію къ Шиманову, а мнѣ ѣхать въ авангардъ графа Витта и принять позицію отъ самого начальника главнаго штаба, который будетъ тамъ находиться. Мы стали одѣваться, засуетились, письмо мое, оставленное на столѣ, какъ то сбросили, оно затерялось въ сѣнѣ, и мнѣ вдвойнѣ было досадно, что трудъ пропалъ даромъ, и то, что я вчерашній день послѣ усталости сидѣлъ на сѣвномъ вѣтрѣ, простудился, чувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, и это было началомъ той изнурительной лихорадки, которая мучила меня слишкомъ годъ и привела было на край могилы. 3-го августа былъ день моего рожденія; всегда этотъ день былъ для меня неблагопріятенъ. 3-го августа я получилъ одно неблагопріятное письмо; первую боль въ ногѣ, которую вскорѣ переломилъ, я почувствовалъ 3-го

августа; и это даетъ мнѣ справедливую причину жаловаться на несчастный день своего рожденія, безъ всякой метафоры.

Гвардейская легкая кавалерійская дивизія, поддержанная корпусомъ Палена, должна была слѣдовать на Сохачевъ, чтобы преслѣдовать непріятеля съ фронта. Главныя же силы: авангардъ Витта, гренадерскій и гвардейскій корпуса, двинутые прямо чрезъ Шимановъ на Блоніе и слѣдующіе форсированными маршами, имѣли назначеніе отбросить лѣвое крыло польской арміи и стараться зайти въ тылъ правому. Этотъ рѣшительный маневръ, по всему было замѣтно, принадлежалъ Толю, но при исполненіи его, чтобы достигнуть предположенной цѣли, надобно было употребить возможную быстроту въ дѣйствіи, и Толь, обгоняя войска, приказывалъ имъ идти живо, не растягиваться, и самъ спѣшилъ въ авангардъ, чтобы, введя его скорѣе въ дѣло, не заставить главнокомандующаго вновь раздумать и остановиться. Казалось, сама судьба благопріятствовала Паскевичу; атаковать сохачевскую позицію онъ никогда бы не рѣшился, прошло бы долгое время въ ожиданіи Крейца и Герштенцвейга. Бездѣйствіе главной арміи дало бы, можетъ быть, возможность полягамъ разбить корпусъ Розена, нанести пораженіе Ридигеру, духъ еще бы болѣе упалъ въ арміи, и, по прибытіи Крейца и Герштенцвейга, фланговое движеніе, совершаемое цѣлою арміею, вблизи отъ непріятеля, раздробленными частями, по дурнымъ и едва проходимымъ дорогамъ, не могло еще обшарить вѣрныхъ успѣховъ. Польская армія, вынужденная, при такихъ обстоятельствахъ, къ дѣйствіямъ самымъ рѣшительнымъ, можетъ быть, не только бы остановила это движеніе, дѣйствуя на тылъ нашъ къ Ловичу, но могла бы разбивать насъ по частямъ, и до того ослабить русскую армію и уронить въ ней духъ, что, достигнувъ, наконецъ, и до Варшавы, нельзя бы было предпринять штурма, но надобно бы было снова остановиться и выжидать другихъ какихъ либо подкрѣпленій. А какія бы послѣдствія повело за собою это новое выжиданіе—рѣшить трудно; но, конечно, весьма для насъ неблагопріятныя. Но Дембинскій, отъ того ли, что этого желалъ Крюковецкій и его партія, чтобы выказать себя не раздѣляющими мнѣнія Скрженецкаго, или отъ того, что не понялъ, что такое была сохачевская позиція, какія выгоды представляла она для польской арміи и какимъ препятствіемъ была для русскихъ, снялся съ сохачевской позиціи и началъ отступать къ Варшавѣ, чтобы защищаться подъ стѣнами самаго города. Сохачевская позиція оставлена и уже никто изъ русскихъ не сомнѣвался въ возможности покорить Варшаву. И можно утвердительно сказать, что это обстоятельство рѣшило окончательно участь войны въ пользу русскихъ.

Паскевичъ былъ счастливъ! Проѣзжая чрезъ Болимовъ, я невольно остановился на нѣсколько минутъ и съ изумленіемъ смотрѣлъ на эту позицію; Болимовъ былъ самый слабый пунктъ, но и онъ былъ такъ силенъ, что, конечно, если бы пришлось брать его, русская армія должна бы была дорого поплатиться. Многіе въ русской и польской арміяхъ приписывали даже оставленіе сохачевской позиціи деньгамъ, предложеннымъ со стороны русскаго правительства Дембинскому; но этого не было, а пусть лучше поляки винятъ въ этомъ самихъ себя, зачѣмъ они смѣнили Скрженецкаго. Авангардъ Витта я уже догналъ верстахъ въ пяти за Болимовымъ; онъ состоялъ изъ бригады кавалеріи, двухъ полковъ казаковъ, шести баталіоновъ гренадеръ Муравьева. Толь пріѣхалъ послѣ меня черезъ полчаса; былъ необыкновенно веселъ, шутилъ, смѣялся и приказывалъ безпрестанно идти быстрѣе и быстрѣе. Выходя изъ лѣсу передъ деревнею Старціонки, открылось передъ нами м. Шиманово. Въ Шимановѣ видны были значительныя массы непріятельскихъ войскъ, тѣснившихся на небольшомъ пространствѣ. Все показывало, что поляки слѣшили своимъ отступленіемъ; но единственный мостъ, находившійся въ Шимановѣ, чрезъ болотистую рѣчку Пясье, невольно задерживалъ движеніе, и къ этому мосту сосредоточилось все лѣвое крыло польской арміи, которое, при сильномъ натискѣ, легко можно было опрокинуть и истребить, тѣмъ болѣе потому, что, занявъ лѣвый берегъ Пясье, выше Шиманова, сильною батареею, можно бы было рѣшительно преградить отступленіе польскимъ войскамъ по дорогѣ на Блонію, которая за мостомъ поворачиваетъ направо подъ угломъ и тянется по самому правому берегу Пясье. Толь въѣхалъ на гору, взглянулъ, въ минуту понялъ опасное положеніе лѣваго крыла польской арміи и тѣ выгоды, которыя мы можемъ извлечь изъ этого положенія; но не видя возможности одержать какіе либо успѣхи однимъ авангардомъ, не хотѣлъ его вводить въ дѣло, чтобы чрезъ это не заставить поляковъ ускорить своимъ отступленіемъ, послалъ тотчасъ же своего адъютанта, чтобы гренадерскій корпусъ шелъ какъ можно скорѣе, а между тѣмъ, приказалъ авангарду остановиться за высотами, расположиться скрытно отъ непріятеля, и сошелъ самъ съ лошади. Мы послѣдовали его примѣру. Но здѣсь началась первая досада Толя. Одинъ батарейный командиръ, вмѣсто того, чтобы расположить также свою батарею за высотами, въѣхалъ въ деревню Старціонки. Это взбѣсило Толя. — Стойте, полковникъ! вскричалъ онъ, назадъ! Подите сюда! Вы батарейный командиръ и не можете ничего сообразить..... Развѣ вы не видите, что авангардъ располагается скрытно; куда же вы, сударь, лѣзете съ вашей батареею, прямо на глаза непріятелю? Князь Горча-

ковъ! прибавилъ онъ, обратясь къ Горчакову, который былъ здѣсь же, арестуйте его сію же минуту, на недѣлю, на двѣ и выговоръ по арміи! Слышите.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Въ это время прискакалъ адъютантъ Толя и объявилъ ему, что гренадерскій корпусъ остановленъ главнокомандующимъ въ 7-ми верстахъ отъ Шиманова на привалѣ.

— Какъ на привалѣ? вскричалъ Толь, какой теперь привалъ! Это что? скачите сейчасъ опять и скажите Паскевичу, что я прошу, требую у него сейчасъ же гренадерскій корпусъ, или непріятель уйдетъ у насъ изъ рукъ.

Но пока длились эти пересылки, время уже приближалось къ четыремъ часамъ пополудни. Непріятель начиналъ вытягиваться за Шимановъ, Толь выходилъ изъ себя и не скрывалъ своего негодованія.

— Вотъ мы и смотри, какъ непріятель уходитъ, говорилъ онъ громко. Авангардъ не больше горсти, съ чѣмъ тутъ начать дѣло? а армія отдыхаетъ. Начни, выйдетъ хорошо, скажутъ—Паскевичъ; а дурно, скажутъ—чортъ ли велѣлъ графу Толю соваться.

Проговоривъ этотъ энергическій монологъ, Толь подозвалъ адъютанта.

— Скачите, и скажите гренадерскому корпусу, то есть, князю Шаховскому, моимъ именемъ, что я, какъ начальникъ главнаго штаба, приказываю ему, а какъ графъ Толь, убѣждаю, прошу, чтобы онъ сейчасъ же шелъ сюда, онъ необходимъ, а отвѣтственность я беру на себя.

Толь опять началъ ходить встревоженно; между тѣмъ, возвратился адъютантъ, посланный къ Паскевичу, и доложилъ, что главнокомандующій приказалъ еще немного помедлить — пока гренадеры съѣдятъ кашу.

Толь взбѣсился окончательно.

— Возьмите, сказалъ онъ адъютанту, свѣжую лошадь, скачите опять и доложите, что кашу ѣсть нѣкогда, что я своимъ именемъ уже распорядился, чтобы гренадерскій корпусъ шелъ сейчасъ же сюда, и буду имѣть честь отвѣчать самъ лично его сіятельству о причинѣ такого самовольнаго распоряженія.

Было уже около 5-ти часовъ вечера.

— Поѣдемте! сказалъ Толь, и хотъ посмотримъ, какъ непріятель уходитъ.

Мы съѣли верхами, выѣхали передъ цѣпь непріятельскихъ ведетовъ, проѣхали по ея протяженію; въ Шимановѣ оставалось не болѣе трехъ

полковъ пѣхоты, всѣ прочія войска уже перебрались за мостъ и тянулись по правому берегу Пясье.

— Что, господа! говорилъ Толь, полюбуемтесь! не правда ли, прекрасный спектакль. Мы еще не видали такъ близко Польской арміи. Да нѣтъ, это выше всякаго терпѣнія, проводимъ съ почетомъ хоть эти остатки. Графъ Виттъ, двигайте вашъ авангардъ, а вы, Горчаковъ, подайте мнѣ скорѣе сюда на дорогу два орудія изъ батареи этого смѣлаго полковника.

Авангардъ двинулся, кавалерія начала принимать вираво, пѣхота слѣдовала прямо; два орудія выскакали и съ ними арестованный полковникъ.

— Ставьте здѣсь, сказалъ Толь, показывая на дорогу, у васъ единороги? Стрѣляйте гранатами противъ четырехъ польскихъ орудій, стоящихъ передъ мѣстечкомъ; увижу, каковы вы въ дѣлѣ.

Раздался выстрѣлъ, другой, третій, еще нѣсколько, три польскія орудія подбиты, четвертое также отступило.

— Славно! сказалъ Толь. Горчаковъ! возвратите полковнику шпагу.

Еще нѣсколько минутъ, Шиманово уже зажжено гранатами, пѣхота его штурмуетъ, кавалерія протягивается вправо и батарея изъ 8-ми орудій, поставленная вправо отъ Шиманова, дѣйствуетъ по хвосту неприятельскихъ колоннъ, показывается гренадерскій корпусъ, но уже смеркается, ночь становится темнѣе и темнѣе, и трудно разсматривать предметы даже вблизи.

— Возьмите карабинеровъ и поставьте ихъ правѣе мѣстечка, сказалъ Толь, когда сгонъ умолкъ. Теперь уже ничего не сдѣлаешь.

Я повелъ карабинеровъ, приказалъ имъ остановиться на назначенномъ мѣстѣ, но Фрейгангъ порывался въ самое мѣстечко и не слушался. Я увлекся, наговорилъ ему колкостей, войска остановились, но Фрейгангъ, завидя Нейдгарта, поскакалъ ему на меня жаловаться. Нейдгартъ выслушалъ однако прежде меня, распекъ Фрейганга и приказалъ ему исполнять безпрекословно то, что я ему передаю. Гренадеры съ наступленіемъ ночи расположились на бивакахъ, вправо отъ Шиманова, на сыромъ и мокромъ лугу. Неприятель отступилъ спокойно и Шимановское дѣло не повело за собою ожидаемыхъ результатовъ. Въ тотъ же вечеръ генералъ Пушкинъ съ лейбъ-гусарскимъ полкомъ настигнулъ польскій арьергардъ влѣво отъ Шиманова, атаковалъ его рѣшительно, нанесъ ему значительное разстройство и забралъ множество плѣнныхъ. Въ Шимановѣ также было забрано человѣкъ до 300 плѣнныхъ и три подбитыхъ орудія. По словамъ плѣнныхъ, польскія войска дѣйствительно слѣшили отступленіемъ, и стѣснились такъ у моста, что если бы былъ сдѣланъ

натискъ, они были бы приведены въ крайнее положеніе. Ночь, проведенная на мокрыхъ бивакахъ, произвела у меня сильный лихорадочный пароксизмъ, но думать въ то время о болѣзни было нѣкогда.

Съ разсвѣтомъ войска выступили въ резервныхъ боевыхъ порядкахъ въ Блонію, мѣстность была совершенно открытая; Толь, кажется, не терялъ еще надежды настигнуть и даже отрѣзать хотя часть польской арміи; но нѣтъ, время уже было потеряно; непріятель тянулся цѣлую ночь безостановочно. Около 2-хъ часовъ пополудни, убѣдясь, что не успѣютъ настигнуть непріятеля, дали войскамъ часа на два привалъ, потомъ свернули ихъ въ колонны, и къ вечеру привели къ Блоніи, а авангардъ выдвинуть нѣсколько впередъ на рѣчку Утрату. Итакъ, не сбылось желаніе Толя разбить польскую армію, не допустивъ ее до Варшавы; но виноватъ былъ не Толь. Позиціи подъ Блоніей показаны были намъ по картѣ самимъ Толемъ и приказано расположить войска скрытно. Полуэктовъ разсердился на меня, что дивизія поставлена мною на мокромъ лугу, приказывалъ мнѣ ее подвинуть впередъ на высоты, я отказался исполнить его приказаніе, и такъ какъ отговаривался повелѣніемъ Толя, то Полуэктовъ, не смѣя его нарушить и желая настоять на своемъ, поѣхалъ жаловаться главнокомандующему. Паскевичъ послалъ повѣрить Нейдгарта, Нейдгартъ согласился со мною и просилъ Полуэктова не тревожить впередъ главнокомандующаго напрасно.

Толь говоритъ въ своихъ запискахъ обо всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, дѣлающихъ ему большую честь, весьма поверхностно и неудовлетворительно. Упоминаетъ также Толь о своемъ письменномъ мнѣніи на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій, представленномъ имъ главнокомандующему, котораго копію онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отослалъ графу Орлову, для доклада Государю; но, къ удивленію—это мнѣніе не носитъ на себѣ тѣхъ глубокихъ военныхъ соображеній, которыя приписывали ему въ арміи и которыя проявлялись въ его дѣйствіяхъ. Здѣсь нѣтъ ни о рѣшительной атакѣ Сохачевской позиціи, ни о рѣшительномъ преслѣдованіи къ Варшавѣ; напротивъ, Толь только говоритъ, что не зачѣмъ отступать, о чемъ будто бы думалъ главнокомандующій, и предлагаетъ войти въ связь съ Ридигеромъ, блокировать Варшаву и выжидать окончанія дѣлъ въ Литвѣ, чтобы, усиливъ потомъ армію, предпринять, наконецъ, что нибудь и противъ самой Варшавы.

Мы расположились въ Блоніи, въ небольшомъ домикѣ, пароксизмы мои усилились, я слегъ въ постель и 6-го августа лежалъ въ сильнѣйшемъ жару и бреду. Помню только, какъ будто сквозь сонъ, что вечеромъ пріѣхалъ одинъ нашъ знакомый черкесскій офицеръ Али и при-

везъ Полуэктову въ подарокъ завязанную въ платкѣ окровавленную голову поляка, рассказывая, что часть авангарда, подъ командою Берга, напала врасплохъ на польскій авангардъ, состоящій изъ двухъ полковъ пѣхоты при Олтаржевѣ, охватила ихъ, частію истребила и забрала въ плѣнъ до послѣдняго человѣка, и что онъ своею рукою убилъ человѣкъ до 10-ти. Впослѣдствіи, рассказъ его подтвердился вполне. Дѣло было блестящее. Когда два польскихъ полка пѣхоты, считая себя прикрытыми кавалеріей, которая уже была опрокинута, начали приближаться къ Олтаржеву, Бергъ, обѣдавшій въ то время у графа Витта, замѣтилъ изъ окна это движеніе.

— Надобно взять эти войска, сказалъ онъ Витту съ свойственною ему живостію, и не долженъ уйти ни одинъ человѣкъ.

— Самонадѣянно, сказалъ Виттъ, иронически улыбаясь; зачѣмъ же дѣло стало? Авангардъ мой къ вашимъ услугамъ....

Бергъ высочилъ изъ-за стола, сѣлъ верхомъ, повелъ авангардъ, окружилъ непріятеля и послѣ двухчасоваго боя, два польскихъ полка были уничтожены совершенно, забрано восемь орудій и некому было даже дать знать въ Варшаву объ этомъ пораженіи. Не нашлось ни одного израненаго поляка, подобно спартанцу возвѣстившему Спартѣ о гибели Леонида. Это дѣло было хорошимъ предзнаменованіемъ. До Варшавы оставалось 24 версты. Еще одинъ переходъ, казалось намъ, и мы подъ столицей Польши. Но на меня наводила грусть моя болѣзнь, и я боялся, что если не оправлюсь, то не въ силахъ буду участвовать въ штурмѣ. Мнѣ прописалъ докторъ 4-го Карабинернаго полка Синицынъ хинную соль и, можетъ быть, моя лихорадка прошла бы, если бы я могъ остаться на нѣсколько дней въ теплой комнатѣ. Но этого тогда сдѣлать было невозможно. 7-го августа насъ, вмѣсто Варшавы, какъ мы ожидали, двинули вправо къ Надаржину, а для прикрытія Блоніи, на шоссе оставили авангардъ Витта. Это для того, думали мы, что съ той стороны, вѣроятно, удобнѣе подступы къ Варшавѣ; но главная причина этого движенія заключалась въ желаніи сблизиться съ Ридигеромъ, который находился уже въ Пилицѣ, и приблизиться къ мосту у Горы. Войска двинулись тремя колоннами: въ лѣвой, ближайшей къ непріятелю, шелъ 1-й корпусъ Палена, въ средней— гренадерскій, и въ правой— гвардія. Я не могъ уже ѣхать верхомъ и сидѣлъ въ бричкѣ Полуэктова. 1-й корпусъ расположился на бивакахъ при Рошинѣ, гренадеры въ лѣсу между Волицей и Надаржинымъ. Резервная кавалерія влѣво близъ д. Комарова, гвардейскій корпусъ близъ Надаржина и главная квартира въ Надаржинѣ. Цѣпь нашихъ ведетовъ и казачьихъ пикетовъ протягивалась, начиная отъ лѣваго берега Вислы

противъ м. Карчева, черезъ Рашинъ и внизъ по рѣчкѣ Утрагѣ до Блоніи; между Блоніей и Вислою, ниже Модлина, содержались постоянные развѣзды. Словомъ, Варшава была окружена со всей юго-западной стороны. Впослѣдствіи, эта цѣпь выдвинута постепенно еще болѣе впередъ и протягивалась: отъ Вилланова, мимо д. Раковца, Влохи и Бабишево. И въ этомъ положеніи мы оставались по 24-е августа, ровно 17 дней.

Здѣсь, мнѣнія Паскевича и Толя опять раздѣлились: Толь настаивалъ, чтобы атаковать Варшаву немедленно, пока двойной рядъ укрѣпленій, которыми окружали Варшаву, не будетъ приведенъ къ окончанію и пока войско ободрено предшествовавшими успѣхами. Паскевичъ, напротивъ того, находилъ необходимымъ выждать присоединенія Крейца и Герштенцвейга, которые уже переправились черезъ Нижнюю Вислу при Осьекѣ и находились переходахъ въ пяти отъ Ловича, желалъ даже присоединить Ридигера, чтобы имѣть болѣе залоговъ къ успѣху, и говорилъ, что предварительно надобно заготовить снаряды для штурма и обучить войска штурмовать укрѣпленія. Разумѣется, мнѣніе главнокомандующаго имѣло перевѣсъ, войска оставались на мѣстахъ, плели туры, вязали фашины, дѣлали лѣстницы, около Надаржина построено укрѣпленіе и изъ каждаго полка, всякій день наряжались команды для производства примѣрнаго штурма. Такъ какъ гвардія должна была находиться въ резервѣ, то, чтобы дать ей возможность хотя нѣсколько участвовать въ штурмѣ, выбрано изъ каждаго полка по нѣскольку десятковъ солдатъ, при офицерѣ, въ охотники, которые имѣли назначеніе слѣдовать въ головѣ штурмовыхъ колоннъ и показывать имъ примѣръ своею храбростію.

— Что это мы стоимъ такъ долго подъ Надаржинимъ? говорили мы иногда между собою, чего выжидать? Отъ чего, какъ предлагалъ Толь, не штурмуемъ Варшаву?

— Нѣтъ, возражалъ Полуэктовъ, Паскевичъ лучше другихъ понимаетъ военное дѣло, не горячится; вотъ какъ подойдетъ Крейцъ да приведетъ съ собою осадную артилерію, такъ и заложимъ первую паралель.

— Да развѣ Варшава крѣпость, что мы будемъ ее брать правильно осадю.

— Еще почище другой крѣпости, тутъ прямо лбомъ-то ничего не возьмешь, хоть уложи всю армію.

— Да развѣ Крейцъ дѣйствительно везетъ съ собою осадную артилерію?

— Везетъ, непременно везетъ, я ужъ это достовѣрно знаю отъ

самого фельдмаршала. Я вѣдь у него всякій день. Заложимъ, говорить, Борисъ Владиміровичъ, первую параллель, подвинемся, потомъ вторую и третью, поведемъ зиг-заги, такъ дѣло-то будетъ повѣрнѣй!

— Неужели! восклицалъ наивно Фрейгангъ.

— Ей Богу, такъ.

Фрейгангъ пожималъ плечали, мы просто не вѣрили.

Но кто бы могъ тогда подумать, что Полуэктовъ былъ правъ? Толь утвердительно говоритъ въ своихъ запискахъ, что Паскевичъ дѣйствительно предлагалъ брать Варшаву правильною осадюю и, не слушая ихъ убѣжденій, дѣлалъ къ тому все приготовленія. Здѣсь же Толь рассказываетъ одинъ забавный случай; Паскевичъ, говоритъ онъ, чрезвычайно опасался, чтобы поляки, выйдя изъ Варшавы, не напали отдѣльно на Ридигера, не разбили его и не уничтожили нашъ мостъ у Горы, чрезъ который должны были открыться все подвозы въ армію, и нѣсколько разъ сообщалъ мнѣ свои опасенія, замѣчаетъ Толь, это, наконецъ, надоѣло.

— Помилуйте, ваше сіятельство, сказалъ я, ну какъ осмѣлятся поляки, уступающіе намъ числомъ войскъ, бросить Варшаву, чтобы идти и разбивать Ридигера. тогда какъ мы стоимъ передъ Варшавою со всею арміею? Поставьте себя на мѣсто Дембинскаго, могли-ль бы вы это сдѣлать?

— Такъ, Карлъ Ѳедоровичъ, я бы этого не сдѣлалъ, а они могутъ, они вѣдь сумасшедшіе.

— Дай Богъ, чтобы такъ было, сказалъ Толь, захохотавъ, съ сумасшедшими не трудно справиться.

Биваки наши были сырые, погода стояла, большею частію, ненастная, пароксизмы мои хотя уменьшились, но я чувствовалъ себя все еще слабымъ, мало куда ѣздилъ, проводилъ время, большею частію, сидя въ своемъ шалашѣ и писалъ повѣсти изъ польской жизни, которыя послѣ какъ-то затерялись. Овцыну, который былъ необыкновенно скупъ, уда, лось купить у казака прекрасную англійскую лошадь за 10 червонцевъ, тогда какъ, по меньшей мѣрѣ, эта лошадь стоила 1,000 рублей. Овцынъ былъ въ восторгѣ и хвастался передъ Полуэктовымъ и передъ нами своимъ пріобрѣтеніемъ. Покупщиковъ на лошадь находилось много. Овцыну уже давали 900 р., но онъ просилъ 1,200 р. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ записку отъ одного кирасирскаго офицера, который предлагалъ ему 1,100 р. и просилъ его самого пріѣхать переговорить. Овцынъ поѣхалъ, а Полуэктова, между тѣмъ, посѣтилъ состоящій при Паскевичѣ полковникъ Викинскій.

Не хочешь ли, любезный, сказать ему Полуэктовъ, я подарю тебѣ лошадку для будущаго штурма.

— Хорошая!

— Чудо! А она у меня совсѣмъ лишняя, ты знаешь, я не лихой ѣздокъ.

— Подарите.

И Полуэктовъ приказалъ привести лошадь Овцына.

— Это лошадь Овцына, замѣтилъ я.

— Я ее купилъ, отвѣчалъ мнѣ въ полголоса Полуэктовъ.

— Когда?

— Сегодня.

— Зачѣмъ же Овцынъ поѣхалъ хлопотать о продажѣ?

— Онъ, любезный, поѣхалъ отказать, мы съ нимъ покончили.

Я замолчалъ, лошадь привели. Викинскій ее расхваливалъ, Полуэктовъ упросилъ Викинскаго на ней проѣхать. Викинскій проѣхалъ, она еще больше ему понравилась, онъ просилъ Полуэктова взять за нее деньги, но Полуэктовъ рѣшительно отказался и приказалъ ее тотчасъ же свезть въ Надаржинъ. Напившись чаю, Викинскій уѣхалъ, а Овцынъ возвратился довольный, что сладилъ продажу за 1,200 рублей.

— Придется отказать, замѣтилъ я, Борисъ Владиміровичъ подарилъ твою лошадь Викинскому и она уже въ Надаржинѣ.

Овцынъ бросился къ Полуэктову, я пошелъ за нимъ.

— Ваше превосходительство! Вы подарили мою лошадь Викинскому?

— Ну, да.

— Мою лошадь!

— Да, да, золотой мой, онъ человѣкъ нужный и тебѣ пригодится.

— Да какъ же вы могли?

— Вотъ тебѣ на!—Вѣдь я тебѣ за нее заплачу, что стоитъ.

— Мнѣ дадутъ за нее 1,200 рублей.

— Мало ли что дадутъ. А ты за нее заплатилъ 10 червонцевъ; ну, десять червонцевъ и получишь; не барышникъ же ты, чтобы брать съ своего генерала дороже.

Овцынъ разсердился, но Полуэктова это нисколько не смутило и Овцынъ долженъ былъ, наконецъ, замолчать и согласиться на условія, предложенныя Полуэктовымъ. Посылать къ Викинскому и требовать лошади обратно — было не ловко. Мы хохотали, Полуэктовъ также, а Овцынъ досадовалъ и долго не могъ забыть этого случая.

22-го августа Паскевичъ, желая отпраздновать торжественно день коронаціи Государя Императора, выдвинулъ впередъ войска къ Рашину; они устроились въ боевой порядокъ; артилерія, зарядивъ орудія холостыми зарядами, выѣхала впередъ и произвела сильную пальбу. Паскевичъ проѣзжалъ при громѣ орудій, поздравилъ войска съ днемъ коронаціи Государя; войска встрѣтили это поздравленіе криками ура: все это навело сильный страхъ на Варшаву, жители ожидали штурма, но черезъ два часа войска наши возвратились на прежніе биваки и все утихло.

Отряды Крейца, Герштенцвейга и всѣ другіе присоединенные къ нимъ прибыли, не встрѣтивъ на пути никакого препятствія; силы русской арміи возросли до 80,000. Главныя же силы польской арміи состояли не болѣе какъ изъ 50,000 и раздѣлялись на пять пѣхотныхъ и двѣ кавалерійскія дивизіи. Начальники дивизій и другіе частныя начальники перемѣнялись безпрестанно. Дембинскій былъ смѣненъ и главнокомандующимъ избранъ Кривошеинъ. Рожинскій находился противъ Ридигера, Уминскій—противъ Розена. Паскевичъ, опасаясь, чтобы во время бездѣйствія арміи при Надаржинѣ поляки, усиливъ Уминскаго, не разбили Розена, приказалъ сдѣлать новую попытку разрушить и сжечь Прагскій мостъ. Генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Слевицкій вызвался самъ пуститься съ брандерами, но однакоже и эта попытка не имѣла успѣха и, можетъ быть, къ лучшему, во-первыхъ, потому, что поляки не отдѣлили бы тогда отъ себя корпуса Ромарино на правый берегъ Вислы и, во-вторыхъ, потому, что если бы былъ уничтоженъ мостъ, поляки могутъ быть защищались бы въ Варшавѣ съ болѣе отчаяннымъ мужествомъ. Варшава, по всѣмъ получаемымъ свѣдѣніямъ, была укрѣплена весьма сильно и приготовлялась къ самой упорной защитѣ. Улицы были перекопаны рвами, заграждены насыпями, рогатками, въ стѣнахъ домовъ продѣланы бойницы, городской валъ обнесенъ полисадами, передъ валомъ устроенъ былъ двойной рядъ отдѣльныхъ полевыхъ укрѣпленій, взаимно другъ друга флангирующихъ; подходы къ укрѣпленіямъ преграждены были волчьими ямами и засѣками. Воля, предмѣстье Варшавы по дорогѣ на Блонію, состоящая изъ однихъ каменныхъ зданій и образующая собою какъ бы отдѣльный форштатъ, обнесена была самымъ сильнымъ укрѣпленіемъ, имѣющимъ видъ сомкнутаго бастиона. Д. Раковецъ была укрѣплена почти также сильно. Для усиленія артилеріи, привезены орудія изъ Модлина и размѣщены по укрѣпленіямъ.

Въ Надаржинѣ у главнокомандующаго составленъ былъ военный совѣтъ

на счетъ предстоящаго штурма: изъ начальнига главнаго штаба, генераль-квартирмейстера, начальника артилеріи, начальника инженеровъ и корпусныхъ командировъ. Многие предлагали устремить главную атаку съ южной стороны, другіе—со стороны Іерусалимской заставы, но князь Горчаковъ предложилъ направить главную атаку на Волю, доказывая, что если будетъ взята Воля, на которую поляки такъ много надѣются, то это поколеблетъ нравственную силу ихъ войска, позволить русскимъ съ первымъ же занятіемъ Воли разорвать обороняющіяся войска на двѣ части и облегчить тѣмъ дальнѣйшій штурмъ Варшавы. Если же, напротивъ того, говорилъ онъ, главныя усилія устремлены будутъ на югъ отъ Воли, то это дастъ возможность непріятелю, сосредоточивъ значительныя силы у Воли, открыть дѣйствія во флангъ русской арміи и, въ случаѣ неудачи русскихъ, отбросить ихъ на Краковскую дорогу, гдѣ наша армія должна будетъ потерять прямыя свои сообщенія съ Пруссіей. Дѣйствуя же на Волю, армія много выигрываетъ въ случаѣ удачи и ничего не проигрываетъ въ случаѣ неудачи. Толь принялъ мнѣніе Горчакова; оно было такъ ясно и основательно, что главнокомандующій не могъ съ нимъ не согласиться, а за нимъ и всѣ другіе члены военнаго совѣта. Въ томъ же совѣтѣ все было рѣшено и опредѣлено: съ юга долженъ былъ дѣйствовать легкой отрядъ генераль-маіора Шtrandмана, а генераль-маіоръ Муравьевъ—направиться на Раковецъ; Ностицъ съ легкою кавалерійскою дивизіей—содержать связь между Шtrandманомъ и Муравьевымъ, корпусъ Крейца долженъ былъ протянуться между дорогами изъ Надаржина и Блоніи; корпусъ Палена—построиться влѣво отъ дороги изъ Блоніи. 1-я уланская дивизія князя Хилкова должна была протянуться по лѣвому берегу Вислы отъ лѣваго фланга корпуса Палена, прекращая сообщеніе Варшавы съ Модлиномъ; 3-й, 2-й и 1-й гренадерскимъ дивизіямъ предоставлена была честь овладѣть Волею. Гвардейскій корпусъ, резервная артилерія и кирасиры должны были расположиться между деревнями Шенелевицей и Одоланами, поддерживая по мѣрѣ надобности гренадеровъ и 2-й пѣхотный корпусъ. Атаки должны были начаться одновременно по всей линіи, по сигналу данному тремя ракетами, какъ для того, чтобы сохранить единство въ дѣйствіяхъ, такъ и для того, чтобы непріятель, будучи развлеченъ на всемъ протяженіи линій, не могъ противопоставить въ одномъ какомъ либо пунктѣ значительныхъ силъ или, сдѣлавъ вылазку, разорвать линіи наступающихъ. Словомъ, все соображено было прекрасно, планъ хранился въ величайшей тайнѣ, и мы узнали его уже послѣ штурма. Оставалось только привести этотъ планъ въ исполненіе; но главнокомандующій, на-

дѣясь можетъ быть, что Ридигеръ успѣетъ управиться съ краковскими и сендомирскими инсургентами, опрокинетъ Рожинскаго и соединится съ главными силами—еще колебался и медлилъ.

Къ счастью однакоже, 24-го августа Паскевичъ, прогуливаясь по Надаржину, встрѣтился съ плѣннымъ полякомъ, котораго казаки захватили на аванпостахъ. Разспрашивая его, главнокомандующій узналъ, что Круковецкій и Дембинскій, предполагая, что бездѣйствіе русской арміи продолжится еще нѣсколько дней, хотѣли воспользоваться этимъ временемъ, чтобы нанести отдѣльное пораженіе Розену, и для усиленія Уминскаго отправили отъ себя на правый берегъ Вислы Ромарино съ 15,000 самаго отборнаго войска. Паскевичъ, сообразивъ тотчасъ же, что Розень, основываясь на данномъ ему повелѣніи, противъ слабыхъ силъ будетъ наступать рѣшительно, противъ значительныхъ же силъ будетъ отступать и отвлечетъ Ромарино отъ Варшавы, что польская армія, за отдѣленіемъ Ромарино, остается значительно ослабленною и, имѣя съ національной варшавской гвардіей и милиціей съ небольшимъ 40,000, уступаетъ численностію вдвое противъ русской арміи и не можетъ занимать значительными силами всѣ укрѣпленія на такомъ большомъ протяженіи,—нашелъ этотъ моментъ самымъ благоприятнымъ, и штурмъ Варшавы былъ рѣшенъ.

24-го же августа, передъ вечеромъ, всѣ войска получили приказаніе взять туры, фашины, штурмовыя лѣстницы и двигаться съ самою величайшею тишиною на назначенныя имъ мѣста, чтобы до разсвѣта успѣть на нихъ устроиться. Колеса у орудій были подвязаны соломой, огни на прежнихъ бивакахъ должны были поддерживаться цѣлую ночь, обозы оставлены при Надаржинѣ. Войскамъ придя на мѣста приказано снять ранцы, уложить ихъ рядами за собою, и надѣть мундиры, какъ для большаго удобства при штурмѣ, такъ и для того, чтобы возвысить этимъ нравственную силу войскъ и не позволить и думать объ отступленіи, при которомъ ранцы достались бы въ руки непріятелю и солдаты потеряли бы все имущество, которое у нихъ хранится въ ранцахъ.

Часовъ въ 6 вечера войска двинулись по назначенію. Здѣсь проѣхалъ мимо гренадеровъ принцъ Адзмъ Виртембергскій. Поразительное сходство его, въ особенности въ то время, съ Императоромъ, заставило гренадеровъ думать, что въ армію пріѣхалъ Государь. Слова «Государь, Государь здѣсь», колніей пронеслись по всѣмъ рядамъ, лица гренадеровъ оживились; они заключили, что царь, досадуя, что до этого времени не взята Варшава, пріѣхалъ самъ, чтобы вести ихъ на штурмъ. Гре-

надеры готовы были даже крикнуть ура! но ихъ скоро разувѣрили въ пріятномъ заблужденіи. Къ ночи гренадеры прибыли къ Рашину и оттуда слѣдовали за самую цѣлью нашихъ ведетовъ фланговымъ маршемъ влѣво на д. Влохи къ Одоланамъ. Это движеніе совершенно было съ необыкновенною тишиною и въ большомъ порядкѣ, и хотя всѣ дороги были осмотрѣны заранѣе въ полной подробности, но оно представляло большія затрудненія. Ночь была самая темная, дороги узки и извилисты, безпрестанно пересѣкались другими дорогами, и каждую минуту можно было опасаться, что заведешь войска влѣво и перерѣжешь дорогу другимъ войскамъ, придется остановиться и не поспѣешь во-время къ Одоланамъ; или что еще хуже, примешь вправо, незамѣтно перейдешь довольно рѣдкую цѣпь своихъ ведетовъ, вступишь въ расположеніе непріятели, произведешь тревогу и откроешь полякамъ движеніе русской арміи. Притомъ, узкія дороги и обремененіе солдатъ турами, фашинами и штурмовыми лѣстницами заставляло части растягиваться, разрываться, и частнымъ начальникамъ стоило большого труда отыскивать направленіе, куда двигается его корпусъ, дивизія, бригада или полкъ. Это послѣднее обстоятельство производило долгія остановки, войска утомлялись, и многіе бросали въ стороны свои туры, фашины и лѣстницы, такъ что на утро оказалось этихъ матеріаловъ менѣе, нежели на половину противъ вятыхъ съ биваковъ; но и тѣ не пошли почти въ употребленіе, потому что солдаты предпочитали штурмовать безъ всякихъ пособій, быстро и рѣшительно. Всѣ эти препятствія не помѣшали однако же войскамъ совершить свое движеніе съ удивительною тишиною. Солдатамъ приказано было говорить не иначе какъ въ полголоса.

На самомъ разсвѣтѣ мы прибыли къ Одоланамъ, выстроились, солдаты надѣли мундиры какъ для парада, сняли ранцы, уложили ихъ рядами и, разумѣется, дали себѣ слово не переступать за эту черту, чтобы не потерять всего своего имущества; притомъ снятіе ранцевъ облегчило ихъ, сдѣлало и развявѣе и веселѣе. Поляки привыкли къ нашему бездѣйствію, не ожидали нападенія, не слыхали движенія войскъ; въ Варшавѣ все было тихо, спокойно, какъ передъ страшною грозою, и всѣ предполагали, что русская армія по прежнему въ Надаржинѣ за 20 верстъ. Но каково было изумленіе поляковъ, когда съ первыми лучами восходящаго солнца они увидѣли громадныя силы противъ самой Варшавы, стоящія стройно, спокойно, съ выдвинутыми впередъ батареями и ожидающими только сигнала, чтобы устремиться на приступъ. И какое грозное войско своею числительностію! и какое красивое! въ мундирахъ, съ блестящимъ оружіемъ! Въ Варшавѣ сдѣлалась страшная тревога,

звонили въ колокола, войска спѣшили занимать укрѣпленія, пѣхота бѣжала, кавалерія и артилерія неслась на рысяхъ, жители тѣснились на улицахъ, кто старался укрыть свое имущество, кто влѣзалъ на высокія костелы и башни, чтобы оттуда смотрѣть на сраженіе; но всѣ были полны необъяснимаго страха и потеряли ту воинственность духа, которая оживляла ихъ еще наканунѣ. Къ Ромарино посланъ гонецъ, чтобы онъ немедленно возвратился въ Варшаву. Но вотъ однако же послѣ долгаго молчанія раздался пушечный выстрѣлъ съ одного полевого укрѣпленія, уже спущены были одна и другая ракета, ожидали только третьей,—взвилась третья и земля застонала и затряслась отъ грома слишкомъ двухсотъ русскихъ орудій, направленныхъ на укрѣпленія. Дома въ Одоланахъ колебались и готовы были разрушиться, стекла разсыпались въ дребезги. Тучи дыма разстилались полоскою кругомъ Варшавы и надъ ними великолѣпно возносилось яркое солнце, выплывавшее съ востока, какъ будто изъ роднаго нашего края. Артилерія съ той и другой стороны гремя уже около часа безостановочно; но войска еще не двигались. Выстрѣлы нашей артилеріи были сосредоточенные, выстрѣлы польской—разсѣянные. Изъ Воли, вѣроятно для того чтобы лучше обмануть насъ, не дѣлали еще ни одного выстрѣла, но вѣгъ двинулись впередъ, и линіи войскъ, стройно, мѣрно, соблюдая равеніе какъ на ученьѣ, прошли артилерію; артилерія вмгъ взяла на передки, подскочила на картечный выстрѣлъ къ укрѣпленіямъ и начала осыпать ихъ картечью. Мы ѣхали по шоссе противъ самой Воли, ядра и гранаты непріятельскія обсыпали насъ землею, и съ свистомъ и шинѣнемъ неслись надъ нашими головами. Я вынулъ между тѣмъ жареную утку и началъ завтракать; Зальца и адъютанты князя присоединились ко мнѣ; Шаховской сердился, говоря, что если пуля попадетъ въ пустой желудокъ—это не опасно, но если въ сытый—спасенія нѣтъ. Замѣчаніе это насъ не остановило, мы ѣхали и завтракали подъ ядрами. Вотъ колонны начали снова проходить и закрывать артилерію, вдругъ раздалось влѣво громкое ура! солдаты корпуса Палена бросились на первое укрѣпленіе; ни волчьи ямы, ни другія преграды не могли остановить ихъ, и не прошло трехъ минутъ послѣ крика ура! какъ на валу укрѣпленія очутился одинъ егерскій офицеръ съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ и за нимъ уже взобралось около сотни солдатъ. Мы всѣ пришли въ восторгъ отъ этой дивной храбрости. Князь Шаховской снялъ съ себя шляпу и закричалъ: браво! славно! а я, Зальца и Полтарацій ударили лошадей нагайками, перескочили черезъ широкій ровъ, отдѣляющій шоссе отъ поля, и не помня себя понесли къ укрѣпленію, За нами повесѣя, ка-

жется, и весь корпусный штабъ, а зачѣмъ? уже никто въ эту минуту не разсуждалъ. Вдругъ грянула артилерія съ бокового фаса Воли, передъ головою моей лошади пронеслась граната, она отшатнулась назадъ, но въ эту же секунду картечь ударила мнѣ въ лѣвое плечо, я хотѣлъ усидѣть, удержаться на сѣдлѣ, но въ глазахъ сдѣлалось темно, силы меня оставили, я свалился на землю, и когда опомнился, меня уже вели назадъ два жандарма, а князь хлопоталъ, чтобы отъ его имени сдали меня самому доктору Арендту. Боль въ плечѣ была невыносимая, тонкая струя крови текла по шинели и запекалась, я не чувствовалъ руки и боялся взглянуть влѣво, думая, что ее уже нѣтъ; но черезъ нѣсколько минутъ повелъ глазами, рука тутъ, стало быть не оторвана. Чтѣ же такое? Меня ввели въ Одоланахъ въ большую корчму, въ которой пилили и руки и ноги, кровь лилась ручьями, раненые страшно стонали. Картина была и грустная и отвратительная. Адъютантъ князя передалъ Арендту слова князя и вышелъ.

— Посадите его! сказалъ Арендтъ.

Меня посадили на лавку, Арендтъ въ минуту разрѣзалъ мнѣ шинель, сюртукъ, фуфайку, рубашку, и обнажилъ плечо; задумчиво осмотрѣлъ, ощущалъ, боль нестерпимая: «рана, сказалъ онъ,—но гдѣ пуля? неужели въ кости? поднимите руку!»

— Не могу.

— Поднимите, я вамъ говорю, сколько можете; не смотрите на боль

— Не могу.

— Инструменты! закричалъ Арендтъ, надобно рѣзать.

— Могу, могу, закричалъ я, страшно испуганный словами: инструменты и рѣзать, и значительно приподнялъ руку вверхъ.

Арендтъ улыбнулся.

— Когда такъ, это ничего, сказалъ онъ, а я думалъ, что придется отнимать руку въ самомъ плечѣ,—это сильная контузія, сорвавшая немного мяса, ни пули, ни картечи тамъ нѣтъ; надобно только остановить скорѣе воспаленіе.

Онъ приказалъ фельдшеру тотчасъ же перевязать меня, дать корпіи и какую-то примочку, прибавя: а вы извольте теперь выбрать гдѣ нибудь по покойнѣе мѣстечко, да нѣсколько деньковъ полежать.

— Что вы? а штурмъ.

— Какой штурмъ! проститесь съ нимъ, у васъ страшный жаръ и ознобъ.

— Это отъ бывшей у меня лихорадки.

— Отъ какой лихорадки! отъ сильной контузии. Слушайте, что вамъ говорятъ, иначе останетесь безъ руки, и благодарите Бога, что такъ счастливо отдѣлались, еще бы на волосъ и у васъ была бы раздроблена кость.

Надобно было повиноваться; притомъ я чувствовалъ такую боль въ рукѣ и слабость во всемъ тѣлѣ, что не могъ сѣсть на лошадь. Громъ орудій становился сильнѣе, гренадеры начали уже штурмовать Волю, ядра и гранаты разбивали въ щепы крыши въ Одоланахъ и катились по шоссе, взрывая песоги. Я пошелъ влѣво искать себѣ убѣжище, человекъ мой былъ уже здѣсь, и я остановился въ Хржановѣ на небольшой панской мызѣ съ садикомъ. Хозяевъ тамъ не было, но ихъ мѣсто заступили человекъ пять раненыхъ солдатъ. Идти далѣе было некуда и я не могъ, и потому рѣшился здѣсь оставаться въ ожиданіи конца штурма. Бой по прежнему продолжался, порою какъ будто затихалъ, порою усиливался, я лежалъ въ саду подъ деревьями и съ грустнымъ чувствомъ смотрѣлъ на Варшаву. Но вотъ около 2-хъ часовъ пополудни громъ орудій сталъ стихать, выстрѣлы рѣже и рѣже, и наступила около 3-хъ часовъ совершенная тишина. Чтò это значить? разныя мысли приходили мнѣ въ голову и ни на одной изъ нихъ я не могъ остановиться. Неужели Варшава взята? Не можетъ быть, время еще коротко и нельзя было сдѣлать такихъ огромныхъ успѣховъ. Неужели русская армія отступила? еще невѣроятнѣй, судя по духу, оживлявшему наши войска, и тогда бы непремѣнно за нею послѣдовали поляки и войска ихъ показались бы уже и передъ Хржановымъ; но этого нѣтъ. Чтò же такое? На чемъ остановился штурмъ? занявъ первую линію укрѣпленій, надобно было тотчасъ же штурмовать вторую, потому что огонь съ полевыхъ укрѣпленій второй линіи не далъ бы возможности долго держаться въ укрѣпленіяхъ первой линіи, а взявъ вторую, надобно было, не останавливаясь, штурмовать городской валъ, который обстрѣливаетъ вторую линію укрѣпленій; овладѣвъ же валомъ, опять нельзя остановиться, но надобно было штурмовать самый городъ, который скоро бы не сдался. Въ Варшавѣ мы предполагали видѣть вторую Сарагоссу, думали, что жители будутъ рѣзаться въ самыхъ улицахъ, стрѣлять изъ домовъ, метать въ окна раскаленные каменья, лить горячую воду, смолу, что каждый костель, каждый домъ придется брать штурмомъ. Словомъ, я терялся въ догадкахъ и ничего не понималъ. Тревожное состояніе духа, боль отъ контузии и предшествовавшая болѣзнь опять возвратили мнѣ сильнѣйшій пароксизмъ, и я остальной вечеръ пролежалъ въ бреду, на коврѣ, разостланномъ въ саду подъ от-

крытымъ небомъ. Когда я проснулся на другой день, солнце было уже высоко, день опять былъ прекрасный, но тишина по прежнему, ни одного выстрѣла. Я чувствовалъ себя свѣжѣе, казалось могъ сѣсть на лошадь и ѣхать къ дивизіи, приказалъ осѣдлать лошадь, съ трудомъ взобрался на нее, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, рѣшительно разувѣрился въ возможности исполнить свое намѣреніе, въ глазахъ стало темно, голова закружилась, силы меня оставили, и если бы человекъ не поспѣшилъ поддержать, я бы упалъ; онъ снялъ меня съ сѣдла, я возвратился въ садъ, легъ опять на коверъ подъ деревомъ, но, тревожимый мыслями, хотѣлъ непременно узнать что дѣлается, и гдѣ наша армія. Для этого я написалъ записку къ гевальдигеру Овцыну, думая, что онъ, вѣроятно, назади другихъ, скорѣе можетъ меня увѣдомить, и отправилъ съ запискою своего человека Филата, чтобы онъ отыскалъ 2-ю гренадерскую дивизію и принесъ мнѣ отвѣтъ. Четыре часа ждалъ я отвѣта, наконецъ Филатъ возвратился, быстро я развернулъ записку, Овцынъ писалъ: «Наша дивизія между Волею и Раковцемъ; Воля и первая линия укрѣпленій вчера взяты. Поляки выслали депутатовъ, начались переговоры; Бергъ отправился въ Варшаву; главнокомандующаго контузили ядромъ въ лѣвую руку. Главнымъ распорядителемъ Толь; срокъ переговоровъ назначенъ до 12-ти часовъ сегодняшняго дня, и если поляки не сдадутъ Варшаву, то снова штурмъ; съ нашей стороны заготовить 400 орудій, выставленныхъ на позицію, и нѣтъ пощады». Я вынулъ часы, безъ пяти минутъ 12. Что-то будетъ? держу часы, стрѣлка идетъ..... 12! и въ одно мгновеніе вся земля страшно потряслась отъ необыкновеннаго и до того времени еще не слыханнаго мною грома орудій; съ той и съ другой стороны открыли огонь въ этотъ моментъ до 600 орудій. И это не тотъ громъ, который раздается порою изъ громовыхъ тучъ, тотъ поражаетъ слухъ ударами минутными и не потрясаетъ такъ земли; но этотъ громъ просто ее колеблетъ и колеблетъ безпрерывно, зданія колышутся и каждую минуту готовы обрушиться. Это былъ какой-то концертъ, демонскій, страшный, ужасающій, исполняемый огромнымъ оркестромъ; въ этихъ звукахъ при всемъ томъ выражалось что-то чудное, поэтическое, были какія-то гармоническіе перебивы, порою стройные, но порою поражающіе своею дикостью. Варшава задернулась тучами пороховаго дыма, ружейная перестрѣлка, заглушаемая дѣйствіемъ артилеріи, уже недоступна была для слуха, и все гремитъ и гремитъ неумолкаемо; два часа пополудни, три, четыре, и пять, я не могу сойти съ мѣста и слушаю. Но послѣ пяти часовъ общій громъ порою начинаетъ прерываться, мотивы дѣлаются разнообразнѣе,

порою слышится даже перекатный ружейный огонь, прерываемый ударами из орудій, потомъ опять — удары чаще, чаще, и снова минуты на двѣ, на три все сливается въ раскаты грома. Вотъ и вечеръ, становится темно; яркія звѣзды сіяютъ на глубокомъ, темноглубомъ небѣ; выстрѣлы изъ орудій слышатся лишь изрѣдка, огни мелькаютъ посреди пороховыхъ тучъ, ружейный огонь не умолкаетъ, но превращается въ какой-то отдаленный, тихій гулъ; надъ Варшавою показывается свѣтлое, яркое зарево, какъ будто бы выходящая заря, которую разрѣзываютъ пламенные столбы, какъ лучи восходящаго солнца; влѣво что горятъ мельницы и, продолжая молотъ, крылья ихъ, охваченные пламенемъ, образуютъ свѣтлые круги; вправо показались въ воздухѣ разноцвѣтные огни, ракеты, бураки, звѣзды, и все начало около 8-ми часовъ вечера умолкать, и снова настала общая тишина, которая казалась неизяснимымъ гробовымъ безмолвіемъ послѣ такой сильной грозы, погромѣвшей восемь часовъ; и лишь только зарево, по прежнему, разливалось огненною полосою надъ Варшавою, и въ высотѣ горѣли яркія серебряныя звѣзды. Я уснулъ часовъ въ десять, пароксизма въ этотъ вечеръ со мною не было; по утру, съ первымъ разсвѣтомъ, я проснулся, опять тишина, и опять я послалъ Филата съ вопросомъ, и томился ожиданіемъ. Но вотъ показалась бричка Полуэктова. «Варшава сдалась, писалъ Овцынъ, завтра мы вступаемъ въ городъ съ церемоніей, а теперь стоимъ въ Раковцѣ; пріѣзжай! Борисъ Владиміровичъ посылаетъ за тобою бричку; наши всѣ цѣлы и здоровы, и ждутъ тебя съ нетерпѣніемъ». Я поѣхалъ. Штабъ стоялъ въ сараяхъ, тамъ же лежали раненые гренандеры, офицеры и солдаты. Меня встрѣтили съ восторгомъ, и каждый, въ свою очередь, старался рассказать мнѣ подробности штурма и происшествія, случившіяся въ это время.

Послѣ моего отъѣзда съ поля сраженія, влѣво начала постепенно занимать укрѣпленія перваго ряда пѣхота Палена, вправо войска Брейца, Раковецъ атакуютъ Муравьевъ съ тремя гренандерскими полками, а на Волю направлена 3-я гренандерская дивизія Набокова; бой подъ Раковцемъ и подъ Волей былъ самый жестокой. Муравьевъ, послѣ трехчасоваго упорнаго сопротивленія поляковъ, овладѣлъ Раковцемъ; Воля еще не сдавалась. Гренандеры штурмовали Волю, заняли его послѣ сильнаго боя, но этимъ еще не окончилось взятіе Воли; поляки стали защищаться въ зданіяхъ, каждый надобно было брать штурмомъ; большая часть поляковъ, защищавшихъ Волю, была или истреблена, или забрана въ плѣнъ, но остатки ихъ заперлись въ каменномъ костелѣ, въ которомъ были продѣланы бойницы, и продолжали еще сопротивляться;

наконецъ, гренaдеры успѣли ворваться и въ костель; поляки не бросали оружіе.

При штурмѣ Воли былъ тяжело раненъ храбрый генералъ-маіоръ Мартыновъ; пуля попала ему въ глазъ, вылетѣла въ високъ, однакоже онъ остался живъ.

Итакъ Воля, на которую поляки возлагали самыя большія надежды, была взята, и съ нею окончательно занята вся первая линія укрѣпленій. По занятіи Воли 2-я гренaдерская дивизія двинута вправо, на поддержаніе корпуса Крэйца. Дивизионнымъ квартирмейстеромъ по моему отбытіи назначенъ Бруновъ. Въ Волю введены полки 1-й гренaдерской дивизіи; 3-я гренaдерская дивизія, какъ уже много потерпѣвшая, расположена за Волею. Немедленно же, по взятіи Воли, генералъ-инженеръ Денъ принялся съ гренaдерами 1-й дивизіи за работу, и въ часъ или полтора, въ Волѣ были уже прорѣзаны амбразуры и насыпаны барбеты для дѣйствія отсюда нашей артилеріи противъ Варшавы. Солдаты смѣялись, говоря, что когда поляки потеряли свою Волю, то Варшаву взять уже не трудно. Поляки, дѣйствительно, придавали много значенія Волѣ, и рѣшились, во чтобы то ни стало, возвратить ее: сформированы огромныя массы пѣхоты и двинуты къ Волѣ; роль перемѣнилась, поляки наступали, а русскіе защищались въ Волѣ. Открытый изъ Воли артилерійскій огонь поразилъ поляковъ неожиданностью; они никакъ не предполагали, чтобы такъ скоро можно было устроить амбразуры и барбеты, но, не смотря на этотъ сильный огонь, колонны ихъ подвигались впередъ. Тогда князь Шаховской выступилъ къ нимъ на встрѣчу съ двумя полками карабинеровъ 1-й гренaдерской дивизіи. Карабинеры шли смѣло, чтобы ударить на непріятеля въ штыки; ни съ той, ни съ другой стороны не дѣлали ни одного выстрѣла; колонны противниковъ начали сближаться; князь, чтобы не помѣшать собою произвести ударъ, началъ осаживать свою лошадь, чтобы остаться въ интервалѣ полковъ; но карабинеры, замѣтивъ это, стали топтаться на мѣстѣ и не подвигались. «Я здѣсь, съ вами карабинеры, вскричалъ князь, выскакавъ впередъ, нельзя же мнѣ, братцы, вамъ заграждать собою дорогу, «ура!»», и карабинеры снова дружно двинулись; Шаховской вѣхалъ въ интервалъ и опять повторилось тоже. Наконецъ, колонны уже сблизились шаговъ на тридцать, князь Шаховской крикнулъ еще «ура!» Карабинеры бросились впередъ, ударили въ штыки и непріятель въ разстройство опрокинутъ назадъ. Но не прошло полчаса и снова начали наступать къ Волѣ массы непріятельской пѣхоты, и снова

князь, повторивъ опять тотъ же маневръ, окончательно уже опрокинулъ непріятельскую пѣхоту, отнявъ у ней послѣднюю возможность на возвращеніе Воли. На всѣхъ же другихъ пунктахъ дѣйствія прекращались, изъ Варшавы пріѣхалъ Круковецкій съ депутатами и начались переговоры. Главнокомандующій требовалъ безусловной покорности, поляки предлагали условія; Круковецкій затруднился и просилъ отправить съ нимъ депутатовъ въ Варшаву и прекратить между тѣмъ дѣйствія. Паскевичъ согласился послать Берга и Данненберга и далъ Круковецкому сроку до полудня другаго дня. Огонь по всей линіи прекращенъ. Войска съ той и другой стороны положено не переводить въ продолженіе этого времени съ мѣста на мѣсто, но оставаться имъ такъ, какъ застанетъ ихъ это повелѣніе, хотя бы менѣе, нежели на ружейный выстрѣлъ другъ отъ друга. Толь настаивалъ, чтобы не прекращать штурма, говоря, что переговоры не будутъ успѣшны, что поляки желаютъ только выиграть время, чтобы дать возможность возвратиться Ромарино, и что, по его прибытіи, войска польскія усилятся и штурмъ будетъ затруднительнѣй. Паскевичъ, напротивъ того, доказывалъ ему, что Ромарино не успѣетъ еще возвратиться въ это время, что не слѣдуетъ доводить поляковъ до отчаянія, иначе штурмъ такого многочисленнаго города сопряженъ будетъ съ огромными потерями и успѣхъ останется сомнительнымъ. Паскевичъ, контуженный передъ тѣмъ въ руку, отправился въ д. Влохи и поручилъ Толю дѣлать всѣ ближайшія распоряженія. Переговоры велись безуспѣшно, нѣсколько разъ Бергъ ѣздилъ въ Варшаву, нѣсколько разъ пріѣзжали польскіе депутаты къ Паскевичу; поляки уменьшали понемногу условія, но настаивали, чтобы отложить еще на нѣсколько часовъ штурмъ. Паскевичъ былъ непреклоненъ и ясно убѣждался въ справедливости мнѣнія Толя, что поляки хотятъ только выиграть время, чтобы дождаться Ромарино.

Къ 11-ти часамъ еще ничего не было окончено. Толь, остановившись у батареи, послалъ спросить у главнокомандующаго, какъ онъ прикажетъ дѣйствовать?

— Дѣйствовать согласно данной диспозиціи! отвѣчалъ Паскевичъ.

— Скажите главнокомандующему, возразилъ Толь, что вчерашняя диспозиція не годится, войска въ продолженіе боя перемѣнили мѣста, а на нынѣшній день диспозиціи не дано никакой.

— Дѣйствовать согласно данной диспозиціи, отвѣчалъ опять Паскевичъ.

— А! понимаю! сказалъ Толь, ударивъ кулакомъ по пушкѣ. Слава Паскевичу, а отвѣтственность Толю. Но дѣлать нечего; 12 часовъ; пу-

скайте ракету, впередъ гренадеровъ—2-ю гренадерскую дивизию къ Іерусалимской заставѣ, 1-ю и 3-ю къ Вольской заставѣ, гвардію подвинуть ближе, всѣ прочія войска дѣйствуютъ по тѣмъ же направленіямъ и, Варшава наша.

Съ этимъ словомъ взвилась ракета, грянула батарея, на которой находился Толь, и штурмъ начался снова. Часа въ 3 взята и вторая линія укрѣпленій; начался штурмъ городского вала. Штрандманъ, поддержанный Ностицемъ, занялъ бельведеръ и Лазенки, Муравьевъ овладѣлъ огородами и началомъ улицы отъ Моготовской заставы, 2-я гренадерская дивизия ворвалась въ Іерусалимскую заставу, и поддержанная лейбъ-егерями, подъ командою Полешко, заняла предмѣстье съ этой стороны. Крейцъ штурмовалъ Чисте и овладѣлъ валомъ между Іерусалимскою заставою. Князь Шаховской съ гренадерами овладѣлъ Вольскою заставою, штурмовалъ нѣсколько заваловъ и занялъ часть города къ Волѣ; Паленъ занялъ часть вала лѣвѣе гренадеровъ. Словомъ, войска наши были уже въ самой Варшавѣ, и на этомъ остановлены были ихъ успѣхи на гупившею темною ночью. Толь появлялся на многихъ пунктахъ, самъ распоряжался, или лично, или разсылалъ приказанія хладнокровно, безъ суеты, и казался необыкновенно веселымъ. Нейдгартъ также дѣйствовалъ и съ хладнокровіемъ и неустрашимостію, носясь по линіямъ и наблюдая, такъ ли выполняются приказанія Толя, и не нужно ли гдѣ либо подкрѣпленія ослабѣвающимъ. Горчаковъ не уступалъ имъ обоимъ ни въ хладнокровіи, ни въ распорядительности; ему оторвало пулею палець, потомъ другой, онъ, не слѣзая съ лошади, далъ перевязать себѣ руку и продолжалъ распоряжаться дѣйствіемъ артилеріи. Штрандманъ отличался личною храбростію; Муравьевъ—искусными распоряженіями. Полуэктовъ уже не могъ оставаться назади и на этотъ разъ не уронилъ достоинства русскаго генерала. Князь Шаховской получилъ контузію пулею въ спину, но не уѣхалъ и самъ велъ войска на штурмъ заваловъ. Паленъ былъ, какъ и всегда, хладнокровенъ и распорядителенъ. Частные начальники дѣйствовали съ большимъ самоотверженіемъ, въ особенности отличился полковой командиръ, Липранди. Солдаты его, приближась для штурма одного сильнаго укрѣпленія, на минуту было заколебались, Липранди выхватилъ у подпрапорщика знамя и перебросивъ его черезъ ровъ, закричалъ: «Посмотрю! какъ полятъ рѣшится потерять свое георгіевское знамя?» и солдаты въ мигъ очутились на брустверѣ. Офицеры показали удивительную храбрость, шли впереди атакующихъ колоннъ и первые взбирались на брустверъ. «Ну, братцы», говорили раненые гренадеры, лежавшіе со мною въ одномъ сараѣ,

«стоя на поселеніи, мы думали, что наши офицеры только и знают, что распекать насъ на ученьѣ, да нѣтъ, куда тебѣ, такъ и лѣзутъ въ огонь, отстать не смѣешь, житья послѣ не будетъ. ну, и ломишь себѣ на пропалюю». Гвардейскіе охотники были также прекраснымъ примѣромъ. И признаю, я никогда не сомнѣвался въ храбрости русскаго войска, но никогда, однакожь, не ожидалъ, чтобы эта отвага могла простираться до такой степени, если бы своими глазами не видалъ штурма перваго укрѣпленія. Солдаты бѣжали за своими офицерами, обрывались въ волчьи ямы, падали, но черезъ нихъ бѣжали уже другіе. 2-я гренадерская дивизія шла на штурмъ городскаго вала съ пѣснями; правда, говорятъ, эти пѣсни были прерывисты и нестройны, но, тѣмъ не менѣе, онѣ ободряли войска и показывали ихъ высокій духъ. Это разнеслось по арміи.

— А какую пѣли пѣсню твои гренадеры, штурмуя Варшаву? спросилъ на другой день Великій Князь Михаилъ Павловичъ у Полуэктова.

— «Ахъ! на что было огородъ городить, ахъ на что было капусту садить», отвѣчалъ Полуэктовъ.

2-я гренадерская дивизія, взявъ Іерусалимскую заставу, дѣйствительно штурмовала долго огороды, обнесенные заборами. Его Высочество и всѣ присутствовавшіе расхотались и разговоръ Полуэктова внесенъ былъ въ реляцію Паскевича о штурмѣ Варшавы. При штурмѣ одно орудіе взялъ Соболевскій 1-й, адъютантъ Виртембергскаго полка; но, желая продолжать преслѣдованіе непріятели, увлекся далѣе съ цѣлью стрѣлковъ. Одинъ изъ подпоручиковъ Кіевскаго полка воспользовался этимъ, представилъ орудіе отъ себя и получилъ Георгіевскій крестъ. Кіевскій полкъ занялъ Іерусалимскую заставу и взорвалъ на воздухъ находящуюся вблизи лабораторію, въ которой заготовлялись фейерверки. Поляки дѣйствовали также необыкновенно храбро и съ удивительнымъ самоотверженіемъ, многія укрѣпленія не сдавались до того времени, пока не истребляли обороняющихся до послѣдняго человѣка. Но неожиданное появленіе русской арміи подъ стѣнами Варшавы, нераспорядительность Крюковецкаго и Дембинскаго, беспорядочно рассылаемыя приказанія, суетливость частныхъ начальниковъ, неумѣнье поддерживать во-время ослабѣвающихъ, дѣлали всѣ усилія польскихъ войскъ бесполезными, и подъ Варшавою, можно сказать, погибъ цвѣтъ польскаго войска; старыхъ солдатъ почти уже не оставалось въ рядахъ. Послѣ остроленскаго сраженія по вліянію равныхъ партій начальники дивизій и другія лица перемѣнялись безпрестанно и при самомъ штурмѣ Варшавы не было уже опытныхъ и знающихъ дѣло генераловъ.

Съ нашей стороны убито три генерала; всего же потери убитыми и ранеными было до 12,000. Въ числѣ убитыхъ былъ и полковникъ Циммерманъ; не даромъ его тяготило предчувствіе. Въ польской арміи отъ безпорядка въ дѣйствіяхъ потери простирались до 15,000, и эта потеря была для нихъ чувствительнѣе чѣмъ намъ, по меньшей численности ихъ арміи; но главная потеря заключалась въ большей части артилеріи и въ томъ, что всѣ войска упали духомъ; многіе бросали оружіе, надѣвали даже статское платье или расходились по домамъ. Въ такомъ положеніи было дѣло 26-го августа вечеромъ по прекращеніи штурма, но на завтра ожидали новаго боя и окончательнаго занятія Варшавы.

Переговоры между тѣмъ продолжались, Ромарино не было и не было еще отъ него никакого извѣстія, такъ далеко его отвлекъ Розенъ отъ Варшавы. Остановить снова штурмъ на нѣсколько дней Паскевичъ бы не согласился, и потому полякамъ предстояло два выбора: погребсти свою армію подъ развалинами Варшавы, или согласиться сдать городъ, съ тѣмъ, чтобы гарнизону предоставлена была свобода очистить его до вступленія русскихъ войскъ. Правда, поляки теряли при этомъ столицу, но за то сохраняли армію и могли еще надѣяться, что если армія отступить на Модлинъ и усилятся присоединеніемъ Ромарино, война снова затянется на долгое время, Варшава потребуетъ отъ русскаго главнокомандующаго значительнаго гарнизона, этимъ ослабится его армія и перевѣсъ опять можетъ склониться на ихъ сторону. Долго переѣзжали Бергъ и Круковецкій подъ выстрѣлами съ той и другой стороны, то въ Варшаву, то къ Паскевичу; наконецъ, когда взять былъ валъ, начали штурмовать предмѣстья, кругомъ Варшавы разлились пожары, то жители, желая сохранить свое имущество, убѣдили Круковецкаго на послѣднюю мѣру. Главнокомандующій, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, рассчитавъ, что въ случаѣ отказа на это предложеніе, не только армія, но и все народонаселеніе Варшавы приведено будетъ въ отчаяніе и Варшава въ самомъ дѣлѣ можетъ сдѣлаться второю Сарагоссою; тогда какъ если онъ согласится на предлагаемое условіе, выпустить польскую армію, займетъ Варшаву, то найдетъ средство уничтожить послѣ и самую армію. Поэтому было положено: чтобы польская армія очистила совершенно городъ 27-го августа, а 28-го съ разсвѣтомъ вступила бы туда русская армія, и чтобы польскую армію не тревожить и не открывать никакихъ противъ нея дѣйствій до 30-го августа, т. е. пока она не дойдетъ до Модлина. Дѣйствія прекращены.

27-го августа польскія войска съ грустію покидали Варшаву, пре-

доставляя ее неприятелю и, переправляясь черезъ прагскій мостъ, двигались къ Модлину, а русскія оставались на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ были вечеромъ 26-го, во время прекращенія дѣйствій. Диктаторство Круковецкаго повело за собою потерю Варшавы, многіе противъ него роптали, подоврѣвая даже въ измѣнѣ отечеству и въ подкупѣ. Онъ остался въ Варшавѣ, армія поручена Рыбинскому, предложившему правительственнымъ лицамъ переѣхать въ Модлинъ; нѣкоторые согласились, но большая часть осталась въ Варшавѣ, преобразившись въ мирныхъ гражданъ, и Рыбинской повелъ войска къ Модлину.

28-го августа гвардія въ полномъ парадѣ съ музыкою и барабаннымъ боемъ вступила въ Варшаву и заняла всѣ караулы; но никто не привѣтствовалъ вступавшихъ русскихъ войскъ; по всѣмъ улицамъ царствовала мертвая тишина, какъ будто весь городъ покинутъ былъ жителями. Главная квартира, корпусные и дивизионные штабы переѣхали въ Варшаву, а всѣ прочія войска остались на полѣ сраженія на бивакахъ, для уборки раненыхъ и зарыванія тѣлъ.

Я не могъ еще сѣсть верхомъ и остался въ Раковцѣ, въ ожиданіи Полторацкаго, который хотѣлъ за мною пріѣхать изъ Варшавы. Вечеромъ 28-го мой Филать выпросился посмотреть городъ и кой-что купить и, возвратясь, рассказывалъ, что Варшава не уступаетъ Петербургу. «Улицы, говорить, широкія, дома большіе, каменные, и по улицамъ также вездѣ идетъ народъ и туда и сюда.» 29-го, поутру, пріѣхалъ Полторацкій въ коляскѣ, я сѣлъ, и мы вѣхали въ Варшаву. Улицы пусты, мертвая тишина, только порой раздавался стукъ экипажей гвардейскихъ офицеровъ или конскій топотъ отъ несущихся верхами казаковъ и чересовъ. Улицы были переконаны канавами или заграждены брустверами, завалами и рогатками: все показывало дѣйствительно, что поляки готовы были выдержать штурмъ въ самомъ городѣ, и многіе изъ нихъ и теперь еще оставались въ томъ убѣжденіи, что Круковецкій былъ подкупленъ русскимъ правительствомъ, иначе бы Варшава не сдалась.

Мы съ Полторацкимъ отправились прямо въ центръ города на главную площадь передъ дворцомъ, въ гостинницу Шаво. Тамъ уже ожидали насъ Зальца, Бруновъ, Поливановъ и Карповъ, и были также офицеры главной квартиры; отобѣдавъ и посидѣвъ часа два, я отправился на свою квартиру въ Новый Свѣтъ, которая была отведена мнѣ вмѣстѣ съ Кустовымъ и Чернышевымъ.

Съ донесеніемъ о взятіи Варшавы посланъ къ Государю полковникъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ. Итакъ, наконецъ мы въ Варшавѣ, Вар-

шава взята, цѣль достигнута, и кампанія хотя еще не окончилась, однакоже, по всему вѣроятію, уже не могла быть продолжительною. Главная польская армія ослаблена была потерями при штурмѣ и дезертирами до 18,000 человекъ. Ромарино, съ которымъ вмѣстѣ находился и князь Адамъ Чарторижскій, желая нанести пораженіе Розену, были отвлечены имъ даже за Сѣдлецъ къ Менджержицу. Генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Левшинъ, проѣзжавшій вслѣдъ за Суворовымъ по брестъ-литовскому шоссе, слышалъ отъ хозяйки трактира въ Менджержицахъ, что Ромарино и Чарторижскій выходили изъ себя, когда узнали о сдачѣ Варшавы, нѣсколько разъ выстраивали войска, то намѣреваясь ихъ вести къ Модлину на соединеніе съ Рыбинскимъ, то поворачивали на югъ, чтобы слѣдовать къ Замосцу. Нежеланіе дѣйствовать совмѣстно съ Рыбинскимъ и тайное намѣреніе Чарторижскаго быть ближе къ Галиціи, гдѣ у него были главныя имѣнія, пересилило, и Ромарино двинулся на югъ къ Замосцу. Розенъ, воспользовавшись этимъ, двинулся впередъ къ Варшавѣ и вошелъ въ связь съ главными силами русской арміи. Итакъ, образовались двѣ польскихъ арміи, почти равносильныя: одна находилась въ Модлинѣ на сѣверѣ, другая на югѣ, придерживаясь Замосца, единственныхъ опорныхъ пунктовъ, которые оставались у поляковъ. Но главное, съ покореніемъ Варшавы, временное правительство почти рушилось и наши ожиданія сбылись.

Этотъ періодъ кампаніи Паскевича, продолжавшійся съ небольшимъ два мѣсяца, не смотря на нѣкоторую медленность въ дѣйствіяхъ, былъ самый блестящій изъ всей польской войны 1831 года. Правда, успѣхи русскихъ войскъ были отчасти подготовлены разбитіемъ арміи Скрженецкаго подъ Остроленкой, и партіей Круковецкаго, враждебной Скрженецкому, ниспровергнувшей существующій порядокъ. Правда, обстоятельства во многомъ благоприятствовали Паскевичу, но, при всемъ томъ, можно было ими не воспользоваться, а онъ воспользовался и воспользовался вполне. Съ самаго приѣзда Паскевича, дѣйствія принимаютъ характеръ совершенно иной; онъ ни на одинъ моментъ не уклоняется отъ предположенной цѣли; дѣйствія отдѣльными отрядами прекращаются, всѣ войска направляются для сосредоточенія—армія двигается къ нижней Вислѣ, и совершаетъ весь свой путь на протяженіи около 300 верстъ совершенно безпрепятственно, не встрѣчаясь даже съ неприятелемъ, какъ будто бы проходя по собственной странѣ въ мирное время, и останавливается подъ Ловичемъ. Пребываніе подъ Ловичемъ набрасываетъ только небольшую тѣнь на распоряженія главнокомандующаго, но и эта тѣнь скоро смывается движеніемъ къ Варшавѣ.

и штурмомъ польской столицы, составлявшей главный предметъ дѣйствія. Паскевичъ получилъ титулъ Князя Варшавскаго. Толь приписываетъ взятіе Варшавы себѣ и жалуется въ своихъ запискахъ, что Паскевичъ, встрѣтясь съ нимъ, даже не поблагодарилъ его. Но кому же припишетъ будущій историкъ этой войны, не имѣющій желанія льстить ни тому ни другому? трудно рѣшить. Планъ штурма, распредѣленіе всѣхъ частей войскъ для атаки, принадлежитъ военному совѣту; но чтобы согласить всѣ предложенія совѣта, выбрать изъ нихъ лучшія и остановиться на нихъ твердо, безъ сомнѣнія,—это заслуга Паскевича, потому что одинъ его голосъ могъ сказать «да или нѣтъ.» Выборъ самаго благоприятнаго момента для штурма, принадлежитъ Паскевичу. Штурмъ Воли, Раковца и всей первой линіи укрѣпленій принадлежитъ также ему, какъ главному распорядителю. Толь начинаетъ дѣйствовать только со втораго дня; ему не дано было опредѣлительныхъ приказаній, куда направить какую часть войска, онъ долженъ былъ двигать нѣкоторыя части войскъ по собственному усмотрѣнію; дѣйствовалъ превосходно, вполне оправдалъ довѣренность, сдѣланную ему главнокомандующимъ, и Варшава послѣ втораго дня штурма сдалась. Но слѣдуетъ ли чрезъ это приписать Толью всю славу штурма? нѣтъ, она остается за Паскевичемъ. Толь продолжалъ только дѣйствовать въ томъ же духѣ, въ которомъ началъ Паскевичъ, и могъ ли онъ позволить себѣ сдѣлать какую либо важную перемѣну? и не оставался ли Паскевичъ постоянно свидѣтелемъ штурма? Онъ не присутствовалъ самъ, но, находясь не далѣе пяти верстъ, онъ получалъ безпрестанно донесенія самыя подробныя о всѣхъ распоряженіяхъ графа Толя и дѣйствіяхъ войскъ; и не могъ ли онъ тотчасъ же остановить эти распоряженія, если бы видѣлъ, что они уклоняются отъ его предположеній и намѣреній? Онъ не остановилъ ни одного, но это только служитъ доказательствомъ, что Толь дѣйствовалъ прекрасно и совершенно въ его духѣ. Итакъ, можно сказать, что Толь заслужилъ себѣ неувядаемую славу дѣйствіями подъ Варшавою, но слава покорителя Варшавы остается за Паскевичемъ.

Варшавскій штурмъ поселилъ окончательно вражду между Толемъ и Паскевичемъ. Толь считалъ себя мало вознагражденнымъ за свои дѣйствія, получивъ, наравнѣ съ корпусными командирами, Георгія 2 степени и, увлекаясь самолюбіемъ, поручилъ Басину, одному изъ лучшихъ художниковъ, написать свой портретъ во весь ростъ и изобразить себя стоящимъ у батареи во время штурма Варшавы и распоряжающимся дѣйствіями. Портретъ этотъ находился на выставкѣ въ академіи худо

жествъ въ Петербургѣ, привлекалъ толпы любопытныхъ и порождалъ многіе толки. Сверхъ того, въ Берлинѣ сдѣлана была съ него прекрасная литографія, съ подписью: «Графъ Толь беретъ приступомъ Варшаву», и общее мнѣніе, бывшее всегда за Толя, приписало ему всю славу штурма.

VI.

Второй періодъ кампаніи Паскевича.—Окончаніе военныхъ дѣйствій.

Положеніе дѣлъ послѣ взятія Варшавы.—Новый планъ Паскевича.—Отдыхъ. — Награды.—Движеніе къ Модлину, блокированіе Модлина и приготовленіе къ штурму.—Непріятель дѣлаетъ вылазку изъ Модлина и направляется къ Плоцку. — Движеніе корпуса Палена 1-го по лѣвому берегу Вислы къ Плоцку, а главныхъ силъ русской арміи по правому берегу.—Преслѣдованіе польской арміи къ границамъ Пруссіи.—Польская армія кладетъ на границѣ оружіе и переходитъ въ Пруссію.—Возвращеніе къ Варшавѣ, извѣстіе о сдачѣ Модлина, дѣйствія на югѣ противъ Ромарино.

Вѣсть о взятіи Варшавы быстро распространилась по всему царству Польскому и Литвѣ и произвела весьма благопріятное вліяніе въ пользу русскихъ. Литва перестала волноваться и въ ней окончательно водворено спокойствіе; жители царства Польскаго убѣдились, что они не въ силахъ болѣе противостоятъ русскому оружію, что, рано или поздно, войска ихъ, неруководимыя одною властію, не направляемыя къ одной цѣли и не имѣя между собою ни единства, ни связи въ дѣйствіяхъ, разсѣются по частямъ и подвергнутся совершенному истребленію. И тогда, всѣ принимавшіе участіе въ возстаніи должны будутъ дорого поплатиться за свое заблужденіе. Болѣе благоразумные люди начали оставлять войска главной арміи и отряда Ромарино, чтобы чрезъ эту еще невынужденную покорность смягчить гнѣвъ русскаго Императора, готовый надъ ними разразиться.

Главные силы русской арміи возобновили прямыя сообщенія съ Литвою по Брестъ-Литовскому шоссе, которое уже было очищено, и

могли получать продовольствіе прямо изъ Россіи, а корпусъ Розена совершенно раздѣлялъ обѣ польскія арміи. Нравственная сила войскъ взятіемъ Варшавы возвысилась, и числительность ихъ превосходила втрое главныя силы польской арміи, стоящей въ Модлинѣ. Дальнѣйшій планъ дѣйствій Паскевича заключался въ слѣдующемъ: 1) корпусъ Розена долженъ былъ остаться при Седлецѣ и Калушинѣ, для охраненія Брестъ-Литовскаго шоссе, а гвардія—въ Варшавѣ, для содержанія гарнизона. 2) Главныя силы—направиться въ Модлину, предпринять блокаду и заставить польскую армію положить оружіе и 3) Ридигеру, одержавшему передъ тѣмъ нѣкоторые успѣхи надъ отрядомъ Рожинскаго и разсѣявшему краковскую и сендомирскую милиціи, перейти на правый берегъ Вислы, въ Люблинскомъ воеводствѣ соединиться съ Кайсаровымъ, открыть дѣйствія противъ Ромарино и стараться овладѣть Замосцемъ. Сверхъ того, чтобы не оставалось уже никакого сомнѣнія въ успѣхѣхъ дѣйствій на югѣ, Паскевичъ отнесся къ главнокомандующимъ 1-й и резервной арміями графамъ: Сакену и Толстому, прося ихъ, по совершенномъ водвореніи спокойствія въ Литвѣ, Волыни и Подоліи, усилить войска Ридигера и Кайсарова, чтобы чрезъ это окончить дѣла съ наибольшею поспѣшностію, объясняя имъ, что единственнымъ убѣжищемъ у поляковъ остаются теперь Модлинъ и Замосць, а если они потеряютъ эти двѣ крѣпости, то должны будутъ или положить оружіе, или подвергнуться совершенному истребленію.

Между тѣмъ, переговоры съ Рыбинскимъ продолжались и по отступленіи польской арміи въ Модлинъ. Бергъ ѣздилъ въ Модлинъ почти каждый день парламентаромъ, равно пріѣзжали депутаты и съ польской стороны. Паскевичъ доказывалъ, что дальнѣйшее сопротивленіе бесполезно и требовалъ покорности и сдачи Модлина. Рыбинскій хотѣлъ покориться, но не иначе, какъ на извѣстныхъ условіяхъ. Поэтому Паскевичъ, въ ожиданіи совершеннаго окончанія дѣлъ, выслалъ только часть войска для наблюденія за Модлиномъ, а всѣмъ прочимъ войскамъ главной арміи предположилъ дать на нѣсколько дней отдыхъ.

Гренадерскій корпусъ переведенъ былъ съ поля сраженія и расположенъ, 30 августа, въ такъ называемомъ Повонзковскомъ лагерѣ, находящемся въ двухъ верстахъ отъ Варшавы, съ сѣверной ея стороны. Это былъ постоянный лагерь русскихъ и польскихъ войскъ гвардіи Цесаревича. Войска располагались въ особенныхъ деревянныхъ домикахъ, имѣющихъ снаружи видъ большихъ палатокъ. Впереди тянулася линія домиковъ солдатскихъ, за ними линія офицерскихъ, потомъ штабъ-офицерскихъ и, наконецъ, кухонъ и столовыхъ. Между домиками разбитъ

былъ англійскій садъ; густыя акаціи, кусты сиреней, бузины и хорошенькіе противъ офицерскихъ домиговъ цвѣтники дѣлали лагерь прекраснымъ гуляньемъ. Въ полуденные жары подъ тѣнью деревъ находили себѣ убѣжище солдаты и по вечерамъ нерѣдко стекалась варшавская публика, любящая военную жизнь, чтобы послушать музыку и пѣсенниковъ. Но, не смотря на всѣ прелести и удобства Повонзковскаго лагеря, въ сентябрѣ мѣсяцѣ мнѣ казалось тамъ сыро при моей лихорадкѣ, и потому я дня черезъ три отыскалъ въ полуторѣ верстѣ отъ лагеря брошенную мызу Маримонтъ, переѣхалъ туда, а вслѣдъ за мною переѣхалъ и весь дивизіонный штабъ. Всѣ расположились въ домѣ, въ бельведерѣ котораго было множество моделей разныхъ сельскихъ инструментовъ, а я занялъ флигель, выходящій прямо въ садъ; комнаты флигеля были прехорошенькія, и я съ удовольствіемъ прожилъ въ Маримонтѣ нѣсколько дней. Порою я ѣздилъ въ Варшаву. Улицы понемногу становились люднѣе; но въ 9 часовъ всѣ магазины, кондитерскія, кофейныя и рестораціи запирались, наступала совершенная тишина, на улицахъ становились казачьи пикеты и производились безпрестанные разъѣзды. Проходящихъ опрашивали, и если кто не зналъ ни лозунга, ни отзыва, отправляли на ближнюю гауптвахту, гдѣ караульный офицеръ, распросивъ его о причинѣ выхода изъ дома въ запрещенный часъ, или давалъ ему конвой, если проходившій былъ принужденъ къ тому нуждою, или задерживалъ его на гауптвахтѣ, когда находилъ его подозрительнымъ. Всѣ эти мѣры кажутся, съ перваго взгляда, стѣснительными, въ особенности для многолюднаго города, гдѣ могутъ встрѣтиться тысячи крайнихъ нуждъ, заставляющихъ людей выходить на улицу позднѣе назначеннаго часа; но онѣ были въ то время слѣдствіемъ рѣшительной необходимости. Гвардія не только не располагалась по домамъ обывателей, но даже и въ казармахъ, а стояла на бивакахъ по площадямъ. Ночью солдаты согрѣвались у разложенныхъ огней и варили пищу въ ближайшихъ домахъ. Вся Варшава представляла видъ военного стана. Самъ главнокомандующій не иначе ѣздилъ, какъ съ конвоемъ, составленнымъ изъ линейцевъ, которые прибыли съ Кавказа вскорѣ по пріѣздѣ его въ армію. Паскевичъ носилъ контуженную свою руку, когда являлся передъ войсками, на широкомъ бѣломъ полотнѣ, что невольно бросалось въ глаза . . . . .

Полуэктговъ представилъ меня снова къ ордену Св. Владиміра съ бантомъ, но Гурко прислалъ ко мнѣ записку съ топографомъ, спраши-

вая, что для меня, кажется, будетъ выгоднѣе получить чинъ поручика, чтобы быть переведеннымъ въ генеральный штабъ, нежели Анну 3-й степени. Полагая, что я уже представленъ въ поручики за Остроленку, мнѣ стало досадно, что Гурко уменьшаетъ награду.

— Не отвѣчайте ничего, замѣтилъ Полторацкій, а топографъ скажетъ, что онъ не нашелъ васъ дома.

Я послушался.

— Скажите, почтеннѣйшій, спросилъ у меня Гурко на другой день, что вамъ за расчетъ получить орденъ?

— Въ поручики я представленъ за Остроленку, но я не знаю, ваше превосходительство, прибавилъ я нѣсколько обиженнымъ тономъ, отъ чего вамъ угодно уменьшить награду, къ которой я представленъ начальникомъ дивизіи.

— Вы ошибаетесь, почтеннѣйшій, и въ томъ и въ другомъ; уменьшать мы не думали, но фельдмаршалъ прямо Владимира не дастъ. За Остроленку же вы не были представлены, князь васъ предупреждалъ; если же вы надѣетесь на представленіе Бистрома, оно прислано къ намъ же и удержано. Жалѣю, что князь уже подписалъ теперь представленія, но постараюсь при случаѣ васъ вознаградить.

Видя, что переговоры съ Рыбинскимъ бесполезны, Паскевичъ рѣшился двинуть главныя силы къ Модлину и обложить его. 7-го сентября приказано намъ выступить изъ Повонзковскаго лагеря, перейти чрезъ Прагскій мостъ на правый берегъ Вислы, переправиться потомъ чрезъ нижній Бугъ и обложить вмѣстѣ съ корпусомъ Крейца Модлинъ съ праваго берега Вислы и Буга, тогда какъ корпусъ Палена долженъ былъ обложить Модлинъ съ лѣваго берега Вислы. Войска наши двигались, однакоже, весьма медленно, шли 30 верстъ три дня, и имѣли, сверхъ того, двѣ дневки. Надобно предполагать, что главнокомандующій или хотѣлъ устрашить польскую армію однимъ приближеніемъ къ Модлину трехъ корпусовъ, или желалъ дать время войскамъ заготовить туры и фашины, на случай штурма или осады, изъ лѣсовъ, находящихся на правомъ берегу Вислы, выше впаденія Буга, потому что ниже его впаденія мѣстность открытая, ровная и песчаная и на значительномъ разстояніи отъ Модлина нельзя было найти даже и прутьевъ. Этими работами во 2-й Гренадерской дивизіи завѣдывалъ Виртембергскаго полка поручикъ Филипсонъ; мы съ Петровскимъ предложили его назначить и говорили Филипсону смѣясь, что мы пустимъ его по ученой части и выведемъ въ люди. А между тѣмъ всѣ эти приготовленія насъ не радовали. Чтó это опять штурмъ? толковали всѣ между собой, да когда же конецъ! Погода стояла пасмурная, холодная, порою шли дожди,

и хотя мы обыкновенно располагались не на бивакахъ, а въ теплыхъ хатахъ, но пароксизмы у меня усиливались и продолжались часовъ по пяти въ день; я глоталъ порошки хинной соли, но выѣжалъ на сырой воздухъ и соль не помогала. 2-й Гренадерской дивизіи, не знаю для чего, приказано было перемѣнить биваки и расположиться верстахъ въ двухъ отъ прежнихъ. Гурко, чтобы показать позицію, прислалъ за мною адъютанта своего Дайнези. Меня была сильная лихорадка, и я лежалъ покрытый шубами.

— Вы видите въ какомъ я положеніи; скажите генералу, что я не могу пріѣхать.

Дайнези поѣхалъ и черезъ четверть часа снова возвратился съ словами: «Генераль сердится и требуетъ васъ непременно». Мнѣ стало нестерпимо досадно, я вскочилъ съ постели, надѣлъ сюртукъ, сѣлъ на лошадь и поскакалъ, чтобы объясниться съ Гурко, едва держась на сѣдлѣ отъ изнеможенія. Дождь шелъ проливной.

— Что вы это, милостивый государь! генерала заставляете себя дожидаться.

— Ваше превосходительство, возразилъ я, взгляните на меня, и вы возьмете вашъ несправедливый упрекъ назадъ: меня бьетъ лихорадка, я едва сижу на лошади.

Я былъ блѣденъ какъ полотно, губы у меня посинѣли, сильный пароксизмъ приподнималъ меня съ сѣдла, лѣвая контуженная рука была на перевязкѣ и я, чтобы не упасть съ лошади, долженъ былъ держаться за сѣдло правою рукою.

— Вотъ ваша позиція, сказалъ онъ, но я поставлю войска самъ, а вы поѣзжайте; вы въ самомъ дѣлѣ сильно нездоровы, вамъ нуженъ покой, и потому пока вамъ сдѣлается лучше, при дивизіи будетъ состоять Бруновъ.

Въ одной избѣ съ Полуэктовымъ стояли его ординарцы: князь Шаховской, Чернышевъ и я. Полуэктовъ часто подшучивалъ надъ Чернышевымъ, но и Чернышевъ не оставался въ долгу и отплачивалъ ему тѣмъ же, выводилъ его, что называется, на свѣжую воду. Чернышевъ рассказывалъ какъ-то Полуэктову, что индѣекъ лучше всего откармливать грецкими орѣхами съ скорлупою.

— Какъ съ скорлупой? Да развѣ они могутъ проглотить грецкій орѣхъ съ скорлупой.

— Глодаютъ, ваше превосходительство, я самъ видѣлъ.

Полуэктовъ расхохотался.

— Ну, господа, говорилъ онъ каждому изъ навѣщавшихъ его ге-

нераловъ, хорошіе анекдоты я рассказываю, да нѣтъ, куда мнѣ; послушайте-на вотъ у меня Чернышева.

— Не мудрено, замѣтилъ какъ-то графъ Виттъ, ученики часто выходятъ лучше учителей.

Это начинало сердить Чернышева.

— Ваше превосходительство, говорилъ онъ, за что вы выдаете меня за болтуна передъ почтенными генералами; вы мнѣ вредите.

Но Полуэктовъ не слушалъ и продолжалъ забавляться.

Съ первой дневки на пути въ Модлинъ, Полуэктовъ ѣздилъ въ Варшаву вмѣстѣ съ Чернышевымъ, оба верхами; лошадь у Полуэктова какъ-то споткнулась, онъ потерялъ балансъ, свалился на тротуаръ и расшибъ себѣ лядвію; синее пятно сдѣлалось пребольшое. Полуэктовъ возвратился, легъ въ постель, и если кто къ нему приходилъ, онъ начиналъ охать.

— Что это вы охаете, Борисъ Владиміровичъ? спросилъ Фрейгангъ съ участіемъ.

— Да что, Петръ Ивановичъ, не стоитъ и говорить!

— Что такое?

— Да такъ, ты знаешь, я не люблю хвастать, пожалуй Богъ знаетъ что еще скажутъ, а славно задѣло....

— Гдѣ?

— Подъ Варшавой!

— Какъ! вы ранены?

— Не то чтобы раненъ, а контузія ядромъ на порядкахъ; думалъ что ничего, да нѣтъ плохо становится.

— Ахъ, Боже мой! покажите, пожалуйста!

Полуэктовъ съ таинственнымъ видомъ открывалъ лядвію и Фрейгангъ начиналъ еще болѣе охать.

— Да какъ было не упомянуть въ донесеніи о такой сильной контузіи?

— Не люблю, братецъ, Господь съ ними! Если захотятъ что либо дать, такъ и безъ контузіи дадутъ,—мы свое дѣло сдѣлали.

— Однако же.

Послѣ Фрейганга, Полуэктовъ также таинственно началъ показывать свою лядвію Чеодаеву, потомъ Бергу и Крейцу. Всѣ соглашались, что контузія сильная и удивлялись скромности Бориса Владиміровича. Но какъ-то разъ Полуэктовъ, забывшись, открылъ свою контузію графу Витту передъ Чернышевымъ.

— Да, ваше превосходительство, ловко вы хватились, сказалъ Чернышевъ.

— Вотъ онъ былъ свидѣтелемъ, скавалъ Полуэктовъ, чтобы скорѣе замять разговоръ.

— Да, мы поѣхали третьяго дня въ Варшаву, продолжалъ Чернышевъ.

— Какъ! прервалъ графъ Виттъ, такъ это не на штурмъ?

— На какомъ штурмъ? Борисъ Владиміровичъ третьяго дня просто свалился съ лошади на тротуаръ.

Виттъ расхохотался.

— Лжетъ! Ей Богу лжетъ! прервалъ Полуэктовъ, я тогда не ушибся, а это на штурмъ; онъ тогда не видалъ, точно не видалъ.

Но контузіи Полуэктова уже никто послѣ того не вѣрилъ.

Черезъ Бугъ былъ наведенъ понтонный мостъ нѣсколько выше впаденія Вкры. Войска наши перешли на правый берегъ Буга и Вкры и расположились противъ Модлина. Я ѣхалъ послѣдній переходъ къ Модлину въ бричкѣ Полуэктова, потому что очень ослабѣлъ, но подѣ Модлиномъ, не смотря на то, что мы стояли на бивакахъ, съ поправленіемъ погоды поправился, и я снова вступилъ въ свою должность. Въ это время вышли награды за штурмъ Варшавы главнымъ лицамъ: графъ Паскевичъ возведенъ въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости и съ прибавленіемъ титула Варшавскаго. Паленъ получилъ бриліантовые знаки на Андрея; князь Шаховскій, Толь, Виттъ и Крейцъ—Георгія 2-й степени, а Нейдгартъ и Горчаковъ—Георгія 3-й степени. Толь, считая себя обиженнымъ, просился изъ дѣйствующей арміи, Нейдгартъ также просился къ своему мѣсту; онъ считался генераль-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Величества. На мѣсто Толя представленъ князь Горчаковъ, на мѣсто Нейдгарта—Бергъ; но до полученія разрѣшенія изъ Петербурга и совершеннаго окончанія военныхъ дѣйствій, и Толь, и Нейдгартъ, оставались еще при своихъ должностяхъ въ дѣйствующей арміи.

Рыбинскій, не находя также возможности противостоятъ русскимъ, началъ снова переговоры, и Бергъ часто ѣздилъ въ Модлинъ съ порученіями.

Однажды, осматривая верки Модлина, фельдмаршалъ заѣхалъ къ намъ на биваки.

— Борисъ Владиміровичъ, спросилъ онъ, а на сколько дней у твоей дивизіи продовольствія?

— Будетъ достаточно, ваша свѣтлость.

— Говори опредѣлительнѣе, мнѣ нужно непремѣнно знать, замѣтилъ съ улыбкою Паскевичъ.

— Увѣряю вашу свѣтлость, будетъ достаточно.

— Да вотъ это, кажется, офицеръ состоитъ при генеральномъ штабѣ. Скажите-ка лучше вы, спросилъ фельдмаршалъ, обратясь ко мнѣ.

— На три дня, ваша свѣтлость, отвѣчалъ я.

— Послѣ нынѣшняго?

— Послѣ нынѣшняго.

— Ну, вотъ теперь я покоенъ, знаю, прибавилъ фельдмаршалъ, поѣхавъ прочь.

Главная крѣпость Модлинъ находилась на правомъ берегу Вислы, ниже впаденія Буга, и состояла изъ цитадели, построенной бастионнымъ фронтомъ и имѣющей каменную одежду, и самой крѣпости; крѣпость также хотя была расположена бастионнымъ фронтомъ съ рavelинами, но стѣны ея не имѣли каменной одежды. Правый берегъ Вислы значительно командовалъ лѣвымъ берегомъ. На лѣвомъ берегу Вислы находился сильный тетъ-де-понъ, имѣющій видъ контръ-гарда съ редюитомъ, и между Бугомъ и Вислою, выше ихъ сліянія, другой тетъ-де-понъ. Въ оба тетъ-де-пона перекинуты были изъ крѣпости мосты. Это давало возможность непріятелю, владѣя такимъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, какъ Модлинъ, дѣйствовать по обоимъ берегамъ Вислы и Буга съ одинаковымъ удобствомъ и появляться тамъ, гдѣ его менѣе ожидали. Слѣдовательно, взятіе Модлина было необходимою, чтобы лишить поляковъ свободы въ дѣйствіяхъ и заставить ихъ принять бой въ открытомъ полѣ. Князь Шаховскій назначенъ былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ русскихъ войскъ, блокирующихъ Модлинъ. Гурко оставался за начальника штаба, а должность генераль-квартирмейстера поручено исправлять оберъ-квартирмейстеру 2-го корпуса генераль-маіору Ренненкампу. Корпусъ Палена расположенъ былъ на лѣвомъ берегу Вислы; часть войскъ Витта—по правому берегу Вислы и на лѣвомъ Буга, противъ другаго тетъ-де-пона; а гренадерскій и 2-й пѣхотные корпуса—на правомъ берегу Вислы, противъ самой крѣпости. Но для того, чтобы хотя нѣсколько лишить непріятеля возможности, сдѣлавъ сильную вылазку въ одномъ какомъ либо пунктѣ, нанести нашимъ войскамъ, раздѣленнымъ между собою Бугомъ и Вислою, поражение по частямъ, по распоряженію фельдмаршала устроены были понтонные мосты какъ на Бугѣ, выше впаденія Вкры, такъ и черезъ Вислу, верстахъ въ пяти выше Модлина. Это значительно облегчало сообщеніе русскихъ войскъ между собою, но длинный понтонный мостъ черезъ Вислу трудно было сдерживать; отъ быстроты теченія онъ образовалъ собою дугу и, нерѣдко разрываясь, прекра-

щаль сообщеніе на нѣсколько часовъ. Войска, находившіяся противъ главной крѣпости, какъ для того, чтобы не растянуть ихъ на значительное разстояніе и не дать чрезъ то возможности непріятелю, при сильной вылазкѣ, разорвать ихъ на двѣ части, такъ и для того, чтобы оставить польской арміи свободный выходъ изъ крѣпости и не поставить ее въ необходимость удерживать Модлинъ до послѣдней крайности, были расположены генераломъ Ренненкампомъ такимъ образомъ, что не совершенно примыкали къ Вислѣ ниже Модлина. Гурко находилъ подобное расположеніе войскъ невыгоднымъ, но пріѣхавшій во время его спора съ Ренненкампомъ Толь принялъ мнѣніе Ренненкампа.

Модлинъ представлялъ собою большія препятствія для русской арміи и замедлялъ окончаніе кампаніи. Чтобы брать его правильною осадю, надобно было ожидать прибытія осадной артилеріи изъ Россіи, а между тѣмъ поляки снова ободрились бы, усилили свои войска, настала бы глубокая осень и осада сопряжена бы была съ большими потерями, и не могла еще обѣщать вѣрныхъ успѣховъ. Если брать штурмомъ, надобно бы было направить главную атаку на самую крѣпость, потому что взятіе тетъ-де-поновъ ни къ чему бы не повело и войска, занявшія ихъ, снова были бы вытѣснены огнемъ изъ крѣпости; но подобная крѣпость, при такомъ сильномъ гарнизонѣ, могла бы представить такое сопротивленіе, которое трудно было и преодолѣть, и успѣхъ былъ бы подверженъ еще большому сомнѣнію. Поэтому Паскевичъ медлилъ предпринимать что либо рѣшительное, основывая свое выжиданіе на томъ, что можетъ быть успѣтъ окончить дѣло переговорами, или что недостатокъ въ продовольствіи и въ особенности въ фуражѣ для кавалеріи заставятъ главнокомандующаго польскою арміею принять какія либо мѣры къ спасенію своихъ войскъ и искать выхода изъ крѣпости. Но въ то время, когда переговоры, казалось, принимали самое благопріятное для насъ направленіе и когда, сѣзжаясь на аванпостахъ съ польскими офицерами и разговаривая съ ними, мы болѣе и болѣе убѣждались, что духъ польской арміи ослабѣлъ со взятіемъ Варшавы, и польскіе офицеры прямо говорили, что продолженіе войны невозможно, и что высшее ихъ начальство питаетъ себя напрасными надеждами, вдругъ произошла перемѣна. Рыбинскій, не находя средствъ оставаться долѣе въ Модлинѣ, предположилъ: 1) оставить въ Модлинѣ до 4,000 гарнизона, выдти ночью съ главными силами и направиться къ Плоцку, перейти тамъ на лѣвый берегъ Вислы и двинуться въ калишское воеводство, богатое продовольствіемъ, неопустошенное войною и жители котораго питали болѣе другихъ непріязни къ русскимъ и 2) держаться въ калишскомъ воеводствѣ до того времени, пока французы

не пришло бы ожидаемой помощи, или, по крайней мѣрѣ, до зимы, когда русскія войска, съ наступленіемъ холодовъ, должны будутъ расположиться по квартирамъ, и тогда открыть малую войну, разбивать русскія войска по частямъ, возвысить чрезъ это нравственную силу своихъ войскъ, усилиться наборами, и съ открытіемъ весны начать новую кампанію. Планъ прекрасный, почти единственный, на который можно было рѣшиться польской арміи, желающей еще сопротивляться, но для успѣха его надобно было, чтобы русскій главнокомандующій уснулъ на своихъ лаврахъ и утратилъ всякую энергію, но, къ несчастію поляковъ— этого не случилось.

Въ ночь съ 13-го на 14-е сентября Рыбинскій, оставивъ въ Модлинѣ гарнизонъ, съ большою тишиною вышелъ изъ крѣпости къ сторонѣ Закрочима и двинулся къ Плоцку; князь узналъ объ этомъ только по утру, и не имѣя на этотъ случай никакого опредѣлительнаго приказанія, послалъ донесеніе фельдмаршалу и ограничился тѣмъ, что поставилъ часть войска между Модлиномъ и Закрочимомъ, чтобы не позволить Рыбинскому снова возвратиться въ Модлинъ. Паскевичъ, получивъ донесеніе, немедленно же сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) корпусу Палена приказалъ двинуться форсированными маршами внизъ по лѣвому берегу Вислы, чтобы не позволить польской арміи совершить переправу на лѣвый берегъ Вислы гдѣ бы то ни было. 2) Корпусу Крейца, 1-й и 2-й гренадерскимъ дивизіямъ и гвардейскому корпусу направиться къ Плоцку, чтобы настигнуть Рыбинскаго и нанести ему окончательное пораженіе. Для этого гвардейскій корпусъ немедленно же долженъ былъ выступить изъ Варшавы и, слѣдуя по правому берегу Вислы, соединиться подъ Модлиномъ съ княземъ Шаховскимъ и Крейцомъ. 3) Для наблюденія и обложенія Модлина оставлены войска Витта и гренадеры Муравьева, и 4) для содержанія въ Варшавѣ гарнизона назначались полки бывшей гвардіи Цесаревича, дивизія Набокова и гвардейская легкая кавалерійская дивизія.

Подъ Модлиномъ мы простояли однакоже еще два дня, по выступленіи Рыбинскаго, и потомъ, послѣвъ въ одинъ переходъ къ Плонску, остановились снова на дневкѣ, вѣроятно для того, чтобы выждать присоединенія гвардіи. Между тѣмъ, Паленъ двигался съ неимоверною быстротою внизъ по Вислѣ. Поляки навели выше Плоцка повтонный мостъ и начали было уже переправу на лѣвый берегъ, когда показался авангардъ Палена, при которомъ находился и самъ Паленъ. Онъ тотчасъ же, не выжидая прибытія всего своего корпуса, атаковалъ авангардомъ переправившуюся часть, опрокинулъ ее, вслѣдъ за нею перешелъ мостъ и поддержанный потомъ корпусомъ, занялъ Плоцкъ, отбро-

силъ оттуда Рыбинскаго и овладѣлъ всѣми понтонами, находившимися въ польской арміи. Все это было совершено съ удивительною быстротою и рѣшительностью. Палень понималъ, что быстрота и рѣшительность, при разстроенномъ духѣ польской арміи, можетъ быть самымъ лучшимъ залогомъ успѣха, и расчетъ его оправдался. Палень постоянно находился при главной арміи, съ своимъ корпусомъ, потому ли, что его присутствіе считали тамъ нужнымъ; здѣсь былъ единственный случай во всей кампаніи, гдѣ онъ дѣйствовалъ отдѣльно и доказалъ, что, сверхъ хладнокровія и распорядительности, онъ обладалъ и другими качествами, необходимыми въ хорошемъ генералѣ—быстротою и рѣшительностью. Дѣйствія Палена разрушили весь планъ Рыбинскаго, положеніе его было опасно: съ фронта за нимъ слѣдовалъ Палень, съ фланга гровили ему главныя силы русской арміи, и потому онъ, въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, прибѣгнулъ къ послѣднему средству: двинуться форсированными маршами, обойти съ праваго фланга русскую армію, пробраться въ Литву и, скрывшись въ лѣсахъ Полѣсья, возжечь снова войну въ этой странѣ. Успѣхи литовскихъ инсургентовъ, и въ особенности войскъ Гелгуда, питали еще Рыбинскаго надеждою, что онъ найдетъ тамъ убѣжище и средства для продовольствованія своей арміи. Но Паскевичъ уже не медлилъ. Палень двинулся на Бѣльскъ, а Крейцъ, гвардія и гренадеры направлены на Раціонжскъ. Рыбинскій долженъ былъ поверотить на Сіерпцкъ, все еще не теряя надежды пробраться мимо русскихъ войскъ, такъ что 18-го сентября, когда Рыбинскій былъ уже въ Сіерпцкѣ, главныя силы русской арміи находились въ Раціонжскѣ, а корпусъ Палена въ Бѣльскѣ. 19-го сентября, Рыбинскій двинулся на Безунь, Палень вслѣдъ за нимъ на Сіерпцкъ, гренадеры и гвардія также на Сіерпцкъ, а корпусъ Крейца направленъ нѣсколько правѣе на Раджановъ. Въ Сіерпцкѣ главнокомандующій ожидалъ, кажется, сраженія и думалъ, что Рыбинскій приметъ тамъ бой, но когда мы приблизились къ Сіерпцу, Палень уже его прошелъ и направился за Рыбинскимъ къ Безуну. Тогда фельдмаршалъ, видя, что Рыбинскій уже не укроется отъ преслѣдованія, рѣшился дать гренадерамъ и гвардіи въ Сіерпцкѣ дневку.

Я занялъ биваки для гренадеровъ, на правомъ берегу рѣчки Вкры, въ верстѣ выше Сіерпца, на яровомъ полѣ и поѣхалъ искать домика, гдѣ бы расположиться дивизионному штабу. Въ самомъ мѣстечкѣ все было занято, тамъ помѣщались: главная квартпра, корпусныя квартиры гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, но на краю мѣстечка я увидѣлъ прекрасный домикъ съ садомъ и цвѣтникомъ; на балконѣ стоялъ мущина лѣтъ 50, въ сюртукѣ.

— Занять подъ постой этотъ домъ? спросилъ я.

— Нѣтъ.

Я вошелъ на балконъ и написалъ мѣломъ: «штабъ 2-й гренадерской дивизіи».

— Милостивый государь! сказалъ мнѣ незнакомецъ учтиво, мой домъ свободенъ отъ постоя.

— Теперь никто не свободенъ отъ постоя, а генералу вовсе не весело проводить сентябрскія ночи на бивакахъ.

— Вѣрю, и я съ удовольствіемъ готовъ принять у себя и васъ, и вашего генерала, но для чего же вы не спросили сначала меня, какъ хозяина дома? Если бы я отказался, тогда другое дѣло, вы имѣли бы право поступить со мною какъ съ мѣщаниномъ или жидомъ.

— Извините, я былъ увѣренъ въ вашемъ отказѣ!

— Признайтесь лучше, что побѣдители всегда немного жестко обращаются съ побѣжденными. Но пойдѣте, вамъ нужно съ дороги и отдохнуть и позавтракать.

Онъ ввелъ меня въ обширный кабинетъ, прекрасно меблированный, обставленный шкапами съ книгами и разными моделями и инструментами, отрекомендовалъ мнѣ своего сына, молодаго человѣка лѣтъ 22, сидѣвшаго за богатою роялью, приказалъ подать завтракъ и, спросивъ у меня фамилію генерала, послалъ своего человѣка на биваки, чтобы пригласить Полуэктова; намъ подали сытный завтракъ.

— Да, продолжалъ мой хозяинъ, вы сами, господа, виноваты, начиная съ Дибича до послѣдняго солдата, что поселили къ себѣ недоброжелательство въ полякахъ..... Вотъ хоть и теперь, когда война почти уже кончена, для чего вы лишаете бѣдныхъ крестьянъ пропитанія и ставите ваши войска на яровомъ хлѣбѣ, который только что приготовлялись жать, когда вы могли расположить войска на ржаномъ жнивѣ. Знаю, что вы хотите доставить солдатамъ картофель, а лошадямъ готовый фуражъ, но подобная цѣль не оправдываетъ дѣйствія.

— Эти биваки избраны съ военною цѣлью, замѣтилъ я серьезно, не желая сознаться въ истинѣ его словъ.

— Помилуйте! какая военная цѣль! сраженія вы ожидать здѣсь не могли. Придя въ Сіерпцъ, вы уже знали, что Рыбинскій отступилъ, а Палень направился за нимъ къ Безуну. А если бы васъ здѣсь и атаковали, то имѣть въ тылу рѣку слишкомъ невыгодно.

— Вы служили? спросилъ я, и вѣроятно въ военной службѣ?

— Да, я въ испанской арміи Наполеона служилъ генераль-квартирмейстеромъ; слѣдовательно, по вашей же части.

Мнѣ стало досадно на себя, что я думалъ обмануть наполеоновскаго

генерала, но чтобы не остаться въ положеніи школьника, незнающаго урокъ передъ учителемъ, я продолжалъ разговоръ.

— Вы служили и въ настоящую польскую войну?

— Сначала нѣтъ; я не имѣлъ ничего противъ Россіи, живалъ даже въ Петербургѣ и думалъ остаться тамъ навсегда, но обстоятельства перемѣнились, я поселился здѣсь, и когда война разлилась и вы начали лишать жителей послѣдняго имущества, я счелъ обязанностію защищать своихъ соотечественниковъ и поступилъ на службу послѣ Гроховскаго сраженія.

— Гдѣ вы дѣйствовали?

— Я командовалъ войсками на лѣвомъ берегу Вислы противъ Плоцка, когда вы тамъ стояли, чтобы сдѣлать демонстрацію. Но послѣ взятія Варшавы, или лучше сказать послѣ второй революціи въ Варшавѣ и смѣны Скржинецкаго, я увѣрился, что поляки не въ силахъ учредить у себя прочнаго правленія, и что вся эта борьба ни къ чему не поведетъ; я оставилъ ряды войскъ и возвратился домой, чтобы кончить свою жизнь мирнымъ гражданномъ.

Приѣхалъ Полуэктовъ; панъ, къ сожалѣнію я забылъ его фамилію, угостилъ насъ прекраснымъ обѣдомъ, и такъ какъ на завтра была дневка, то мы пировали у него на другой день. Человѣкъ онъ былъ богатый, шампанскаго не жалѣлъ и Полуэктовъ, сдѣлавшись ему пріятелемъ, далъ слово и на обратномъ пути непременно у него остановиться.

21-го сентября мы снова выступили и пошли на Безунъ; Рыбинскій, не видя уже возможности исполнить свое намѣреніе (главныя силы русской арміи шли за нимъ по слѣдамъ, Паленъ охватывалъ правый флангъ, Крейцъ — лѣвый), поворотилъ на Халикъ и прибѣгнувъ уже къ самой послѣдней мѣрѣ, удалиться въ Пруссію, и такъ какъ прусское правительство не позволяло вступить въ ея предѣлы съ оружіемъ, то сложить оружіе на границѣ и перейти безоружнымъ. Паскевичъ понялъ это намѣреніе и хотѣлъ, не допустивъ его до границъ Пруссіи, нанести ему рѣшительное пораженіе и дать средство отличиться гвардіи, изъ которой 1-я гвардейская пѣхотная и 1-я кирасирская дивизіи вовсе не были въ дѣлѣ. Для этого приказано Палену не спешкомъ тѣснить Рыбинскаго, а гвардія и гренадеры направлены форсированнымъ маршемъ до Шренска. . . . .

Проведя въ Шренскѣ ночь на бивакахъ, мы съ раннимъ разсвѣтомъ двинулись прямо къ прусской границѣ. Фельдмаршалъ съ первыми лицами главной квартиры ѣхалъ впереди 2-й Гренадерской дивизіи, раздвинутой по сторонамъ дороги, а по самой дорогѣ слѣдовала гвар-

дія. Паскевичъ былъ веселъ и поздравлялъ гвардію съ боемъ. Но черезъ часъ послѣ нашего выступленія начали раздаваться влѣво пушечные выстрѣлы: «Скорѣе, скорѣе», говорилъ Паскевичъ, «непріятель уже наступитъ Паленомъ», и войска увеличивали шагъ. Но выстрѣлы рѣже, рѣже и утихли. Паскевичъ смотрѣлъ во всѣ стороны съ недоумѣніемъ. Но вотъ поднялась по дорогѣ пыль, кто-то скачетъ, и офицеръ генеральнаго штаба остановился передъ фельдмаршаломъ.

— Что вы? спросилъ скоро Паскевичъ.

— Графъ Паленъ приказалъ доложить вашей свѣтлости, что остатки непріятеля имъ опрокинуты и вся польская армія складывается на границѣ оружіе и переходитъ въ Пруссію.

— Да кто же велѣлъ графу Палену такъ быстро преслѣдовать? вскричалъ въ первомъ порывѣ фельдмаршалъ. Я наказывалъ ему, что буду самъ. Но потомъ, какъ будто придя въ себя, приказалъ войскамъ кричать «ура!»

Мы невольно при этомъ улыбнулись, а потомъ также подсадовали, что не удалось хотъ проводить польскую армію какъ слѣдуетъ.

Фельдмаршалъ приказалъ войскамъ остановиться и расположиться на бивакахъ, прибавя: «пока отдыхъ, война кажется кончилась», и поѣхалъ въ корпусъ Палена.....

На бивакахъ близъ границъ Пруссіи мы имѣли двѣ дневки, пока вся польская армія сложила оружіе и перешла границу. Тяжело было смотрѣть на польскія войска, съ какою грустію офицеры и солдаты переходили границу. Пѣхота бросала свою амуницію и ружья, кавалеристы оставляли лошадей, артиллеристы орудія. Жиды, собравшіеся изъ окрестныхъ мѣстечекъ, продавали уже статское платье; многіе поляки снимали мундиры, надѣвали статское платье и, взглянувъ еще разъ на родную страну, ими навсегда покидаемую, шли отъ границы и скрывались изъ виду.

Дивизионный штабъ расположился въ небольшомъ господскомъ домикѣ изъ четырехъ комнатъ: двѣ были по одну сторону сѣней и двѣ по другую. Хозяйка была лѣтъ 22-хъ и очень недурна собою; мужъ ея, служившій капитаномъ въ польской арміи, перешелъ границу, но она, кажется, не очень о немъ тосковала. Полуэктовъ началъ ее увѣрять, что я дѣвушка, но только въ офицерскомъ мундирѣ; Фрейгангъ говорилъ, что она похожа на его жену, Вѣру Михайловну, и хотѣлъ непременно за нею волочиться.....

Армія двинулась обратно чрезъ Шренскъ, Сіерницъ, Плоцкъ и Новомясто къ Модлину, совершивъ этотъ маршъ въ шесть дней безъ дневокъ. Время наступало холодное, листья съ деревьевъ опадали, войска

прибывали на ночлеги ночью, и стоило большого труда, посреди бивачныхъ огней другихъ войскъ, прежде расположившихся, отыскивать свои мѣста. Дивизионный штабъ помѣщался постоянно на квартирахъ. Въ Шренскѣ мнѣ приказано было принять позицію отъ генерала Ренненкампа. «Вы расположите ваши войска», сказалъ онъ, когда я встрѣтился съ нимъ, «за этимъ лѣскомъ. Гдѣ ходитъ бѣлая корова, тамъ правый флангъ, гдѣ черная, тамъ лѣвый». Я сначала не понялъ этого приказанія, развѣ коровы будутъ стоять на мѣстѣ и дожидаться, но потомъ догадался, что это значило: поставьте, какъ хотите, теперь все равно. Полуэктовъ и Угрюмовъ досадовали, что не получили до сего времени еще ничего. «Хвалить, хвалить гренадеровъ, говорили они, а что мы съ тобой получили? ровно ничего». Въ Сіерпцкѣ мы снова остановились у стараго наполеоновскаго генерала. Полуэктовъ опять повторилъ ту же шутку съ паньей и паненками, которую придумалъ на границѣ Пруссіи, но она только оживила нашу вечернюю бесѣду. Въ Новомясто мы провели вечеръ не скучно у одного пана, у котораго были двѣ хорошенькія дочки, и такъ какъ уже тогда переставали смотрѣть на русскихъ, какъ на враговъ, то собрались къ нему и другія паненки, и мы танцовали и рѣзвились подъ фортепіано. Плечу моему стало лучше, хотя я все еще носилъ руку на повязкѣ. Пароксизмы были рѣдки и слабы.

Въ Новомясто дошло до насъ извѣстіе, что модлинскій гарнизонъ, блокируемый Виттомъ и нуждающійся въ продовольствіи, узнавъ о томъ, что польская армія перешла въ Пруссію, открылъ съ Виттомъ переговоры и просилъ его выпустить съ оружіемъ. Виттъ не согласился и гарнизонъ сдалъ Модлинъ и положилъ оружіе. Это было пріятною для насъ вѣстію; штурмы и осады намъ не нравились.

Изъ Новомясто дивизія направлена прямо на переправу черезъ Нижній Бугъ, чтобы ночевать за самою переправою. Полуэктовъ предложилъ Чернышеву и мнѣ отправиться въ Модлинъ и осмотрѣть крѣпость. Я было затруднился, что некому будетъ идти съ дивизіей и расположить ее.

— Что это, золотой мой, прервалъ Полуэктовъ, да развѣ теперь военное время? сами дойдутъ и станутъ. Я попрошу Михаила Ивановича Чеодаева распорядиться. Слава Богу — война кончена! Вѣдь не пошлютъ же еще гренадеровъ братъ Замосць.

Я согласился. Рано поутру мы поѣхали втроемъ верхами, а за нами Полуэктова бричка. День былъ прекрасный. Мы ѣхали тихо, мирно; на дорогѣ намъ попадалось множество польскихъ солдатъ, вышедшихъ изъ Модлина. Лица ихъ были истощенныя, худыя, угрюмыя, и они говорили, что послѣднее время терпѣли большой голодь. Приѣхавъ

въ Модлинѣ, мы осмотрѣли всѣ его верки. Крѣпостной валъ былъ слабъ, и странно, вовсе не былъ приготовленъ къ упорной оборонѣ; артилеріи было немного, большая ея часть перевезена въ Варшаву для обороны укрѣпленій и досталась въ наши руки. Но цитадель была чрезвычайно сильна, мѣстность ея удивительная; такъ что Модлинъ, по мѣстному своему положенію, въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніяхъ, принадлежитъ къ самымъ первокласснымъ крѣпостямъ Европы; и признаюсь, мы отъ души порадовались, что намъ не пришлось брать его штурмомъ. Самый городъ Модлинъ, находящійся въ цитадели, не великъ, но довольно красивъ. Осмотрѣвъ всю крѣпость, мы отправились въ ресторацію обѣдать. Полуэктовъ заказывалъ обѣдъ самъ и такой роскошный, какой только можно было найти въ Модлинѣ; онъ спросилъ двѣ бутылки шампанскаго и, въ ожиданіи обѣда, игралъ съ нами на биліардѣ. Послѣ обѣда мы съ Чернышевымъ условились не платить денегъ за Полуэктова, зная, что онъ никогда ихъ не возвращаетъ.

— Что стоитъ обѣдъ съ шампанскимъ? спросилъ Полуэктовъ у слуги.

— Шесть червонцевъ, ваше превосходительство.

— Со всѣхъ?

— Съ троихъ, ваше превосходительство.

— Хорошо, славно! Это очень не дорого.

Мы съ Чернышевымъ положили на столъ по два червонца.

— Заплатите, золотые мои, и за меня, сказалъ Полуэктовъ, я вамъ отдамъ.

— У меня нѣтъ, отвѣчалъ Чернышевъ.

— Ну, ты Нееловъ.

— И у меня нѣтъ.

— Сдѣлайте одолженіе! я съ собой ни копѣйки не взялъ.

Не знаю, были ли деньги у Чернышева, но у меня, дѣйствительно, не было, и мы отказались рѣшительно. Полуэктовъ досадовалъ, увѣрялъ трактирнаго слугу, что обѣдъ никуда не годится, и что для него слишкомъ достаточно и четырехъ червонцевъ; во видя, что слуга не внимаетъ никакимъ убѣжденіямъ, заплатилъ. Мы выѣхали изъ Модлина, прибыли вечеромъ на биваки дивизіи и на завтра переправились по понтонному мосту на лѣвый берегъ Вислы выше Модлина, и двинулись мимо Варшавы къ Пясечно. Близъ шоссе изъ Блоніи на Варшаву, войска снова ночевали на бивакахъ. Гурко поручилъ мнѣ расположить здѣсь вмѣстѣ со 2-ю гренадерскою дивизіей и три гренадерскихъ полка Муравьева, которые съ этого времени поступили уже въ составъ гренадерскаго корпуса. Это мнѣ доставило случай познако-

миться съ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, который, по слухамъ, вполне обнаружилъ свои военные дарованія въ польской кампаніи. На утро мы слѣдовали къ Пясечно. Корпусная квартира заняла Пясечно, корпусъ расположился въ окрестностяхъ Пясечно, а дивизионный штабъ 2-й гренадерской дивизіи на мызѣ Голкова, у барона Дангеля.

Движеніемъ къ Модлину, быстрымъ оттуда маршемъ на прусскую границу и возвращеніемъ къ Варшавѣ заключились дѣйствія главныхъ силъ русской арміи въ польскую войну.

Между тѣмъ оканчивались дѣйствія и на другихъ театрахъ войны. Въ Литвѣ и Волыни возстановлено совершенное спокойствіе; графъ Сакенъ и графъ Толстой, по предложенію Паскевича, послали части войскъ изъ своихъ армій на усиленіе Ридигера и Кайсарова для дѣйствія противъ Ромарино. Сакенъ поручилъ свои войска Красовскому, Толстой — Клейнмихелю; сами же остались въ Волыни и Литвѣ, потому что всѣ войска, дѣйствующія въ предѣлахъ Царства Польскаго, подчинялись Паскевичу. Клейнмихель остался съ приведенными имъ войсками и частью войскъ Кайсарова для блокированія Замосца, а Красовскій и Ридигеръ обратились противъ Ромарино, оттѣсненнаго уже къ югу. Крѣпость Замосць, окруженная болотами, легко блокируется, но совершенно неприступна для правильной осады или штурма, но Клейнмихель, не слушая ничьихъ убѣжденій, готовился къ осадѣ, Красовскій и Ридигеръ постоянно тѣснили Ромарино, перебрасывали его съ одного берега Вислы на другой и прижали къ Кракову. Красовскій дѣйствовалъ смѣло, быстро и рѣшительно, умѣлъ привязать къ себѣ войска, солдаты его боготворили и каждый вечеръ качали на рукахъ съ пѣснями: «мы тебя любимъ сердечно, будь ты начальникомъ вѣчно». На этомъ застали ихъ извѣстія о переходѣ главной польской арміи въ Пруссію и о сдачѣ Модлина. Замосць также сдался, къ досадѣ Клейнмихеля и къ удовольствію его войскъ, а Красовскій и Ридигеръ заняли Краковъ и заставили Ромарино положить оружіе на границѣ и перейти въ Австрію. Говорятъ, что Ромарино предлагалъ условія, но Красовскій, не отвѣчая на слова его посланнымъ, приказывалъ въ это время солдатамъ себя качать и громче пѣть. Ромарино предложилъ послѣднее условіе, Красовскій приказалъ остановиться солдатамъ, и согласился. Итакъ, взытіе Варшавы, можно сказать, рѣшило участь польской войны окончательно. Всѣ послѣдующія затѣмъ дѣйствія не представляли уже упорнаго сопротивленія со стороны поляковъ, но, тѣмъ не менѣе, надобно было большое искусство, чтобы съ такою поспѣшностію окончить всю войну и не дать ей разгорѣться снова. Беагъ

сомнѣнія, соображенія Паскевича въ этомъ періодѣ были прекрасны, онъ искусно направилъ корпусъ Палена по лѣвому берегу Вислы къ Плоцку, не позволилъ чрезъ это перенести войну въ Калишское воеводство, быстрымъ движеніемъ и благоразумнымъ направленіемъ своихъ главныхъ силъ, отнялъ возможность у Рыбинскаго пробраться въ Литву. Конечно, если бы не было такого исполнителя этихъ соображеній, какъ Паленъ 1-й, то война могла бы и при этомъ принять другой оборотъ. Дѣйствія въ Литвѣ и на югѣ Царства Польскаго вполнѣ зависѣли отъ дѣйствій главной арміи. Покорена Варшава и Литва успокоилась; исчезла главная польская армія, сдались Модлинъ, Замосць и Ромарино положили оружіе.
